АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Том 15, № 1
2021
DOI: 10.21202/1993-047X.2021.1

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 16+

ISSN 1993-047X (Print)
ISSN 2410-0390 (Online)

DOI: 10.21202/APEL.1993-047X
Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главные редакторы:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)
Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской аадемии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Тихомиров Ю. А., доктор юридических наук, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Заместители главных редакторов:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, **куратор направления «Монетарная теория и цифровые финансы»** (г. Москва, Россия)
Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, **куратор направления юридических наук** (г. Казань, Россия)
Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, **куратор направления экономических наук** (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)
Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)
Голиченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Оренбург, Россия)
Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Лазарев В. В., главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МПОА) (г. Москва, Россия)
Макарова О. А., доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)
Мальгин В. А., доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (г. Казань, Россия)
Марченко М. Н., доктор юридических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва, Россия)
Нуреев Р. М., доктор экономических наук, профессор, глава департамента экономической теории в Финансовом университете при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)
Тарасенко О. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)
Шаймиева Э. Ш., доктор экономических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (г. Казань, Россия)
Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)
Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)
Апосталакис А., доктор экономики, профессор Технологического образовательного института Крита (г. Ираклион, Греция)
Джеффри Ш., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)
Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)
Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)
Мешко Г., профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в FCJS Университета в Мариборе; президент Европейской ассоциации криминологов (ESC) (г. Марибор, Словения)
Рубин Э. Л., профессор права и политологии Школы права Университета Вандербильта (г. Нешвилл, шт. Теннесси, США)
Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)
Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, проректор по научной работе Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, председатель Союза криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)
Фидрмук Д., профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель и издатель –
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова»

Адрес редакции:
420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59
E-mail: apel@ieml.ru
Сайт: apel.ieml.ru

Журнал включен в Перечень ВАК по группе специальностей 08.00.00 – экономические науки

Индексируется в EBSCO, ERICH PLUS, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал
по Объединенному каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:
Г. Я. Дарчинова

Редактор:
Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:
С. А. Каримова

Дизайн обложки:
Е. Н. Морозова

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков РТ
Е. Н. Беляева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационное свидетельство:
ПИ № ФС77-67150 от 16 сентября 2016 г.

Территория распространения:
Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 24,0. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 25.02.2021. Заказ № 22
Дата выхода в свет 29.03.2021
Цена свободная

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирясова», ООО ТЦО «Таглимат», 2020

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое.
При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.
Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS AND LAW

Vol. 15, No. 1
2021
DOI: 10.21202/1993-047X.2021.1

SCIENTIFIC JOURNAL 16+

ISSN 1993-047X (Print)
ISSN 2410-0390 (Online)

DOI: 10.21202/APEL.1993-047X
Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Co-editors-in-Chief:

Bikeev I. I., Vice Editor-in-Chief, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work, Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)
Kleyner G. B., Doctor of Economics, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Tihomirov Yu. A., Doctor of Law, Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation (Moscow, Russia)

Deputies of the Co-editors-in-Chief:

Andryushin S. A., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, **supervisor of Monetary theory and Digital finance section** (Moscow, Russia)
Kabanov P. A., Doctor of Law, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Law section** (Kazan, Russia)
Kramin T. V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Economic section** (Kazan, Russia)

Executive secretary:

Grigoryev R. A., Ph.D. Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Baranov V. M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)
Volchik V. V., Doctor of Economics, Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
Gilinskiy Ya. I., Doctor of Law, Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, Russia)
Golichenko O. G., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Efimtseva T. V., Doctor of Law, Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (MSYuA) (Orenburg, Russia)
Kachalov R. M., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Lazarev V. V., Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Latov Yu. V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Lipen S.V. Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Makarova O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Saint Petersburg University (Saint-Petersburg, Russia)
Malgin V. A., Doctor of Economics, Professor, Honoured worker of science (Kazan, Russia)
Marchenko M. N., Doctor of Law, Professor, Chairholder, Chair of Theory of State and Law and Political Science, Meritorious Scientist of the Russian Federation of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Nureev R. M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of "Macroeconomics" of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Tarasenko O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Shafirov V. M. Doctor of Law, Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Shaimiyeva E. Sh., Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Management of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
Shestakov D. A., Doctor of Law, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)
Shinkevich A. I., Doctor of Economics, Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

Alm J., Professor and Chair Department of Economics University Tulane (New Orleans, USA)
Apostolakis A., Assistant Professor Technological Educational Institute of Crete (Irákleion, Greece)
Jaffry Sh., PhD of Economics, Professor, University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)
Kamenkov V. S., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Head of Department of Belorusian State University (Minsk, Belorus Republic)
Kury H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Freiburg (Frieburg, Germany)
Meško G., Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)
Rubin E. L., Professor of Law and Political Science, Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)
Serrano-Maillo A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Education a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)
Turetskiy N. N., Doctor of Law, Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)
Fidrmuc Ja., Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The founder and publisher – Private educational establishment of higher education «Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov»

Editors Office's address:
420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,
Fax: 292-61-59
E-mail: apel@ieml.ru
Site: apel.ieml.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties 08.00.00 – Economic Sciences

The Journal is indexed in EBSCO, ERICH PLUS, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal through the United Catalogue «Press of Russia»

Our index – 86303

Responsible for issue:
G. Ya. Darchinova

Editor:
G. A. Tarasova

Computer lead out:
S. A. Karimova

Cover design:
E. N. Morozova

Translator:
PhD (Pedagogics),
member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration certificate:
PI № ФС77-67150 of September 16, 2016.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60×84/8. Printing sheets: 24,0. Circulation 1000 copies
Signed for printing 25.02.2021. Order № 22
Date of publishing 29.03.2021
Free price

© PEE HE «KIU named after V.G. Timiryasov», Tatar Educational Center «Taglimat» Ltd., 2020

Printed at printing house «Vestfalika» LLC:
420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind.
When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.
The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

СОДЕРЖАНИЕ

5

АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Макарова О. А., Макаров А. Д. Состояние и перспективы развития цифрового законодательства 5

15

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Аркадьева О. Г., Березина Н. В. Влияние «ядра» доходов региональных бюджетов на стрессоустойчивость социально-экономических подсистем 15

Батьковский А. М., Батьковский М. А., Хрусталев Е. Ю. Оценка научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, обеспечивающих диверсификацию производства 31

Раев А. М. Состояние и проблемы законодательного регулирования оборота и потребления никотинсодержащей продукции 43

54

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

Андрюшин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства 54

Андрюшин С. А. Обзор заседания постоянно действующего семинара Института экономики РАН «Цифровые финансы» 77

85

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Лазарев В. В. Инновационная деятельность суда 85

CONTENTS

5

ASPECTS OF DIGITAL ECONOMY

Makarova O. A., Makarov A. D. Status and prospects of digital legislation development 5

15

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

Arkadeva O. G., Berezina N. V. Impact of the “core” incomes of the regional budgets on the resilience of social-economic subsystems 15

Batkovskiy A. M., Batkovskiy M. A., Khrustalev E. Iu. Evaluation of scientific research and development works providing diversification of production 31

Raev A. M. Status and problems of legislative regulation of circulation and consumption of nicotine-containing goods 43

54

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Andryushin S. A. Digital currency of the central bank as the third form of money of the state 54

Andryushin S. A. Review of the “Digital finance” permanent seminar session of the Institute of Economics (the Russian Academy of Sciences) 77

85

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Lazarev. V. V. Innovative activity of a court 85

94

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Кобец П. Н. Международное сотрудничество «Группы двадцати» по предупреждению коррупции: диалектика развития 94

106

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

Мэтьюз К. Использование гибридного критерия ценных бумаг для борьбы с финансовыми пирамидами 106

Рейес К. Л. (Не)корпоративное криптоуправление.....135

174

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Баженова Е. Ю. Интеллект и интеллектуальные практики в цифровизирующемся мире: обзор Пятой международной научной конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2020» 174

187

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

189

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

94

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

P. N. Kobets. International cooperation of G20 in preventing corruption: dialectics of development..... 94

106

TRANSLATED ARTICLES

Matthews C. Using a hybrid securities test to tackle the problem of pyramid fraud.....106

Reyes C. L. (Un)corporate crypto-governance 136

174

REVIEWS OF CONFERENCES

Bazhenova E. Yu. Intellect and intellectual practices in the digitalized world: review of the 5th International scientific conference “Interdisciplinarity in the modern social-humanitarian knowledge – 2020” 174

187

INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

189

RULES FOR THE AUTHORS

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ / ASPECTS OF DIGITAL ECONOMY

УДК 34:338.2:004 **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.5-14**

Научная статья

О. А. МАКАРОВА[1],
А. Д. МАКАРОВ[2]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
[2] Военная академия материально-технического обеспечения имени А. В. Хрулева, г. Санкт-Петербург, Россия

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Контактное лицо:
Макарова Ольга Александровна, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры коммерческого права, Санкт-Петербургский государственный университет
Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, тел.: +7 (812) 36-36-636
E-mail: moamoa@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3021-6449
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/J-7505-2013
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1146-3605, AuthorID: 242543

Макаров Александр Данилович, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, преподаватель кафедры № 1 (Организации материально-технического обеспечения), Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева
Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 8, тел.: +7 (812) 328-54-92 – коммутатор
E-mail: sbornik_statei@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5400-4950
eLIBRARY ID: SPIN-код: 2144-1395, AuthorID: 374155

Цель: проведение анализа совокупности нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере цифровых технологий, цифрового законодательства, определение правовых методов регулирования данных отношений, а также перспективы развития цифрового законодательства.
Методы: формально-юридический подход, а также метод буквального толкования положений действующего законодательства. Поскольку цифровизация как внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни помогает принимать решения, с одной стороны, без участия человека, но, с другой стороны, влияя на многие стороны социальной общественной жизни (здравоохранение, культуру, образование, труд и т. п.), для исследования использовались коммуникативный и антропологический подходы с точки зрения оценки влияния цифрового законодательства на права человека и законные права и интересы гражданина, информационного восприятия норм цифрового законодательства.
Результаты: на основе анализа нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере цифровых технологий, сделан вывод о формировании цифрового законодательства как комплексной отрасли законодательства новой цифровой реальности, регулирующей социальные отношения в сфере цифр, алгоритмов, больших данных и пр. Авторами выявлено, что при регулировании отношений в сфере цифровых технологий законодатель использует разные методы: стимулирующие, ограничивающие, диспозитивные. Предложено

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

рассматривать цифровое законодательство в качестве функционального законодательства, обеспечивающего реализацию норм иных отраслей законодательства: инвестиционного законодательства (привлечение инвестиций посредством инвестиционной платформы), законодательства в сфере оказания финансовых услуг и рынка ценных бумаг, законодательства в сфере оказания медицинских услуг и т. д.
Научная новизна: в статье сформулировано понятие цифрового законодательства, под которым понимается комплексное законодательство, объединяющее нормы частноправового и публично-правового характера и определяющее методы регулирования отношений, возникающих в сфере цифровых технологий.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности, а также в практике применения норм цифрового законодательства.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровое законодательство; цифровые права; смарт-контракт; цифровые финансовые активы; распределенный реестр; оператор информационной системы

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Макарова О. А., Макаров А. Д. Состояние и перспективы развития цифрового законодательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 5–14. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.5-14

The scientific article

O. A. MAKAROVA[1],
A. D. MAKAROV[2]

[1] *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*
[2] *Military Academy for Material-Technical provision named after A. V. Khrulev, Saint Petersburg, Russia*

STATUS AND PROSPECTS OF DIGITAL LEGISLATION DEVELOPMENT

Contact:
Olga A. Makarova, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Commercial Law, Saint Petersburg State University
Address: 7-9 Universitetskaya Embankment, 199034 Saint Petersburg, tel.: +7 (812) 36-36-636
E-mail: moamoa@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3021-6449
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/J-7505-2013
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1146-3605, AuthorID: 242543
Aleksandr D. Makarov, Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department No.1 (Organization of material-technical provision), Military Academy for Material-Technical provision named after A. V. Khrulev
Address: 8 Makarov Embankment, 199034 Saint Petersburg, tel.: +7 (812) 328-54-92 – extension
E-mail: sbornik_statei@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5400-4950
eLIBRARY ID: SPIN-код: 2144-1395, AuthorID: 374155

Objective: to analyze the totality of normative legal acts regulating public relations in the sphere of digital technologies and digital legislation, to determine the legal methods of regulating these relations, as well as the prospects for the digital legislation development.
Methods: a formal legal approach, as well as a method of literal interpretation of the provisions of the current legislation. Since digitalization as the introduction of digital technologies in various spheres of life helps to make decisions, on the one hand, without human participation, but, on the other hand, affecting many aspects of social life (healthcare, culture,

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

education, labor, etc.), the study used communicative and anthropological approaches from the viewpoint of assessing the digital legislation impact on human rights and the legitimate rights and interests of citizens, as well as information perception of the digital legislation norms.
Results: based on the analysis of normative legal acts regulating public relations in the field of digital technologies, a conclusion is made about the formation of digital legislation as a complex branch of legislation of the new digital reality that regulates social relations in the field of numbers, algorithms, big data, etc. The authors revealed that in the process of regulating relations in the field of digital technologies the legislator uses different methods: stimulating, limiting, dispositive. It is proposed to consider digital legislation as a functional legislation that ensures the implementation of the norms of other branches of legislation: investment legislation (attracting investments through an investment platform), legislation in the field of financial services and securities market, legislation in the field of medical services, etc.
Scientific novelty: the article formulates the concept of digital legislation, which is understood as a complex legislation that combines the norms of private and public law and defines the methods of regulating relations arising in the field of digital technologies.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities, as well as in the practice of applying the norms of digital legislation.

Keywords: Digital economy; Digital legislation; Digital rights; Smart contract; Digital financial assets; Distributed ledge; Information system operator

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Makarova O. A., Makarov A. D. Status and prospects of digital legislation development, *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 5–14 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.5-14

Введение

Постановка проблемы. Ушедший 2020 г. сделал прорыв в цифровых технологиях и ускорил внедрение их в жизнь в разных сферах общественной жизни: производстве, образовании, медицине, политике, культуре. В последние годы самыми популярными терминами в среде бизнес-сообщества стали слова «блокчейн», «смарт-контракт», «биткоин», «криптовалюта».

Как цифровые технологии повлияли и влияют на развитие предпринимательской деятельности? Как реагирует законодательство на появление и применение в бизнесе новых цифровых технологий?

В целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» распоряжением Правительства от 28 июля 2017 г. № 1632-р была утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[1].

Одной из задач программы является создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе в каждой сфере. Реализации этой задачи посвящен федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды»[2], который курирует Министерство экономического развития Российской Федерации.

Федеральный проект предусматривает разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики,

[1] Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017. URL: http://government.ru/docs/28653/ (дата обращения: 12.12.2020).

[2] URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/862/ (дата обращения: 12.12.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

в частности, в таких сферах, как гражданский оборот, финансовые технологии, интеллектуальная собственность, телекоммуникации, судопроизводство и нотариат, стандартизация и иных[3]. В течение 2019–2020 гг. были приняты некоторые законодательные акты, направленные на регулирование отношений в сфере цифровой экономики. В связи с этим актуальным представляется вопрос о том, можно ли говорить о формировании цифрового законодательства. Какие методы применяются при регулировании отношений в сфере цифровых технологий? Каковы перспективы развития цифрового законодательства?

Необходимость проведения исследования обусловливается тем, что в последние годы в глобальном масштабе происходит цифровизация, под которой понимается внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни для повышения ее качества и развития экономики. В глобальном масштабе цифровизацию рассматривают как процесс перехода к цифровой экономике, в которой ключевым фактором развития являются обработка и анализ цифровых данных и использование его результатов для повышения эффективности бизнес-процессов. Высокая конкуренция в бизнесе делает его одной из наиболее продвинутых по использованию цифровых технологий сфер. В связи с применением цифровых технологий формируются общественные отношения, требующие своего адекватного законодательного регулирования. Необходимо дать характеристику принятым законодательным актам с точки зрения их регулирующего воздействия на отношения в сфере цифровизации.

Результаты исследования

При правовом регулировании общественных отношений, складывающихся в связи с применением цифровых технологий, законодатель использует различные методы воздействия. С одной стороны, правовое регулирование таких отношений должно иметь стимулирующий характер, т. е. способствовать развитию и внедрению цифровых технологий, что будет способствовать экономическому росту, повышению конкурентоспособности экономики, повышению качества и благосостояния жизни граждан, обеспечению национальной безопасности. С другой стороны, режим правового регулирования отношений, связанных с внедрением и использованием цифровых технологий, должен обеспечивать защиту прав и свобод граждан, отвечать интересам государства и общества.

Использование цифровых технологий не должно причинять вред участникам общественных отношений, правам и законным интересам человека, интересам государства и общества. Поэтому законодатель вправе устанавливать меры ограничительного (запрещающего) характера. Таким образом, при регулировании общественных отношений, складывающихся в сфере цифровых технологий, сочетаются как меры стимулирующего характера, так и меры ограничительного (запрещающего) характера.

Кроме того, в определенных случаях вводится особый правовой режим, при котором лица, занимающиеся разработкой новых цифровых технологий, могут проводить в ограниченной среде эксперименты по их внедрению без риска нарушения как действующего законодательства, так и без причинения вреда жизни и безопасности граждан и государства, нарушения их прав и законных интересов («регуляторная песочница» – *Regulatory Sandbox*)[4]. При этом, безусловно, правовое регулирование должно обеспечивать баланс интересов человека, общества, государства, компаний – разработчиков новых технологий, а также потребителей их товаров, работ (услуг), устанавливать ответственность для разработчиков за возможные негативные последствия использования таких новых цифровых технологий.

Сложный характер самих отношений, возникающих в сфере цифровых технологий и связанных с использованием определенных технических средств и информационных технологий, обусловливают крайне осторожный, взвешенный подход российского законодателя к регулированию данных отношений.

Следует отметить, что в зарубежных государствах принято законодательство, обеспечивающее цифровую трансформацию экономики. Первым шагом в этом направлении явилось принятие соответствую-

[3] Официальный сайт Минэкономразвития. URL: https://www.economy.gov.ru/ (дата обращения: 12.12.2020).

[4] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон № 258-ФЗ от 31 июля 2020 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 12.12.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

щих законов об электронной торговле и электронных документах. Так, например, в Германии это Закон «О регулировании основных условий предоставления информационных и коммуникационных услуг», составной частью которого является Закон о цифровой подписи 2001 г.[5]; в Австралии – Закон об электронных сделках 1999 г., в США – *Electronic Signatures in Global and National Commerce Act*, вступил в силу с 1 октября 2000 г.; в Великобритании – Акт об электронных средствах коммуникации (*Electronic Communications Act*) 2000 г. [1, 2]. В настоящее время происходит унификация законодательных актов в области электронной коммерции, основополагающую роль при которой играет Типовой закон *UNCITRAL* об электронной коммерции 1996 г. (с дополнениями в 1998 г.)[6].

Второй шаг в развитии зарубежного законодательства – регламентация цифровых технологий и цифровых финансовых активов. Так, в Великобритании действует Закон «О цифровой экономике» 2010 г. в редакции Закона «О цифровой экономике» 2017 г. Во Франции действующим является Закон «О доверии к цифровой экономике» [2]. Кроме того, Парламент Франции принял закон, регулирующий первичное размещение цифровых монет[7]. Германия стала одним из первых европейских государств, которое запустило правовое регулирование криптовалюты, чтобы обеспечить ей хоть какую-то легитимность. Немецкое законодательство не предусматривает общего запрета на выпуск, добычу, владение или торговлю криптовалютами[8].

В Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» отмечается, что «Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отрывом от десятки лидирующих стран, таких как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония. С точки зрения экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий Российская Федерация занимает 38-е место с большим отставанием от стран-лидеров, таких как Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль, Сингапур, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Норвегия, Люксембург и Германия»[9].

Одной из причин такого значительного отставания в развитии цифровой экономики от мировых лидеров является неразработанность нормативной правовой базы для применения цифровых технологий.

На сегодняшний день можно констатировать, что в 2019 – начале 2020 г. законодатель принял целый пакет законодательных актов и тем самым заложил лишь фундамент для регулирования цифровой экономики, создал основу для будущего законодательства в сфере цифровой экономики – цифрового законодательства, являющегося комплексным законодательством, содержащим нормы различной отраслевой принадлежности как частноправового, так и публично-правового характера.

В качестве основополагающего акта для регулирования отношений в сфере цифровой экономики следует назвать Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ» (далее – Закон о цифровых правах)[10], вступивший в силу с 1 октября 2019 г.

Закон о цифровых правах вносит изменения в Гражданский кодекс (далее – ГК РФ), согласно которым за цифровыми правами закрепляется место в составе объектов гражданских прав и дается их законодательное определение.

Под цифровыми правами (ст. 141.1 ГК РФ) признаются «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление,

[5] Gesetz Rahmenbedingungen elektronische Signaturen (Signaturgesetz – SigG) vom 16.05.2001 (BGBl. I S. 876). URL: http://www. drjv.org›dgesetze.html (дата обращения: 12.12.2020).

[6] URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce (дата обращения: 12.12.2020).

[7] URL: https://bitnewstoday.ru/ (дата обращения: 12.12.2020).

[8] URL: https://internationalwealth.info/cryptocurrency/pravovoye-regulirovaniye-kriptovalyuty-v-germanii-v-2020-godu/ (дата обращения: 12.12.2020).

[9] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: http://government.ru/info/35568/ (дата обращения: 12.12.2020).

[10] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ: Федеральный закон № 34-ФЗ от 18 марта 2019 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 12.12.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу»[11].

В юридической литературе отмечается, что, поскольку среди объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) цифровые права нашли закрепление среди безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг, они рассматриваются в качестве особого имущественного права [5–8]. На этот счет следует согласиться с позицией В. К. Андреева, который отмечает следующее: «Цифровой код или обозначение, совокупность электронных данных следует трактовать как цифровое право, принадлежащее лицу, зарегистрированному в децентрализованной информационной системе. Распоряжаясь своим цифровым правом, его обладатель с помощью цифровых технологий и технических средств осуществляет соответствующее гражданское право» [9].

Обязательным условием реализации цифровых прав является использование информационной системы, фиксирующей подобные права, под которой понимается «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств»[12].

В качестве информационных систем определены инвестиционная платформа в соответствии с Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 20.07.2020)[13] и финансовая платформа – в соответствии с Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы»[14].

Появление цифровых прав в качестве нового объекта гражданских прав обусловило внесение изменений в сферу договорных отношений, цель которых – упростить процесс заключения сделок в Интернете и с использованием различных электронных и иных технических средств. Изменения, внесенные в ГК РФ в части ***электронных сделок (договоров)*** [10–14], отражают те правила, которые уже фактически давно вошли в правоприменительную практику судов при рассмотрении споров в сфере электронной коммерции[15].

В литературе совершенно верно отмечается, что регулирование порядка заключения и исполнения договоров, выраженных в электронной форме, отражает основные тенденции развития современного договорного права [15]. Вместе с тем в России до сих пор, к сожалению, не принят единый Закон об электронной торговле, хотя порядок проведения электронных торгов и функционирования электронных торговых площадок регламентирован целым рядом федеральных законов.

Путем составления одного документа (в том числе электронного) может быть заключен договор номинального счета (ст. 860.2 ГК), договор страхования (ст. 940 ГК РФ). Вместе с тем в ряде случаев в законе установлен четкий запрет на использование электронных и технических средств. Например, в отношении оформления завещания (ст. 1124 ГК РФ).

Законом о цифровых правах в правовое поле вводится сфера ***«смарт-контрактов»*** – условия об автоматическом исполнении договора (п. 2 ст. 309 ГК РФ).

Смарт-контракты состоят из условий «если… то…», в результате исполнения которых происходит запись информации в распределенный реестр, приво-

---

[11] Гражданский кодекс РФ. Часть 1 (от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ в ред. от 08.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.12.2020). О природе цифровых прав см. [3, 4]

[12] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон № 149-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

[13] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259-ФЗ от 2 августа 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

[14] О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы: Федеральный закон № 211-ФЗ от 20 июля 2020 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357765/ (дата обращения: 12.12.2020).

[15] См., например, апелляционное определение Московского городского суда от 26.04.2019 по делу № 33-19520/2019. URL: https://mos-gorsud.ru (дата обращения: 12.12.2020); Определение Верховного Суда РФ от 24.07.2019 № 305-ЭС19-10794 по делу № А40-103284/2018. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 12.12.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

дящий к изменению его состояния. Правила выполнения смарт-контракта не могут быть изменены после согласования со всеми участниками. Смарт-контракты создаются с применением языков программирования, вследствие чего минимизируется возможность разночтения. Ценностью смарт-контракта являются верифицируемость и наличие механизма принуждения исполнения его положений, а также защищенность его условий и данных от третьих лиц [16].

Смарт-контракты применяются в финансовом секторе, в том числе в банковской сфере и сфере страхования. Например, это автоматизация предоставления банковских услуг: ипотечное кредитование, кредитование малого бизнеса. Смарт-контракты используются при первичном размещении цифровых финансовых активов (*ICO*). Возможно использование смарт-контрактов в сфере государственных услуг, в электронной торговле.

Безусловно, смарт-контракты не лишены определенных недостатков, в частности, они не обладают функциональной гибкостью; имея в своей основе программный код, они подвержены риску уязвимости в *IT*-системах.

Определив условия об автоматическом исполнении договора, законодатель не ввел в оборот термин «смарт-контракт» и не определил в целом его правовой статус, а также положение сторон смарт-контракта, порядок защиты каждой из его сторон. Поэтому закрепление в ГК РФ условия об автоматическом исполнении договора является лишь первым шагом по пути нормативного регулирования смарт-контрактов.

Упрощение формы заключения сделки сопровождается усложнением процедуры идентификации пользователя, например, через усложненную систему авторизации. В связи с чем Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ[16], вступающим в силу с 1 апреля 2021 г., были внесены изменения в ФЗ «Об электронной подписи», а именно: реформирована система удостоверяющих центров как гарантов безопасности и надежности использования электронных подписей, повышены требования, предъявляемые к удостоверяющим центрам; создан институт доверенной третьей стороны – юридического лица, осуществляющего деятельность по проверке электронной подписи в электронных документах в конкретный момент времени в отношении лица, подписавшего электронный документ, для обеспечения доверия при обмене данными и электронными документами. Законом предусмотрена возможность использования «облачной» электронной подписи.

Второй знаковый закон, развивающий некоторые положения Закона о цифровых правах, – это Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о цифровых финансовых активах), вступающий в силу с 1 января 2021 г., за исключением отдельных статей, которые вступят в силу с 10 января 2021 г.[17]

Прежде всего в законе определяется понятие ***цифровые финансовые активы***, под которыми понимаются «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы». По мнению А. Г. Аксакова, «цифровой финансовый актив – это имущество в электронной форме» [17].

Универсальным инструментом для построения различных баз данных является технология ***блокчейна (Blockchain)*** – выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию. Технология блокчейн –

[16] О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: Федеральный закон № 476-ФЗ от 27.12.2019 (ред. от 23.06.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 52. Ст. 7794.

[17] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 12.12.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

система распределенных реестров – применяется как в сфере оказания финансовых услуг (микроплатежи, банковские операции), так и в других отраслях экономики (логистика, юриспруденция, медицина).

Для целей Закона «О цифровых финансовых активах» под распределенным реестром понимается совокупность баз данных, тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма) (п. 7 ст. 1). Иными словами, законодатель закрепил технологию блокчейна.

Закон о цифровых финансовых активах определяет правовое положение и требования, предъявляемые к оператору информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, требования к оператору обмена цифровых финансовых активов, а также правила использования информационных систем, требования к их владельцам и обеспечению информационной безопасности при реализации цифровых прав.

Таким образом, два федеральных закона – Закон о цифровых правах и Закон о цифровых финансовых активах – легализовали определенные цифровые технологии и цифровые инструменты: блокчейн, цифровую валюту (криптовалюту) и ее оборот, выпуск цифровых финансовых активов (*ICO*), их размещение и обращение, заложив тем самым основу для дальнейшего развития законодательства в сфере цифровой экономики.

Перспективы развития законодательства в сфере цифровых технологий. Первостепенное значение приобретает законодательство в области защиты персональных данных, в связи с чем Правительством РФ предлагается внесение изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и введение термина «обезличенные персональные данные», под которыми понимается информация, которая получена в результате обезличивания персональных данных и не позволяет без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных[18].

Второе направление – регулирование отношений в области защиты информационной безопасности. Одним из первых законов в этой сфере является Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[19], вступивший в силу с 1 января 2018 г. Закон ввел понятия объектов и субъектов критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ), а также обязанности организаций по обеспечению безопасности объектов КИИ.

Под объектами КИИ понимаются информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов КИИ.

В соответствии с требованиями закона предприятия и организации должны провести категорирование своих объектов КИИ и уведомить о результатах Федеральную службу по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России).

Без категорирования объектов КИИ невозможно определить необходимые технические и организационные меры защиты информационной безопасности. Вместе с тем закон нуждается в уточнении с точки зрения ответственности субъектов за неисполнение предусмотренных законом обязанностей.

Третье направление – это нормативное правовое регулирование сбора и обработки значительных массивов обезличенной информации – больших данных (Big Data). Для этого в ГК введена конструкция договора об оказании услуг по предоставлению информации (ст. 783.1 ГК РФ). Такой договор предусматривает защиту от получения информации третьими лицами. Появление в ГК РФ такой статьи фактически подтверждает возможность оборота данных. Тем самым сделан первый шаг на пути к регулированию оборота данных и формированию их легального рынка.

Четвертое направление в развитии цифрового законодательства – это установление правил и подходов к регулированию вопросов дистанционной идентификации и аутентификации лиц, носящих юридически значимый характер и порождающих правовые

[18] Информационная справка о статусе исполнения федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (по состоянию на ноябрь 2020 г.). URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/4d0f233b6857430c225d3dbf95a88142/spravka_po_fp_nrcs.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

[19] О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон № 187-ФЗ от 26.07.2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 12.12.2020)

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

последствия, а также введение цифрового профиля гражданина, электронного удостоверения личности.

Пятое направление – упрощение процедур и сокращение сроков разработки и актуализации документов по стандартизации путем создания и использования информационной системы в сфере стандартизации.

Выводы

Цифровое законодательство находится в процессе своего становления, представляет собой комплексное законодательство, объединяющее нормы частноправового и публично-правового характера.

При регулировании отношений, складывающихся в сфере применения цифровых технологий, законодатель использует разные правовые режимы, как стимулирующий, так и запрещающий (ограничительный), а также может устанавливать экспериментальные правовые режимы.

Цифровое законодательство можно рассматривать в качестве функционального законодательства, обеспечивающего реализацию норм иных отраслей законодательства: инвестиционного законодательства (привлечение инвестиций посредством инвестиционной платформы), законодательства в сфере оказания финансовых услуг и рынка ценных бумаг, законодательства в сфере оказания медицинских услуг и т. д.

Цифровое законодательство отличается от прежнего привычного нормативного правового регулирования общественных отношений: оно регулирует общественные отношения, но складывающиеся в мире цифр и алгоритмов, новой виртуальной реальности. Поэтому и по своему содержанию, и по технике исполнения законодательство становится более сложным, включающим техническую и математическую терминологию, «переведенную» на юридический язык.

Список литературы

1. Соловяненко Н. Законодательное регулирование ЭДО: международная практика // Information Security/ Информационная безопасность. 2010. № 6. С. 28–30. URL: https://lib.itsec.ru/articles2/pravo/zakonodatelnoe-regylirovanie-edo-mejdynarodnaya-praktika (дата обращения: 12.12.2020).

2. Лошкарев А. В., Тарасов В. В. Зарубежный опыт как средство совершенствования российского законодательства по вопросам регулирования цифровой экономики // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2018. Т. 1, № 9. С. 446–449. URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/Oct18Journal/1_TOM OCt.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

3. Егорова М. А. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте: монография / под общ. ред. д. ю. н., проф. В. Н. Синюкова, д. ю. н., доц. М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. 240 с.

4. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.

5. Корсик К. А. Цифровые права как новые объекты гражданских прав и новые правила о соблюдении письменной формы сделки // Нотариальный вестник. 2019. № 4. С. 2–3.

6. Кванина В. В., Савенко Н. Е. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 3 (19). С. 14–18.

7. Агибалова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник ДГУ. 2020. Т. 33, № 1. С. 90–97. DOI: 10.21779/2224-0241-2020-33-1-90-99

8. Цифровые права в российском гражданском праве / А. Е. Камышанова, И. В. Дементьева, П. В. Каменева // Право и государство: теория и практика, 2020. № 6. С. 73–75.

9. Андреев В. К. О понятии цифровых прав и их оборотоспособности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 38–41.

10. Шайдуллина В. К. К вопросу о правовом регулировании электронной торговли // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 367–370.

11. Панкина Т. В. Электронная коммерция и электронная торговля: подходы к классификации // Вестник Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова. 2008. № 5. С. 80–81.

12. Соловяненко Н. Правовое регулирование электронной торговли и электронной подписи (международный опыт и российская практика) // Хозяйство и право. 2003. № 1. С. 27–37.

13. Кусаева А. Р. Гражданско-правовое регулирование сделок, совершаемых в электронном виде, в условиях цифровой экономики // Юстиция. 2018. № 3. С. 22–24.

14. Ефимова Л. Г. Понятие и правовые особенности электронного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 84–90.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

15. Богустов А. А. Электронная форма договора в национальном праве стран – членов Европейского союза (на примере законодательства Польши) // Право в сфере Интернета: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 528.

16. Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты», октябрь 2018 // ЦБ РФ. URL: http://www.cbr.ru (дата обращения: 12.12.2020).

17. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.

References

1. Solovyanenko N. Legal regulation of e-workflow: international practice, *Information Security*, 2010, No. 6, pp. 28–30, available at: https://lib.itsec.ru/articles2/pravo/zakonodatelnoe-regylirovanie-edo-mejdynarodnaya-praktika (access date: 12.12.2020).

2. Loshkarev A. V., Tarasov V. V. Foreign experience as a means of improving the Russian legislation in digital economy regulation, *Nauchno-prakticheskii elektronnyi zhurnal Alleya Nauki*, 2018, Vol.1, No. 9, pp. 446–449, available at: https://alley-science.ru/domains_data/files/Oct18Journal/1_TOM OCt.pdf (access date: 12.12.2020) (in Russ.).

3. Egorova M. A. *Legal regulation of digital economy under the modern conditions of high-tech business development in the national and global contexts*, monograph, eds. V. N. Sinyukov, M. A. Egorova, Moscow, Prospekt, 2021, 240 p. (in Russ.).

4. *Digital law*, eds. V. V. Blazheev, M. A. Egorova, Moscow, Prospekt, 2020, 640 p. (in Russ.).

5. Korsik K. A. Digital rights as new objects of civil rights and new rules on observing the written form of a transaction, *Notarial'nyi vestnik*, 2019, No. 4, pp. 2–3 (in Russ.).

6. Kvanina V. V., Savenko N. E. Digital rights in the system of proprietary items, *Journal of Entrepreneurship and Corporate Law*, 2020, No. 3 (19), pp. 14–18 (in Russ.).

7. Agibalova E. N. Digital rights in the system of civil rights objects, *Yuridicheskii vestnik DGU*, 2020, Vol. 33, No. 1, pp. 90–97 (in Russ.). DOI: 10.21779/2224-0241-2020-33-1-90-99

8. Kamyshanova A. E., Dementyeva I. V., Kameneva P. V. Digital rights in Russian civil law, *Law and State: The Theory and Practice*, 2020, No. 6, pp. 73–75 (in Russ.).

9. Andreev V. K. About the concept of digital rights and their transferability, *Journal of Entrepreneurship and Corporate Law*, 2018, No. 2, pp. 38–41 (in Russ.).

10. Shaidullina V. K. Economic and legal issues of financial services regulation in Russian Federation within the framework of joining the world trade organization, *Baltic Humanitarian Journal*, 2019, Vol. 8, No. 1 (26), pp. 367–370 (in Russ.).

11. Pankina T. V. Digital commerce and digital trade: approaches to classification, *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2008, No. 5, pp. 80–81 (in Russ.).

12. Solovyanenko N. *Legal regulation of digital trade and digital signature (international experience and Russian practice)*, *Business and Law*, 2003, No. 1, pp. 27–37 (in Russ.).

13. Kusaeva A. R. Civil-legal regulation of deals completed in an electronic form under the digital economy, *Yustice*, 2018, No. 3, pp. 22–24 (in Russ.).

14. Efimova L. G. The concept and legal aspects of electronic contracts, *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2019, No. 7, pp. 84–90 (in Russ.).

15. Bogustov A. A. Electronic form of a contract in the national law of the countries – members of the European Union (by the example of the Polish legislation), *Pravo v sfere Interneta*: sbornik statei, ed. M. A. Rozhkova, Moscow, Statut, 2018, p. 528 (in Russ.).

16. Analytical review on "Smart contracts", October 2018, *TsB RF*, available at: http://www.cbr.ru (access date: 12.12.2020) (in Russ.).

17. Vaipan V. A., Egorova M. A. (eds.). *Legal regulation of economic relations under the modern conditions of digital economy development*, monograph, Moscow, Yustitsinform, 2019, 376 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 23.12.2020
Дата принятия в печать / Accepted 09.02.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Макарова О. А., Макаров А. Д., 2021
© Makarova O. A., Makarov A. D., 2021

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

УДК 332.1:336.14
JEL: E62, G32, P25, R13
DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.15-30

Научная статья

О. Г. АРКАДЬЕВА[1],
Н. В. БЕРЕЗИНА[1]

[1] Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

ВЛИЯНИЕ «ЯДРА» ДОХОДОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ НА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ

Контактное лицо:
Аркадьева Ольга Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
Адрес: 428015, г. Чебоксары, просп. Московский, 15, тел.: +7 (8352) 58-41-89
E-mail: knedlix@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-4868-2365
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/ABG-1936-2020
eLIBRARY ID: SPIN-код: 4278-1110, AuthorID: 247872

Березина Наталия Вячеславовна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов, кредита и экономической безопасности, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
Адрес: 428015, г. Чебоксары, просп. Московский, 15, тел.: +7 (8352) 58-41-89
E-mail: study.2011@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7320-3624
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1750-6097, AuthorID: 273814

Цель: оценка рисков формирования доходов бюджетов субъектов РФ как инструмент определения стрессоустойчивости региональной подсистемы.
Методы: абстрактно-логический, экономико-математический анализ, коэффициентный анализ.
Результаты: установлено, что для менее экономически развитых регионов наиболее стабильными доходами выступают безвозмездные поступления. Обосновано, что в соответствии с теоретическими представлениями риски определяются категориями стабильности и устойчивости доходных поступлений, фактически же для менее развитых регионов и регионов со средним уровнем экономического развития приоритетную роль играют возможности мобилизации, которые наиболее очевидны для безвозмездных поступлений. На основе расчета и оценки показателей структуры доходов, вариации исполнения бюджетов по доходам и темпов прироста ключевых видов доходов бюджетов субъектов с использованием данных Федерального казначейства об исполнении бюджетов субъектов Приволжского федерального округа было выявлено, что наименьшим уровнем вариации обладает налог на доходы физических лиц, в меньшей степени – налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения, и налог на имущество организаций.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Научная новизна: авторами была сформирована гипотеза о наличии «ядра» доходов бюджета субъекта, сформированного за счет доходов с низкой вероятностью отклонений, высокой стабильностью поступлений, отражаемых в единой и непротиворечивой информационной базе и отражающей стрессоустойчивость экономики региона. Установлено, что состав «ядра» доходов таких регионов не соответствует критериям экономической целесообразности в интересах общественного развития и нуждается в корректировке.
Практическая значимость: результаты исследования могут применяться в разработке направлений бюджетно-налоговой политики, предусматривающих децентрализацию доходов бюджетной системы и внедрение риск-менеджмента в секторе государственного управления.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; бюджеты субъектов РФ; бюджетные риски; налоговые риски; доходы бюджетов; «ядро» доходов; вероятность; уязвимость; стрессоустойчивость; управление рисками; безвозмездные поступления

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00124.

Конфликт интересов: *авторами не заявлен.*

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Аркадьева О. Г., Березина Н. В. Влияние «ядра» доходов региональных бюджетов на стрессоустойчивость социально-экономических подсистем // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 15–30. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.15-30

The scientific article

O. G. ARKADEVA[1],
N. V. BEREZINA[1]
[1] *Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russian Federation*

IMPACT OF THE "CORE" INCOMES OF THE REGIONAL BUDGETS ON THE RESILIENCE OF SOCIAL-ECONOMIC SUBSYSTEMS

Contact:
Olga G. Arkadeva, PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Finance, Credit and Economic Safety, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov
Address: 15 Moskovskiy prospekt, 428015 Cheboksary, tel.: +7 (8352) 58-41-89
E-mail: knedlix@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-4868-2365
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/ABG-1936-2020
eLIBRARY ID: SPIN-код: 4278-1110, AuthorID: 247872

Nataliya V. Berezina, PhD (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Finance, Credit and Economic Safety, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov
Address: 15 Moskovskiy prospekt, 428015 Cheboksary, tel.: +7 (8352) 58-41-89
E-mail: study.2011@yandex.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7320-3624
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1750-6097, AuthorID: 273814

Objective: estimation of the risks of forming the budget incomes of the Russian subjects as a tool for determining the resilience of the regional subsystem.
Methods: abstract-logical method, economic-mathematical analysis, coefficient analysis.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Results: it was found that for less economically developed regions, the most stable income is gratuitous revenues. It is proved that in accordance with theoretical concepts, risks are determined by the income stability, while in fact, for regions with low and intermediate levels of economic development, the priority role is played by the possibilities of mobilization, which are most obvious for gratuitous revenues. Based on the calculation and evaluation of the income structure indicators, variations of budgets by income and growth rates of the key types of budget income, and using the Federal Treasury data on execution of budgets of the Volga Federal district subjects, it was found that the lowest level of variation is shown by the tax on physical persons incomes; to a lesser extent – the tax levied within the simplified system of taxation, and the tax on property of organizations.
Scientific novelty: the authors formulated a hypothesis of a "core" of the subject's budget revenues, formed with the revenues with a low probability of deviations and high stability, reflected in a single and consistent information base and reflecting the resilience of the region's economy. It is found that the composition of the "core" income of such regions does not meet the criteria of economic feasibility in the interests of social development and should be altered.
Practical significance: the study results can be used in the development of budget and tax policy areas that provide for the decentralization of budget system revenues and the introduction of risk management in the public administration sector.

Keywords: Economics and national economy management; Budgets of the Russian Federation subjects; Budget risks; Tax risks; Budget income; "Core" income; Probability; Vulnerability; Resilience; Risk management; Gratuitous revenues

Acknowledgment: the research was carried out with the financial support of the Russian Fund for Basic Research within the project No. 18-010-00124.

Conflict of Interest: *No conflict of interest is declared by the authors.*

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Arkadeva O. G., Berezina N. V. Impact of the "core" incomes of the regional budgets on the resilience of social-economic subsystems, *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 15–30 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.15-30

Введение

Вопросы объективной оценки составляющих регионального социально-экономического развития и реакции органов власти субъектов РФ на экспоненциально возрастающие риски выступают крупнейшим вызовом для отечественной науки и практики. Управление регионами на протяжении всего периода новейшей истории страны осуществлялось в условиях действия большого количества ограничений [1]. Проблемы ограниченных возможностей для управления региональными рисками подчеркивались и зарубежными исследователями: «Регионы экономики включены в более широкие социальные, экономические и экологические системы. Ограничения, налагаемые этими системами, систематически игнорируются или неверно опознаются» [2, с. 230]. В период пандемии *COVID*-19 усугубившиеся ограничения объективного и субъективного характера существенно пошатнули управляемость развития региональных социально-экономических подсистем.

Функционированию подсистемы управления рисками формирования доходов бюджетов бюджетной системы РФ имманентно присуще состояние, когда повышенное внимание одному из уровней распределения общественных финансов наносит ущерб другому, а попытки большинства региональных аппаратов управления обеспечить стабильность региональной подсистемы в конечном итоге не могут способствовать повышению стрессоустойчивости субнациональных публично-правовых образований. Ю. Г. Швецов, О. А. Булаш утверждают, что меры бюджетного регулирования не затрагивают базовых установок функционирования общественных финансов; бюджетный механизм содержит государственный аппарат и реализует минимальные государственные социальные гарантии и минимальную бюджетную

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

обеспеченность [3, с. 3–4]. Между тем стрессоустойчивость региональной экономики обеспечивается синтезом результатов регуляторно-управленческой деятельности органов государственной власти, воспроизводственной деятельности хозяйствующих субъектов и уровнем благосостояния населения. Результаты такого синтеза прослеживаются в том числе при изучении уровня доходов региональных бюджетов, поскольку фискальный характер государственных финансов отражает состояние других элементов региональной социально-экономической подсистемы. Авторы отмечали важный вызов современности для государственного управления: «Система государственного управления должна принципиально измениться внутренне в сторону пересмотра фундаментальных принципов организации собственной деятельности и приобретения нехарактерного для себя свойства мобильной адаптации к потребностям общественного развития» [4, с. 746]. Настоящее исследование ставит целью оценить риски формирования доходов бюджетов субъектов РФ с позиции рациональности структуры ресурсной базы для подобной адаптации и достаточности предпосылок к обеспечению стрессоустойчивости региональной подсистемы.

Теоретические представления и мировой практический опыт формирования состава и структуры доходов субфедеральных бюджетов

В условиях глобального усугубления угроз и многократного усиления финансовых рисков логичным видится приоритет внимания к доходной части бюджетов: «…риски, связанные с доходами бюджетов, являются первичными по отношению к рискам, связанным с расходами» [5, с. 165]. Для того чтобы иметь некоторый запас прочности при наступлении событий риска и последующего закономерного снижения доходов, структура доходов бюджетов субъектов РФ должна быть сформирована из «ядра» – относительно устойчивых и стабильных поступлений – и дополнительных доходов, создающих базу для инвестиций и развития. Утверждение подтверждается проциклличностью проводимой в РФ бюджетной политики, характеризующейся колебаниями расходов в периоды спадов и подъемов и поддержанием сбалансированности бюджетов в любых обстоятельствах (даже в условиях нарушения эффективности бюджетных расходов). В этих условиях именно качественное «ядро» позволило бы приспосабливаться к сокращающимся темпам роста экономики и возрастанию неопределенности.

Теоретические положения для обозначения состава и структуры «ядра» региональных доходов неоднозначны. В соответствии с базовыми положениями теории государственных и муниципальных финансов устойчивыми поступлениями выступают налоги в силу своих свойств – законодательного закрепления, периодичности поступления, конкретности методики расчета и др. В зарубежной науке традиционно вопрос о структуре доходов рассматривался с позиции справедливости распределения общественных благ [6]. Современные зарубежные исследования исходят из того, что государство выступает доброжелательным социальным планировщиком, а рынки эффективны по Парето в отсутствие вмешательства государства. Недочеты в деятельности государства могут объяснить, почему налоги и распределение общественных благ не устанавливаются на оптимальном уровне, причем не только государство, но и рынки могут потерпеть неудачу [7, с. 209]. Применительно к региону споры идут вокруг дилеммы между двумя принципиально разными политическими целями – максимизацией экономической эффективности за счет правильного выбора и использования ресурсов для достижения желаемого результата и сбалансированного распределения соответствующих компонентов благосостояния (доход, экономический рост, доступ к общественным благам и т. д.), чтобы добиться приемлемого уровня равенства в регионе или на национальном уровне [8].

Отдельные исследователи полагают, что в качестве «ядра» доходов субфедеральных бюджетов должны выступать поступления от собственности. Польские исследователи (М. Зиоло и др.) полагают, что местные бюджеты обычно состоят из налогов на собственность, которые нечувствительны к изменяющимся экономическим условиям (рецессиям и замедлению) [9, с. 326]. С поправкой на тип государственного устройства это утверждение распространяется и на субнациональный уровень для федеративных государств: «Наиболее доходные и в то же время наиболее рисковые налоги концентрируются на федеральном уровне, тогда как менее доходные и менее рисковые

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

сосредоточены на региональном и местном уровнях» [10, с. 3].

При изучении рисков формирования доходной части бюджетов сложившееся распределение доходов между бюджетами российскими исследователями обычно принимается за константу и сами риски изучаются преимущественно с позиции администрирования доходов. Так, целью функционирования системы налогового риск-менеджмента называется минимизация недопоступления налогов и сборов в бюджетную систему [11, с. 32], а основным приемом налогового администрирования, содержащим элементы риск-менеджмента, называют оценку налоговых разрывов, отражающих разницу между фактически полученными обязательными платежами и ожидаемыми [12, с. 32]. Следует отметить, что с позиций общества и государства налоговые риски трактуются по-разному. «С точки зрения налогоплательщиков… налоговый риск представляет собой возможные потери, связанные с процессом налогообложения, вызванные изменениями законодательства в области налогов и сборов, действиями контролирующих органов и т. д. С позиции государства налоговый риск – это возможное неисполнение (снижение эффективности исполнения) задач по администрированию налоговых доходов бюджета, связанное с неэффективной работой налоговых органов по контролю за уплатой налогов и сборов, нарушениями норм законодательства налогоплательщиками и органами, представляющими финансовые интересы государства, колебаниями в деятельности хозяйствующих субъектов, вызванными различными факторами…» [13, с. 965]. Рассматривая второй подход в практическом смысле, можно определить его как управление рисками деятельности главных администраторов доходов бюджета (далее – ГАДБ). В такое понимание укладываются ракурсы, избираемые целым рядом исследователей [14–16]. Однако при игнорировании первого подхода «цель оценки может быть перенесена с достижения интересов общества на удовлетворение интересов государства» [17, с. 557]. Как следствие, оценка рисков «выступает побочным, второстепенным процессом по сравнению с оценкой степени достижения органами власти контрольных показателей» [18, с. 105]. Большинство ГАДБ, за которыми закреплены наиболее значимые поступления, – органы власти федерального уровня, и управление рисками формирования доходов сводится к эффективной реализации полномочий несколькими ГАДБ, а региональный уровень при этом фактически выпадает из процесса управления налоговыми доходами в контексте их администрирования; на его долю приходится лишь ряд неналоговых, как правило, относительно незначимых для бюджета доходов.

В ракурсе современных представлений о риске и государственном риск-менеджменте проблема формирования доходной части бюджета региона приобретает новое звучание. С позиции эффективного риск-менеджмента должны рассматриваться не только стабильность в ракурсе законодательного закрепления источников поступлений, но и подверженность колебаниям, чувствительность к изменению конъюнктуры конкретных источников доходов, а также такая немаловажная характеристика для региональной социально-экономической подсистемы, как способность к восстановлению от последствий наступления событий риска (стрессоустойчивость).

Распределение доходов по бюджетам бюджетной системы в ключевых тенденциях соответствует мировому опыту (табл. 1), однако, согласно обобщенным данным РФ, выделяется сравнительно низкой долей трансфертов в доходах субнациональных бюджетов, исключительно высокой долей налогов и достаточно высокой долей доходов от собственности среди федеративных государств, при этом существенно уступая по налоговым доходам субнациональных бюджетов на душу населения.

Опираясь на исследования по вопросам государственного риск-менеджмента [19, 20], авторы сформировали следующие характеристики поступлений, которые должны формировать ядро доходов бюджета субъекта, имея:

1) низкую вероятность отклонений от запланированных значений;

2) низкую уязвимость вследствие стабильности темпов изменения поступлений;

3) устойчивость статистических оценок – единую, полную и непротиворечивую информационную базу для анализа;

4) базу для определения стрессоустойчивости экономики региона.

Для обеспечения стрессоустойчивости социально-экономической подсистемы органы власти субъектов РФ должны обладать полномочиями и возможностями

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 1

Структура доходов субнациональных правительств федеративных государств в 2016 г.
Table 1. Income structure of the governments of subnational federative states in 2016

Страна / Country	Гранты и субсидии, % / Grants and subsidies, %	Тарифы и платежи, % / Tariffs and fees, %	Доходы от собственности, % / Income from property, %	Социальные взносы, % / Social payments, %	Налоги / Taxes				
					Значение, млрд долл. США / Amount, billion US dollars	На душу, долл. США / Per capita, US dollars	В % к ВВП / % to GDP	В % к доходам субнациональных бюджетов, всего / % to the income of subnational budgets, total	В % к государственным доходам, всего / % to the state's income, total
Австралия / Australia	44,9	13,7	8,1	0,0	64,4	2 630,3	5,5	33,4	20,6
Австрия / Austria	74,0	11,3	2,2	2,8	7,7	875,2	1,7	9,8	6,3
Бельгия / Belgium	56,9	8,7	1,8	6,5	36,7	3 250,5	7,0	26,1	23,2
Канада / Canada	25,8	13,3	5,1	2,2	264,4	7 287,3	16,3	53,6	57,2
Германия / Germany	26,4	11,5	1,3	4,0	494,2	6 001,5	12,3	56,9	52,2
Мексика / Mexico	91,6	0,0	0,2	1,1	19,9	164,2	0,9	7,2	6,7
Испания / Spain	51,0	8,4	0,5	0,3	138,2	2 973,7	8,2	39,8	37,2
Швейцария / Switzerland	24,7	18,1	3,5	0,2	60,5	7 227,0	11,3	53,5	53,6
США / USA	23,7	22,5	2,4	0,6	1 634,2	5 053,3	8,8	50,8	44,6
Справочно: Российская Федерация / For reference: Russian Federation	17,4	2,9	4,3	0,0	94,9	647,9	8,3	75,4	25,7

Источник: Данные ОЭСР. URL: https://stats.oecd.org/ (дата обращения: 30.11.2020); расчеты авторов по данным Федерального казначейства. URL: www.roskazna.ru (дата обращения: 30.11.2020).

Source: OECD data, available at: https://stats.oecd.org/ (access date: 30.11.2020); calculations by the authors by the Federal Treasury data, available at: www.roskazna.ru (access date: 30.11.2020).

для управления рисками в сфере формирования доходов от экономической активности на территории региона. Однако большая часть данных полномочий отнесена к федеральному уровню, вследствие чего оценка может строиться лишь преимущественно на первых трех характеристиках.

Методические подходы к оценке рисков доходов бюджетов субъектов РФ

Сформированная авторами методика оценки основывается на анализе отклонений показателей доходов. М. Л. Васюнина, Ю. А. Тихомиров и ряд других исследователей отмечают важность учета расхождения плановых и фактических показателей бюджетов [21, с. 2408; 22, с. 14; 23; 24]. А. В. Галухин, Т. В. Ускова говорят об отсутствии риска в случае отсутствия отклонений [8, с. 165]. Ряд показателей является традиционным для анализа рисков в бюджетной сфере [25]. Среди четырех обычно использующихся показателей для оценки вариации показателей выбрано среднеквадратическое отклонение как наиболее наглядное в практической интерпретации. Измерение риска в отношении доходной части бюджета субъекта РФ на основании показателей отклонений осуществлено в двух аналитических разрезах:

1) определение вариации отклонений фактических объемов поступлений от плановых;

2) оценка стабильности поступлений в динамике.

Представленные в табл. 1 данные сильно искажены влиянием структуры бюджетов гг. Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых других субъектов; так, например, доля Москвы в объеме налоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2018 г. составила 21,8 %. Дальнейшие расчеты принято вести по Приволжскому федеральному округу (далее – ПФО). Для оценки рисков выбраны следую-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

щие показатели, характеризующие соответствующие аналитически разрезы:

1) для анализа разброса отклонений фактических объемов поступлений от плановых выбрано отношение отклонения фактического кассового исполнения от плановых назначений к плановым назначениям в разрезе бюджета субъекта ПФО и консолидированного бюджета субъекта ПФО. Данные по консолидированным бюджетам рассматриваются как учитывающие действие дополнительных нормативов отчислений по поступлениям из бюджетов субъектов РФ в местные бюджеты и более полно отражающие стрессоустойчивость социально-экономической подсистемы в целом. Дополнительно были рассчитаны погодовые показатели среднеквадратического отклонения для каждой разновидности поступлений;

2) среднегодовые темпы прироста поступлений в разрезе бюджетов субъектов ПФО и консолидированных бюджетов субъектов ПФО.

В связи с отсутствием части данных сведения по Пермскому краю для данного показателя приведены справочно. Согласно выводам Т. Ёкой, при пропуске данных оценки коэффициентов регрессии остаются практически несмещенными, таким образом, представленные в настоящем исследовании данные могут выступать основой для анализа, имеющего целью причинно-следственные связи [26, с. 39], и дальнейшего развития оценочной модели.

Модель

Расчеты продемонстрировали разную степень вариации поступлений собственного и консолидированного бюджетов субъектов ПФО (табл. 2–5).

Таблица 2

Среднеквадратические отклонения показателя кассового исполнения бюджетов субъектов ПФО за 2011–2019 гг., %
Table 2. Mean square deviations of the cash execution of the budgets of the Volga federal district subjects in 2011–2019, %

Субъект / Subject	Доходы, всего / Income, total	Налог на прибыль организаций / Tax on income of organizations	Налог на доходы физических лиц / Tax on physical persons income	Акцизы по подакцизным товарам / Excises on excise goods	Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения / Tax levied within simplified taxation system	Налог на имущество организаций / Tax on property of organizations	Транспортный налог / Transport tax	Налог на добычу полезных ископаемых / Tax on extraction of natural resources	Государственная пошлина / State due	Доходы от использования имущества, находящегося в государственной собственности / Income from using state property	Безвозмездные поступления от других бюджетов / Gratuitous revenues from other budgets
Республика Чувашия / Chuvash Republic	0,88	2,68	1,69	2,32	2,98	2,5	11,3	x	5,89	3,38	1,53
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,92	1,61	0,95	2,69	0,53	0,88	1,47	15,32	5,03	1,97	2,71
Кировская область / Kirov oblast	1,31	8,45	2,00	4,56	0,52	0,75	6,62	4,38	2,63	1,03	0,75
Нижегородская область / Nizhegorodskaya oblast	1,45	3,37	2,34	4,88	2,99	5,26	4,28	11,13	3,57	1,03	4,72
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	1,79	11,19	3,71	8,76	3,04	7,66	10,59	25,23	38,45	16,76	1,41
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	1,87	3,89	1,60	2,88	5,93	2,40	9,65	3,81	6,06	3,75	0,73
Ульяновская область / Ulyanovsk oblast	2,26	6,17	3,40	5,72	1,09	0,96	8,35	5,40	9,61	13,85	1,21
Пензенская область / Penza oblast	2,54	9,55	3,60	4,99	2,14	5,26	4,28	11,13	2,57	56,66	3,05
Саратовская область / Saratov oblast	2,87	14,85	1,70	54,30	1,91	6,12	55,69	2,69	1,81	7,67	1,64
Пермский край / Perm krai	3,89	7,16	3,80	7,95	5,77	4,25	0,00	8,27	14,19	36,26	16,41
Республика Удмуртия / Udmurt Republic	4,87	10,32	5,16	10,23	5,91	8,70	7,76	9,33	48,15	47,73	2,34
Оренбургская область / Orenburg oblast	5,16	15,35	2,40	10,64	24,00	4,59	6,67	11,08	29,95	26,00	2,53
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	5,46	22,73	4,31	7,21	7,42	8,00	4,22	18,53	29,84	5,43	3,08
Самарская область / Samara oblast	5,49	10,88	3,46	8,02	3,63	7,05	15,42	24,15	12,35	6,88	8,42

Источник: расчеты авторов по данным Федерального казначейства. URL: www.roskazna.ru (дата обращения: 30.11.2020).
Source: calculations by the authors by the Federal Treasury data, available at: www.roskazna.ru (access date: 30.11.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 3

Среднеквадратические отклонения кассового исполнения консолидированных бюджетов субъектов ПФО в 2011–2019 гг., %

Table 3. Mean square deviations of the cash execution of the consolidated budgets of the Volga federal district subjects in 2011–2019, %

Субъект ПФО / Volga federal district subject	Доходы, всего / Income, total	Налог на прибыль организаций / Tax on income of organizations	Налог на доходы физических лиц / Tax on physical persons income	Акцизы по подакцизным товарам / Excises on excise goods	Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения / Tax levied within simplified taxation system	Единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности / Unified tax on imputed income for certain types of activity	Единый сельскохозяйственный налог / Unified agricultural tax	Налог, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения / Tax levied within patent taxation system	Налог на имущество физических лиц / Tax on property of physical persons	Налог на имущество организаций / Tax on property of organizations	Транспортный налог / Transport tax	Налог на игорный бизнес / Tax on gambling	Земельный налог / Land tax	Налог на добычу полезных ископаемых / Tax on extraction of natural resources	Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов / Dues for using objects of animal world and water biological resources	Государственная пошлина / State due	Доходы от использования имущества, находящейся в государственной и муниципальной собственности / Income from using state and municipal property	Безвозмездные поступления от других бюджетов / Gratuitous revenues from other budgets
Республика Чувашия / Chuvash Republic	0,83	2,68	1,02	2,22	2,98	2,74	4,13	5,01	3,53	2,5	10,18	4,24	1,70	4,06	41,92	2,73	1,28	1,52
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,93	1,61	0,98	2,72	1,18	1,53	6,84	11,18	6,3	0,88	1,47	33,44	1,30	15,21	5,90	1,44	4,07	2,72
Кировская область / Kirov oblast	1,18	8,45	1,55	4,52	0,56	1,07	4,96	2,24	3,02	0,72	6,66	1,5	1,72	4,38	2,70	1,56	2,64	0,77
Нижегородская область / Nizhegorodskaya oblast	1,53	3,37	99,39	967,69	18	2,32	13,85	12,85	13,84	5,07	4,28	6,65	10,17	11,13	8,67	24,23	9,22	4,73
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	1,61	11,19	3,14	8,5	3,04	0,54	8,94	4,84	2,93	7,66	10,59	44,57	2,94	25,23	11,83	10,15	4,62	1,41
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	1,65	3,89	1,44	2,85	3,84	1,07	3,40	6,63	11,83	2,34	9,65	12,23	3,79	3,88	5,79	2,89	2,2	0,73
Ульяновская область / Ulyanovsk oblast	2,06	6,17	2,61	5,75	1,09	6,01	6,87	17,87	7,8	0,96	8,35	9,16	2,28	5,4	31,15	5,03	7,11	1,21
Пензенская область / Penza oblast	2,25	9,59	2,95	4,92	2,16	1,82	1,05	1,42	7,51	2,35	5,71	2,23	5,40	4,33	3,34	1,21	13,29	3,05
Саратовская область / Saratov oblast	2,54	14,85	1,66	50,34	1,91	3,45	3,78	5,79	7,15	6,12	56,18	14,06	3,64	2,69	14,59	1,59	5,32	1,64
Пермский край / Perm krai	3,19	7,16	81,29	573,71	5,76	4,78	15,37	22,42	9,87	4,24	6,63	*x*	3,91	8,27	12,88	48,41	15,77	16,26
Республика Удмуртия / Udmurt Republic	4,2	15,35	2,24	10,57	3,9	4,3	11,55	17,92	19,97	4,59	7,13	44,11	3,77	11,08	18,82	10,88	9,32	2,54
Оренбургская область / Orenburg oblast	4,29	10,32	3,56	10,05	5,91	3,97	5,32	34,58	15,26	8,7	7,76	22,55	12,91	19,06	15,46	9	8,22	2,35
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	4,63	22,73	3,25	7,20	7,42	4,38	16,00	5,47	8,14	8	4,22	26,04	2,46	18,53	3,76	15,36	3,11	3,08
Самарская область / Samara oblast	4,78	10,88	69,17	659,27	1,00	1,68	1,86	15,09	6,95	7,05	15,42	16,61	4,54	24,15	26,20	4,85	18,11	8,43

Источник: расчеты авторов по данным Федерального казначейства. URL: www.roskazna.ru (дата обращения: 30.11.2020).

Source: calculations by the authors by the Federal Treasury data, available at: www.roskazna.ru (access date: 30.11.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 4

Годовые среднеквадратические отклонения кассового исполнения бюджетов субъектов ПФО в разрезе поступлений в 2011–2019 гг., %

Table 4. Annual mean square deviations of the cash execution of the budgets of the Volga federal district subjects in the aspect of revenues in 2011–2019, %

Показатель / Indicator	Год / Year								
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Доходы бюджета, всего / Budget income, total	4,54	4,53	3,23	3,91	3,38	3,43	6,26	4,65	2,92
I. Налоговые и неналоговые доходы / Tax and nontax incomes	9,18	9,38	4,08	4,68	4,78	4,52	8,61	5,77	3,35
Налог на прибыль организаций / Tax on income of organizations	17,77	17,64	11,96	10,49	10,67	10,32	7,12	11,52	6,05
Налог на доходы физических лиц / Tax on physical persons income	2,62	2,51	2,72	3,86	3,55	2,48	4,00	2,78	2,91
Акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимым на территории Российской Федерации / Excises on excise goods produced on the territory of the Russian Federation	8,30	32,29	32,01	19,59	17,47	37,82	5,86	5,21	5,26
Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения / Tax levied within simplified taxation system	21 182,90	3,50	2,28	3,31	6,66	3,27	5,53	5,27	2,35
Налог на имущество организаций / Tax on property of organizations	3,65	7,19	2,46	7,08	6,33	3,87	5,69	4,31	5,61
Транспортный налог / Transport tax	5,22	9,60	22,96	30,52	30,37	30,67	7,77	8,13	5,08
Налог на игорный бизнес / Tax on gambling	0,15	30,27	27,19	13,67	9,62	14,04	9,29	33,33	2,91
Налог на добычу полезных ископаемых / Tax on extraction of natural resources	15,59	20,78	9,80	9,90	14,71	20,40	16,58	6,69	13,46
Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов / Dues for using objects of animal world and water biological resources	34,39	16,39	14,57	11,36	11,48	12,84	11,01	6,89	15,78
Государственная пошлина / State due	8,76	41,44	9,96	26,78	47,47	27,78	18,30	15,70	16,61
Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности / Income from using state and municipal property	13,68	12,22	37,89	27,04	13,83	15,52	19,54	26,49	58,44
II. Безвозмездные поступления / Gratuitous revenues	3,34	3,40	3,21	2,48	4,70	4,48	4,50	4,50	2,93
Безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации / Gratuitous revenues from other budgets of the Russian Federation budget system	1,56	3,77	3,23	2,41	4,85	2,75	2,93	4,74	2,80

Источник: расчеты авторов по данным Федерального казначейства. URL: www.roskazna.ru (дата обращения: 30.11.2020).

Source: calculations by the authors by the Federal Treasury data, available at: www.roskazna.ru (access date: 30.11.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 5

Годовые среднеквадратические отклонения показателя кассового исполнения консолидированных бюджетов субъектов ПФО в разрезе источников поступлений за 2011–2019 гг., %

Table 5. Annual mean square deviations of the cash execution of the consolidated budgets of the Volga federal district subjects in the aspect of revenue sources in 2011–2019, %

Показатель / Indicator	Год / Year								
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Доходы бюджета, всего / Budget income, total	4,14	4,00	2,90	3,50	3,31	3,32	5,67	4,15	2,90
I. Налоговые и неналоговые доходы / Tax and nontax incomes	7,33	7,66	3,37	4,19	4,60	4,21	7,43	4,96	114,14
Налог на прибыль организаций / Tax on income of organizations	17,77	17,64	11,96	10,49	10,67	10,32	7,12	11,52	6,05
Налог на доходы физических лиц / Tax on physical persons income	1,71	39,61	38,58	61,46	56,81	63,34	3,05	2,35	58,21
Акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимым на территории Российской Федерации / Excises on excise goods produced on the territory of the Russian Federation	8,30	32,29	32,00	513,90	575,78	547,56	5,65	5,02	555,67
Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения / Tax levied within simplified taxation system	5,37	15 569,41	2,38	3,10	2,57	3,19	5,31	3,74	886,58
Единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности / Unified tax on imputed income for certain types of activity	0,00	1,21	6,32	2,47	2,15	2,40	1,80	4,18	3,72
Единый сельскохозяйственный налог / Unified agricultural tax	0,00	13,10	6,55	8,55	15,57	8,94	12,75	9,45	5,37
Налог, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения / Tax levied within patent taxation system	0,00	0,00	23,60	20,80	22,06	12,94	9,06	8,60	6,40
Налог на имущество физических лиц / Tax on physical persons income	18,75	5,73	4,44	5,37	5,72	13,18	7,97	5,18	6,48
Налог на имущество организаций / Tax on property of organizations	3,40	7,20	2,46	7,07	6,33	3,87	5,69	4,29	5,61
Транспортный налог / Transport tax	5,09	9,79	22,96	30,51	30,29	30,55	7,72	8,12	5,07
Налог на игорный бизнес / Tax on gambling	0,15	40,42	26,91	13,64	9,67	14,10	9,38	32,79	13,65
Земельный налог / Land tax	3,98	3,42	3,49	2,55	6,84	11,01	6,69	3,80	2,20
Налог на добычу полезных ископаемых / Tax on extraction of natural resources	15,04	19,90	10,90	10,45	14,17	22,99	25,18	7,16	15,62
Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов / Dues for using objects of animal world and water biological resources	48,04	20,11	16,68	14,52	11,97	18,49	13,17	6,42	16,02
Государственная пошлина / State due	3,24	12,07	11,06	11,69	21,59	13,81	6,37	5,78	8,81
Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности / Income from using state and municipal property	3,39	4,93	11,57	11,96	12,82	6,71	7,09	5,23	12,95
II. Безвозмездные поступления / Gratuitous revenues	3,45	3,38	3,03	2,84	4,89	4,35	5,04	4,52	3,04
других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации / Gratuitous revenues from other budgets of the Russian Federation budget system	1,56	3,77	3,23	2,41	4,87	2,75	2,93	4,74	2,80

Источник: расчеты авторов по данным Федерального казначейства. URL: www.roskazna.ru (дата обращения: 30.11.2020).

Source: calculations by the authors by the Federal Treasury data, available at: www.roskazna.ru (access date: 30.11.2020).

Наименьшим разбросом среднеквадратического отклонения обладает налог на доходы физических лиц, в меньшей степени – налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения, и налог на имущество организаций. При рассмотрении данных по консолидированным бюджетам наименьший разброс отмечен для безвозмездных поступлений; для них же характерны медленные, но наиболее стабильные темпы прироста (табл. 6, 7).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 6

Среднегодовые темпы прироста доходов бюджетов субъектов ПФО за 2011–2019 гг., %

Table 6. Mean yearly growth rates of the revenues of the budgets of the Volga federal district subjects in 2011–2019, %

Субъект ПФО / Volga federal district subject	Доходы, всего / Income, total	Налог на прибыль организаций / Tax on income of organizations	Налог на доходы физических лиц / Tax on physical persons income	Акцизы по подакцизным товарам / Excises on excise goods	Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения / Tax levied within simplified taxation system	Налог на имущество организаций / Tax on property of organizations	Транспортный налог / Transport tax	Налог на добычу полезных ископаемых / Tax on extraction of natural resources	Доходы от использования имущества, находящегося в государственной собственности / Income from using state property	Государственная пошлина / State due	Безвозмездные поступления от других бюджетов / Gratuitous revenues from other budgets
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	4,37	5,36	8,85	12,02	10,13	15,61	9,24	-5,92	–6,20	x	–1,23
Кировская область / Kirov oblast	5,55	2,64	8,67	3,28	10,01	12,50	17,28	11,82	–10,33	23,46	4,77
Пензенская область / Penza oblast	5,97	5,68	10,05	9,51	21,32	7,74	14,32	12,11	–10,83	22,17	2,75
Оренбургская область / Orenburg oblast	6,3	4,73	8,11	7,31	x	8,90	x	11,48	–1,75	12,11	6,48
Самарская область / Samara oblast	6,95	5,60	8,49	8,07	18,05	4,77	11,46	3,13	15,81	4,58	3,95
Саратовская область / Saratov oblast	7,18	4,68	8,57	6,84	15,58	7,61	x	4,86	–16,68	21,33	7,19
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	7,34	7,67	9,58	8,39	13,15	6,89	12,20	3,93	–8,52	23,11	5,80
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	7,38	10,83	11,42	14,99	18,34	12,20	11,60	-22,72	9,87	19,72	–5,64
Республика Удмуртия / Udmurt Republic	7,71	6,71	10,07	7,47	16,69	13,27	10,12	x	–20,66	20,02	4,89
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	7,87	7,00	9,19	7,19	2,84	5,75	13,08	10,99	9,57	26,30	8,06
Нижегородская область / Nizhegorodskaya oblast	8,08	8,20	10,73	9,32	16,56	6,22	7,48	7,23	1,55	1,94	3,82
Республика Чувашия / Chuvash Republic	8,36	6,91	9,87	5,98	17,42	3,63	11,26	–	–5,76	12,69	7,10
Пермский край / Perm krai	8,67	7,44	9,25	2,74	16,64	23,18	н/д	14,01	–27,25	15,11	6,43
Ульяновская область / Ulyanovsk oblast	8,73	7,93	11,75	19,30	12,17	9,99	9,54	-0,90	–15,24	30,67	1,37

Источник: расчеты авторов по данным Федерального казначейства. URL: www.roskazna.ru (дата обращения: 30.11.2020).

Source: calculations by the authors by the Federal Treasury data, available at: www.roskazna.ru (access date: 30.11.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таблица 7

Среднегодовые темпы прироста доходов консолидированных бюджетов субъектов ПФО за 2011–2019 гг., %

Table 7. Mean yearly growth rates of the revenues of the consolidated budgets of the Volga federal district subjects in 2011–2019, %

Субъект ПФО / Volga federal district subject	Доходы, всего / Income, total	Налоги на прибыль, доходы / Tax on income	Налоги на товары, работы, услуги, реализуемые на территории Российской Федерации / Taxes on goods, works and services marketed in the territory of the Russian Federation	Налоги на совокупный доход / Tax on total income	Налоги на имущество / Tax on property	Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами / Taxes, dues and regular payments for using natural resources	Государственная пошлина / State due	Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности / Income from using state and municipal property	Доходы от продажи материальных и нематериальных активов / Income from selling tangible and intangible assets	Безвозмездные поступления от других бюджетов / Gratuitous revenues from other budgets
Республика Чувашия / Chuvash Republic	7,55	6,91	6,75	11,41	5,82	5,56	–0,17	–0,26	4,61	7,10
Республика Удмуртия / Udmurt Republic	7,47	6,71	8,36	13,30	13,56	10,07	0,58	11,36	–10,87	4,88
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	7,39	6,71	7,92	10,32	8,88	10,87	1,35	6,07	–0,98	8,06
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	7,32	10,83	15,44	13,19	11,33	1,87	0,10	8,65	–2,35	–5,65
Ульяновская область / Ulyanovsk oblast	7,17	7,93	19,60	8,87	9,52	–0,83	–1,95	–3,64	–7,96	1,37
Нижегородская область / Nizhegorodskaya oblast	6,98	8,20	9,95	12,17	5,09	7,26	–0,52	0,29	–9,98	3,80
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	6,91	7,67	9,29	10,53	8,79	4,12	0,34	2,61	2,90	5,76
Пермский край / Perm krai	6,83	7,44	3,66	12,83	4,90	13,86	1,49	–2,45	–11,75	7,22
Самарская область / Samara oblast	6,26	5,60	8,72	13,21	5,96	3,17	0,43	3,83	–4,60	3,94
Саратовская область / Saratov oblast	6,07	4,68	8,50	10,54	7,32	4,62	0,80	–0,99	–5,81	7,19
Оренбургская область / Orenburg oblast	5,45	4,73	8,48	9,87	7,43	11,48	0,74	–1,10	–3,59	6,48
Кировская область / Kirov oblast	5,24	2,64	4,22	11,59	10,37	10,6	1,3	–3,58	–4,6	4,77
Пензенская область / Penza oblast	4,46	4,30	10,13	12,12	8,70	12,49	–2,07	4,17	2,49	2,75
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	4,12	5,36	12,38	6,15	12,55	-5,69	1,60	–0,11	–2,41	–1,23

Источник: расчеты авторов по данным Федерального казначейства. URL: www.roskazna.ru (дата обращения: 30.11.2020).

Source: calculations by the authors by the Federal Treasury data, available at: www.roskazna.ru (access date: 30.11.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Доходы бюджетов субъектов РФ от собственности, как налоговые, так и неналоговые, не могут формировать «ядро» доходов бюджета субъекта вследствие высокой вариации и нестабильности поступлений. Невысокая значимость этих поступлений объясняется невысокой совокупной стоимостью и состоянием собственности субнациональных публично-правовых образований РФ. Основной объем поступлений может и должен формироваться преимущественно за счет результатов экономической активности населения и организаций региона при существующих пропорциях распределения доходов, но взамен стабильности и низкой уязвимости акцент сделан на возможностях мобилизации конкретных разновидностей доходов, наиболее высоких для безвозмездных поступлений. Их влияние, обусловленное для дотационных регионов, в том числе долей в совокупном объеме доходов, настолько высоко, что нивелирует более существенные колебания прочих доходов.

Анализ показателей вариации позволил выявить поступления с низкой вариацией отклонений, т. е. имеющие устойчивую базу формирования отчислений в субнациональные бюджеты, что позволило определить фактически сложившееся «ядро». Однако значения показателей свидетельствуют о низкой стрессоустойчивости региональной социально-экономической подсистемы, так как высокими показателями отклонений обладают поступления по налогу на прибыль и акцизам, что характеризует нестабильность регионального экономического развития и высокую степень отклонения равновесного спроса от предложения, обусловленного макроэкономической динамикой.

Акцент на трансфертный механизм способен усугубить негативные последствия экономической нерациональной структуры «ядра»: федеральное правительство может использовать трансфертную схему для противодействия социальным издержкам политических бюджетных циклов [27, с. 542]. Негативное влияние фактора экстерриториальности может быть компенсировано только кардинальными институциональными изменениями, в частности, переходом к новым принципам налогообложения и региональной политики [28].

Финансовая помощь субнациональным образованиям органами власти более высокого уровня является распространенным явлением во многих фискально децентрализованных странах [29, с. 209]. Однако применение данного механизма должно иметь стимулирующий экономический эффект для повышения уровня стрессоустойчивости региональной социально-экономической подсистемы: в зарубежной практике все большее распространение находят не трансферты, а бюджетные гранты. Режим грантов стимулирует региональное правительство прилагать усилия, потому что оно должно оплатить часть дополнительных расходов [30, с. 37].

Результаты исследования

При сопоставлении заявленных теоретических характеристик «ядра» с полученными в рамках модели результатами авторами замечено, что ни один из рассматриваемых элементов доходов бюджетов субъектов РФ не соответствует одновременно всем заявленным критериям. Низкую вероятность отклонений от заявленных значений демонстрируют поступления по НДФЛ; доходы, связанные с применением упрощенной системы налогообложения субъектами малого бизнеса, и имущественные налоги, по сути, отражающие приоритеты реализации полномочий субъектов РФ. Однако устойчивость статистических оценок в отношении первых двух элементов вызывает сомнения ввиду склонности к занижению налогооблагаемой базы, а их совокупность не отражает способность региональной экономики к восстановлению – уровень доходов населения выступает производной от предпринимательской активности, а влияние налоговых и неналоговых доходов от собственности и специальных налоговых режимов на общий объем поступлений для дотационных субъектов несущественно. Поступления, призванные определять стрессоустойчивость экономики и характеризующие активность ее агентов, напротив, показывают высокую вероятность отклонений, причем обусловленную причинами не мезо-, а макроэкономического характера. Стабильность безвозмездных поступлений поддерживает жесткую политику централизации, но сформировать реальную рыночную способность региональной экономики к восстановлению не в состоянии, если не задействованы стимулирующие элементы трансфертного механизма.

Выводы

При существующем закреплении доходов между бюджетами риск-менеджмент доходов бюджетов субъектов РФ трансформирован в управление показателями эффективности администрирования, а структура «ядра» доходов бюджетов субъектов РФ

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

смещена с экономически обусловленной на искусственно сконструированную. Стабильные поступления в бюджеты регионов, связанные с неизменностью базы исчисления или стабильностью ее прироста, далеко не всегда обусловленного действием производительных факторов, могут купировать заинтересованность региональных органов власти в дальнейших институциональных изменениях и ожидаемо вызвать потребность оправдывать нередко проявляющуюся низкую эффективность мезоуправления исключительно трендами макроразвития. Значительные различия в распределении регионов по темпам спада в условиях пандемии *COVID*-19 продемонстрировали различия в региональных профилях кризиса [31, 32] вследствие того, что регионы были лишены действенных экономических инструментов и стимулов управления рисками и не имели внутренней осознанной потребности в развитии риск-менеджмента на собственной территории. Без изменений в принципах распределения доходов и в региональной политике невозможна трансформация формирования «ядра» доходов региональных бюджетов с критерия обеспечения полномочий на критерий рыночной эффективности и жизнеспособности власти.

Список литературы

1. Аркадьева О. Г., Березина Н. В. Проблемы разграничения региональных финансовых рисков по критерию управляемости // Материалы V Международной научно-практической конференции «Потенциал роста современной экономики: возможности, риски, стратегии». М.: Изд-во Моск. ун-та им. С. Ю. Витте, 2018. С. 79–87.

2. Ruth M. Regional Science in a Resource-Constrained World // The Annals of Regional Science. 2018. Iss. 61. Pp. 229–236. DOI: https://doi.org/10.1007/s00168-018-0879-0

3. Швецов Ю. Г., Булаш О. А. Финансовые основы формирования в России социально ориентированного бюджета // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 9 (195). С. 2–15.

4. Аркадьева О. Г., Березина Н. В. Дискуссионные вопросы теории и практики риск-менеджмента в секторе государственного управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15, No. 4 (373). С. 745–760. DOI: https://doi.org/10.24891/ni.15.4.745

5. Галухин А. В., Ускова Т. В. Совершенствование управления рисками доходной базы консолидированных бюджетов регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 162–179. DOI: https://doi.org/10.15838/esc/2016.6.48.9

6. Масгрейв Р. А., Масгрейв П. Б. Государственные финансы: теория и практика: пер. с англ. М.: Бизнес Атлас, 2009. 716 с.

7. Jacobs B. The Marginal Cost of Public Funds Is One at the Optimal Tax System // International Tax and Public Finance. 2018. Iss. 25. Pp. 883–912. DOI: https://doi.org/10.1007/s10797-017-9481-0

8. Stilianos A. The Dilemma of Regional Policy. Increasing “Effciency” or Improving “Equity”? New York: Palgrave Pivot, 2018. 117 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-68900-5

9. The Financial Distress of Public Sector Entities, Causes and Risk Factors. Empirical Evidence from Europe in the Post-crisis Period / M. Ziolo, M. Porada-Rochon, E. Szaruga // Risk Management in Public Administration. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 315–360. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-30877-7_11

10. Малкина М. Ю., Балакин Р. В. Оценка риска и эффективности налоговых систем российских регионов на разных уровнях бюджетной системы // Финансы и кредит. 2016. № 36 (708). С. 2–18.

11. Новоселов К. В. Перспективы развития риск-менеджмента в налоговой сфере // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10, № 6. С. 29–38.

12. Риск-ориентированное государственное регулирование: международный опыт и российская практика // Аналитические обзоры Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2015. № 4. 78 с. URL: https://drive.google.com/file/d/0ByzsVCsPhZVOUg5Vnpia213Y1E/view (дата обращения: 24.03.2020).

13. Тюрина Ю. Г. Налоговые риски и факторы, влияющие на их возникновение // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26, № 6. С. 964–971.

14. Окунь А. С., Васюта Е. А. Налоговая задолженность как угроза финансовой безопасности государства: методологический аспект // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12, № 1 (334). С. 98–115.

15. Концепция налогового бремени с позиции финансовой безопасности: региональный аспект / А. С. Окунь, С. А. Окунь, А. С. Андреенкова, А. С. Маркелова // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7, № 3. С. 103–123.

16. Попова Е. В. Налоговые риски: экономическая сущность и методологические подходы к их оценке // Аудитор. 2014. № 7 (233). С. 72–77.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

17. Arkadeva O. G., Berezina N. V. Theoretical basis of state participation in the risk assessment of social development // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. Vol. LXXVII. Pp. 557–564. DOI: https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.05.69

18. Аркадьева О. Г., Березина Н. В. Анализ методологических подходов и принципов оценки рисков на основе построения рейтингов интегральных риск-индексов // Проблемы анализа риска. 2019. Т. 16, № 6. С. 78–89. DOI: https://doi.org/10.32686/1812-5220-2019-16-6-78-89

19. Aven T. Risk assessment and risk management: Review of recent advances on their foundation // European Journal of Operational Research. 2016. № 263. Pp. 1–13.

20. Aven T., Renn O. Risk Management and Governance. Concepts, Guidelines and Applications. Berlin: Springer-Verlag Heidelberg, 2010. 278 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-13926-0

21. Васюнина М. Л. Об управлении бюджетными рисками // Финансы и кредит. 2017. Т. 23, № 40. С. 2408–2419. DOI: https://doi.org/10.24891/fc.23.40.2408

22. Тихомиров Ю. А. Риск в фокусе правового регулирования // Право и современные государства. 2017. № 6. С. 9–23.

23. Риск-ориентированный подход к оценке бюджетной безопасности Российской Федерации / Н. И. Яшина, Н. Н. Прончатова-Рубцова, Ю. С. Каленова // Дайджест-Финансы. 2017. Т. 22, вып. 1. С. 77–93.

24. Сопоставление эффективности бюджетного финансирования и социальной безопасности региона / А. А. Куклин, С. Е. Шипицына, К. С. Наслунга // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 638–653. DOI: https://doi.org/10.17059/2016-3-3

25. Гамукин В. В. Методы анализа бюджетных рисков // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 24 (423). С. 33–42.

26. Yokoi T. Spatial lag dependence in the presence of missing observations // The Annals of Regional Science. 2018. Iss. 60. Pp. 25–40. DOI: https://doi.org/10.1007/s00168-015-0737-2

27. Aronsson Th., Granlund D. Federal subsidization of state expenditure to reduce political budget cycles // International Tax and Public Finance. 2017. Iss. 24. Pp. 536–545. DOI: https://doi.org/10.1007/s10797-016-9404-5

28. Nefedkin V. I. Exterritorial and Local Content of Regional Development // Regional Research of Russia. 2017. Vol. 7, Iss. 3. Pp. 208–214.

29. Baskaran T. Local fiscal policy after a bailout: austerity or soft budget constraints? // Economics of Governance. 2017. Iss. 18. Pp. 209–238. DOI: https://doi.org/10.1007/s10101-017-0194-8

30. Akai N., Sato M. The role of matching grants as a commitment device in the federation model with a repeated soft budget setting // Economics of Governance. 2019. Iss. 20. Pp. 23–39. DOI: https://doi.org/10.1007/s10101-019-00221-7

31. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2 (68). С. 4–17. DOI: https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-1

32. Зубаревич Н. В. Пандемия и регионы: итоги января-августа 2020 г. // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27, № 11. С. 91–95.

References

1. Arkadeva O. G., Berezina N. V. Problems of classification of regional financial risks on the criteria of controllability, *Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Potentsial rosta sovremennoi ekonomiki: vozmozhnosti, riski, strategii"*, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta im. S. Yu. Vitte, 2018, pp. 79–87 (in Russ.).

2. Ruth M. Regional Science in a Resource-Constrained World, *The Annals of Regional Science*, 2018, Iss. 61, pp. 229–236. DOI: https://doi.org/10.1007/s00168-018-0879-0

3. Shvetsov Yu. G., Bulash O. A. Financial bases of forming a socially-oriented budget in Russia, *Financial Analytics: Science and Experience*, 2014, No. 9 (195), pp. 2–15 (in Russ.).

4. Arkad'eva O. G., Berezina N. V. Risk management in the general government sector: discussion issues of theory and practice, *National Interests: Priorities and Security*, 2019, Vol. 15, No. 4 (373), pp. 745–760 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.24891/ni.15.4.745

5. Galukhin A. V., Uskova T. V. Improving the system of management of risks of the income base of regions' consolidated budgets, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, No. 6, pp. 162–179 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.15838/esc/2016.6.48.9

6. Masgreiv R. A., Masgreiv P. B. *State finances: theory and practice*, Moscow, Biznes Atlas, 2009, 716 p. (in Russ.).

7. Jacobs B. The Marginal Cost of Public Funds Is One at the Optimal Tax System, *International Tax and Public Finance*, 2018, Iss. 25, pp. 883–912. DOI: https://doi.org/10.1007/s10797-017-9481-0

8. Stilianos A. *The Dilemma of Regional Policy. Increasing "Effciency" or Improving "Equity"?*, New York, Palgrave Pivot, 2018, 117 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-68900-5

9. Ziolo M., Porada-Rochon M., Szaruga E. The Financial Distress of Public Sector Entities, Causes and Risk Factors. Empirical Evidence from Europe in the Post-crisis Period, *Risk Management in Public Administration*, London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 315–360. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-30877-7_11

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

10. Malkina M. Yu., Balakin R. V. Assessing the tax systems' risk and efficiency in Russian regions at different levels of the budget system, *Finance and Credit*, 2016, No. 36 (708), pp. 2–18 (in Russ.).

11. Novoselov K. V. Risk management prospects in the tax sphere, *Economics, Taxes & Law*, 2017, Vol. 10, No. 6, pp. 29–38 (in Russ.).

12. Risk-oriented state regulation: international experience and the Russian practice, *Analiticheskie obzory Instituta gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii*, 2015, No. 4, 78 p., available at: https://drive.google.com/file/d/0By-zsVCsPhZVOUg5Vnpia213Y1E/view (access date: 24.03.2020) (in Russ.).

13. Tyurina Yu. G. Tax risks and factors influencing their occurrence, *Bulletin of Baikal State University*, 2016, Vol. 26, No. 6, pp. 964–971 (in Russ.).

14. Okun' A. S., Vasyuta E. A. Tax debt as a threat to the financial security of the state: methodological considerations, *National Interests: Priorities and Security*, 2016, Vol. 12, No. 1 (334), pp. 98–115 (in Russ.).

15. Okun' A. S., Okun' S. A., Andreenkova A. S., Markelova A. S. The concepts of tax burden from the position of financial security: a regional aspect, *Journal of Economic Regulation*, 2016, Vol. 7, No. 3, pp. 103–123 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.17835/2078-5429.2016.7.3.103-123

16. Popova E. V. Tax risks: economic essence and methodological approaches to its evaluation, *Auditor*, 2014, No. 7 (233), pp. 72–77 (in Russ.).

17. Arkadeva O. G., Berezina N. V. Theoretical basis of state participation in the risk assessment of social development, *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2019, Vol. LXXVII, pp. 557–564. DOI: https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.05.69

18. Arkadeva O. G., Berezina N. V. Analysis of methodological approaches and principles of risk assessment based on the formation of integral risk index ratings, *Issues of Risk Analysis*, 2019, Vol. 16, No. 6, pp. 78–89 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.32686/1812-5220-2019-16-6-78-89

19. Aven T. Risk assessment and risk management: Review of recent advances on their foundation, *European Journal of Operational Research*, 2016, No. 263, pp. 1–13.

20. Aven T., Renn O. *Risk Management and Governance. Concepts, Guidelines and Applications*, Berlin, Springer-Verlag Heidelberg, 2010, 278 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-13926-0

21. Vasyunina M. L. On budget risk management, *Finance and Credit*, 2017, Vol. 23, No. 40, pp. 2408–2419 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.24891/fc.23.40.2408

22. Tikhomirov Yu. A. Risk in the focus of legal regulation, *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2017, No. 6, pp. 9–23 (in Russ.).

23. Yashina N. I., Pronchatova-Rubtsova N. N., Kalenova Yu. S. Risk-oriented approach to assessing the budget safety of the Russian Federation, *Digest Finance*, 2017, Vol. 22, Iss. 1, pp. 77–93 (in Russ.).

24. Kuklin A. A., Shipitsyna S. E., Naslunga K. S. Comparison of the Efficiency of Budget Financing and the Social Security of a Region, *Economy of Region*, 2016, Vol. 12, Iss. 3, pp. 638–653 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.17059/2016-3-3

25. Gamukin V. V. Methods to analyze budget risks, *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2015, No. 24 (423), pp. 33–42 (in Russ.).

26. Yokoi T. Spatial lag dependence in the presence of missing observations, *The Annals of Regional Science*, 2018, Iss. 60, pp. 25–40. DOI: https://doi.org/10.1007/s00168-015-0737-2

27. Aronsson Th., Granlund D. Federal subsidization of state expenditure to reduce political budget cycles, *International Tax and Public Finance*, 2017, Iss. 24, pp. 536–545. DOI: https://doi.org/10.1007/s10797-016-9404-5

28. Nefedkin V. I. Exterritorial and Local Content of Regional Development, *Regional Research of Russia*, 2017, Vol. 7, Iss. 3, pp. 208–214.

29. Baskaran T. Local fiscal policy after a bailout: austerity or soft budget constraints?, *Economics of Governance*, 2017, Iss. 18, pp. 209–238. DOI: https://doi.org/10.1007/s10101-017-0194-8

30. Akai N., Sato M. The role of matching grants as a commitment device in the federation model with a repeated soft budget setting, *Economics of Governance*, 2019, Iss. 20, pp. 23–39. DOI: https://doi.org/10.1007/s10101-019-00221-7

31. Zubarevich N. V., Safronov S. G. Regions of Russia in the acute phase of the Covid crisis: differences from previous economic crises of the 2000s, *Regional'nye issledovaniya*, 2020, No. 2 (68), pp. 4–17 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-1

32. Zubarevich N. V. Pandemic and regions: january-august 2020 results, *Russian Economic Developments*, 2020, Vol. 27, No. 11, pp. 91–95 (in Russ.).

Дата поступления / Received 07.12.2020
Дата принятия в печать / Accepted 22.01.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Аркадьева О. Г., Березина Н. В., 2021
© Arkadeva O. G., Berezina N. V., 2021

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 001.89:338.24:338.3:658:623
JEL: D24, L25, L64, M11, O3
DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.31-42

Научная статья

А. М. БАТЬКОВСКИЙ[1],
М. А. БАТЬКОВСКИЙ[2],
Е. Ю. ХРУСТАЛЕВ[3]

[1] Московский авиационный институт, г. Москва, Россия,
[2] АО «Научно-испытательный центр «Интелэлектрон», г. Москва, Россия,
[3] Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, г. Москва, Россия

ОЦЕНКА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ РАБОТ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ДИВЕРСИФИКАЦИЮ ПРОИЗВОДСТВА

Контактное лицо:
Батьковский Александр Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Управление высокотехнологичными предприятиями», Московский авиационный институт
Адрес: 125993, Москва, Волоколамское шоссе, 4, тел.: +7 (499) 158-41-20
E-mail: batkovsky@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5145-5748
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-4076-2017
eLIBRARY ID: SPIN-код: 9024-3229, AuthorID: 77627

Батьковский Михаил Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, АО «Научно-испытательный центр «Интелэлектрон»
Адрес: 111123, Москва, ул. Плеханова, 4а, тел.: +7 (495) 545-42-56
E-mail: batkovsky@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4930-0675
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/AAV-9161-2020
eLIBRARY ID: SPIN-код: 5679-5538, AuthorID: 157243

Хрусталев Евгений Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН
Адрес: 117418, Москва, Нахимовский просп., 47, тел.: +7 (499) 724-25-68
E-mail: stalev@cemi.rssi.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3267-104X
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/AAB-6083-2020
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1618-1843, AuthorID: 75555

Цель: развитие методологических основ и инструментария оценки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, осуществляемых с целью диверсификации производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса, а также прогнозирования их цены.
Методы: сравнительного анализа, экономико-математического моделирования и экспертных оценок.
Результаты: реализация диверсификационных мероприятий, осуществляемых предприятиями оборонно-промышленного комплекса, является важнейшим условием их инновационного развития в настоящее время. Большинство указанных мероприятий базируются на результатах научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, проводимых с целью создания новой диверсифицированной продукции. Эффект от реализации данных работ заключается в изменении номенклатуры создаваемой продукции, улучшении ее качества, росте производительности труда и др. Эффективность научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, направленных на обеспечение процесса диверсификации производства, в значительной мере зависит от методики расчета их цены. В статье представлены предложения по развитию процедур оценки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и прогнозирования их цены в современных сложных экономических условиях, оказывающих негативное влияние на процесс диверсификации производства.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Научная новизна: на основе анализа общих закономерностей теории менеджмента проанализирована и уточнена система критериев оценки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выполняемых научными организациями и конструкторскими бюро в интересах выполнения программ диверсификации производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса. На базе сформулированных методологических основ, учитывающих специфику ценообразования на результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, проводимых в интересах обеспечения национальной безопасности, разработаны предложения по развитию методов экономической оценки данных работ и инструментарий прогнозирования их цены.
Практическая значимость: результаты исследования могут служить основой для разработки и корректировки планов выполнения научных работ, осуществляемых с целью обеспечения процесса диверсификации производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; цена; научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; диверсификация; продукция; оценка; эффективность

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-78-20001.

Конфликт интересов: *авторами не заявлен.*

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Батьковский А. М., Батьковский М. А., Хрусталев Е. Ю. Оценка научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, обеспечивающих диверсификацию производства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 31–42. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.31-42

The scientific article

A. M. BATKOVSKIY[1],
M. A. BATKOVSKIY[2],
E. IU. KHRUSTALEV[3]

[1] Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia
[2] Scientific-testing center "Intelelektron" JSC, Moscow, Russia
[3] Central Institute for Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

EVALUATION OF SCIENTIFIC RESEARCH AND DEVELOPMENT WORKS PROVIDING DIVERSIFICATION OF PRODUCTION

Contact:
Aleksandr M. Batkovskiy, Doctor of Economics,
Professor of the Department "Management of high-tech enterprises",
Moscow Aviation Institute
Address: 4 Volokolamskoye shosse, 125993 Moscow, tel.: +7 (499) 158-41-20
E-mail: batkovsky@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5145-5748
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/P-4076-2017
eLIBRARY ID: SPIN-код: 9024-3229, AuthorID: 77627

Mikhail A. Batkovskiy, PhD (Economics), Leading Researcher,
Scientific-testing center "Intelelektron" JSC
Address: 4a Plekhanov Str., 111123 Moscow, tel.: +7 (495) 545-42-56
E-mail: batkovsky@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4930-0675
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/AAV-9161-2020
eLIBRARY ID: SPIN-код: 5679-5538, AuthorID: 157243

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Evgenii Iu. Khrustalev, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher,
Central Institute for Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences
Address: 47 Nakhimovsky prospekt, 117418 Moscow, tel.: +7 (499) 724-25-68
E-mail: stalev@cemi.rssi.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3267-104X
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/AAB-6083-2020
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1618-1843, AuthorID: 75555

Objective: to develop methodological foundations and tools for evaluating research and development activities carried out in order to diversify production at enterprises of the military-industrial complex, as well as to predict their prices.
Methods: comparative analysis, economic and mathematical modeling, and expert assessments.
Results: the implementation of diversification measures carried out by enterprises of the military-industrial complex is the most important condition for their innovative development today. Most of these activities are based on the results of research and development work carried out with the aim of creating new diversified products. The effect of the implementation of these works is to change the range of products created, improve their quality, increase labor productivity, etc. The effectiveness of research and development activities aimed at ensuring the process of production diversification largely depends on the method of calculating their price. The article presents proposals for the development of procedures for evaluating research and development works and forecasting their prices in today's difficult economic conditions that have a negative impact on the process of production diversification.
Scientific novelty: based on the analysis of the general laws of management theory, the system of criteria is analyzed and refined, which is used for evaluating research and development work performed by scientific organizations and design bureaus in the interests of implementing production diversification programs at enterprises of the military-industrial complex. Based on the formulated methodology, which takes into account the specifics of pricing for the results of research and development work carried out in the interests of ensuring national security, proposals have been elaborated for the development of techniques for economic evaluation of these works and tools and for predicting their prices.
Practical significance: the results of the study can serve as a basis for the development and adjustment of plans for the implementation of scientific works carried out to provide for production diversification at the enterprises of the military-industrial complex.

Keywords: Economics and the national economy management; Price; Research and development work; Diversification; Products; Evaluation; Efficiency

Acknowledgment: the research was carried out with the financial support of the Russian Scientific Fund within the project No. 21-78-20001.

Conflict of Interest: *No conflict of interest is declared by the authors.*

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Batkovskiy A. M., Batkovskiy M. A., Khrustalev E. Iu. Evaluation of scientific research and development works providing diversification of production, *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 31–42 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.31-42

Введение

В настоящее время вопрос оценки экономической эффективности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) приобрел особую значимость в связи с проведением масштабных диверсификационных мероприятий на предприятиях оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) [1, 2]. В условиях нарастающего нового социально-экономического кризиса в стране, вызванного в первую очередь ошибками проводимой в России экономической политики, а также экономическими последствиями текущей глобальной пандемии коронавирусной инфекции *COVID*-19, диверсификация производства на предприятиях ОПК является основ-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ным способом сохранения высокотехнологичного промышленного потенциала России. Большинство остальных мер борьбы с кризисом, которые навязывают руководству страны либеральные экономисты и так называемые эффективные менеджеры, такие как сокращение государственных расходов, усиление налогового бремени и др., ведут к развалу российской экономики, в первую очередь ее промышленного потенциала.

Эффективность диверсификационных мероприятий в значительной мере зависит от их научной обоснованности [3]. Данное обстоятельство требует проведения оценки экономической эффективности всех этапов их выполнения, начиная с научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, осуществляемых для обеспечения диверсификационных мероприятий.

Постановка проблемы и необходимость проведения исследования

Долгие годы в нашей стране оценки экономической эффективности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ замыкались на конкретных образцах продукции и услуг, создаваемых в результате их реализации. Позднее – на инвестиционных проектах, в ходе реализации которых проводились НИОКР. При этом указанная оценка в СССР осуществлялась на базе отраслевых и межведомственных методик, которые были основаны на общегосударственных подходах к анализу экономической эффективности капиталовложений [4, 5]. В последние годы существования СССР началось внедрение так называемой методологии ЮНИДО, разработанной Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (*UNIDO – United Nations Industrial Development Organization*). Данная методология базируется на теории альтернативной стоимости, которая увязала между собой закон стоимости и закон предложения. Понятие альтернативной стоимости характеризует наилучшую стоимость из упущенных в результате выбора конкретного альтернативного варианта реализации экономического мероприятия. При этом затраты рассматриваются как ценность альтернативных возможностей данной реализации. Методология ЮНИДО в нашей стране внедрялась путем разработки и введения в действие различных нормативно-методических документов. Внедрение указанных документов и разработанных на их основе отраслевых и видовых (по видам продукции) методик оценки эффективности различных экономических мероприятий в практику хозяйственной деятельности способствовало повышению ее эффективности [6, 7]. Возникает вопрос: применимы ли подходы, изложенные в данных методиках, к оценке НИОКР, выполняемых при реализации диверсификационных мероприятий? Ответ на этот вопрос, безусловно, положительный. Но, учитывая специфику указанных НИОКР, данные рекомендации требуют определенных доработок.

Основной отличительной чертой НИОКР, которые выполняются в интересах программ диверсификации производства, является то, что их результаты в форме новых материалов, технологий и изделий предназначены, как правило, для двойного применения (военного и гражданского). Данное обстоятельство определяет специфику управления указанными НИОКР, которое осуществляется с использованием как рыночных, так и планово-директивных методов. Отмеченные особенности рассматриваемых работ придают своеобразие определению их цены, стоимости и ценности. Так, например, если данные НИОКР реализуются в рамках Гособоронзаказа, то порядок их выполнения жестко регламентирован рядом законодательных и нормативных актов (общедоступных и ограниченного пользования)[1]. Ценообразование результатов указанных НИОКР также специфично. Так, в соответствии со ст. 149 Налогового кодекса выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, относящихся к оборонному заказу, освобождается от обложения налогом на добавленную стоимость. Исполнитель Гособоронзаказа в соответствии со ст. 170 Налогового кодекса обязан вести раздельный учет[2].

Аналогично, в силу специфики использования результатов анализируемых НИОКР, которые могут применяться и в интересах обеспечения национальной безопасности, их ценность определяется не только экономическим, но и военным эффектом от их приме-

[1] См., например, ГОСТ РВ 15.105-2001 Система разработки и постановки продукции на производство. Военная техника. Порядок выполнения научно-исследовательских работ и их составных частей. Основные положения. М.: Госстандарт России, 2002. 39 с.

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 1 и 2. М.: Эксмо-Пресс, 2020. 1280 с.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

нения. Однако отмеченные (и другие) специфические особенности рассматриваемых НИОКР в действующих нормативно-методических документах отражены недостаточно полно и не системно. Более того, многие из них не рассматриваются и в весьма немногочисленных научных публикациях по данной проблематике. При этом некоторые из указанных публикаций не предназначены для открытой печати, что не позволяет в этой статье представить полноценный их обзор.

Среди российских авторов, исследовавших отдельные вопросы оценки НИОКР и прогнозирования цены на их результаты, можно назвать С. В. Валдайцева, А. А. Трифилову, Г. А. Краюхина, П. Н. Завлина, А. К. Казанцева, Л. Э. Миндели, Ю. В. Сидельникова, Ф. Ф. Юрлова, А. Ф. Плеханову, В. М. Аньшина, С. Н. Яшина, Ю. В. Яковца и ряд других ученых [8, 9]. При этом практически все указанные авторы, как и другие российские экономисты, в своих работах не анализировали НИОКР двойного назначения в силу сложности данного объекта исследования. Из числа доступных источников наиболее близки тематике статьи следующие работы: [10] (в ней исследованы некоторые элементы организационно-экономического механизма управления НИОКР на предприятии ОПК), [11] (представлены предложения по развитию методологических основ анализа влияния результатов НИОКР на эффективность диверсификации производства и по совершенствованию прогнозирования их цены), [12] (разработаны отдельные алгоритмы оценки рисков НИОКР, выполняемых с целью диверсификации производства). Проведенный анализ состояния исследований по проблеме оценки НИОКР, обеспечивающих диверсификацию производства на предприятиях ОПК, а также прогнозирования их цены свидетельствует, что уровень научной проработки рассматриваемой проблемы не соответствует ее значимости. Поэтому необходим новый подход к объекту оценки. Решения отдельных задач, связанных с рассматриваемой проблемой, могут осуществляться достаточно автономно, но в тесной процедурной и информационной связи и на общей методологической основе [13].

Методы исследования

Понятия стоимости и полезности любой НИОКР должны проявляться во взаимосвязанном анализе качества и количества ее результатов. Весьма важным вопросом в части оценки НИОКР, проводимых с целью разработки новых продуктов и услуг, которые будут реализованы в процессе диверсификации производства на предприятиях ОПК, является вопрос о переходе их результатов в конкретные технико-технологические характеристики создаваемой диверсифицируемой продукции. Поэтому многие из подходов и методов, применяемых в сфере оценки продукции и технологий в народном хозяйстве, могут быть применены и при оценке эффективности НИОКР, обеспечивающих диверсификацию производства на предприятиях ОПК. Но следует учитывать, что оценка данных НИОКР по своей сути относится к работам, связанным с военным производством, и поэтому в ряде аспектов может иметь существенную специфику [14, 15]. В отечественной хозяйственной практике методы оценки эффективности НИОКР развивались достаточно слабо – применялись в основном методы чисто качественных или эвристических оценок. За рубежом развитие данных методов аналогично отечественной практике, но с опережением. Господствующим при этом был подход, основанный на экономической оценке эффекта от коммерческого использования НИОКР путем определения их рентабельности. При этом в качестве критерия для оценки используется прямо или в модифицированной форме соотношение денежных затрат и результатов [16]. Данная методология применима для оценки НИОКР, реализуемых для выполнения диверсификационных мероприятий (с учетом их некоторых особенностей). Для учета указанных особенностей можно использовать разные формулы и показатели расчета [17]. Например, целесообразно применять метод анализа эффективности капиталовложений, сравнивая затраты и доходы, связанные с НИОКР, а также используя их производные показатели. Они применимы к оценке и диверсификационных мероприятий (при коммерческом использовании их результатов) [18]. Этот подход аналогичен использованию основной меры рентабельности:

$$P^{NR} = D^{NR} \big/ C^{NR}, \quad (1)$$

где D^{NR} – доход, получаемый от использования результатов НИОКР; C^{NR} – капитал, необходимый для проведения НИОКР.

Для учета рисков выполнения НИОКР целесообразно использовать следующую формулу:

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

$$P^{NR} = \frac{R_1^{NR} \cdot R_2^{NR} \cdot R_3^{NR} \cdot (k \cdot D^{NR} - Z^{NR})}{C^{NR}}, \qquad (2)$$

где R_1^{NR} – научно-технической риск реализации НИОКР; R_2^{NR} – технологический риск реализации НИОКР; V_C^I – риск реализации НИОКР, вызванный рыночными колебаниями; k – коэффициент дисконта; Z^{NR} – затраты, связанные с проведением НИОКР.

Наиболее приемлемым при решении рассматриваемой задачи является показатель сравнительной ценности (V_C^I) результатов НИОКР:

$$V_C^I = \frac{L_{OP}^{NR} \cdot L_{RZ}^{NR} \cdot L_{FK}^{NR} \cdot D_{CH}^{NR} \cdot K_{FT}^{NR} - X_{CS}^{NR}}{S_{FUL}^{NR}}, \qquad (3)$$

где L_{OP}^{NR} – вероятность коммерческого успеха результатов НИОКР в зависимости от их организации; L_{RZ}^{NR} – вероятность коммерческого успеха данных результатов в зависимости от качества создаваемой диверсифицированной продукции; L_{FK}^{NR} – вероятность коммерческого успеха результатов НИОКР в зависимости от экономических факторов создаваемой диверсифицированной продукции; K_{FT}^{NR} – чистый доход от реализации указанных результатов; K_{FT}^{NR} – коэффициент учета будущих доходов от реализации диверсифицированной продукции; X_{CS}^{NR} – необходимые для реализации НИОКР капиталовложения; S_{FUL}^{NR} – полная расчетная стоимость реализуемых работ.

Спецификой оценки экономической эффективности НИОКР, выполняемых при реализации диверсификационных мероприятий, является необходимость учета возможности их двойного применения в военной и гражданской сферах [19]. Это является фактором, значительно усложняющим проведение указанной оценки. При анализе совокупного эффекта реализации результатов НИОКР должны сравниваться эффекты различных вариантов их возможного применения [20–22]. Для этого необходимо использовать метод балльной оценки показателей относительной эффективности отдельных диверсификационных мероприятий и экспертный метод их оценки (табл.).

Оценку с помощью баллов целесообразно проводить без учета абсолютной величины затрат на проведение НИОКР и включать при этом большое число их отдельных элементов. Она должна характеризовать ожидаемый эффект НИОКР, реализуемых в ходе выполнения диверсификационных мероприятий, пропорционально его значению в отдельных областях возможного применения. Далее следует определить временной лаг между затратами на выполнение НИОКР и появлением эффекта от их реализации. С этой целью необходимо применять сложные аналитические модели для анализа и управления реализацией результатов НИОКР [23]. Описанный метод оценки НИОКР основан на современных методах комплексного анализа эффектов и издержек, характерных для методологии стратегического планирования и управления [24].

Предложенный комбинированный метод экономической оценки представляется оригинальным: он сочетает в себе традиционные принципы расчета рентабельности проекта и метод учета сравнительной ценности. Его использование позволяет учитывать специфику НИОКР, обеспечивающих диверсификацию производства на предприятиях ОПК. Обоснованность предложенного метода подтверждена полученными на основе его применения конкретными результатами исследования, которые представляют собой развитие методологических основ оценки данных работ и экономико-математического инструментария прогнозирования цены НИОКР.

Показатели оценки относительной эффективности реализации результатов НИОКР (условный пример)

Indices for evaluating the relative efficiency of scientific research and development results (conditional example)

Диверсификационные мероприятия / Diversification measures	Балльные оценки эффективности результатов НИОКР в различных областях их применения / Scores of the relative efficiency of scientific research and development results in various spheres of application			
	Область применения 1 / Sphere of application 1	Область применения 2 / Sphere of application 2	Область применения 3 / Sphere of application 3	Область применения 4 / Sphere of application 4
Мероприятие 1 / Measure 1	1	2	3	5
Мероприятие 2 / Measure 2	0	3	3	6

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Результаты исследования

Цена научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы, выполняемой в интересах обеспечения процесса диверсификации производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса, зависит в первую очередь от уровня координации работ при ее выполнении; спроса на ее результаты; степени важности заказчика работы; ожидаемого уровня инфляции; объема научных задач, которые должны быть решены при выполнении НИОКР. Для учета влияния приведенных выше факторов при формировании цены данной НИОКР необходимо использовать традиционные подходы к ценообразованию [25, 26]. Например, ожидаемые затраты на проведение НИОКР, направленной на создание диверсификационной продукции, можно определить, используя следующую зависимость:

$$F_{NKR}(t_n^P, t_o^P) = F_{NKR}^P\left(t_r^P, t_n^P, t_o^P, W_M^I(t_n^P, t_o^P)\right) + \\ + \Delta F\left(t_n^P, t_o^P, W_M^I(t_n^P, t_o^P) W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P)\right), \quad (4)$$

где $F_{NKR}(t_n^P, t_o^P)$ – прогнозные затраты на проведение НИОКР; t_o^P – планируемый срок начала выполнения НИОКР; t_r^P – планируемый срок окончания ее выполнения; t_r^P – расчетный момент времени; $F_{NKR}^P\left(t_r^P, t_n^P, t_o^P, W_M^I(t_n^P, t_o^P)\right)$ – прогнозная цена НИОКР в момент времени t_r^P; $W_M^I(t_n^P, t_o^P)$ – прогнозное значение средневзвешенного индекса инфляции в рассматриваемый период; $\Delta F\left(t_n^P, t_o^P, W_M^I(t_n^P, t_o^P) W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P)\right)$ – корректировки прогнозной цены НИОКР ввиду изменения индекса инфляции; $W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P)$ – фактическое значение данного индекса.

При прогнозировании цены с учетом инфляции следует учитывать, что:

– если $W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P) = 1$, то индекс инфляции не меняется;

– в случае, когда $W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P) > 1$, индекс инфляции растет;

– когда $W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P) < 1$, то наблюдается снижение индекс инфляции.

Тогда:

$$\begin{cases} \Delta F\left(t_n^P, t_o^P, W_M^I(t_n^P, t_o^P) W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P)\right) = 0, \\ \text{если } W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P) \le W_M^I(t_n^P, t_o^P). \end{cases} \quad (5)$$

$$\begin{cases} \Delta F\left(t_n^P, t_o^P, W_M^I(t_n^P, t_o^P) W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P)\right) > 0, \\ \text{если } W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P) > W_M^I(t_n^P, t_o^P). \end{cases} \quad (6)$$

Учитывая зависимости (5) и (6), размер корректировки прогнозной цены НИОКР можно определить по формуле:

$$\Delta F\left(t_n^P, t_o^P, W_M^I(t_n^P, t_o^P) W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P)\right) = \\ = F_{NKR}^P\left(t_r^P, t_n^P, t_o^P, W_M^I(t_n^P, t_o^P)\right) \cdot \frac{W_\Phi^I(t_n^P, t_o^P)}{W_M^I(t_n^P, t_o^P)}. \quad (7)$$

Прогнозная цена НИОКР, проводимых с целью создания диверсификационной продукции, должна определяться по формуле:

$$F_{NKR}^P\left(t_r^P, t_n^P, t_o^P, K_{NKR}^{TC}(t_n^P, t_o^P)\right) = \\ = BZ_{NKR}^C(t_n^P)(D_Z^{TC} \cdot U^{TC}(t_n^P, t_o^P) + \\ + K^{TC}(t_n^P, t_o^P) \cdot (1 - D_Z^{TC})) \times \\ \times \frac{K^{TC} \cdot K^{VC} \cdot Y^R \cdot H^Z}{K_{NKR}^{TC} \cdot K_{NKR}^{VC} \cdot Y_{NKR}^R \cdot H_{NKR}^Z}, \quad (8)$$

где $BZ_{NKR}^C(t_n^P)$ – базовая цена типовой НИОКР, по которой проводились конкурсы по сходной тематике в период времени t_n^P; $U^{TC}(t_n^P, t_o^P)$ – коэффициент, определяющий рост стоимости технических средств, используемых при проведении НИОКР в рассматриваемый период; D_Z^{TC} – удельный вес затрат на закупку данных средств в цене типовой НИОКР; t_n^P – момент времени, в котором была определена цена типовой НИОКР; K^{TC} – коэффициент, определяющий ценность данной НИОКР; K_{NKR}^{TC} – коэффициент, характеризующий ценность типовой НИОКР; K^{VC} – коэффициент важности заказчика планируемой НИОКР; Y_{NKR}^R – коэффициент важности заказчика типовой НИОКР; Y^R – коэффициент, характеризующий уровень координации работ при выполнении анализируемой НИОКР; H_{NKR}^Z – коэффициент, характеризующий уровень координации работ при выполнении типовой НИОКР; H^Z – число основных научных задач, которые надо решить для выполнения рассматриваемой НИОКР; H_{NKR}^Z – число основных научных задач, решаемых при выполнении типовой НИОКР.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Если для расчета коэффициента, характеризующего количество основных задач, которые необходимо решить в процессе выполнения НИОКР, недостаточно исходных данных, то для решения рассматриваемой задачи можно использовать индексы инфляции. С целью определения $W_M^I(t_n^P, t_o^P)$, $U^{TC}(t_n^P, t_o^P)$, $U^{TC}(t_n^P, t_o^P)$, $K^{TC}(t_n^P, t_o^P)$ необходимо использовать данные Федеральной службы государственной статистики и плановые показатели изменения цен, принимаемые Правительством РФ [27, 28]. В случае, когда известен только годовой индекс инфляции, а НИОКР выполняется несколько месяцев, то нужно при оценке инфляции использовать следующую зависимость:

$$W^G(t_j, t_{j+l}) = (W_i^G)^{\frac{m_i}{12}}, \quad (9)$$

где m_i – число месяцев в i-м году в периоде времени $[t_n^P, t_o^P]$; W_i^G – годовой индекс инфляции в i-м году; t_j – месяц начала выполнения НИОКР, t_{j+l} – месяц окончания выполнения НИОКР; l – продолжительность НИОКР (месяцев).

Коэффициент ценности НИОКР определяется по формуле:

$$K^{TC} = K_{NKR}^{NEW} \cdot K_{NKR}^{QU} \cdot K_{NKR}^{QU_RZ}, \quad (10)$$

где K^{TC} – коэффициент ценности НИОКР; K_{NKR}^{NEW} – коэффициент новизны НИОКР; K_{NKR}^{QU} – коэффициент новизны прогнозируемых результатов планируемой НИОКР; $K_{NKR}^{QU_RZ}$ – коэффициент качества прогнозируемых результатов НИОКР.

Рассмотренная модель (4) – (10) учитывает современные специфические особенности ценообразования на результаты научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, осуществляемой с целью разработки диверсификационной продукции. Она может быть положена в основу предложений по развитию прогнозирования цены НИОКР. В ее основе лежит положение о том, что результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ являются особым видом товара [29, 30]. Применение разработанной модели на практике позволит повысить эффективность процесса диверсификации производства. Возможность практического использования полученных результатов исследования подтверждена их экспериментальным использованием на ряде научно-производственных организаций, проводящих НИОКР, обеспечивающих диверсификацию производства на предприятиях ОПК. Однако результаты этой реализации не могут быть представлены в данной статье, так как они не предназначены для публикации в открытой печати.

Выводы

Важнейшая проблема, стоящая в настоящее время перед нашей страной, – ускорение инновационного развития экономики. Основную роль в ее решении играют предприятия ОПК, инновационная активность которых в три раза выше, чем у предприятий других отраслей промышленности. Стратегическим направлением инновационного развития данных предприятий в настоящее время является диверсификация военного производства [31]. Эффективность диверсификационных мероприятий в значительной мере определяется результативностью научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выполняемых с целью разработки новых инновационных продуктов, производство которых будет организовано в ходе диверсификации производства [32]. Отмеченные обстоятельства определяют важность оценки НИОКР с целью совершенствования методики расчета их цены, так как ценовой фактор играет определяющую роль в стимулировании любой деятельности [33]. Существуют различные подходы к решению данной задачи, но большинство из них в недостаточной степени учитывают специфику рассматриваемых НИОКР [34]. Поэтому в статье предложены алгоритмы оптимизации процедур оценки НИОКР и прогнозирования ее цены в сложных экономических условиях, которые учитывают данную специфику и особенности деятельности научных организаций и конструкторских бюро в настоящее время.

Список литературы

1. Диверсификация как перспективное направление использования мощностей военного производства / А. Р. Попова, В. С. Епинина, Е. В. Кулаченко // Инновационное развитие экономики. 2019. № 6 (54). С. 309–314.

2. Бочкарев О. И., Довгучиц С. И. Диверсификация российских оборонных предприятий: проблемы, состояние и перспективы // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2019. № 2. С. 5–18.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

3. Методы, процедуры и инструменты диверсификации предприятий и организаций ОПК России / Ю. В. Мишин, Н. Б. Костерев, В. Б. Сухарев, А. Ю. Мишин // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10, № 1. С. 38–53. DOI: https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.38-53

4. Комплексная методика оценки эффективности мероприятий, направленных на ускорение научно-технического прогресса (Методические рекомендации и комментарии по их применению). 2-е изд., перераб. и доп. М.: АН СССР. Информэлектро, 1989. 117 с.

5. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов и их отбору для финансирования. Утверждены Госстроем России, Министерством экономики РФ, Министерством финансов РФ, Госкомпромом России. 31 марта 1994 г. № 7-12/47. URL: http://docs.cntd.ru/document/9009340 (дата обращения: 10.12.2020).

6. Буравлев А. И., Артеменко В. Б. Об оценке вклада научно-технического задела в создание высокотехнологичной продукции военного назначения // Вооружение и экономика. 2020. № 3 (53). С. 4–12.

7. Экономические аспекты подготовки высококвалифицированных кадров для оборонно-промышленного комплекса / С. Ю. Балычев, А. М. Батьковский, М. А. Батьковский, В. Д. Калачанов // Вопросы радиоэлектроники, 2013. Т. 2, № 2. С. 183–198.

8. Управление инновациями и интеллектуальной собственностью фирмы: монография / С. В. Валдайцев, О. В. Мотовилов, В. Н. Лукашов и др.; под ред. О. В. Мотовилова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 352 с.

9. Ресурсное обеспечение российской науки. Проблемы и решения: монография / Л. Э. Миндели, С. И. Черных, В. Е. Чистякова и др. Институт проблем развития науки РАН (ИПРАН РАН). М.: ИПРАН РАН, 2019. 158 с.

10. Система оценки и мониторинга НИОКР научно-производственных предприятий оборонно-промышленного комплекса / Ф. Ф. Юрлов, О. В. Глебова, Л. А. Борискова. Н. Новгород: НГТУ, 2012. 131 с.

11. Совершенствование управления инновационно-активными предприятиями оборонно-промышленного комплекса в современных условиях / А. М. Батьковский, М. А. Батьковский, П. В. Кравчук и др. М.: Онто-Принт, 2020. 186 с.

12. Развитие системы управления рисками НИОКР промышленного предприятия / К. В. Ковырзина, О. В. Кудряшова, И. Б. Гусева. Н. Новгород: НГТУ, 2014. 141 с.

13. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов: (Вторая редакция) / Мин. экон. РФ, Мин. фин. РФ, ГК по строительству, архит. и жил. политике; рук. авт. кол.: В. В. Коссов, В. Н. Лившиц, А. Г. Шахназаров. М.: ОАО «НПО»; Экономика, 2000. 421 с.

14. Батьковский А. М., Батьковский М. А. Теоретические основы и инструментарий управления предприятиями оборонно-промышленного комплекса. М.: Тезаурус, 2015. 128 с.

15. Семенов В. Ю. Направления разработки методического подхода к управлению портфелем НИОКР предприятия ОПК в условиях диверсификации производства // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2019. № 3. С. 48–55.

16. Инновационное развитие радиоэлектронной промышленности России / А. В. Фомина, А. Н. Стяжкин, М. А. Батьковский // Вопросы радиоэлектроники. 2015. № 3 (3). С. 243–258.

17. Механизмы диверсификации промышленных предприятий России в условиях военно-гражданской интеграции: маркетинговый аспект / С. С. Голубев, Т. А. Беркутова, Е. Е. Шурукова, С. К. Гасанбеков // Финансовая экономика. 2020. № 8. С. 36–40.

18. Мокроусов А. С., Квашнин Б. С. Нормативно-методическое обеспечение ценообразования на продукцию военного назначения // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2019. № 3–4 (129–130). С. 3–8.

19. Формирование портфеля ИС в связи с развитием производства гражданской продукции предприятиями оборонно-промышленного комплекса / М. Н. Киселев, Л. М. Куприянова, Н. С. Николаенков // Экономика. Бизнес. Банки. 2019. № 11 (37). С. 45–56.

20. Modeling technological relations in the structure of production / В. П. Божко, А. М. Батьковский, М. А. Батьковский, А. Н. Стяжкин // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 1. С. 36–39.

21. Формирование сбалансированного по уровню риска портфеля высокотехнологичных проектов разработки и производства продукции гражданского назначения с целью обеспечения экономической безопасности предприятий ОПК РФ / О. В. Глебова, И. Б. Гусева, О. В. Грачева, А. В. Симонов // Развитие и безопасность. 2019. № 2. С. 69–81.

22. Пьянков В. В., Карулин В. П. Формирование состава научно-технических проектов при планировании общесистемных исследований проблем развития оборонно-промышленного комплекса в условиях ресурсных ограничений // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2019. № 3 (108). С. 20–28.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

23. Чеботарев С. С., Мельников Г. Н. Генезис методов оценки эффективности сложной инновационной продукции военного и двойного назначения и оценки эффективности НИОКР по их созданию и модернизации // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2019. № 1. С. 58–67.

24. Лавринов Г. А., Подольский А. Г. Структура комплексной модели военно-экономических исследований по обоснованию перспектив развития вооружения и военной техники в условиях неопределенности // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2019. № 2 (107). С. 11–18.

25. Оптимизация программ инновационного развития предприятий радиопромышленности / Б. Н. Авдонин, А. М. Батьковский, А. П. Мерзлякова // Радиопромышленность. 2011. № 3. С. 20–31.

26. Артеменко И. В., Олешко В. С. Оценка экономической эффективности НИОКР по перспективным БПЛА // Оборонный комплекс – научно-техническому прогрессу России. 2020. № 1 (145). С. 54–58.

27. Комплексная оценка предприятий-участников кооперации при выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на основе риск-ориентированного подхода / Л. В. Зубова, В. Н. Кузьмин, А. В. Шерстюк // Вооружение и экономика. 2020. № 2 (52). С. 95–102.

28. Доброва Е. Д. Процедуры отбора проектов НИОКР в рамках системы управления идеями и развитием инноваций наукоемких промышленных предприятий // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 1. С. 573–584. DOI: https://doi.org/10.18334/vinec.10.1.100547

29. Методические подходы к формированию стоимостных и временных параметров жизненного цикла высокотехнологичной продукции военного назначения / А. Г. Подольский, А. В. Бабкин, А. А. Родин // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 3. С. 1347–1364. DOI: https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110599

30. Волкова Н. А., Сапунов А. В. Применение метода экспертных оценок для планирования трудоемкости научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ // Modern Science. 2020. № 4–1. С. 61–65.

31. Проблемные вопросы планирования, выполнения и реализации оборонных фундаментальных и поисковых исследований / И. Л. Борисенков, Ю. В. Помазан, Е. З. Тужиков // Военная мысль. 2019. № 10. С. 74–87.

32. Развитие наукоемкой гражданской продукции на предприятиях оборонно-промышленного комплекса как инструмент роста конкурентоспособности России на мировом рынке / А. А. Набоких, М. В. Перминов, Д. В. Булдакова // Вектор экономики. 2020. № 8 (50). С. 11.

33. Управление развитием высокотехнологичных предприятий наукоемких отраслей промышленности / А. В. Фомина, Б. Н. Авдонин, А. М. Батьковский, М. А. Батьковский. М.: Креативная экономика, 2014. 400 с.

34. The Methodology and Mathematical Tools to Assess and Mitigate the Risk of Creating High-Tech Products / A. M. Batkovskiy, E. G. Semenova, A. V. Fomina et al. // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9 (27). Pp. 242–252. DOI: https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i28/97659

References

1. Popova A. R., Epinina V. S., Kulachenko E. V. Diversification as a promising area for the use of military production capacities, *Innovative development of economy*, 2019, No. 6 (54), pp. 309–314 (in Russ.).

2. Bochkarev O. I., Dovguchits S. I. Diversification Russian defense enterprises: problems, state and prospects, *Nauchnyy vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii*, 2019, No. 2, pp. 5–18 (in Russ.).

3. Mishin Yu. V., Kosterev N. B., Sukharev V. B., Mishin A. Yu. Methods, procedures and tools for diversification of enterprises and organizations of the Russian defense industry, *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2019, Vol. 10, No. 1, pp. 38–53 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.38-53

4. *Complex methodology of evaluating the efficiency of measures aimed at accelerating the scientific-technical advance (Methodological recommendations and comments to their application)*, 2nd ed., rev. and add, Moscow, AN SSSR. Informelektro, 1989, 117 p. (in Russ.).

5. *Methodological recommendations for evaluating the efficiency of investment projects and selecting them for financing*. Adopted by the Russian Federal Agency for Construction and Communal-dwelling sector, the Russian Ministry of Economy, the Russian Ministry of Finance, the Russian Federal Agency for Industry. March 31, 1994, No. 7-12/47, available at: http://docs.cntd.ru/document/9009340 (access date: 10.12.2020) (in Russ.).

6. Buravlev A. I., Artemenko V. B. On the matter of the assessment of scientific and technical backlog contribution to the advanced technology military products creation, *Armament and Economics*, 2020, No. 3 (53), pp. 4–12 (in Russ.).

7. Balychev S. Yu., Batkovsky A. M., Batkovsky M. A., Kalachanov V. D. Economic aspects of training highly qualified personnel for the military-industrial complex, *Questions of Radio Electronics*, 2013, Vol. 2, No. 2, pp. 183–198 (in Russ.).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

8. Valdaitsev S. V., Motovilov O. V., Lukashov V. N. et al. *Company innovations and intellectual property management*, ed. O. V. Motovilov, Moscow, Prospekt, 2018, 352 p. (in Russ.).

9. Mindeli L. E., Chernykh S. I., Chistyakova V. E. et al. *Resource provision of the Russian science. Problems and solutions*, Institut problem razvitiya nauki RAN (IPRAN RAN), Moscow, IPRAN RAN, 2019, 158 p.

10. Yurlov F. F., Glebova, O. V., Boriskova L. A. *System of evaluation and monitoring of scientific research and development at scientific-industrial enterprises of the defense industry*, Nizhny Novgorod, NSTU, 2012, 131 p. (in Russ.).

11. Batkovsky A. M., Batkovsky M. A., Kravchuk P. V., Sudakov V. A., Fomina A. V. *Improving the management of innovation-active enterprises of the defense industry under modern conditions*, Moscow, Onto-Print, 2020, 168 p. (in Russ.).

12. Kovyrzina K. V., Kudryashova O. V., Guseva I. B. *Developingthe system of risk management in scientific research and development of an industrial enterprise*, Nizhny Novgorod, NSTU, 2014, 141 p. (in Russ.).

13. Kossov V. V., Livshits V. N., Shakhnazarov A. G. *Methodological recommendations for evaluating the efficiency of investment projects*, Ministry of Economics RF, Ministry of Finance RF, Civil Code of Construction, architecture and dwelling policy, 2nd ed., Moscow, NPO "Izd-vo "Ekonomika", 2000, 421 p. (in Russ.).

14. Batkovskiy A. M., Batkovskiy M. A. *Theoretical bases and tools for managing the enterprises of the defense industry*, Moscow, Tezaurus, 2015, 128 p. (in Russ.).

15. Semenov V. Yu. Directions of development of a methodical approach to the management of a portfolio of R & D in the defence sector in terms of diversification of production, *Scientific bulletin of the military-industrial complex of Russia*, 2019, No. 3, pp. 48–55 (in Russ.).

16. Fomina A. V., Styazhkin A. N., Batkovskiy M. A. Innovative development of electronic industry of Russia, *Questions of Radio Electronics*, 2015, No. 3 (3), pp. 243–258 (in Russ.).

17. Golubev S. S., Berkutova T. A., Shurukova E. E., Hasanbekov S. K. Mechanisms of diversification of the industrial enterprises of Russia in the conditions of military and civil integration: marketing aspect, *Financial Economy*, 2020, No. 8, pp. 36–40 (in Russ.).

18. Mokrousov A. S., Kvashnin B. S. Regulatory and methodological support of pricing of military products, *Military Enginery, Scientific and Technical Journal. Is. 16. Counter-terrorism technical devices*, 2019, No. 3–4 (129–130), pp. 3–8 (in Russ.).

19. Kiselev M. N., Kupriyanova L. M., Nikolaenkov N. S. Intellectual property portfolio management in Russian military companies for production diversification reasons, *Economy Business Banks*, 2019, No. 11 (37), pp. 45–56 (in Russ.).

20. Bozhko V. P., Batkovskiy A. M., Batkovskiy M. A., Styazhkin A. N. Modeling technological relations in the structure of production, *Statistics and Economics*, 2014, No. 1, pp. 36–39.

21. Glebova O. V., Guseva I. B., Gracheva O. V., Simonov A. V. Building risk-balanced high-tech project portfolio for development and manufacture of civil products to ensure economic security of Russian defense enterprises, *Development and Security*, 2019, No. 2, pp. 69–81 (in Russ.).

22. Pyankov V. V., Karulin V. P. Formation of the composition of scientific and technical projects in the planning of system-wide research problems of development of the military-industrial complex under resource constraints, *Izvestiya Rossijskoj akademii raketnyh i artillerijskih nauk*, 2019, No. 3 (108), pp. 20–28 (in Russ.).

23. Chebotarev S. S., Melnikov G. N. Genesis of methods for evaluating the effectiveness complex and innovative products for military dual-purpose and assess the effectiveness NIOKR in their establishment and modernization, *Scientific Bulletin of the Military-Industrial Complex of Russia*, 2019, No. 1, pp. 58–67 (in Russ.).

24. Lavrinov G. A., Podolsky A. G. The structure of the integrated model of military-economic studies on the substantiation of prospects of development of armament and military equipment in the face of uncertainty, *Izvestiya Rossiyskoy akademii raketnykh i artilleriyskikh nauk*, 2019, No. 2 (107), pp. 11–18 (in Russ.).

25. Avdonin B. N., Batkovskiy A. M., Merzlyakova A. P. Optimization of programs for innovative development of enterprises in radioindustry, *Radio Industry*, 2011, No. 3, pp. 20–31 (in Russ.).

26. Artemenko I. V., Oleshko V. S. Assessment of the economic efficiency of R&D about promising UAVS, *Defense industry achievements – Russian scientific and technical progress*, 2020, No. 1 (145), pp. 54–58 (in Russ.).

27. Zubova L. V., Kuzmin V. N., Sherstyuk A. V. Comprehensive assessment of co-operative member enterprise in the risk-based research and development performance, *Armament and Economics*, 2020, No. 2 (52), pp. 95–102 (in Russ.).

28. Dobrova E. D. The procedure of R&D projects selection within the system for managing ideas and innovation development in the science-based industrial companies, *Russian Journal of Innovation Economics*, 2020, Vol. 10, No. 1, pp. 573–584 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.18334/vinec.10.1.100547

29. Podolsky A. G., Babkin A. V., Rodin A. A. Methodological approaches to the cost and time parameters of the life cycle of high-tech military goods, *Russian Journal of Innovation Economics*, 2020, Vol. 10, No. 3, pp. 1347–1364 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110599

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

30. Volkova N. A., Sapunov A. V. Applying the method of expert evaluation for planning the labor intensity of scientific research and development, *Modern Science*, 2020, No. 4–1, pp. 61–65 (in Russ.).

31. Borisenkov I. L., Pomazan Yu. V., Tuzhikov E. Z. Problem issues of planning, executing, and implementing fundamental and exploratory research in defense, *Voyennaya Mysl*, 2019, No. 10, pp. 74–87 (in Russ.).

32. Nabokikh A. A., Perminov M. V., Buldakova D. V. Development of scientific civil products at the enterprises of the defense-industrial complex as a tool for growing the competitiveness of Russia in the world market, *Vector Economy*, 2020, No. 8 (50), pp. 11 (in Russ.).

33. Fomina A. V., Avdonin B. N., Batkovsky A. M., Batkovsky M. A. *Managing the development of high-tech enterprises in science-intensive industrial sectors*, Moscow, Creative Economy, 2014, 400 p. (in Russ.).

34. Batkovskiy A. M., Semenova E. G., Fomina A. V., Khrustalev E. Iu., Khrustalev O. E. The Methodology and Mathematical Tools to Assess and Mitigate the Risk of Creating High-Tech Products, *Indian Journal of Science and Technology*, 2016, Vol. 9 (27), pp. 242–252. DOI: https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i28/97659

Дата поступления / Received 18.12.2020
Дата принятия в печать / Accepted 03.02.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Батьковский А. М., Батьковский М. А., Хрусталев Е. Ю., 2021
© Batkovskiy A. M., Batkovskiy M. A., Khrustalev E. Iu., 2021

ПОЗНАНИЕ

Менеджмент 4.0 цифровой экономики Германии: опыт и инструменты для цифровой экономики России / Г. Шеве, С. Хюзиг, Г. И. Гумерова, Э. Ш. Шаймиева. – Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 75 с.

В настоящей монографии содержатся результаты научно-исследовательской работы авторов за 2013–2019 гг., где инициатива «Индустрия 4.0» представлена на основе обзора трудов немецких ученых как ноу-хау немецкой экономической школы и как концептуально-программная разработка. Методологией исследования является авторская структура реализации «Индустрии 4.0» посредством инструментов «Менеджмент 4.0» в трех блоках: «Индустрия 4.0» – ноу-хау немецкой экономической школы для развития цифровой экономики; реализация «Индустрии 4.0» в организациях цифровой экономики; развитие компетенций в аналоговых и оцифрованных производственных процессах. Авторская структура «Менеджмент 4.0» учитывает пробелы в стартовом этапе российской цифровой экономики. На основе опыта и инструментов «Менеджмента 4.0» сформировано понятие «менеджмент цифровой экономики»: определен инструментарий и разработаны направления развития российской цифровой экономики.

Предназначена для обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры по направлениям «Менеджмент», «Экономика», «Инноватика», руководителей, планирующих успешно управлять предприятием в условиях цифровой экономики; специалистов в области цифровой экономики, лиц, повышающих квалификацию или проходящих переподготовку по данным направлениям, а также исследователей, интересующихся вопросами развития теории и практики менеджмента цифровой экономики.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 346.54:338.24:339

DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.43-53

Научная статья

А. М. РАЕВ[1]

[1] *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА И ПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

Раев Александр Михайлович, аспирант кафедры стратегического планирования и экономической политики факультета государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4, тел.: +7 (495) 939-53-38
E-mail: ram3321@rambler.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-3072-200X
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/AAC-4889-2021
eLIBRARY ID: 3956-5284

Цель: исследование современного состояния законодательного регулирования оборота и потребления никотинсодержащей продукции, выявление основных проблем в данной области и предложение возможных путей их решения.

Методы: методологической основой работы являются междисциплинарный, системный и сравнительный подходы, а также общенаучные методы познания: индукция и дедукция, анализ и синтез, абстрагирование, наблюдение, эмпирические методы.

Результаты: тенденцией последних лет стал переход с употребления традиционной никотиновой продукции на электронные средства доставки никотина, что подтверждается большим количеством данных и объясняется рядом преимуществ. Однако потенциальные угрозы от применения альтернативной никотинсодержащей продукции в достаточной степени не изучены и сопровождаются слабой проработанностью правовой базы их применения. В статье автором рассмотрены особенности государственного регулирования никотинсодержащей продукции, не относящейся к табачным изделиям, а также проанализированы противоречия и недостатки законодательных решений в этой области. Систематизированы основные последствия приравнивания никотинсодержащей продукции к табачным изделиям с точки зрения воздействия на ограничение употребления никотина, и с позиции отнесения к подакцизной продукции. Также проанализированы законодательные решения, касающиеся употребления пищевой никотинсодержащей продукции и продукции, предназначенной для жевания, сосания, нюханья.

Научная новизна: предложены рекомендации по устранению проблем, выявленных в ходе анализа регулирования оборота и употребления никотинсодержащей продукции. Представленные меры нацелены на смягчение регулирующего воздействия употребления никотинсодержащей продукции с одновременным снижением негативного воздействия такой продукции на здоровье населения.

Практическая значимость: представленные в работе положения и выводы могут быть использованы при разработке нормативных правовых актов, направленных на внесение изменений в законодательство, регулирующее оборот и потребление никотинсодержащей продукции.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; никотинсодержащая продукция; электронные системы доставки никотина; динамика рынка; меры государственного регулирования

Конфликт интересов: *автором не заявлен*.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Раев А. М. Состояние и проблемы законодательного регулирования оборота и потребления никотинсодержащей продукции // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 43–53. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.43-53

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

The scientific article

A. M. RAEV[1]
[1] *Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia*

STATUS AND PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF CIRCULATION AND CONSUMPTION OF NICOTINE-CONTAINING GOODS

Aleksandr M. Raev, post-graduate student of the Department of Strategic Planning and Economic Policy of the Faculty of State Governance, Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Address: 27 Lomonosovskiy prospekt, building 4, 119991 Moscow, tel.: +7 (495) 939-53-38
E-mail: ram3321@rambler.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0002-3072-200X
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/AAC-4889-2021
eLIBRARY ID: 3956-5284

Objective: to study the current state of the legislative regulation of nicotine-containing products turnover and consumption; to identify the main problems in this area and to suggest possible ways to solve them.
Methods: the methodological basis of the work is interdisciplinary, systematic and comparative approaches, as well as general scientific methods of cognition: induction and deduction, analysis and synthesis, abstraction, observation, and empirical methods.
Results: the trend of the recent years has been the transition from the use of traditional nicotine products to electronic means of nicotine delivery, which is confirmed by a large amount of data and is explained by a number of advantages. However, the potential threats from the use of alternative nicotine-containing products have not been sufficiently studied and are accompanied by a weak legal framework for their use. In the article, the author considers the features of state regulation of nicotine-containing products that are not related to tobacco products, and analyzes the contradictions and shortcomings of legislative solutions in this area. The main consequences of equating nicotine-containing products with tobacco products are systematized, both in terms of the impact on the nicotine use restriction and of referring them to excisable products. Legislative solutions concerning the use of food nicotine-containing products and products intended for chewing, sucking, and sniffing are also analyzed.
Scientific novelty: recommendations are proposed to eliminate the problems identified during the analysis of the regulation of the nicotine-containing products turnover and use. The presented measures are aimed at mitigating the regulatory impact of the nicotine-containing products use while reducing the negative impact of such products on public health.
Practical significance: the provisions and conclusions presented in this paper can be used in the development of regulatory legal acts aimed at amending the legislation regulating the nicotine-containing products turnover and consumption.
Keywords: Economics and the national economy management; Nicotine-containing products; Electronic nicotine delivery systems; Market dynamics; State regulation measures

Conflict of Interest: *No conflict of interest is declared by the author.*

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Raev A. M. Status and problems of legislative regulation of circulation and consumption of nicotine-containing goods, *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 43–53 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.43-53

Введение

Никотинсодержащая продукция, в том числе электронные системы доставки никотина (далее – ЭСДН), жидкости для них и т. п., появилась на российском рынке более 10 лет назад, однако активный рост ее популярности наблюдается лишь с 2015 г. В соответствии с Федеральным законом от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления ни-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

котинсодержащей продукции»[1] никотинсодержащая продукция представляет собой изделия, которые содержат никотин (в том числе полученный путем синтеза) или его производные, включая соли никотина, предназначены для потребления никотина и его доставки и не предназначены для употребления в пищу (за исключением медицинских изделий и лекарственных средств, зарегистрированных в соответствии с законодательством Российской Федерации о пищевой продукции, содержащей никотин в натуральном виде, и табачных изделий). Потребление данной продукции может осуществляться различными способами, в частности посредством сосания, жевания, нюханья или вдыхания, и, как следствие, она производится в различных формах. Наибольшей популярностью на сегодняшний день пользуются следующие продукты, содержащие никотин: жидкости с содержанием жидкого никотина в объеме не менее 0,1 мг/мл, смеси и порошки для сосания, жевания и нюханья и изделия с нагреваемым табаком. Кроме того, существуют и различные устройства, предназначенные для потребления никотина путем вдыхания пара, которые представлены на российском рынке ЭСДН, и устройства для нагревания табака. В отчете о научно-исследовательской работе по теме «Проведение исследований рынка новых видов никотиносодержащей продукции, международной практики правового регулирования обращения такой продукции и разработка предложений по установлению в рамках Евразийского экономического союза обязательных требований к новым видам никотиносодержащей продукции и рекомендаций по механизмам их реализации», составленном ФГБНУ «ВНИИТТИ», никотинсодержащая продукция разделяется на следующие виды в зависимости от ее конструкции и состава:

– никотинсодержащие жидкости, которые используются с системами доставки никотина, такими как электронные испарители, электронные сигареты и «вейпы»;

– изделия с нагреваемым табаком, которые используются с системами доставки никотина, такими как *IQOS* или *glo*;

– комбинированные изделия, которые используются с системами доставки никотина и состоят из двух или более наполнителей, содержащих никотин [1, с. 3].

С каждым годом все больше потребителей табачных изделий по всему миру отказываются от традиционных сигарет в пользу никотинсодержащей продукции. Так, в 2011 г. ЭСДН и одноразовые электронные сигареты потребляли 7 млн человек, а в 2016 г. их количество достигло уже 35 млн человек. Мировой рынок электронных сигарет по состоянию на 2018 г. оценивался в 22 млрд долларов. Наиболее значимые части этого объема приходились на рынки США (40 %), Франции (9 %), Великобритании (9 %) и других стран Западной Европы (14 %) [2, с. 573]. Российский рынок ЭСДН и электронных сигарет также с каждым годом растет. Так, если в 2013 г. объем рынка составлял примерно 1,2 млрд руб., то к 2017 г. он вырос до 11,7 млрд руб., а число потребителей насчитывало около 4 млн человек [2, с. 575]. Пользователями ЭСДН и одноразовых электронных сигарет, как правило, являются совершеннолетние потребители традиционных табачных изделий [3, с. 138]. Однако в последние годы никотинсодержащая продукция все больше приобретает популярность и среди молодежи. Как отмечено в распоряжении Правительства РФ от 18 ноября 2019 г. № 2732-р «Об утверждении Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в РФ на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу»[2], распространенность потребления ЭСДН среди населения нашей страны в возрасте 18–24 лет составляет 19,1 %. Данный показатель в 10 раз превышает показатели всех остальных возрастных групп.

По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ)

[1] Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции: Федеральный закон № 15-ФЗ от 23.02.2013 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 721.

[2] Об утверждении Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в Российской Федерации на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу: распоряжение Правительства РФ от 18.11.2019 № 2732-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 47. Ст. 6719.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

в 2019 г., примерно половина россиян (49 %), использующих электронные устройства для потребления никотина, отдают предпочтение ЭСДН и устройствам для нагревания табака, так как рассматривают их в качестве менее вредной альтернативы [4]. Кроме того, ЭСДН привлекают современных потребителей отсутствием неприятного запаха после курения (48 %) и наличием разнообразных вкусов (33 %). Как было отмечено Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, активизации использования никотинсодержащей продукции в России также способствовало вступление в силу Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», который на момент его принятия был направлен лишь на регулирование оборота и потребления табака и запретил его курение в общественных местах [5]. ЭСДН и другие устройства, используемые для потребления никотина способами, отличными от курения табака, под действие данного закона не попадали, как следствие, граждане начали переходить на них из соображений удобства.

Данные доклада ВОЗ (*FCTC/COP*/7/11), в котором была дана оценка потенциальной роли ЭСДН в борьбе против табака, действительно, позволяют говорить о меньшем вреде потребления ЭСДН для человека в сравнении с курением традиционных сигарет [6]. В документе отмечено, что уровень токсичных веществ, которые образуются при использовании ЭСДН, в среднем ниже или намного ниже, чем в сигаретном дыме. Однако данный вывод не исключает и наличие неблагоприятных последствий употребления электронных сигарет для человеческого организма вследствие употребления никотинсодержащей продукции. Так, аэрозоль, который производится при использовании ЭСДН, как правило, включает альдегиды, гликоли, летучие органические вещества и прочие элементы, многие из которых являются токсичными и могут вызывать паталогические изменения. В последние годы никотинсодержащая продукция вызывает усиленный интерес и у несовершеннолетнего населения, на организм которого никотин оказывает негативное воздействие. В частности, в проведенном американскими учеными исследовании отмечено, что никотин может неблагоприятно влиять на развитие и деятельность мозга подростка, а также на сердечно-сосудистую систему [7, с. 100]. Кроме того, употребление жидкостей для ЭСДН с содержанием никотина в подростковом возрасте влечет риски ухудшения слуха, зрения, функционирования щитовидной железы и легких, провоцирует развитие болезней кожного покрова и угнетает центральную нервную систему [8, с. 62–63]. Не менее значимой проблемой является наличие на рынке недобросовестных производителей, которые в целях экономии изготавливают жидкости для ЭСДН и другую никотинсодержащую продукцию из некачественного сырья и с нарушением технологии, что нередко приводит к неблагоприятным последствиям для потребителей вплоть до смертельного исхода [9, с. 104]. Таким образом, становится очевидным, что никотинсодержащая продукция несет в себе определенные угрозы, а ее оборот и потребление требуют соответствующего государственного регулирования.

Результаты исследования

Рассматривая регулирование рынка никотинсодержащей продукции, целесообразно будет кратко остановиться на существующей в нашей стране законодательной базе в области оборота и потребления табака и табачных изделий. Данные продукты не являются новыми для российского рынка, поэтому государству уже удалось сформировать достаточно проработанную систему норм и правил, регулирующую их оборот и потребление. В 2008 г. Россия присоединилась к Рамочной конвенции (далее – РКБТ)[3] ВОЗ по борьбе против табака, которая устанавливает минимальные требования к законодательству стран-участниц и, более того, поощряет идти дальше требуемых мер. Как следствие, согласно требованиям РКБТ в целях защиты нынешнего и будущих поколений от разрушительных последствий для здоровья людей, а также социальных, экологических и экономических последствий потребления табака и воздействия табачного дыма в 2013 г. был принят уже упомянутый Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окру-

[3] Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака, 2003. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/42811/9789244591017_rus.pdf;jsessionid=14CAD193AEEDC5542D5821DA22B2DC4D?sequence=4 (дата обращения: 10.07.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

жающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», который на момент принятия регулировал отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака. Таким образом, на сегодняшний день меры государственной политики в области ограничения потребления табака направлены на защиту населения от пассивного курения, сокращение спроса на табак и его поставок и оказание помощи желающим бросить курить. В нашей стране существуют также определенные требования к табачной продукции, правила ее идентификации, а также правила и формы оценки соответствия табачной продукции установленным в законодательстве требованиям, которые регулируются Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию»[4]. Отдельные положения, касающиеся оборота табака и табачных изделий, содержатся в Налоговом кодексе РФ, в соответствии с которым табачная продукция признается подакцизным товаром, и, следовательно, для различных ее видов уставлены специфические (твердые) налоговые ставки[5].

Развитие государственного регулирования оборота никотинсодержащей продукции, в свою очередь, началось в России относительно недавно. В первую очередь, распоряжением Правительства РФ от 18 ноября 2019 г. № 2732-р была утверждена Концепция осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в Российской Федерации на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу, разработанная в соответствии с Рамочной конвенцией ВОЗ по борьбе против табака. Основными задачами данной Концепции признаются сокращение спроса и предложения на табак и иную никотинсодержащую продукцию среди населения, а также совершенствование медицинской профилактики потребления табака и иной никотинсодержащей продукции и медицинской помощи, направленной на прекращение потребления табака и иной никотинсодержащей продукции. Для реализации задач, предусмотренных Концепцией, были внесены изменения в Налоговый кодекс РФ, вступившие с силу с начала 2020 г., согласно которым многоразовые электронные сигареты, жидкости для них, а также устройства для нагревания табака были признаны подакцизными товарами.

10 января 2020 г. на рабочей встрече с главами МВД и Роспотребнадзора бывший премьер-министр Российской Федерации Д. Медведев заявил о необходимости введения полного запрета никотинсодержащих некурительных смесей на территории всего Евразийского союза. По словам Д. Медведева, данная продукция вызывает у людей, и в особенности у детей и подростков, быстрое привыкание, а количество никотина в ней сопоставимо с целой пачкой одновременно выкуренных сигарет [10]. Не дожидаясь законодательных решений на федеральном уровне, некоторые регионы начали самостоятельно вводить запреты в отношении оборота и потребления никотинсодержащей продукции. Так, к началу 2020 г. в 23 регионах страны уже вступили в силу соответствующие нормативные акты, а в 15 регионах велась их подготовка.

Вскоре был также принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции»[6]. Проект данного закона был внесен в Государственную Думу еще в марте 2017 г., но в первоначальном виде он был достаточно лояльным по отношению к субъектам рассматриваемого рынка и направлен как на решение актуальной проблемы защиты граждан, не достигших совершеннолетия, от потенциальной никотиновой зависимости, так и на защиту здоровья всех граждан от внешних проявлений потребления ЭСДН. Первая редакция законопроекта, автором которой был сенатор В. В. Рязанский, предполагала законодательное регулирование оборота, потребления и рекламы табачной

[4] Технический регламент на табачную продукцию: Федеральный закон от 22.12.2008 № 268-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6223.

[5] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

[6] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции: Федеральный закон от 31.07.2020 № 303-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5062.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

продукции и электронных курительных изделий, а также жидкостей для них в целях охраны здоровья граждан от их вредного воздействия в рамках одного закона. Необходимо отметить, что единое законодательное регулирование не подразумевало абсолютно идентичное регулирование табачной и никотинсодержащей продукции. Смысл законопроекта состоял в избирательном введении новых, отдельных норм для никотинсодержащей продукции в антитабачное законодательство РФ.

Законопроект прошел первое чтение в декабре 2019 г., вслед за чем была создана рабочая группа из депутатов и приглашенных экспертов для его доработки ко второму чтению. Представленный результат работы данной группы значительно отличался от первоначальной версии, предложенной В. В. Рязанским. Так, в новой концепции законопроекта предлагалось приравнять никотинсодержащую продукцию к табачным изделиям по все параметрам и, соответственно, регулировать ее оборот, потребление и рекламу по нормам, предусмотренным для традиционных сигарет.

По мнению авторов законопроекта, новая версия в большей степени будет способствовать снижению потребления табака и использования устройств, предназначенных для потребления никотина способами, отличными от курения табака, что позволит выполнить задачи государственной программы «Развитие здравоохранения» и достичь целевых индикаторов и показателей программы в части снижения смертности от болезней системы кровообращения, туберкулеза и распространенности потребления табака среди взрослого населения [11].

По результатам третьего чтения, состоявшегося в июле 2020 г., Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции» был принят и впоследствии официально опубликован 31 июля 2020 г. Конечно, новые меры государственного регулирования оборота, потребления и рекламы никотинсодержащей продукции вызвали недовольство у участников рынка. Так, некоторые из них убеждены, что введенные нормы не будут способствовать снижению потребления никотинсодержащей продукции, а лишь дадут толчок росту нелегального рынка. Данные опроса, проведенного ВЦИОМ, свидетельствуют о том, что и многие граждане считают приравнивание никотинсодержащей продукции к табаку и табачным изделиям нецелесообразным. Так, более половины курящих респондентов (59 %) убеждены, что необходимо регулировать оборот, потребление и рекламу никотинсодержащей продукции отдельным образом [4]. В рамках данной статьи рассмотрим некоторые из принятых изменений более подробно.

Одним основных нововведений стал запрет на употребление ЭСДН и устройств для нагревания табака в общественных местах, в том числе в организациях общественного питания, торговых помещениях и в помещениях, составляющих общее имущество собственников комнат в коммунальных квартирах. Для запретов в отношении организаций общественного питания и помещений торговых объектов установлен переходный период сроком 90 и 180 дней соответственно, в отношении остальных общественных мест запрет вступил в силу со дня официального опубликования закона. Директор по работе с органами государственной власти FMCG-компании *Japan Tobacco International* (*JTI*) В. Груздев утверждает, что приравнивание по данному параметру никотинсодержащей продукции к традиционному табаку противоречит целям Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции». Он аргументирует свое суждение тем, что впредь потребители никотинсодержащей продукции, которая является более безопасной, будут вынуждены употреблять ее в тех же местах, что и курильщики традиционных сигарет, вдыхая при этом более вредный для организма табачный дым, от воздействия которого закон, в свою очередь, призван осуществлять охрану [12]. С позицией В. Груздева, действительно, можно согласиться, ведь, как было отмечено ранее, факт того, что ЭСДН менее опасны для здоровья человека, признан ВОЗ и подтвержден научными исследованиями.

Кроме того, под запрет на употребление в общественных местах попали также кальяны, вне зависимости от того, есть ли никотин в используемой кальянной смеси. Данная мера окажет весомое влияние на работу ресторанов, в меню которых предлагаются кальяны. Необходимо отметить, что ресторанный бизнес после введения ограничений в связи с угрозой

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

распространения новой коронавирусной инфекции (*2019-nCoV*) переживает достаточно сложный период, в частности владельцам заведений приходится сокращать персонал, урезать заработную плату, пересматривать меню и пр. В подобных условиях принятие закона может создать дополнительные трудности для немалого количества ресторанов и поспособствовать их закрытию [13, с. 67]. Отдельные кальянные, в свою очередь, и вовсе вынуждены будут прекратить свою деятельность. Безусловно, меры, обеспечивающие защиту некурящего населения от воздействия кальянного дыма, необходимы, однако закрытие ресторанов и кальянных может привести и к определенным экономическим последствиям, в частности к снижению налоговых поступлений в бюджет от бизнеса и росту безработицы.

Законом устанавливается максимальная концентрация никотина в никотинсодержащей жидкости или растворе в размере 20 мг на 1 мл. Данная мера призвана ограничить потенциал формирования и поддержания никотиновой зависимости, а также снизить риски отравления никотином у неопытных пользователей. Если во втором случае введенное ограничение, действительно, принесет свои плоды, то в борьбе с никотиновой зависимостью, вероятнее всего, оно не будет эффективно. На сегодняшний день существуют различные виды ЭСДН, которые отличаются по физическим характеристикам, площади испарения и сопротивлению [14, с. 269]. В зависимости от площади испарения жидкости каждое устройство выделяет то или иное количество пара. Так, к примеру, *POD*-системы характеризуются небольшой площадью испарения жидкости и, соответственно, при употреблении ее посредством подобного устройства выделяется небольшое количество пара. В то же время при парении жидкости для ЭСДН при помощи батарейных блоков мощностью от 80 Вт выделяется гораздо больше пара, так как и площадь испарения жидкости у данных устройств больше. Количество выделяемого пара тесно связано с количеством потребляемого человеком никотина при парении никотинсодержащей жидкости: чем меньше пара, тем меньше потребление никотина. По этой причине на рынке никотинсодержащей продукции ранее предлагались жидкости с различной концентрацией никотина (от 3 мг/мл до 50 мг/мл), предназначенные для различных устройств. Однако при употреблении жидкости с высоким содержанием никотина посредством *POD*-системы человек получает примерно ту же дозу никотина, что и в случае употребления жидкости с невысокой концентрацией никотина посредством батарейного блока мощностью от 80 Вт. Таким образом, введенная мера в отношении концентрации никотина в жидкостях для ЭСДН, вероятнее всего, не приведет к ограничению потенциала формирования и поддержания никотиновой зависимости, так как пользователи *POD*-систем, предпочитавшие ранее жидкости для ЭСДН с концентрацией никотина более 20 мг/мл, перейдут на другие виды устройств, позволяющие потреблять привычное для них количество никотина даже при меньшей его концентрации в жидкости, либо продолжат использовать те же устройства, делая более долгую затяжку и получая тем самым большее количество никотина.

Кроме того, в связи с введением ограничения в отношении концентрации никотина в жидкости для ЭСДН и, как следствие, ростом популярности батарейных блоков мощностью от 80 Вт потребители классических сигарет будут реже переходить на менее вредные ЭСДН с целью отказа от курения. Ранее курильщики, принимавшие решение отказаться от табачной продукции в пользу никотинсодержащей, как правило, отдавали предпочтение *POD*-системам, так как они по затяжке, насыщению никотином и внешнему виду похожи на сигареты. Теперь же наиболее удачным для них вариантом для достаточного насыщения никотином на первом этапе отказа будет батарейный блок мощностью от 80 Вт. При этом по остальным параметрам данные устройства являются не самым удобным выбором для людей, привыкших к сигаретам, так как они более громоздкие, выделяют большее количества пара, что может отпугивать курильщиков, рассматривающих переход на ЭСДН.

Изменения в законодательстве коснулись оптовой и розничной торговли пищевой никотинсодержащей продукцией, а также никотинсодержащей продукцией, предназначенной для жевания, сосания, нюханья. Несмотря на то, что перечисленная продукция обладает определенными отличиями, ее часто объединяют под единым названием «снюс». Технически запрет оптовой и розничной торговли так называемым снюсом был введен еще в 2015 г., однако в соответствии с законодательством снюсом признавался лишь сосательный табак. Стремясь обойти правовые нормы,

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

производители сосательного табака начали выпускать никотиновые пэки, внешне похожие на классический снюс и предназначенные для сосания, но не содержащие табак. Дозировка никотина в пэках могла быть различной – от 10 до 249 мг, так как в данном отношении законом не были предусмотрены ограничения. Если пэки с небольшим содержанием никотина по усвоению были сопоставимы с крепкой сигаретой, то пэки с завышенной дозировкой никотина (от 55 мг) оказывали гораздо более сильный эффект. Значимый разброс в дозировке привел к появлению двух принципиально разных групп потребителей. В первом случае это курильщики, ищущие повседневную и удобную замену обычным сигаретам, которые предпочитали пэки с небольшим содержанием никотина. Во втором случае – люди, употребляющие никотиновые пэки для развлечения и делающие выбор в пользу высокого содержания никотина. Вторая группа, как правило, была представлена несовершеннолетними гражданами. Как отмечают исследователи, употребление снюса и никотиновых пэков в подростковом возрасте приводит к таким последствиям, как отставание в физическом развитии, повышение риска развития онкологических заболеваний желудка, полости рта и печени, нарушение памяти и концентрации внимания, повышенная возбудимость и агрессивность [15, с. 51]. Однако продажа никотинсодержащей продукции лицам, не достигшим 18 лет, не была запрещена законом. Как результат, случаи отравления детей школьного возраста данной продукцией начали фиксироваться все чаще, что вызвало серьезное беспокойство в российском обществе [16, с. 78].

Данная ситуация еще более ярко продемонстрировала, что доступ несовершеннолетних граждан к любой никотинсодержащей продукции наравне с табачной должен быть строго ограничен. Однако принятые изменения оказались еще более жесткими. Помимо запрета продажи никотинсодержащей продукции лицам, не достигшим 18 лет, был введен полный запрет оптовой и розничной торговли насваем, сосательным табаком, пищевой никотинсодержащей продукцией, а также никотинсодержащей продукцией, предназначенной для жевания, сосания, нюханья. Нарушение установленных запретов влечет наложение административных штрафов. Конечно, данные меры в определенной степени оградят несовершеннолетних граждан от возможности потребления всей никотинсодержащей продукции, в том числе предназначенной для сосания, жевания и нюханья, но в то же время они ограничивают возможность выбора для взрослых курильщиков. В этой связи необходимо отметить, что в разумных дозировках снюс, а также никотиновые пеки менее вредны для человеческого организма в сравнении с традиционными сигаретами и позволяют со временем избавиться от потребности организма получать никотин посредством курения сигарет, снижая тем самым риск возникновения болезней легких и сердечно-сосудистой системы [17, с. 37].

В соответствии с принятыми изменениями также вводится запрет розничной торговли никотинсодержащей продукцией с выкладкой и демонстрацией в торговом объекте. Так, никотинсодержащую продукцию, как и табачную, теперь можно будет приобрести только по прейскуранту. Данное требование распространяется как на работу супермаркетов и продовольственных магазинов, так и на работу специализированных магазинов, занимающихся продажей никотинсодержащей продукции, которые зачастую называют «вейп-шопы». Если в первом случае введение подобных мер является вполне обоснованным шагом, так как позволит скрыть никотинсодержащую продукцию от глаз широкого круга потребителей, многие из которых не заинтересованы в ее приобретении, то в случае с «вейп-шопами» требование продажи рассматриваемой продукции в закрытой выкладке, вероятнее всего, не будет способствовать снижению уровня ее потребления. Клиенты специализированных магазинов, как правило, целенаправленно посещают их для приобретения той или иной никотинсодержащей продукции, поэтому закрытая выкладка в данном случае едва ли способна оказать какое-то влияние на их заинтересованность в потреблении жидкости для ЭСДН посредством специальных устройств и другой никотинсодержащей продукции.

В соответствии с введенными изменениями в целях предотвращения воздействия веществ, которые выделяются при употреблении никотинсодержащей продукции, а также сокращения ее потребления будут приняты ценовые и налоговые меры. Однако подробное содержание данных мер в законе не уточняется. Как было отмечено ранее, ЭСДН, жидкости для них и устройства для нагревания табака с 2020 г. уже являются подакцизными товарами. Ставки по акцизам на ЭСДН и устройства для нагревания табака являются

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

твердыми и составляют 50 руб. за 1 штуку в 2020 г. К 2021 г. акциз на них вырастет до 52 руб. за штуку, а к 2022 г. – до 54 руб. за штуку. Необходимо отметить, что данные устройства могут иметь разную конструкцию, разный принцип работы и, соответственно, цена на них достаточно сильно варьируется. Так, стоимость одноразовых электронных сигарет составляет в среднем 300 руб., в то время как минимальная цена *POD*-систем, которые также являются популярным форматом электронных сигарет, – 1 000 руб. Существуют и готовые наборы, состоящие из батарейного блока и бака. Их стоимость может достигать 5 000 руб. Налоговое законодательство в нашей стране устанавливает на каждое из данных устройств одинаковый акциз в размере 50 руб. Если в случае с одноразовыми электронными сигаретами данная ставка вполне логична, то для готовых наборов она является очень низкой, так как составляет лишь малый процент от их стоимости. При этом если повысить налоговую ставку на ЭСДН так, чтобы она была адекватна для наборов, то стоимость одноразовых электронных сигарет существенно возрастет.

Несмотря на то, что отдельные изменения в антитабачном законодательстве РФ вызывают вопросы и требуют доработки, необходимо отметить и положительные моменты. Так, спустя 180 дней после опубликования Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции» вступает в силу запрет рекламы, стимулирования продаж и спонсорства никотинсодержащей продукции, а также устройств для ее потребления. Кроме того, отныне законодательством предусматривается информирование населения о никотинсодержащей продукции, неблагоприятных последствиях ее употребления, а также о вредном воздействии веществ, выделяемых при ее употреблении. Данное положение является особенно важным, так как в связи с относительной новизной данной продукции далеко не все члены общества осведомлены о ее вреде. Имея необходимые знания и понимание последствий, человек сможет сделать осознанный выбор. Изменения также предполагают оказание населению медицинской помощи, направленной на прекращение потребления никотинсодержащей продукции и лечение никотиновой зависимости.

Выводы

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что в последние годы государство начало предпринимать активные действия, направленные на развитие правового регулирования оборота, потребления и рекламы никотинсодержащей продукции в России. Безусловно, принятые в 2020 г. изменения окажут определенное влияние на рынок, однако, вероятнее всего, не приведут к предусмотренным законодательством целям. Отдельные меры государственного регулирования будут способствовать лишь гибели индустрии и переходу потребителей никотинсодержащей продукции на традиционные сигареты, которые более вредны для здоровья человека и приводят к более серьезным заболеваниям. Таким образом, действующее законодательное регулирование в отношении оборота и потребления никотинсодержащей продукции требует доработки. Во-первых, в целях защиты потребителей никотинсодержащей продукции от воздействия более вредного табачного дыма целесообразнее было бы создать отдельные зоны для употребления никотинсодержащей продукции, а не совмещать их с местами для курения традиционных сигарет. Во-вторых, целесообразно было бы обязать рестораны и кальянные обустраивать отдельные помещения, оборудованные специальными вентиляционными системами, для курения кальянов, а также получать лицензию на торговлю кальянами вместо введения полного запрета. В-третьих, требование относительно закрытой выкладки стоило бы ввести лишь для работы супермаркетов и магазинов продовольственных товаров, разрешив специализированным магазинам продавать никотинсодержащую продукцию с выкладкой и демонстрацией в торговом объекте при условии, что магазин расположен в закрытом и специально оборудованном для продажи товаров помещении. В отношении никотинсодержащей продукции, предназначенной для сосания, жевания и нюханья, разумно было бы установить максимальное содержание никотина в размере 20 мг, а также разработать технический регламент для данной продукции. Предлагаемая дозировка никотина будет вполне оптимальной для курильщиков, ищущих замену традиционным сигаретам, и в то же время она уже не будет столь привлекательна для подростков. Наконец, необходимо уделить внимание и налоговым мерам, в частности установить

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

либо единую процентную ставку от стоимости на все ЭСДН, либо разделить их на категории в зависимости от конструкции или принципа работы, дополнив классификацию ЭСДН, указанную в ГОСТ Р 58109-2018 «Жидкости для электронных систем доставки никотина. Общие технические условия», и для каждой их них установить твердую налоговую ставку по акцизу.

Список литературы

1. Аннотация к научно-исследовательской работе по теме «Проведение исследований рынка новых видов никотиносодержащей продукции, международной практики правового регулирования обращения такой продукции и разработка предложений по установлению в рамках Евразийского экономического союза обязательных требований к новым видам никотиносодержащей продукции и рекомендаций по механизмам их реализации» / ФГБНУ ВНИИТТИ, 2018. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/NIR/Lists/List/Attachments/217/Аннотация Никотин К637.pdf (дата обращения: 20.11.2020).

2. Саломатина Е. В. Перспективы роста рынка электронных сигарет // Инновационные исследования и разработки для научного обеспечения производства и хранения экологически безопасной сельскохозяйственной и пищевой продукции: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Краснодар: Государственное научное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт табака, махорки и табачных изделий Российской академии сельскохозяйственных наук», 2019. С. 572–576.

3. Саломатина Е. В., Гнучих Е. В. Предпосылки формирования инновационного табачного рынка РФ // Экономика и предпринимательство. 2018. № 10 (99). С. 137–141.

4. Электронные сигареты: выход или тупик? // ВЦИОМ. 2019. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10041 (дата обращения: 25.06.2020).

5. Об электронных системах доставки никотина или продуктов, не являющихся никотином – «вейпах» // Роспотребнадзор. 2017. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=7687 (дата обращения: 30.06.2020).

6. Доклад седьмой сессии Конференции Сторон Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака. URL: https://www.who.int/fctc/cop/cop7/FCTC_COP_7_11_RU.pdf?%22&ua=1 (дата обращения: 07.07.2020).

7. E-Cigarette Use Among Youth and Young Adults. A Report of the Surgeon General. Centers for Disease Control and Prevention (US). 2016.

8. Пелипецкая В. Б. Влияние курения электронных сигарет на развитие подростка // Академия профессионального образования. 2017. № 4. С. 61–70.

9. Корчагина Т. А., Стифаненко Н. В. Пагубная привычка XXI века – правда и миф о курении электронных сигарет // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». СПб.: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2019. С. 103–107.

10. Без конфет с никотином // Российская газета. 2020. URL: https://rg.ru/2020/01/10/medvedev-predlozhil-zapretit-nikotinosoderzhashchie-smesi-na-territorii-eaes.html (дата обращения: 09.07.2020).

11. Госдума приравняла вейпы к обычным сигаретам // Право.ru. 2019. URL: https://pravo.ru/news/216906/ (дата обращения: 01.08.2020).

12. В России унифицируют регулирование табачных изделий, электронных сигарет и вейпов // Ведомости. 2020. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/07/21/835106-rossii-unifitsiruyut-regulirovanie (дата обращения: 03.08.2020).

13. Борьба за выживание в «уникальной ситуации» на рынке услуг питания / Т. А. Джум, М. В. Ксенз, Н. И. Денисова // Сфера услуг: инновации и качество. 2020. № 46. С. 66–71.

14. Исследования инновационной продукции – электронных систем доставки никотина / Е. В. Гнучих, М. В. Шкидюк, А. Г. Миргородская // Вестник ВГУИТ. 2018. Т. 80, № 3. С. 265–271.

15. Исследование некурительной никотиносодержащей продукции / Т. А. Дон, А. Г. Миргородская, М. В. Шкидюк, О. К. Бедрицкая // Новые технологии. 2019. № 2. С. 46–56. DOI: https://doi.org/10.24411/2072-0920-2019-10205

16. Скворцова С. В., Штурмин Ф. С. Правовое регулирование использования электронных сигарет в России // Успехи в химии и химической технологии. 2017. № 7. С. 79–81.

17. Nicotine Chemistry, Metabolism, Kinetics and Biomarkers / N. L. Benowitz, J. Hukkanen, P. Jacob // Handb Exp Pharmacol. 2009. № 192. P. 37.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

References

1. Abstract of the scientific research on "Market research of the new types of nicotine-containing goods, global practice of legal regulation circulation of such goods, and proposals on establishing the mandatory requirements within the Eurasian Economic Union to the new types of nicotine-containing goods and recommendations to their implementation", *FGBNU VNIITTI*, 2018, available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/NIR/Lists/List/Attachments/217/Аннотация Никотин К637.pdf (access date: 20.11.2020) (in Russ.).

2. Salomatina E. V. Prospects of growth of the e-cigarettes market, *Innovative research and development for scientific maintenance of production and storage of environmentally safe agricultural and food products*: *collection of works of the 3rd International scientific-practical conference*, Krasnodar, Gosudarstvennoe nauchnoe uchrezhdenie «Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut tabaka, makhorki i tabachnykh izdelii Rossiiskoi akademii sel'skokhozyaistvennykh nauk», 2019, pp. 572–576 (in Russ.). (in Russ.).

3. Salomatina E. V., Gnuchikh E. V. Background formation of the innovative tobacco market in the Russian Federation, *Journal of Economy and entrepreneurship*, 2018, No. 10 (99), pp. 137–141 (in Russ.).

4. E-cigarettes: an exit or a dead end?, *WCIOM*, 2019, available at: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10041 (access date: 25.06.2020) (in Russ.).

5. *On electronic nicotine or non-nicotine products delivery systems – "vapes"*, Rospotrebnadzor, 2017, available at: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=7687 (access date: 30.06.2020) (in Russ.).

6. *Report of the 7th session of the Conference of the Parties of the WHO Framework Convention on tobacco control*, available at: https://www.who.int/fctc/cop/cop7/FCTC_COP_7_11_RU.pdf?%22&ua=1 (access date: 07.07.2020) (in Russ.).

7. E-Cigarette Use Among Youth and Young Adults. A Report of the Surgeon General, *Centers for Disease Control and Prevention (US)*, 2016.

8. Pelipetskaja V. B. The effects of smoking electronic cigarettes on the development of a teenager, *Academy of professional education*, 2017, No. 4, pp. 61–70 (in Russ.).

9. Korchagina T. A., Stiganenko N. V. Addiction of the XXI century – the truth and myth about smoking electronic cigarettes, *Sbornik izbrannykh statei po materialam nauchnykh konferentsii GNII "Natsrazvitie"*, Chastnoe nauchno-obrazovatel'noe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya "Gumanitarnyi natsional'nyi issledovatel'skii institut "NATsRAZVITIE", 2019, pp. 103–107 (in Russ.).

10. Without sweets with nicotine, *Rossiiskaya gazeta*, 2020, available at: https://rg.ru/2020/01/10/medvedev-predlozhil-zapretit-nikotinosoderzhashchie-smesi-na-territorii-eaes.html (access date: 09.07.2020) (in Russ.).

11. The State Duma equaled vapes and ordinary cigarettes, *Pravo.ru*, 2019, available at: https://pravo.ru/news/216906/ (access date: 01.08.2020) (in Russ.).

12. Russia unifies the regulation of tobacco goods, e-cigarettes and vapes, *Vedomosti*, 2020, available at: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/07/21/835106-rossii-unifitsiruyut-regulirovanie (access date: 03.08.2020) (in Russ.).

13. Dzhum T. A., Ksenz M. V. The fight for survival in a "unique situation" in the food services market, *Services Sector: Innovation and Quality*, 2020, No. 46, pp. 66–71 (in Russ.).

14. Gnuchikh E. V., Shkidyuk M. V., Mirgorodskaya A. G. Studies of innovative product – electronic system for nicotine delivery, *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2018, Vol. 80, No. 3, pp. 265–271 (in Russ.).

15. Don T. A., Mirgorodskaya A. G., Shkidyuk M. V., Bedritskaya O. K. Investigation of non-smoring nicotine-containing products, *New Technologies*, 2019, No. 2, pp. 46–56 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.24411/2072-0920-2019-10205

16. Skvortsova S. V., Shturmin F. S. Legal regulation of the use of electronic cigarettes in Russia, *Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii*, 2017, No. 7, pp. 79–81 (in Russ.).

17. Benowitz N. L., Hukkanen J., Jacob P. Nicotine Chemistry, Metabolism, Kinetics and Biomarkers, *Handb Exp Pharmacol*, 2009, No. 192, p. 37.

Дата поступления / Received 01.12.2020
Дата принятия в печать / Accepted 20.01.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Раев А. М., 2021
© Raev A. M., 2021

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики С. А. Андрюшин / Section editor S. A. Andryushin

УДК 336.7:004
DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76
JEL: E31, E42, E52, E58, G21, L86

Научная статья

С. А. АНДРЮШИН[1]

[1] *Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия*

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА КАК ТРЕТЬЯ ФОРМА ДЕНЕГ ГОСУДАРСТВА

Андрюшин Сергей Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
Адрес: г. Москва, Нахимовский просп., 32, тел.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: sandr956@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2620-8515
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/N-7005-2017
eLIBRARY ID: SPIN-код: 9666-6701, AuthorID: 77843

Цель: рассмотрение цифровой валюты центральных банков как третьей формы денег государства; выявление преимуществ и недостатков этой новой формы денег; уточнение классификации цифровой валюты центрального банка; анализ особенностей развития инфраструктуры системы быстрых платежей центральных банков и рынка частных стейблкоинов; изложение авторской версии развития дизайна цифрового рубля Банка России.
Методы: в статье использованы эмпирический, исторический, логический, страновой, сравнительный и статистический методы системного подхода, позволяющие изучать в динамике возможные дизайны цифровой валюты центрального банка.
Результаты: раскрыты макроэкономические факторы возникновения цифровой валюты центрального банка; определены виды классификации цифровой валюты центрального банка; показаны возможные плюсы и минусы выпуска и обращения третьей формы денег государства; рассмотрены система быстрых платежей и рынок частных стейблкоинов; уточнены некоторые последствия для денежно-кредитной политики и политики финансовой стабильности при переходе центрального банка на цифровую валюту; показаны преимущества и недостатки цифровой валюты центрального банка через призму трех аспектов: уровня анонимности, степени конфиденциальности и гарантированного получения субъектами рынка вознаграждения; проанализированы особенности развития дизайна цифрового рубля Банка России в среднесрочной перспективе.
Научная новизна: в статье показано, что цифровая валюта центрального банка – это всего лишь третья форма денег государства наряду с наличными и безналичными деньгами; классификация цифровой валюты позволила центральному банку вычленить признаки возможного дизайна цифровой валюты; рассмотрены перспективы и проблемы ценовой и финансовой стабильности в условиях обращения цифровой валюты; альтернативой цифровой валюты центральных банков является система быстрых платежей и рынок частных стейблкоинов; Банк России должен строить дизайн цифрового рубля на базовых характеристиках банковской системы РФ (модели *D*), механизмах сочетания технологий централизованного и распределенного реестров Банка России.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы для разработки возможного дизайна цифрового рубля в среднесрочной перспективе, а также уточнения Банком России своих действующих целевых мандатов, инструментов, каналов и механизмов денежно-кредитной политики и политики обеспечения финансовой стабильности, непосредственно связанных с новыми трендами развития как мировой экономики, так и российской экономики в частности.

Ключевые слова: цифровая экономика; дефляция; денежно-кредитная политика; платежная система; процентная политика; финансовая стабильность; финансовые технологии; центральный банк; цифровая валюта

Конфликт интересов: *автором не заявлен*.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Андрюшин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 54–76. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76

The scientific article

S. A. ANDRYUSHIN[1]

[1] *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

DIGITAL CURRENCY OF THE CENTRAL BANK AS THE THIRD FORM OF MONEY OF THE STATE

Sergey A. Andryushin, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
Address: 32 Nakhimovskiy prospekt, Moscow, tel.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: sandr956@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2620-8515
Web of Science Researcher: http://www.researcherid.com/rid/N-7005-2017
eLIBRARY ID: SPIN-код: 9666-6701, AuthorID: 77843

Objective: to consider the digital currency of Central Banks as the third form of money of a state; to identify advantages and disadvantages of this new form of money; to clarify the classification of digital currency of the Central Bank; to analyze the features of infrastructure development of the Central banks fast payments system and private stable coins market; to present the author's conception of the Bank of Russia digital ruble.
Methods: the article uses empirical, historical, logical, country-oriented, comparative and statistical methods of the system approach, which allow studying the possible designs of the Central Bank digital currency in dynamics.
Results: the article reveals the macroeconomic factors of the emergence of the Central Bank digital currency; defines the types of classification of the Central Bank digital currency; shows the possible pros and cons of issuing and circulating of the third form of state money; considers the fast payments system and the private stable coins market; clarifies some consequences for monetary and financial stability policy during the transition of the Central Bank to digital currency; shows the advantages and disadvantages of the Central Bank digital currency through the prism of three aspects: the anonymity level, the confidentiality degree and the guaranteed remuneration for market participants; and analyzes the features of the Bank of Russia digital ruble development in the medium term.
Scientific novelty: the article shows that the Central Bank digital currency is just the third form of state money, along with cash and non-cash; classification of digital currency has allowed the Central Bank to identify the features of the possible design of digital currency; the prospects and problems of price and financial stability in terms of the circulation of digital currency are considered; an alternative to the Central Banks digital currency is the system of fast payments and private stable coins market; The Bank of Russia should build the digital ruble design on the basic characteristics of the banking system of the Russian Federation (Model D) and the mechanisms combining the technologies of the centralized and distributed ledgers of the Bank of Russia.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used to develop a possible design of the digital ruble in the medium term, as well as to clarify the Bank of Russia current target mandates, tools, channels and mechanisms of monetary and financial stability policy, directly related to new trends in the development of both the world economy in general and the Russian economy in particular.

Keywords: Digital economy; Deflation; Monetary policy; Payment system; Interest rate policy; Financial stability; Financial technologies; Central Bank; Digital currency

Conflict of Interest: *No conflict of interest is declared by the author.*

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Andryushin S. A. Digital currency of the central bank as the third form of money of the state, *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 54–76 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76

Введение

Современные деньги в рыночной экономике существуют в трех основных формах, обеспечивающих устойчивое развитие любой денежно-кредитной системы страны [1]. Во-первых, это наличные банкноты, на которые в зависимости от страны приходится небольшое количество[1] (например, 3 % от общего их количества в Великобритании в 2016 г.), но в то же время с их помощью обслуживается значительное количество потребительских транзакций (до 40 % – в Великобритании). Во-вторых, это электронные деньги центрального банка (далее – ЦБ) в форме резервов, которые держат коммерческие банки (далее – КБ) на счетах (корреспондентских и депозитных) в ЦБ, в том числе для заключения сделок между собой на межбанковском рынке (их примерно 17 % – в Великобритании в 2016 г.). И, в-третьих, частные электронные депозиты, создаваемые КБ при предоставлении заемщикам банковских кредитов, на которые в 2016 г. в Великобритании приходилось до 80 % денег во всей денежно-кредитной системе страны [2].

Деньгами ЦБ являются первые две формы, из них электронной – только вторая – резервы ЦБ. Если цифровая валюта ЦБ будет служить только заменой физических банкнот ЦБ – «цифровой наличностью», то тогда денежно-кредитная политика (далее – ДКП) и ее трансмиссионный механизм (далее – ТМ) вряд ли сильно изменятся. Но, как только цифровая валюта ЦБ *(Central Bank Digital Currency*, *CBDC*) становится альтернативой для третьей формы денег (частных электронных депозитов КБ), это может иметь очень большие последствия для ДКП и политики финансовой стабильности. Стремительная замена этих депозитов на *CBDC* приведет к изменению структуры и сокращению совокупного баланса всего банковского сектора, что может поставить центральный банк в положение главного «могильщика» частных денег и развития института «суверенных денег». Иначе, ЦБ через фондирование *CBDC* сможет выборочно возмещать КБ вытесненные с их балансов частные ресурсы, которые банки будут терять в процессе трансформации своих электронных депозитов, создаваемых ими в процессе кредитования населения и частного бизнеса.

После появления рынка криптовалют, сначала *Bitcoin* (2009 г.), чуть позже *Ethereum*, *Ripple*, *Litecoin* и других альткоинов, а затем и стейблкоинов (особенно *Libra*[2] в середине 2019 г.), монетарные органы власти серьезно забеспокоились. Так, если эти частные криптовалюты станут широко использоваться в платежах и расчетах, то постепенный рост их объемов может вытеснить из обращения значительную часть

[1] Многие исследователи считают Швецию «обществом без наличных», так как в этой стране банкноты практически не используются.

[2] 1 декабря 2020 г. Консорциум Libra *Association*, созданный компанией *Facebook*, принял решение о смене названия на Diem *Association*. В связи с этим наименование запускаемой организацией криптовалюты *Libra* было изменено на *Diem* – об этом, как передает ТАСС со ссылкой на *Reuters*, сообщил исполнительный директор базирующегося в Женеве консорциума Стюарт Леви. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10937872 (дата обращения: 01.12.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

резервов и наличных денег и негативно повлиять на выполнение целевых мандатов ЦБ. Поэтому не случайно в настоящее время практически в каждом центральном банке стали активно обсуждать вопрос, смогут ли сами ЦБ выпускать собственную цифровую валюту, которая гарантировала бы обществу ценовую и финансовую стабильность и не давала бы частным криптовалютам какой-либо возможности доминирования в денежном обращении, платежных системах оптовых и розничных расчетов [3].

Сторонники *CBDC* утверждают, что ее выпуск значительно улучшит процессы функционирования платежной системы, а возможно, и эффективность трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики [4]. Противники, со своей стороны, считают, что эффективность ТМ ДКП от выпуска *CBDC* является сомнительной. Более того, технологические риски станут триггером для роста (в несколько раз) ценовой и финансовой нестабильности [5, 6]. Как будет показано ниже, возможные преимущества и недостатки *CBDC* будут зависеть от выбора ЦБ дизайна своей цифровой валюты, и в первую очередь от трех принципиальных аспектов: уровня анонимности, степени безопасности (конфиденциальности) от киберпреступности и возможности получения всеми субъектами рынка вознаграждения (процента) в результате использования ими *CBDC*. Наконец, в статье будут проанализированы некоторые последствия для ДКП и финансовой стабильности в зависимости от выбранного Банком России дизайна цифрового рубля.

Макроэкономические факторы возникновения *CBDC*

Более десяти лет назад, в октябре 2010 г., в Массачусетсе по инициативе Федерального резервного банка Бостона состоялась конференция на тему «Пересмотр монетарной политики в условиях низкой инфляции» [7], на которой обсуждалась денежно-кредитная политика ЦБ в условиях низких процентных ставок. В ходе состоявшейся дискуссии был рассмотрен японский опыт «потерянного десятилетия 1990-х гг.», с анализом которого выступил член Политического совета Банка Японии Кадзуо Уэда. В частности, он отметил, что всем ЦБ необходимо отказаться от политики таргетирования низких (нулевых) процентных ставок, так как такая политика способствует росту в экономике дефляционных рисков [8, с. 55–56].

Бен Бернанке (тогдашний глава Федеральной резервной системы США) с такой оценкой японского эксперта не согласился. Более того, он заявил, что японский опыт монетарной политики в условиях низких процентных ставок для ФРС совершенно не пригоден, так как он был спровоцирован ошибками в ДКП Банка Японии, структурными проблемами в банковской системе и проводимой правительством страны политикой протекционизма [9]. Напротив, ФРС располагает арсеналом необходимых мер, достаточным набором новых монетарных инструментов для работы в условиях низких процентных ставок. Речь в первую очередь шла о политике реинвестирования на открытом рынке и уточненных макроэкономических прогнозах инфляции с учетом так называемого инфляционного буфера [10].

Прошло десять лет, срок достаточный, чтобы убедиться, что прав оказался японский эксперт. Экономика США, а также практически все развитые экономики мира стали функционировать в условиях нарастания дефляционных рисков, вызванных мягкой ДКП[3], фискальной накачкой экономики, быстрым ростом государственного долга[4], низкими процентными ставками[5], наличием в экономике ликвидной ловушки[6], возникновением эффекта рецессии балансовых счетов[7], стремительным падением совокупного спроса, неуклонным ростом торговых войн между странами,

[3] Мягкая монетарная политика ЦБ, связанная со снижением ценовых и неценовых условий процессов заимствования и кредитования, способствующих росту «плохих долгов» и кредитному перегреву.

[4] В настоящее время в США государственный долг превышает 127 % ВВП, а совокупный долг 19 стран зоны евро уже составляет 101,7 % ВВП.

[5] Низкие ключевые процентные ставки крупнейших ЦБ в некоторых странах стали отрицательными («Риксбанк», Европейский центральный банк, Банк Японии, Национальный банк Швейцарии, Банк Норвегии, Банк Дании, Банк Венгрии и пр.), допустив тем самым переход реальных ставок в отрицательную область, что приводит к свертыванию банковского кредитования.

[6] Ликвидная ловушка возникла в результате стремительного роста валюты баланса ЦБ (от 35 % ВВП (Банк Англии) до 140 % (Банк Японии)) и изменения алгоритма денежного механизма, отсутствия эластичности денежного предложения.

[7] Рецессия балансовых счетов означает, что добросовестные предприятия из-за обрушения цен на свою продукцию (в том числе и на активы) и возросшей задолженности (дебиторской и кредиторской) резко снижают спрос на кредиты.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

а также устойчивым ежегодным снижением реальных доходов населения и частного бизнеса.

После крушения в конце 1970-х гг. «монетарного эксперимента» (сначала в США, Великобритании, а затем и в других странах) ведущие ЦБ перешли к таргетированию базовых (ключевых) процентных ставок денежного рынка. Но после финансового кризиса 2008–2009 гг. оказалось, что базовая (ключевая) процентная ставка (*benchmark*) стала практически невосприимчивой к процентной политике ЦБ. Поэтому основным инструментом определения стоимости денег в условиях реализации масштабных программ количественных и кредитных смягчений во многих странах стала процентная ставка по резервам ЦБ (ликвидности банковского сектора), которая в условиях роста предложения денег привела к дальнейшему снижению процентных ставок в мировой экономике [11, с. 857].

Сейчас во многих странах (и в России [12]) происходит активная модернизация процентного инструментария ЦБ (появление новых индикативных ставок, таких как *SONIA*, *€STR*, *RUONIA* и пр.), смена администраторов и методов расчета этих новых процентных ставок, нацеленных на оживление вторичного рынка МБК. Но новый порядок администрирования индикативных ставок, скорее всего, приведет к дальнейшей монополизации финансового рынка, снижению на нем уровня справедливой конкуренции, развитию олигополии и концентрации денежных ресурсов в системно значимых (в первую очередь государственных) финансовых организациях и, как результат, дальнейшему нарастанию в мировой экономике дефляционных рисков[8].

В условиях нарастания дефляционных рисков эталонной процентной ставкой, по нашему мнению, могут стать не столько индикативные ставки денежного рынка (как *SONIA*, *€STR*, *RUONIA*), сколько процентная ставка процентной цифровой валюты ЦБ, способная оживить рынок МБК, решить проблему нулевых и отрицательных процентных ставок, повысить инвестиционную активность в рыночной экономике, увеличить кредитную активность КБ, а также повысить уровень располагаемых реальных доходов населения и частного бизнеса. Но об этом чуть ниже.

CBDC: исследования и разработки

Рост цифровизации глобальной экономики и развитие финансовых технологий стремительно меняют в мире денежный рынок и его инфраструктуру, снижая спрос на наличные деньги ЦБ в пользу роста безналичных электронных платежей[9]. Это ставит вопрос о необходимости появления в обращении дополнительной новой формы денег ЦБ, соответствующей условиям развития современной цифровой экосистемы. Речь в данном случае может идти о *CBDC*, мотивы и практические аспекты выпуска которой будут определяться каждой страной в отдельности в зависимости от особенностей развития ее национальной экономики, в том числе уровня развития денежных расчетов, глубины финансового рынка, режимов монетарной политики, каналов и инструментария ТМ ДКП, политики финансовой стабильности [15, 16].

По данным *BIS* (Банка международных расчетов), по состоянию на январь 2020 г. среди 66 центральных банков, принявших участие в опросе *BIS*, исследованиями и разработками в области *CBDC* занимались более 80 % ЦБ (год назад – 70 %). Из этой выборки 50 % пришлось на ЦБ, которые уделяли внимание как оптовым, так и розничным *CBDC*. Около 40 % центральных банков от чисто научных исследований перешли к экспериментальной практике (*Proof-of-Concept*) и 10 % ЦБ уже обратились к реализации своих пилотных проектов (*Pilot Projects*)[10]. И, хотя

[8] В современной экономической теории отсутствует монетарная теория, способная обеспечивать в рыночной экономике, подверженной дефляционным рискам, проведение эффективной ДКП и политики финансовой стабильности. Современная монетарная теория (*Modern Monetary Theory*, *MMT*), появившаяся в 2019 г. и основанная на постулатах посткейнсианства, нового институционализма и теории марксизма, не способна стать такой теорией. См. [13].

[9] Например, если в 2008 г. в Великобритании 60 % платежей (по объему) производились с использованием банкнот, то в 2018 г. этот показатель упал до 28 % и, по прогнозам, к 2028 г. упадет до 9 %. Такие страны, как Швеция и Норвегия, в этой тенденции продвинулись еще дальше: в Швеции более половины розничных продавцов ожидают, что к 2025 г. они перестанут принимать наличные платежи. См. [14, p. 14].

[10] В настоящее время четыре страны (Уругвай, Швейцария, Эквадор и Украина) завершили пилотные проекты розничных *CBDC*, еще шесть стран уже тестируют пилотные проекты розничных *CBDC*: Швеция, КНР, Южная Корея, Восточно-Карибский валютный союз, Багамские Острова и Камбоджа.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

большинство ЦБ (70 %) оценивают выпуск *CBDC* как еще маловероятное событие, тем не менее 10 % считают, что они, скорее всего, выпустят свою розничную *CBDC* в некой ближайшей краткосрочной перспективе и 20 % – в среднесрочной перспективе[11].

Отчет *BIS*, выпущенный в апреле 2020 г., свидетельствует, что пандемия коронавируса резко повысила мотивацию ЦБ в части ускоренного выпуска ими своих цифровых валют. Через кризис здравоохранения и пенсионной системы, резкое сжатие сферы деятельности и доходов МСП ЦБ будут активно навязывать рынку свои цифровые валюты. При этом эта мотивация будет существенно различаться между странами. Она будет выше в странах, где преобладают банкноты малого достоинства, используемые населением и бизнесом для повседневных транзакций. К числу этих стран относятся Австралия, Франция, Сингапур, Швейцария, Ирландия, Великобритания, Канада, США, Ямайка и Кения.

В то же время руководство большинства ЦБ хорошо понимает, что искусственно поощрять рост бесконтактных платежей, ускорять поголовный переход к цифровым платежам небезопасно. Это, по их мнению, может негативно повлиять на отдельных потребителей (особенно в странах с формирующимися рынками), широко не охваченных банковскими услугами, и лиц, испытывающих трудности в связи с преклонным возрастом. Поэтому продолжающаяся пандемия может усилить призывы как защиты роли привычных для населения наличных денег[12], так и выпуска в обращение *CBDC*, выступающих в первую очередь в виде «цифровых наличных» [19, pp. 1, 2].

Согласно августовскому отчету *BIS*, в 2020 г. против 2017–2019 гг. заметно возросло количество выступлений представителей ЦБ, проявляющих повышенный интерес к различным аспектам функционирования *CBDC* в части инфраструктуры, дизайна, эмиссии и методов регулирования. Если раньше публичные высказывания управляющих и членов советов директоров ЦБ о цифровых валютах носили преимущественно негативный характер, особенно в отношении розничных *CBDC*, то в настоящее время практически все ЦБ оценивают выпуск розничных *CBDC* скорее позитивно. Сейчас ЦБ уделяют больше внимания развитию розничной архитектуры *CBDC*, в которых цифровая валюта выступает денежным требованием к ЦБ и где частный банковский сектор напрямую нацелен на обслуживание деятельности своих клиентов через платформу *CBDC*, регулируемую ЦБ. Особенно заметно в этих вопросах преуспели ЦБ Китая, Швеции и Канады [20, pp. 4, 21–28].

CBDC: преимущества и недостатки

CBDC – это третья форма денег государства, или цифровая форма национальной валюты, или электронное обязательство ЦБ, номинированное в национальной денежной единице и служащее средством платежа, меры счета (для регулирования обмена ценностей) и сохранения (сбережения) стоимости.

В настоящее время все ЦБ уже практикуют виртуальную эмиссию электронной валюты, значительная доля платежей и переводов которой происходит в безналичной форме [21]. Но *CBDC* – это не электронная форма национальной валюты, а цифровая форма фиатной валюты, которая призвана:

– повысить эффективность процентного канала ТМ ДКП за счет использования начисляемых по ним процентов, выступающих в качестве операционного инструмента ЦБ;

– снизить риски кредитного перегрева в экономике, замещая традиционные депозиты в КБ на их цифровые эквиваленты;

– решить проблему «отрицательных процентных ставок» за счет алгоритмизации, программируемости и прозрачности цифровых валют;

– повысить ликвидность КБ за счет рефинансирования дефицита ликвидности банковского сектора в цифровой валюте на межбанковском рынке;

– расширить баланс КБ за счет приобретения его клиентами банковских облигаций на цифровую валюту;

Остальные страны – еще на этапе исследований как оптовых (например, Австралия на основе технологии блокчейн), так и розничных *CBDC* (например, Россия). Первыми, скорее всего, выпустят *CBDC* Китай и Швеция.

[11] В опросе участвовало 66 ЦБ, которые представляли 21 страну с развитой экономикой и 45 стран с формирующимися рынками, на которые в настоящее время приходится 75 % населения мира и 90 % ВВП. См. [17, pp. 2, 3, 7, 9].

[12] Так, Фабио Панетта, члена Исполнительного совета ЕЦБ, считает, что, несмотря на сокращение использования наличных денег в системе расчетов, спрос на банкноты евро в ЕС попрежнему растет примерно на 10 % в год и, вопреки прогнозам, резко ускорился с началом пандемии. См. [18].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

– решить проблему «плохих долгов» частного сектора на балансах КБ без задействования для этих целей средств налогоплательщиков;

– создать дополнительную платежную инфраструктуру для производства транзакций с меньшими затратами и рисками;

– уменьшить количество банкнот в обращении, стимулируя тем самым дальнейшее развитие в экономике системы безналичных платежей и расчетов;

– повысить кредитную активность в экономике за счет развития долгового рынка, номинированного в цифровой валюте;

– снизить долларизацию экономики за счет использования местной валюты для оплаты товаров и услуг.

Помимо отмеченных нами плюсов, *CBDC* содержит и некий ряд существенных минусов, снижающих эффективность денежно-кредитной системы, функционирующей на основе обращения цифровой формы суверенных денег. К ним можно отнести:

– сохранение высокой уязвимости (потерь) от киберпреступности (по данным МВФ, совокупные убытки банковских систем оцениваются от 100 до 300 млрд долл. в год[13]);

– зависимость КБ от кредитов ЦБ обостряет проблемы, связанные с нехваткой залогового обеспечения;

– возрастание возможности выхода клиентов КБ из традиционных инструментов (наличных и депозитов), которая снижает уровень ликвидности в банках, а также объемы традиционного кредитования реальной экономики;

– увеличение вероятности потери национальным регулятором политической самостоятельности в результате роста валюты баланса ЦБ за счет покупки на цифровую валюту государственных облигаций правительства;

– отток цифровой валюты из коммерческого банка, который может оказывать негативное влияние на соблюдение международных стандартов и нормативов ликвидности банков, резко снизить мультипликацию частных денег в экономике;

– организацию со стороны государства тотального цифрового контроля за всеми субъектами российской экономики (физическими и юридическими лицами), платежными транзакциями, цифровыми кошельками, биометрическими персональными данными, аккумулируемыми как в сервисах цифрового профиля, так и единой биометрической системе, получивших в декабре 2020 г. на законодательном уровне в РФ статус государственной информационной системы[14].

CBDC и ее классификация

В настоящее время единой общепринятой классификации *CBDC* не существует. Базовыми критериями, по которым можно классифицировать *CBDC* на отдельные виды, являются: архитектура или функциональное назначение, вид доступа или степень анонимности, наличие доходности или отсутствие начисляемого процента[15].

А. По архитектуре или функциональному назначению выделяют:

– оптовые *CBDC* (*wholesale*, они же коммерческие или прямые);

– розничные *CBDC* (*retail/general purpose*).

Оптовые CBDC (*W-CBDC*) представляют собой платежную систему, управляемую ЦБ. Она доступна только узкому кругу пользователей (финансовым институтам, хранящим средства на счетах ЦБ, и профессиональным участникам финансового рынка). Аналогами оптовых цифровых валют являются «резервы ЦБ», аккумулируемые на корсчетах и депозитных счетах финансовых посредников в ЦБ. *W-CBDC* способны ускорить работу финансовых систем, повысить их безопасность, устранить расчетный риск, снизить издержки, а также увеличить скорость совершаемых сделок на внебиржевых рынках, в сегменте синдицированного кредитования и системе трансграничных операций/расчетов в условиях международной торговли.

Розничные CBDC – это новая форма денег ЦБ, доступная для широкого использования как физическими, так и юридическими лицами. Они служат заменой наличных денег (или их дополнением) и являются

[13] Для сравнения: потери пользователей криптовалют от киберпреступности за 10 лет (2011–2020, апрель) были оценены компанией *Crystal Blockchain* всего на 7,6 млрд долл.

[14] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 479-ФЗ от 29 декабря 2020 г. URL: https://rg.ru/2021/01/11/izmeneniya-2-dok.html (дата обращения: 11.01.2021).

[15] Что такое цифровая валюта центробанков (CBDC)? 2020. URL: https://forklog.com/chto-takoe-tsifrovaya-valyuta-tsentrobankov-cbdc/ (дата обращения: 26.10.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

альтернативой банковским депозитам. *CBDC* вводятся в обращение ЦБ в соотношении один к одному с фиатной валютой и должны свободно конвертироваться в наличные. Они позволят внедрить финансовую инклюзивность, ускорить движение в сторону безналичного общества и уменьшать стоимость эмиссии денег и расходы на обработку цифровых банкнот. Поэтому концепция розничных *CBDC* может быть особо востребованной в странах с формирующимися рынками, где банковский сектор играет доминирующую роль, периодически завышая стоимость своих услуг на финансовом рынке.

В. По виду доступа или степени анонимности использования:

– на основе токенов (*token-based*);

– на основе учетной записи/счета (*account-based*).

Механизм доступа на основе цифровых токенов (валютных, утилитарных, обеспеченных активами, электронных ценных бумаг и участия в капитале эмитента) гарантирует пользователям анонимность транзакций. Для этого цифровой токен должен циркулировать на децентрализованной платформе *DLT* (*Distributed Ledger Technology*)[16], но без прямой связи с центральным реестром. Это означает, что ЦБ не будет знать, кто в настоящее время владеет выпущенными токенами (как в случае с банкнотами), их учет будет происходить в распределенном реестре, а доступ к ним будет осуществляться через специальные приложения (например, КБ) – кошельки, которые реализуют хранение и обработку ключей (публичных и приватных), а также подписи транзакций.

Но в то же время возможны варианты, когда токены (монеты, цифровые операционные знаки) могут быть эмитированы в обращение и централизованно, через платформу ЦБ. В этом случае анонимность пользователям такого токена не гарантируется. Все процессы эмиссии, продажи, обращения и обратного выкупа токенов, связанные с пользователями, валидаторами, оракулами, операторами информационной системы, операторами обмена и администраторами системы, будут напрямую связаны с ЦБ, который будет управлять жизненным циклом токенов, безопасностью (рисками), интеграцией с системами *KYC*[17]/*AML*[18], интеграцией с частными платежными системами, комиссиями и лимитами, работой с мобильными и веб-приложениями, установками биржевого модуля и интеграцией с внешним миром.

CBDC на основе счетов привязаны к идентификационной информации. Задача сочетать качества наличных денег как инклюзивного и устойчивого к кризисам средства платежа с характеристикой анонимности может оказаться непростой. С одной стороны, это дает участникам доступ к распределенной сети посредством разнообразных девайсов, включая персональные компьютеры, планшеты, мобильные телефоны с выходом в Интернет. С другой стороны, любое цифровое устройство должно быть обязательно сертифицировано, а его поставщик – обладать лицензией ЦБ, быть идентифицированным. Обращение *CBDC* по такой схеме может, по мнению ряда экспертов, стать эффективным средством против отмывания денег и финансирования терроризма [23].

Никакая разновидность *CBDC*, по нашему мнению, никогда не сможет полностью стать анонимной. Это значит, что все транзакции, использующие *CBDC*, ЦБ всегда сможет проследить, так как в рамках смарт-

[16] «*DLT* – это форма получения, обмена и хранения информации, при которой каждый участник распределенной сети может обладать полноценной копией реестра, иметь синхронизацию копий реестра на основе протокола достижения распределенного консенсуса и получать доступ к истории трансакций. Но главный минус *DLT* – это то, что при данной технологии возможна ситуация, при которой один орган управления (например, ЦБ или Казначейство) может непосредственно управлять работой всех узлов (нод), контролировать то, что является децентрализованной сетью» [22, с. 233–234].

[17] Знай своего клиента (*Know Your Customer*, *KYC*) – концепция, касающаяся информации о клиентах, преследующая цель борьбы с преступной деятельностью, такой как отмывание денег и финансирование терроризма. Поэтому компании, работающие в финансовом секторе, должны соответствовать определенным требованиям KYC. Например, банки и другие небанковские кредитные организации должны получать информацию о своих клиентах, чтобы установить их личность и проверить, откуда и куда поступают их деньги. См. The Riksbank's e-krona project Report 2. Sveriges Riksbank. 2018. October. P. 45.

[18] Борьба с легализацией денежных средств (*Anti-Money Laundering – AML*) включает в себя комплекс мер, направленных на предотвращение использования финансовой системы страны или конкретной финансовой организации для легализации средств, полученных преступным путем, или финансирования терроризма. Разработкой и внедрением данных мер и инструментов занимаются международные и национальные институты, банковское и деловое сообщество. URL: https://fbconsult.ru/finansovyi-monitoring-vyyavlenie-somnitelnykh-operatsii-aml (дата обращения: 01.12.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

контракта сделки с *CBDC* клиентам нельзя будет изменить или отменить условия и параметры своей сделки, пока обе стороны не согласятся на их пересмотр уже после ее совершения. Пересмотр сделки потребует совершить обратную операцию по снятию и размещению *CBDC* на депозит в банке, что потребует раскрыть КБ информацию о клиентах сделки. Иначе это становится уже объектом обычных требований к КБ со стороны ЦБ по обеспечению противодействия «отмыванию денег и финансированию терроризма» (*AML/KYC*).

C. По монетарным агрегатам, формирующим динамику денежной базы и денежной массы:

– традиционные наличные замещены на цифровые (*CBDCb*);

– традиционные депозиты преобразованы в цифровые (*CBDCd*);

– *CBDC* и электронные резервы ЦБ имеют разную монетарную природу.

В этой классификации *CBDC* по эффекту замещения была разделена на две части, исходя из характеристик монетарных агрегатов денежной массы и денежной базы: *CBDCb* – это цифровые деньги, которые заменяют банкноты, а *CBDCd* – традиционные депозиты в КБ. Влияние *CBDCb* на остальные счета баланса ЦБ является нейтральным, но влияние *CBDCd* таковым не является. Они расширяют баланс ЦБ, поскольку восполняют пробелы в рефинансировании балансов КБ. ЦБ может захотеть избежать этого эффекта, покупая государственные и корпоративные облигации, в результате чего покупателями облигаций могут быть либо домашние хозяйства, либо банки, которые приводят к росту валюты баланса ЦБ.

Располагая *CBDCb*, домохозяйства не будут хранить деньги, полученные в форме банковских депозитов, но будут покупать облигации, которые банки будут дополнительно выпускать. Наконец, возможен случай, когда КБ действительно сократили бы свою кредитную активность, снизив объемы кредитования для корпораций. При этом предполагается, что корпорации вынуждены будут выпускать в обращение дополнительную порцию своих облигаций, чтобы компенсировать потерю финансирования за счет банковских кредитов и размещения их в ЦБ.

Напротив, *CBDCd* увеличит зависимость коммерческих банков от кредита центрального банка и может привести к проблемам, связанным с нехваткой залогового обеспечения. Дешевый источник финансирования (депозиты до востребования) в КБ уменьшится, а более дорогие источники рефинансирования (кредит ЦБ и/или выпуск банковских облигаций) возрастет. В этих условиях ЦБ должен будет компенсировать предполагаемое ужесточение финансовых условий, а значит, снизит свою процентную ставку овернайт, оживив тем самым внутренний спрос в экономике [24, pp. 11–12].

Резервы ЦБ и *CBDC* имеют различное назначение, в частности, *CBDC* не должны функционировать как актив по межбанковским расчетам или быть связанными теми же правилами, что и система валовых расчетов в реальном времени (*RTGS*)[19]. Это позволит ЦБ использовать *CBDC* (через регулируемое в обращении количество и процентную ставку по ним) как действенный второй инструмент ДКП для обеспечения ценовой и финансовой стабильности в условиях роста макроэкономической неопределенности [25, pp. 8–9].

D. По доходности или отсутствию процента:

– беспроцентные или базовые *CBDC*;

– процентные *CBDC* (*I-CBDC*).

Беспроцентные *CBDC* – это цифровой токен, эмитируемый ЦБ в рамках *DLT* и используемый в системе оптовых и розничных платежей между субъектами экономики. При этом *CBDC* наделяется свойствами, сходными с ее физическим аналогом – наличными. Они беспроцентные, номинированы в суверенной валюте и эмитируются в дополнение к банкнотам, а не замещают их. Базовая *CBDC* будет доступна 24 часа в сутки в течение всей недели без выходных и праздников (24/7), станет подобна наличным и другим электронным средствам платежа (чекам, дебетовым и кредитным картам, онлайновым трансфертам).

Беспроцентные *CBDC* центрального банка будут выпускаться на своей цифровой платформе, обеспечивая доступ к *CBDC* физическим и юридическим лицам напрямую без участия банков/финансовых посредников, или опосредованно при прямом участии банков/финансовых посредников. В то же время доступ к базовым *CBDC* будут иметь только рекомендованные со стороны регулятора финансовые посредники (как правило, системно значимые организации и/или

[19] *Real-time gross settlement* (*RTGS*) – система валовых расчетов в режиме реального времени.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

госбанки), которым будут открыты счета в ЦБ или клиринговых банках, также имеющих счета в центральном банке. При этом комиссии за проведение платежей, обмен и хранение *CBDC* с финансовых посредников ЦБ брать не будет. Но сами КБ могут устанавливать для своих клиентов любые комиссии за услуги, связанные с обслуживанием базовой *CBDC*.

В нынешних условиях роста дефляционных рисков ЦБ может начать эмитировать процентную цифровую валюту (*I-CBDC*), которая отличается от базового аналога тем, что по ней центральный банк начисляет проценты[20]. Она станет альтернативой ключевой процентной ставке, особенно в условиях, когда эта ставка становится отрицательной. Более того, при *I-CBDC* полная анонимность пользователей будет еще больше невозможна, что, с одной стороны, снизит спрос на *I-CBDC*, с другой – увеличит риск политического вмешательства правительства в ДКП, уменьшая тем самым финансовую независимость ЦБ. Поэтому выпуск *I-CBDC* может привести не только к изменению дизайна балансовых счетов ЦБ, но и к иным негативным последствиям для денежно-кредитной политики и политики финансовой стабильности (но об этом чуть ниже).

CBDC и мандаты центрального банка

CBDC как цифровая форма национальных денег, предоставляемая населению, бизнесу и государству, и новая платежная инфраструктура, на которой будут производиться платежи в этой валюте, могут иметь самые широкие последствия как для ДКП, так и политики финансовой стабильности. В этой связи ЦБ необходимо будет всесторонне учитывать открывшиеся возможности и возникшие проблемы, которые новая цифровая валюта может внести в реализацию действующих целевых мандатов ЦБ. Особенно это касается обращения процентных и беспроцентных *CBDC*[21].

Как нами было показано выше, цифровые валюты ЦБ (особенно процентные, предоставляющие дополнительный инструмент ДКП [25, p. 11]) создают некоторые привлекательные возможности для повышения эффективности денежно-кредитной политики и политики обеспечения финансовой стабильности. Но они также ставят множество серьезных и комплексных проблем, которые нужно решить до того, как монетарные власти примут решение о выпуске своей *CBDC*. Перечислим лишь некоторые из этих проблем:

– если значительная доля субъектов экономики перейдет на цифровые валюты ЦБ, то это может привести к выходу клиентов банков из традиционных депозитов, что снизит уровень требуемой ликвидности в банковском секторе, сократив объемы традиционного рынка межбанковского фондирования и объемы банковского кредитования в реальной экономике;

– для коммерческих банков переход кредитования в *I-CBDC* будет оказывать гораздо более негативное влияние на текущие нормативы (в частности, коэффициент покрытия ликвидности и коэффициент чистого стабильного финансирования), чем традиционное кредитование посредством привлечения реальных депозитов и/или выпуск КБ электронных депозитов;

– наличие дифференциации ставок по *I-CBDC*, выплачиваемых КБ, населению и бизнесу, может иметь самые негативные последствия для денежно-кредитной политики и финансовой стабильности, так как ЦБ больше будет нацелен на процентное фондирование коммерческих банков и крупного бизнеса (в первую очередь государственного), чем кредитование малого и среднего предпринимательства и населения, что может стать нежелательной практикой, способствующей дальнейшему имущественному расслоению в обществе [27].

Остановимся теперь на некоторых эффектах, которые могут внести процентные и беспроцентные цифровые валюты ЦБ в трансформацию целевых мандатов ЦБ, а именно ценовую и финансовую стабильность, реализуемых в рамках единой государственной денежно-кредитной политики.

Беспроцентная *CBDC* может облегчить воздействие отрицательных процентных ставок (*Negative Interest Rate Policies*, *NIRP*) на деньги ЦБ и, таким образом, смягчить нижнюю границу процентных ставок (*Zero-Lower Bound*, *ZLB*). При этом, как отмечают некоторые эксперты, удаление наличных денег может

[20] Аргументы в пользу уплаты процентов по краткосрочным обязательствам центрального банка берут свое начало с Милтона Фридмена, который утверждал, что ЦБ должны платить процент, эквивалентный ставке без риска. См. [26].

[21] Мотивы для *CBDC* различаются в зависимости от различных условий в разных странах; мы сосредоточили свое внимание на цифровой валюте Банка Англии, признавая, что другие органы власти могут преследовать несколько иные цели в рамках своих программ *CBDC*.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

не стать необходимым условием роста беспроцентных *CBDC* [28–30]. Более того, если оценивать ДКП с позиций всего денежного потенциала ЦБ, то беспроцентная *CBDC* в условиях дефляционных рисков сможет, скорее всего, более эффективно контролировать цели, инструменты и сроки реализации своей нейтральной ДКП за счет способности клиентов хранить на своих счетах цифровую наличность, а ЦБ постепенно уходить от масштабной реализации нестандартных мер фискальной и монетарной политики (программ количественных, кредитных и регуляторных смягчений).

Изменение механизма и инструментария для обеспечения финансовой стабильности в условиях эмиссии беспроцентной *CBDC* вряд ли станет заметным явлением. Да, можно ожидать повышенного спроса на цифровые деньги ЦБ, которые способны заместить банковские депозиты и другие финансовые инструменты (облигации и акции) в банковской системе страны [31]. Но в обычных (не стрессовых) условиях это, по всей видимости, маловероятно. Структура балансов КБ может сместиться в сторону *CBDC* в основном лишь в стрессовый период, в условиях резко снижающегося уровня нижней границы процентного канала трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики.

В условиях роста в экономике дефляционных рисков высока вероятность повышенной дезинтермедиации банковского сектора – уходу с рынка значительного количества банковских финансовых посредников. Такая особенность развития, связанная с замещением низкодоходных депозитов и вкладов до востребования КБ на процентные и беспроцентные *CBDC*, будет иметь самые негативные последствия для банковского кредитования и обеспечения нормативного уровня ликвидности КБ, поскольку банки будут терять не только традиционные депозиты, но и *CBDC*, дружно перетекающие на балансовые счета в ЦБ [32]. Если это движение от частных депозитов к *CBDC* на счетах коммерческих банков не будет компенсировано ростом фондирования КБ со стороны центрального банка как в цифровой, так и электронной формах, то снижение баланса частных депозитов в пассивах КБ приведет к сокращению совокупного баланса всего банковского сектора.

Одновременно ряд экспертов утверждает, что беспроцентные *CBDC* не станут идеальной заменой банковских депозитов и не смогут компенсировать некоторые услуги КБ, такие как овердрафт. КБ смогут ответить на конкуренцию со стороны *CBDC* ценовой прибавкой (введением различных комиссий), повысив тем самым доходность по депозитам, чтобы сохранить свою ресурсную базу, динамика и размер которой еще по-прежнему будут играть значительную роль в денежно-кредитной политике центрального банка. Но в конечном счете все будет сводиться лишь к тому, насколько сам ЦБ будет готов и дальше предоставлять банковскому сектору возможность бесконтрольно наращивать в денежном обращении объемы частных денег за счет мультипликации своей кредитной эмиссии [33, p. 12].

Основным инструментом определения стоимости денег сейчас (как мы уже отмечали выше) уже является не ключевая, а процентная ставка по резервам ЦБ. И поскольку запасы этих резервов в настоящее время слишком огромны (в результате программ количественных, кредитных и регулятивных смягчений), чтобы обеспечить насущный спрос коммерческих банков на деньги центрального банка, то востребованность вторичного рынка межбанковских кредитов сильно уменьшилась. Она сократилась до размеров, определивших нижнюю границу процентной ставки, ставшей в последнее время нулевой или отрицательной [34]. А так как в настоящее время в межбанковском рынке могут участвовать только несколько крупных КБ и в основном системно значимые организации, то ЦБ остро необходим такой процентный инструмент, который позволил бы оживить вторичный рынок межбанковских кредитов. И таким инструментом, по нашему мнению, может выступить *I-CBDC*, который способен повысить эффективность процентного канала ТМ ДКП в условиях макроэкономической нестабильности – неуклонного роста дефляционных рисков.

Наличие процента по *I-CBDC* ставит перед ЦБ ряд теоретических и практических (операционных) проблем, в частности, как следует рассчитывать процент, когда и как этот процент будет выплачиваться по цифровым валютам. Выплата процентов также ставит ряд вопросов, связанных с гарантией анонимности владельца *I-CBDC*, его идентификации, конфиденциальности и уровня налогообложения на получателей процентного дохода по цифровым валютам [35, pp. 17–18]. Теперь у населения, бизнеса и КБ появится возможность хранить свои средства

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

в цифровой валюте в ЦБ и получать по их остаткам в кошельках гарантированный процент. Это, несомненно, повысит эффективность процентного канала ТМ ДКП и сделает процент по *CBDC* гарантированным операционным инструментом в монетарной политике центрального банка.

Выплата процентов по *I-CBDC* может повысить спрос на эту цифровую валюту ЦБ, что, по мнению некоторых экспертов, способно привести к росту валюты баланса центрального банка за счет сдвига в пользу *I-CBDC* и росту дополнительных трансфертов в пользу правительства, побуждая ЦБ покупать и держать большие объемы государственных облигаций на своем балансе [25]. Одновременно процентные ставки, выплачиваемые по резервам ЦБ и *I-CBDC*, могут создать возможности возрождения арбитража для крупных КБ. Это будет влиять на динамику краткосрочных ставок на денежном и кредитном рынках, а также вместе с ожиданиями инвесторов искаженно регулировать на этих рынках долгосрочные ставки вдоль кривой доходности.

ЦБ в зависимости от фазы экономического цикла могут назначать по *I-CBDC* разные ставки: положительные, нулевые и даже отрицательные. Так, с целью стимулирования совокупного спроса регулятор может установить по *I-CBDC* отрицательную ставку. В этом случае ее держатели поспешат быстро обменять свои цифровые деньги на банкноты[22], что позволит ЦБ приостановить снижение нижнего уровня ключевой процентной ставки. Одновременно это вынудит КБ изменить свою процентную политику и снизить процентную маржу, заработанную КБ на безопасных инвестициях, включая тех клиентов банка, которые имеют несколько альтернативных источников получения дохода. В результате повысится теснота связи между ключевой ставкой, краткосрочными ставками денежного рынка и рыночными ставками на депозиты и кредиты КБ.

Таким образом, если в обычных условиях значительная доля субъектов экономики перейдет на цифровые валюты ЦБ, то это приведет к выходу клиентов КБ из традиционных депозитов, а значит, за счет использования эффекта мультипликации частных денег снизит уровень банковской ликвидности, сократит объемы традиционного рынка фондирования и объемы банковского кредитования в реальной экономике. Другое дело, стрессовые ситуации, при которых КБ будут быстрее и охотнее переходить на процентные и беспроцентные *CBDC* (с установлением для них ежедневного лимита транзакций), что, по мнению ряда экспертов, будет способствовать установлению оптимального компромисса между поощрением использования *CBDC* с целью воздействия на ДКП (обеспечение ценовой стабильности) и ограничениями появления новых рисков на рынках финансового посредничества (обеспечение финансовой стабильности) [35, p. 21].

Система быстрых платежей

Система быстрых (мгновенных) платежей (далее – СБП) является реальной альтернативой запуску в обращение цифровой валюты центральных банков. Поэтому в настоящее время она активно развивается в 39 странах мира (21 – уже действующих[23] и 18 – на стадии подготовки и запуска), под которой понимается «совокупность сервисов безналичных переводов и платежей для розничных клиентов, доступных 24/7/365, обеспечивающих мгновенное (в течение доли секунды) и безотзывное подтверждение транзакций для ее участников, вне зависимости от используемого платежного инструмента (перевода со счета, прямого списания, платежных карт или иного), а также механизмов клиринга и расчетов» [36, с. 3].

[22] С 10 января 2021 г. в РФ вступили в силу новые правила о контроле над операциями с наличными деньгами и безналичными расчетами. В частности, усиливается финансовый контроль над операциями почтового перевода денег, по возврату неиспользованных авансов за услуги мобильной связи, выигрышами и ставками в азартных играх и контроль над любыми операциями с наличностью свыше 600 тыс. руб. Поправками предусматривается обязательный контроль почтовых переводов и снятия наличных, начисленных на баланс мобильного телефона на сумму от 100 тыс. руб., а также расчеты наличными и безналичными по сделкам с недвижимостью от 3 млн руб. URL: https://www.vesti.ru/finance/article/2509392 (дата обращения: 13.01.2021).

[23] В России СБП, разработанная Банком России и НСПК, была запущена в промышленную эксплуатацию с 28 января 2019 г. В настоящее время в СБП реализована возможность совершать переводы между счетами граждан, а также платежи в пользу юридических лиц, например, за товары и услуги, в том числе с использованием *QR*-кодов. Участниками СБП являются 156 российских банков (на 21 сентября 2020 г.). Запуск переводов между юрлицами в рамках СБП запланирован на 2021 г.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

По оценкам Банка России, примерно в 45 % стран СБП развивается на базе существующей инфраструктуры межбанковских переводов (*RTGS* либо рейсовых нетто-расчетов), в то время как в остальных странах она формируется на основе новых платформ с учетом требований рынка и технологических трендов (в основном через адаптацию и внедрение передовых промышленных решений, реже – через разработку с нуля). При этом около половины всех СБП – это часть национальной платежной инфраструктуры, которая находится полностью или частично в ведении государства. Остальные СБП являются продуктом консорциумов частных банков, деятельность которых осуществляется под прямым регулированием и надзором со стороны ЦБ[24].

В настоящее время *ISO* 20022 является международным стандартом финансовых сообщений, который определяет подходы к построению бизнес-моделей, правил описания бизнес-процессов, порядка проектирования схем и форматов сообщений и их описания, а также регламентирует процессы публикации документации по стандарту и базовые правила в СБП, позволяя тем самым расширить содержание пересылаемых сообщений и увеличить количество их видов, оптимизируя процесс отслеживания статуса платежа и его обязательной сверки.

В обзоре Банка России по изучению и использованию мировой системы быстрых платежей отмечается, что «в рамках СБП, как правило, реализуются следующие виды переводов:

Переводы P2P:

– переводы между физическими лицами;

– *Me2Me* – переводы между своими счетами в разных банках.

Переводы C2B/C2G:

– платежи физических лиц в адрес юридических лиц за товары и услуги;

– пополнение физическими лицами инвестиционных, брокерских и пенсионных счетов;

– платежи физических лиц за государственные услуги, включая налоги и штрафы;

– оплата физическими лицами транспортных, коммунальных и иных услуг.

Переводы B2C:

– возвраты средств от юридических лиц физическим лицам.

Переводы B2B:

– переводы/платежи между юридическими лицами (индивидуальными предпринимателями)» [36, с. 16].

В то же время СБП, как и любая централизованная платежная система, сильно уязвима, так как основана на алгоритмах симметричного шифрования. «Это когда ключ шифрования может быть вычислен по ключу расшифровки, и наоборот. Иначе, эти алгоритмы требуют, чтобы отправитель транзакции и ее получатель согласовали криптографический ключ до начала передачи транзакции» [37, с. 50–52]. Поэтому безопасность СБП зависит от ключа. Его раскрытие означает, что кто угодно сможет шифровать и расшифровывать платежные сообщения. Но безопасность системы быстрых платежей повышается, если увеличить длину ключа. Так, например, в повседневном интернет-соединении по протоколу *HTTPS* используются ключи длиной 128 бит, что позволяет расшифровать сообщение «перебором» (*brute force*) только с помощью мощного компьютера. Но там, где нужен высокий уровень безопасности (чтобы конкуренты не похитили новые разработки, например, в области секретного оружия), применяются ключи не менее 2 048 бит.

Таким образом, СБП как критически важная платежная система (*Prominent Payment Systems*), системно важная платежная система (*Systemically Important Payment Systems*) в терминологии *BIS/CPMI-IOSCO* или значимая платежная система в соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»[25] и Положением Банка России «О платежной системе Банка России» от 6 июля 2017 г. № 595-П[26], точно не приведет к изменению существующих целевых

[24] Примером такого вида СБП является платежная система *Faster Payments* (*FPS*), запущенная в 2008 г. по инициативе Банка Англии, управление которой осуществляет некоммерческая организация *Faster Payments Scheme LTD*, принадлежащая глобальному консорциуму частных банков.

[25] О национальной платежной системе: Федеральный закон № 161-ФЗ от 27 июня 2011 г. (ред. от 20 июля 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 30.10.2020).

[26] О платежной системе Банка России: положение Банка России № 595-П от 6 июля 2017 г. (с изменениями на 30 марта 2020 г.) (редакция, действующая с 1 октября 2020 г.). URL: http://docs.cntd.ru/document/456089353 (дата обращения: 30.10.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

режимов, каналов, методов и инструментов денежно-кредитной политики центрального банка, используемых с целью обеспечения ценовой и финансовой стабильности. Их постулаты, принципы и подходы останутся прежними. Например, процентный канал трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики, регулируемый центральным банком через сценарные траектории изменения нейтральной процентной ставки (в частности, ключевые ставки и ставки овернайт на межбанковском рынке), по-прежнему будет рассматриваться национальными регуляторами как целевой ориентир, относительно которого будет выстраиваться направленность денежно-кредитной политики, создающая необходимые условия не только для обеспечения экономического роста, но и стабильного развития глубины финансового рынка.

Стейблкоины

Еще одним глобальным вызовом для *CBDC* являются стейблкоины (*stablecoins*), которые являются частными криптовалютами[27] с фиксированным курсом, либо криптовалютами, устойчивыми к значительным колебаниям за счет набора стабилизационных инструментов, способных минимизировать колебания своей цены [38]. Поэтому, сохраняя стабильную цену по отношению к соответствующей валюте или корзине валют, некоторые стейблкоины обещают их пользователям сохранность средств и/или других активов («залога»), которые могут быть получены в результате погашения (обратного выкупа) стейблкоинов.

Единой общепринятой классификации стейблкоинов не существует. Как правило, они классифицируются в зависимости от выбранного критерия: обеспечения, дизайна или географии охвата.

Так, в зависимости от лежащего в основе стейблкоинов *обеспечения* их можно разделить:

– на обеспеченные фиатными валютами (примеры – *Tether*, *TrueUSD*);

– обеспеченные цифровой валютой или корзиной криптовалют (*BitUSD* от *Bitshares*, созданные на платформе *MakerDAO* и обеспеченные *Ether* токены *Dai*);

– необеспеченные (*Seigniorage Shares*).

В зависимости от своего *дизайна* стейблкоины подразделяются:

– на токенизированные криптоактивы (*tokenised funds*);

– обеспеченные стейблкоины вне сети (*off-chain collateralised stablecoins*);

– обеспеченные стейблкоины внутри сети (*on-chain collateralised stablecoins*);

– алгоритмические стейблкоины (*algorithmic stablecoins*).

В зависимости от *доходности* стейблкоины подразделяются:

– на беспроцентные (*non-interest-bearing stablecoins*);

– процентные (*interest-bearing stablecoins*).

Стейблкойны также можно различать на основе их *географического охвата*. При этом «глобальные» стейблкоины (например, *Libra*) будут охватывать несколько юрисдикций с точки зрения их пользователей, субъектов, составляющих договоренности, и состава обеспечения.

В последние годы сообщалось о растущем числе инициатив по выпуску стейблкоинов, особенно с 2018 г.: 50 из них в настоящее время торгуются на платформах для торговли криптоактивами[28]. Наиболее торгуемые стейблкоины были запущены в 2018 г. (около 40 %), а на те, которые были запущены в торговлю в 2019 г., приходится лишь 16 % от всех торгуемых стейблкоинов. Наиболее распространенным видом стейблкоинов являются токенизированные криптоактивы, за ними следуют обеспеченные стейблкоины внутри цепочки и алгоритмические стейблкоины [38]. В Европе, включая Великобританию[29] и Швейцарию, находится до трети торгуемых стейблкоинов, а штабквартира четверти всех стейблкоинов находится в зоне евро.

[27] В основе криптовалют (виртуальных цифровых валют) находится децентрализованный протокол или набор открытых децентрализованных приложений, сервисов, правил и действий, которые закодированы на языке децентрализованного программного обеспечения, асимметричной криптографии (где ключ шифрования отличается от ключа расшифровки) и методах децентрализованного консенсуса, формирующего в сети механизмы распределенного доверия и не требующего обращения к третьей стороне, например ЦБ или казначейству.

[28] Известно о 134 объявлениях проектов по состоянию на 2019 г. Число, которое в настоящее время торгуется на торговых платформах криптоактивов, основано на информации, полученной из *Coinmarketcap*. См. [39].

[29] И, хотя Великобритания является одним из лидеров этого рынка, тем не менее, со слов главы Банка Англии Эндрю Бейли, она не верит в массовое использование стейблкоинов в рыночной экономике.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Как относительно новая платежная инновация (запущенная только в 2014 г.), стейблкоины стали предметом многочисленных жарких дискуссий только лишь в 2019 г., после опубликования *Facebook* в июне *White Paper Libra*. Критика первой версии *Libra* со стороны рабочей группы *G*7 [40], а также *G*20, Совета по финансовой стабильности и нескольких органов, устанавливающих стандарты для купирования рисков при использовании потенциала технологических инноваций [41], привела к появлению в апреле 2020 г. новой (второй) расширенной версии *Libra*, целью которой стала разработка концепции глобальной платежной системы и международной финансовой инфраструктуры на базе *Libra*.

В настоящее время члены Ассоциации *Libra* стремятся максимально интегрировать свою платежную систему с национальными монетарными и макропруденциальными политиками за счет совместного обращения мультивалютной монеты *Libra* (≈*LBR*) и одновалютных стейблкоинов. Последние – это ряд цифровых валют, представленных в валютной корзине ≈*LBR*, привязанных к доллару США (*LibraUSD*), евро (*LibraEUR*), британскому фунту (*LibraGBP*), сингапурскому доллару (*LibraSGD*) и др. При этом все монеты ≈*LBR* будут объединять в себе ряд одновалютных стейблкоинов, обеспеченных резервом *Libra*, состоящим из денежных средств или их эквивалентов и наиболее рентабельных краткосрочных государственных ценных бумаг, номинированных в национальной валюте[30].

И, хотя, как заявлено Ассоциацией, новая версия *Libra* будет выстраивать свою глобальную сеть на технологии блокчейна, децентрализованном управлении и открытом доступе, как показывает эпоха развития второй версии Интернета (*Web2.0*), глобальной сетью *Libra* будет управлять не множество нодов (узлов), как, например, при *Bitcoin*, а узкая группа членов Ассоциации, и в первую очередь сам *Facebook*. Поэтому в дальнейшем все пользователи глобальной платежной системы *Libra* при создании одновалютных стейблкоинов, скорее всего, перейдут от открытых децентрализованных сервисов (одна страна – один голос) к более централизованным аналогам, формирующим консенсус принятия решений на базе алгоритма *PoS*, что приведет не только к утрате валютного суверенитета, но и полной потере самостоятельной денежно-кредитной политики любой страны, полностью зависимой от монетарной и финансовой политики Ассоциации *Libra*.

В сентябре 2020 г. Целевая группа Европейского центрального банка по криптоактивам (*the ECB Crypto-Assets Task Force*, *ICA-TF*), созданная в 2018 г., в своем докладе остановилась на этих угрозах, проанализировав вышеназванные риски, связанные с использованием в зоне евро стейблкоинов с целью определения их потенциальных последствий для ДКП, политики финансовой стабильности, рыночной инфраструктуры, платежных транзакций, банковского надзора и пруденциального регулирования [42].

Данные риски оценивались экспертами, исходя из трех сценариев использования стейблкоинов: 1) криптоактивов, имеющих более низкую волатильность (*a crypto-assets accessory function*); 2) нового способа оплаты (*a new payment method*) и 3) альтернативного средства сбережения (*an alternative store of value*). *ICA-TF* было выяснено, что эти сценарии напрямую зависят от конкретных характеристик видов стейблкоина и ключевых факторов (удобство и простота) их использования.

Проведенный анализ *ICA-TF* показал, что в случае реализации первого и второго сценариев уязвимость стейблкоина и его связи с финансовой системой при определенных масштабах могут привести к финансовой нестабильности. Более того, в этих сценариях стейблкоины уязвимы в части «бегства» в ликвидность. Когда стейблкоин обменивается или выкупается по рыночной стоимости своего обеспечения, бегство может произойти, если конечные пользователи столкнутся с перспективой того, что обеспечение может быстро потерять свою рыночную стоимость. Отток ликвидности также может иметь место в случае, если заключено соглашение, гарантирующее погашение по номинальной стоимости или гарант стейблкоина воспринимается как институт, неспособный поглощать возникающие убытки. В этих случаях ликвидация активов с целью покрытия убытков может оказать самое негативное воздействие на всю финансовую систему в целом.

В случае реализации сценария «альтернативного средства сбережения» у ЦБ могут возникнуть серьезные риски в ходе проведения своей независимой ДКП.

[30] The Libra Blockchain. 2020. URL: https://developers.libra.org/docs/the-libra-blockchain-paper (дата обращения: 27.10.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

В этот сценарий включаются виды стейблкоинов, которые привязаны к безопасным и безрисковым активам, выступающим в качестве залога. В то же время значительный рост стоимости стейблкоинов может повысить спрос на безопасные активы, что окажет негативное влияние на ценообразование, оценку обеспечения, уровень ликвидности денежного рынка. Посреднические возможности КБ также могут быть поставлены под сомнение. При определенных ограничениях, например отрицательных процентных ставках, этот сценарий стал бы еще более нереальным, если эмитенты стейблкоинов станут инвестировать их в безопасные активы с отрицательным вознаграждением и передавать затем это вознаграждение своим пользователям.

Цифровой рубль и его дизайн

13 октября 2020 г. Банк России запустил проект цифрового рубля (цифровой валюты центрального банка, далее – ЦВЦБ), реализацию которого регулятор планирует осуществлять в семь этапов: 1) публикация консультативного доклада, 2) проведение общественных консультаций, 3) разработка концепции цифрового рубля, 4) разработка платформы цифрового рубля, 5) пилотирование цифрового рубля на ограниченном круге пользователей, 6) анализ результатов пилотирования и 7) принятие решения о целесообразности и этапности запуска цифрового рубля. При этом сроки реализации каждого из этапов проекта будут определяться Банком России с учетом итогов общественных консультаций [43].

В консультативном докладе «Цифровой рубль», в подготовке которого принимали участие специалисты 15 структурных подразделений Банка России, был рассмотрен широкий спектр вопросов, связанных с возможностями применения цифрового рубля, моделями и механизмами реализации ЦВЦБ, информационной и технологической безопасностью, ценовой и финансовой стабильностью, законодательными и регуляторными изменениями, а также последствиями введения в денежное обращение России цифрового рубля[31].

Цифровой рубль – это цифровая форма российского рубля, которая будет выпускаться только Банком России. Иначе, цифровой рубль, эквивалентный наличному или безналичному рублю, сможет совместить в себе все преимущества и недостатки данных форм денег Банка России. При этом все субъекты российской экономики (граждане, предприятия и финансовые посредники) будут иметь возможность зачислять цифровые рубли в форме уникального цифрового кода на свои электронные кошельки и совершать операции (платежно-расчетные и конверсионные) при помощи пользовательских интерфейсов, мобильных устройств и других носителей (например, *POS*-терминалов, банкоматов) как в онлайн-, так и в офлайн-режиме (при отсутствии прямого доступа к сети Интернет и мобильной связи), но при наличии предусмотренной для таких операций специальной инфраструктуры [43, с. 5, 6].

Платежная инфраструктура для цифрового рубля будет выстраиваться в дополнение к действующей платежной инфраструктуре (как в рамках российской платформы, так и платформ ЦВЦБ других стран и международных объединений), интегрируясь с которыми возможен стремительный рост масштабирования (скорости) совершаемых внутренних и трансграничных транзакций. При этом платежная инфраструктура для цифрового рубля должна, по мнению Банка России, создать стимулы для развития платежных инноваций в частном секторе, быть открытой, способствовать снижению транзакционных издержек для потребителя (пользователя), росту конкуренции среди кредитных организаций за счет предложения более удобных и менее рисковых услуг для граждан и частного бизнеса [43, с. 8].

При разработке проекта цифрового рубля Банк России планирует учитывать несколько аспектов, определяющих особенности будущего (возможного) дизайна цифровой валюты ЦБ (цифрового рубля).

Во-первых, цифровой рубль через инфраструктуру дистанционных каналов, платежных сервисов и финансовых инструментов способен обеспечить своим пользователям (домашним хозяйствам, бизнесу и государству) простоту использования, высокую скорость транзакций, проведение расчетов без использования суррогатов, целевое расходование средств, низкие издержки и безопасность хранения средств на электронном кошельке, а также круглосуточный

[31] И, хотя решение о выборе дизайна ЦВЦБ Банком России еще не принято, уже пять российских банков (МКБ, ПСБ, «Зенит», «Дом.РФ» и крымский РНКБ) проявили интерес к участию в пилотировании проекта по выпуску цифрового рубля. URL: https://cryptocurrency.tech/pyat-bankov-podderzhali-ideyu-zapuska-tsifrovogo-rublya/ (дата обращения: 27.10.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

доступ на единых условиях в режиме 24/7/365, возможность использования в офлайн-режиме, удобство и легкость конвертации в традиционные формы фиатных денег.

Во-вторых, цифровой рубль в рамках новой инфраструктуры финансового рынка («маркетплейсов», «краудфандинговых площадок» и информационных систем, осуществляющих выпуск цифровых финансовых активов) способен привести к переоценке монетарного инструментария ДКП (например, процентного канала ТМ с целью поддержания ставок денежного рынка вблизи ключевой ставки, переформатированию подходов к управлению ликвидностью, активами и пассивами КБ), используемого ЦБ в процессе реализации своих целевых мандатов и базовых функций.

В-третьих, механизмы технической реализации четырех моделей цифрового рубля (*A*[32], *B*[33], *C*[34], *D*[35]) представляют собой *IT*-технологии, которые с использованием голосового интерфейса и биометрической идентификации, цифрового профиля, технологии бесконтактных и мгновенных платежей, смарт-контрактов и криптографических алгоритмов, способствующих созданию необходимой платежной инфраструктуры для цифрового рубля, развитию конкуренции на финансовом рынке (связанных с улучшением клиентских сервисов, в том числе интерфейсов программного обеспечения) способствуют повышению качества и скорости предоставляемых услуг, снижению их стоимости.

В-четвертых, аспекты, связанные с обеспечением информационной безопасности обращения цифрового рубля, гарантирующие конфиденциальность информации о потребителе, бесшовную интеграцию с цифровыми платформами, круглосуточный доступ на единых условиях, возможность использования в офлайн-режиме, а также организацию системы ПОД/ФТ/ФРОМУ[36] на основе создания больших массивов данных о субъектах экономики и их платежах[37].

В-пятых, доработка существующих и создание новых законодательных норм, правил (с включением ЦВЦБ в перечень объектов гражданского права) и регуляторных изменений, которые создадут необходимую правовую основу для введения цифрового рубля в денежное обращение российской экономики [43, с. 10, 12–14, 17–19, 21–22, 25, 28–31, 33–36].

Таким образом, Банку России при разработке проекта цифрового рубля, скорее всего, следует сделать выбор в пользу дизайна цифровой валюты, характеристики которой с минимальными издержками будут максимально адаптированы к существующей банковской системе страны. Это значит, что цифровой рубль должен строить свой дизайн на характеристиках модели *D*[38] и механизмах технической реализации ЦВЦБ,

[32] В рамках данной модели ЦБ создает платформу цифровой валюты центрального банка, осуществляет на ней выпуск цифровой валюты, открывает кошельки коммерческим банкам для осуществления межбанковских расчетов и операций с ценными бумагами на платформе ЦВЦБ. У домашних хозяйств и бизнеса доступ к ЦВЦБ в рамках данной модели отсутствует. Банк России считает, что в настоящее время нет целесообразности в развитии модели *A*, так как в РФ существует Система банковских электронных срочных платежей (Система БЭСП), которая достаточно эффективна.

[33] В рамках данной модели ЦБ создает платформу цифровой валюты центрального банка, на ней осуществляется выпуск цифровой валюты, к которой имеют прямой доступ физические и юридические лица без участия КБ. При этом каждому клиенту ЦБ открывает на своем балансе только один кошелек в ЦВЦБ.

[34] В рамках данной модели ЦБ создает платформу ЦВЦБ, осуществляет на ней выпуск цифровой валюты, предоставляет доступ к ЦВЦБ физическим и юридическим лицам, но уже при непосредственном участии КБ. Каждому клиенту ЦБ открывается на своем балансе только один кошелек (по инициативе КБ) в ЦВЦБ, доступ к которому клиент осуществляет через мобильное приложение любого КБ, подключенного к цифровой платформе ЦБ.

[35] В рамках данной модели ЦБ создает платформу ЦВЦБ, осуществляет на ней выпуск цифровой валюты, предоставляет доступ к ЦВЦБ физическим и юридическим лицам. ЦБ открывает и ведет кошельки в ЦВЦБ только КБ, а КБ открывают, ведут кошельки клиентов на платформе ЦВЦБ и осуществляют по ним расчеты в ЦВЦБ через свои мобильные приложения.

[36] Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

[37] Например, ЦБ может осуществлять проведение процедур ПОД/ФТ/ФРОМУ в отношении клиентов самостоятельно (как в модели *B*) или передавать его банкам/финансовым посредникам (как в моделях *C* и *D*). При этом инфраструктура ЦВЦБ может гарантировать пользователям лишь конфиденциальность информации, но не анонимность передаваемых транзакций. Для их совершения необходима идентификация клиентов, данные о которых будут учитываться на платформе ЦБ.

[38] Изучая различные варианты моделей, Банк России заявил, что создание и функционирование платформы ЦВЦБ, выпуск на ней цифрового рубля и открытие электронных кошельков, проведение платежей и расчетов в ЦВЦБ будут осуществляться

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

осуществляемых в рамках реестра на базе *DLT*[39] с единым контролирующим органом (ЦБ), формирующим платформу и инфраструктуру для ЦВЦБ (см. табл.).

Преимущества дизайна ЦВЦБ, формируемого в рамках модели *D*, состоят в том, что создаваемая цифровая платформа будет максимально адаптирована к действующей российской банковской системе. Это позволит:

– минимизировать риски дезинтермедиации банковского сектора за счет большего сохранения на балансах КБ традиционных финансовых инструментов (депозитов и наличных) и их сочетания с ЦВЦБ;

– традиционные операции МБР, а также операций абсорбирования и предоставления ликвидности банкам более гармонично будут сочетаться с теми же операциями КБ и Банка России, но уже в финансовых инструментах, номинированных в ЦВЦБ;

– открытые банковские интерфейсы (*OBI*) поставщиков платежных услуг (ППУ) на основе протокола *OpenID* обеспечат пользователям КБ круглосуточный доступ, высокую скорость транзакций, целевое расходование средств, конфиденциальность персональных данных и безопасность использования (хранения) денежных средств клиентов.

Для легализации в обращении цифрового рубля необходимо будет в ФЗ «О цифровых финансовых активах» (далее – «О ЦФА»)[40] внести ряд изменений. В частности, устранить существующий в данном ФЗ запрет российским резидентам принимать цифровую валюту в оплату товаров, работ и услуг, а также распространять любую информацию о возможности расчетов резидентов в цифровой валюте [44, с. 10–11]. Ведь цифровой рубль – это цифровая форма российского рубля, являющаяся денежной единицей РФ

Характеристики возможного дизайна цифрового рубля Банка России
Characteristics of the possible design of a digital ruble of the Bank of Russia

Оптовая и/или розничная / Wholesale and/or retail	**Процентная и/или беспроцентная / Interest and/or interest-free**	**Допуск через токены или счета / Access through tokens or accounts**	**Роль ЦБ в обороте / Role of the Central Bank in circulation**	**Инфраструктура: тип реестра / Infrastructure: ledger type**
Розничная / Retail	Беспроцентная и процентная для реализации Многостороннего банка развития и устранения на денежном рынке отрицательных процентных ставок / Interest-free and interest for selling by Multilateral Development Bank and eliminating negative interest in the money market	Токены, эмитируемые центральным банком, имеющие прямую привязку к счетам/ цифровым кошелькам пользователей / Tokens issued by the Central Bank with direct link to the users' accounts/digital wallets	Выпуск и распределение цифровой валюты через центральный банк, расчеты между субъектами экономики через КБ / Issue and distribution of the digital currency via the Central Bank,accounts between economic subjects	Реестр на базе *DLT* с единым контролирующим органом (центральным банком), формирующим платформу и инфраструктуру для цифровой валюты Центрального банка / *DLT*-based ledger with a single control body (the Central Bank), forming the platform and infrastructure for the digital currency

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

на алгоритмах розничных моделей *B*, *C* и *D*. Модель *A* Банком России к дальнейшей проработке не планируется, так как не несет дополнительных преимуществ для граждан и бизнеса по сравнению с существующими платежными системами, в частности системой перспективных платежных сервисов (ППС), системой банковских электронных платежей (БЭСП) или СБП.

[39] Сегодня текущие апробации концепции *CBDC*, как правило, основаны на *DLT*, а не на традиционной (централизованной) технологической инфраструктуре. Поэтому экспериментирующие с *DLT* ЦБ по преимуществу используют *permissioned*-системы (с ограниченным числом участников), в которых операторы вправе решать, кого и на каких условиях принимать в свою распределенную сеть.

[40] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 30.10.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

и совмещающая в себе все преимущества наличных и безналичных денег, эмитируемых в обращение Банком России.

В этой связи должен быть отредактирован п. 3 ст. 1 ФЗ «О ЦФА», где цифровая валюта – это «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных».

Таким образом, в действующем российском законодательстве должны отменяться нормы, ограничения, запрещения, административные барьеры, препятствующие легальному обороту цифровых валют, включая и частные криптовалюты. Российским властям стоит начать активно формировать благоприятную регулятивную среду для привлечения новых игроков на рынок частных криптовалют[41].

В ближайшее время Банку России необходимо параллельно начать разработку алгоритмического механизма конвертации цифровой валюты Центрального банка и частных криптовалют (токенов, стейблкоинов) КБ[42], выступающих цифровыми аналогами частных электронных депозитов. Это позволит Банку России повысить конкуренцию на финансовом рынке, модернизировать свои целевые мандаты, инструменты, каналы трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики и политики финансовой стабильности, непосредственно связанные с новыми трендами развития глобальной и российской экономики.

Выводы

CBDC трансформирует мировую денежную систему в направлениях жесткой централизации, опирающейся на постулаты концепции «суверенных денег», которая, по мнению немецкого профессора Й. Хубера, минимизирует посредническую роль КБ в процессе создания денег. Частные деньги КБ в рамках этой концепции должны будут заменены на суверенные деньги ЦБ, большая часть которых передана в государственный сектор без процентов и на безвозвратной основе [13, с. 123–124]. При этом «кредитные требования КБ к заемщикам останутся, а обязательства в деньгах КБ по отношению к клиентам исчезают. Вместо них появятся кредитные требования центрального банка к кредитным банкам, которые станут частью активов на балансе ЦБ, соответствуя суммам денег ЦБ, зафиксированным на стороне обязательств КБ» [45, p. 18].

Другие исследователи решительно отвергают подобную идею, а именно замены частных денег на *CBDC*. Например, Александр Поллок в своем выступлении перед Подкомитетом по ДКП и торговле Комитета по финансовым услугам Палаты представителей США утверждает, что выпуск *CBDC* приведет к различным дисбалансам, искажениям именно из-за «выдавливания» из денежного обращения частных денег КБ. С одной стороны, ЦБ получит выгоду в сборе депозитов и увеличит долю на денежном рынке, злоупотребляя своими регулятивными полномочиями для усиления своих преимуществ, с другой стороны, монополизируя кредит, деятельность ЦБ приводит к конфликтам интересов и финансовым потерям, которые в конечном счете придется нести всем налогоплательщикам [46].

В ближайшее время в открытом доступе, скорее всего, развернется острая дискуссия между сторонниками и противниками частных криптовалют [47]. С одной стороны, появятся публикации в защиту скорейшей легализации частных криптовалют, способных заменить фиатные деньги в мировой экономике. С другой стороны, противники криптовалют в своей активности будут всячески мешать такой

[41] На законодательном уровне в России криптовалюты не регулируются. Со вступлением в силу нового закона «О ЦФА» под запрет попадает использование криптовалют в качестве платежа, однако торговля или инвестиции в такие активы по-прежнему разрешены.

[42] В начале января 2021 г. Сбербанк, согласно вступившему в силу ФЗ «О ЦФА», подал заявку в ЦБ РФ на регистрацию блокчейн-платформы с дальнейшим выпуском стейблкоина Сберкоин, привязанного к курсу рубля. В случае одобрения проект могут запустить уже весной. В первую очередь он будет использован для выпуска цифровых векселей. Также Сбербанк планирует к концу 2021 г. выпустить единый электронный кошелек, к которому будут привязаны в том числе бонусные и кредитные счета. URL: https://cryptocurrency.tech/sberkoin-v-tsetrobank-postupila-zayavka-ot-sberbanka-na-vypusk-sobstvennogo-stejblkoina/ (дата обращения: 21.01.2021).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

легализации. Для дальнейшего развития мировой экономики нужны будут компромисс и осознание того, на что ты, как регулятор (ЦБ), воздействовать можешь, а на что – нет. Такой компромисс стали остро осознавать в ведущих странах, в частности, в США. В самом начале января 2021 г. Управление контролера денежного обращения при Министерстве финансов США разрешило национальным банкам и федеральным сберегательным ассоциациям в США участвовать в блокчейн-сетях и использовать связанные с ними стейблкоины для осуществления платежных транзакций.

Список литературы

1. Грищенко В. Фиатные деньги: аналитическая записка. М.: Банк России, 2019. 21 с.

2. The Future of Money: speech given by Mark Carney, Governor of the Bank of England. To the inaugural Scottish Economics Conference, Edinburgh University, 2 March 2018. URL: www.bankofengland.co.uk/speeches (дата обращения: 25.10.2020).

3. Киселев А. Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков?: аналитическая записка. М.: Банк России, 2019. 23 с.

4. Bordo M., Levin A. Central bank digital currency and the future of monetary policy // NBER Working Paper. 2017. № 23711. DOI: https://doi.org/10.3386/w23711

5. Siciliani P. Competition for retail deposits between commercial banks and non-bank operators: a two-sided platform analysis // Bank of England Staff Working Paper. 25 May 2018. № 728.

6. Central Bank Digital Currencies. Report of the Committee on Payments and Market Infrastructures and The Markets Committee // BIS. March, 2018. 28 p.

7. Revisiting Monetary Policy in a Low Inflation Environment. Federal Reserve Bank of Boston. 2010. URL: https://www.bostonfed.org/news-and-events/events/economic-research-conference-series/revisiting-monetary-policy-in-a-low-inflation-environment.aspx (дата обращения: 19.11.2020).

8. Андрюшин С. А., Кузнецова В. В. Центральные банки в мировой экономике: учебное пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. 319 с.

9. Hilsenrath J. Fed Chief Gets to Apply Lessons of Japan's History // The Wall Street Journal. 2010. Oct. 13.

10. Bernanke B. S. Monetary Policy Objectives and Tools in a Low-Inflation Environment // Revisiting Monetary Policy in a Low-Inflation Environment conference, Federal Reserve Bank of Boston, Boston, 15 October 2010.

11. Бурлачков В. К. Отрицательные процентные ставки как следствие трансформации денежного механизма современной экономики: обзор литературы // Финансы и кредит. 2020. Т. 26, вып. 4. С. 856–873. DOI: https://doi.org/10.24891/fc.26.4.856

12. Банк России. Обзор реализации глобальной реформы финансовых индикаторов и использования LIBOR/EURIBOR на российском рынке (по итогам первого полугодия 2020 года). М.: Банк России, 2020. 15 с.

13. Андрюшин С. А. Деньги – творение государства или рынка? (О «современной денежной теории», изложенной в учебнике У. Митчелла, Л. Р. Рея и М. Уоттса «Макроэкономика») // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 121–134. DOI: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-121-134

14. Central Bank Digital Currency. Opportunities, challenges and design // Discussion Paper. Bank of England. March 2020. P. 14.

15. Barontini C., Holden H. Proceeding with caution – a survey on central bank digital currencies // BIS Paper. 2019. № 101.

16. Синельникова-Мурылева Е. В. Цифровые валюты центральных банков: потенциальные риски и выгоды // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 147–159. DOI: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-147-159

17. Impending arrival – a sequel to the survey on central bank digital currency / C. Boar, H. Holden, A. Wadsworth // BIS Papers. 2020. № 107. 15 p.

18. Panetta F. On the edge of a new frontier: European payments in the digital age. Speech. ECB. Frankfurt am Main, 22 October 2020. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2020/html/ecb.sp201022~d66111be97.en.html (дата обращения: 26.10.2020).

19. Covid-19, cash, and the future of payments / R. Auer, G. Cornelli, J. Frost // BIS Bulletin. 2020. № 3. April. 7 p.

20. Rise of the central bank digital currencies: drivers, approaches and technologies / R. Auer, G. Cornelli, J. Frost // BIS Working Papers. 2020. № 880. August. 44 p.

21. Кочергин Д. А. Электронные деньги: учебное пособие. М.: Маркет ДС; ЦИПСиР, 2011. 422 с.

22. Андрюшин С. А. Денежно-кредитные системы: от истоков до криптовалюты. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2019. 452 с.

23. Berentsen A., Schär F. The Case for Central Bank Electronic Money and the Non-case for Central Bank Cryptocurrencies // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. Second Quarter. 2018. Vol. 100, № 2.

24. Bindseil U. Central bank digital currency - financial system implications and control 30 July 2019. 39 p. URL: https://ssrn.com/abstract=3385283 (дата обращения: 28.10.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

25. Barrdear J., Kumhof M. The macroeconomics of central bank issued digital currencies // Bank of England. Staff Working Paper. 2016. № 605. 90 p.

26. Friedman M. A Program for Monetary Stability. N.Y.: Fordham University Press, 1959.

27. Should Inequality Factor into Central Banks' Decisions? / N.-J. H. Hansen, A. Lin, R. C. Mano // IMF Working Paper. 2020. № 196. September. 39 p.

28. Goodfriend M. The Case for Unencumbering Interest Rate Policy at the Zero Bound. 2016. Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Symposium in Jackson Hole. August 26. P. 127–160.

29. Kimball M., Agarwal R. Breaking Through the Zero Lower Bound // Working Paper. 2015. № 15/224.

30. Rogoff K. The Curse of Cash. Princeton, 2016. 296 p.

31. Dyson B., Hodgson G. Digital cash: why central banks should start issuing electronic money // Positive Money. 2016. 36 p.

32. Broadbent B. Central banks and digital currencies (speech). Bank of England, 2016. URL: https://www.bankofengland.co.uk/speech/2016/central-banks-and-digital-currencies (дата обращения: 11.01.2021).

33. Broadening narrow money: monetary policy with a central bank digital currency / J. Meaning, B. Dyson, J. Barker, E. Clayton // Staff Working Paper. 2018. № 724. May. P. 12.

34. Бурлачков В. К. Денежные механизмы глобальной и национальных экономик. М.: ЛЕНАНД, 2019. 256 с.

35. Engert W., Fung B. C. Central Bank Digital Currency: Motivations and Implications // Bank of Canada. Staff Discussion Paper. 2017. № 16. November. Pp. 17–18.

36. Обзор мирового опыта использования систем быстрых платежей и предложения по внедрению в России. М.: Банк России, 2017. 16 с.

37. Шнайер Б. Прикладная криптография. Протоколы, алгоритмы и исходные коды на языке С. М.; СПб.; Киев, 2017. 1040 с.

38. In search for stability in crypto-assets: are stablecoins the solution? / D. Bullmann, J. Klemm, A. Pinna // Occasional Paper Series. ECB. August 2019. № 230. 54 p.

39. Stablecoins – An overview of the current state of stablecoins // Blockdata. 2019, June.

40. Investigating the Impact of Global Stablecoins // G7 Working Group on Stablecoins. October 2019. 31 p.

41. Addressing the regulatory, supervisory and oversight challenges raised by "global stablecoin" arrangements: consultative document // Financial Stability Board. April, 2020.

42. Stablecoins: Implications for monetary policy, financial stability, market infrastructure and payments, and banking supervision in the euro area // ECB Occasional Paper Series. September 2020. № 247. 37 p.

43. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2020. 48 с.

44. Андрюшин С. А. Закон «О цифровых финансовых активах»: начало положено // Банковское дело. 2020. № 8. С. 8–12.

45. Huber J. Plain money: a proposal for supplying the nations with the necessary means in a modern monetary system. Der Hallesche Graureiher 99-3. Revised version. October. 1999. 60 p.

46. Pollock Alex J. Testimony to the Subcommittee on Monetary Policy and Trade of the Committee on Financial Services. United States, 2018.

47. Яковлев А. И. Теория денег: от золота к криптосистеме обмена. СПб.: Печатный цех, 2018. 207 с.

References

1. Grishchenko V. *Fiat money: analytical note*, Moscow, Bank Rossii, 2019, 21 p. (in Russ.).

2. *The Future of Money, speech given by Mark Carney, Governor of the Bank of England. To the inaugural Scottish Economics Conference, Edinburgh University*, 2 March 2018, available at: www.bankofengland.co.uk/speeches (access date: 25.10.2020).

3. Kiselev A. *Is there any future for the digital currencies of* Central Banks*?: analytical note,* Moscow, Bank Rossii, 2019, 23 p. (in Russ.).

4. Bordo M., Levin A. Central bank digital currency and the future of monetary policy, *NBER Working Paper*, 2017, No. 23711. DOI: https://doi.org/10.3386/w23711

5. Siciliani P. Competition for retail deposits between commercial banks and non-bank operators: a two-sided platform analysis, *Bank of England Staff Working Paper*, 25 May, 2018, No. 728.

6. Central Bank Digital Currencies. Report of the Committee on Payments and Market Infrastructures and The Markets Committee, *BIS*, March, 2018, 28 p.

7. Revisiting Monetary Policy in a Low Inflation Environment, *Federal Reserve Bank of Boston*, 2010, available at: https://www.bostonfed.org/news-and-events/events/economic-research-conference-series/revisiting-monetary-policy-in-a-low-inflation-environment.aspx (access date: 19.11.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

8. Andryushin S. A., Kuznetsova V. V. *Central banks in the global economy,* a tutorial, Moscow, Al'fa-M: INFRA-M, 2012, 319 p. (in Russ.).

9. Hilsenrath J. Fed Chief Gets to Apply Lessons of Japan's History, *The Wall Street Journal*, 2010, Oct. 13.

10. Bernanke B. S. Monetary Policy Objectives and Tools in a Low-Inflation Environment, *Revisiting Monetary Policy in a Low-Inflation Environment conference*, Federal Reserve Bank of Boston, Boston, 15 October 2010.

11. Burlachkov V. K. Negative interest rates as a consequence of the transformation of monetary arrangements in modern economy: a literature review, *Finance and Credit*, 2020, Vol. 26, iss. 4, pp. 856–873 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.24891/fc.26.4.856

12. *Bank of Russia. Review of implementation of the global reform of financial indicators and LIBOR/EURIBOR use in the Russian market (by the results of the first half of 2020)*, Moscow, Bank Rossii, 2020, 15 p. (in Russ.).

13. Andryushin S. A. Is money the creation of the state or the market? (On the "Modern monetary theory" as described in the textbook by W. Mitchell, L. R. Wray and M. Watts "Macroeconomics"), *Voprosy Ekonomiki*, 2020, No. 6, pp. 121–134. DOI: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-121-134

14. Central Bank Digital Currency. Opportunities, challenges and design, *Discussion Paper. Bank of England*, March, 2020, p. 14.

15. Barontini C., Holden H. Proceeding with caution – a survey on central bank digital currencies, *BIS Paper*, 2019, No. 101.

16. Sinelnikova-Muryleva E. V. Central bank digital currencies: potential risks and benefits, *Voprosy Ekonomiki*, 2020, No. 4, pp. 147–159. DOI: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-147-159

17. Boar C., Holden H., Wadsworth A. Impending arrival – a sequel to the survey on central bank digital currency, *BIS Papers*, 2020, No. 107, 15 p.

18. Panetta F. On the edge of a new frontier: European payments in the digital age. Speech, *ECB*, Frankfurt am Main, 22 October 2020, available at: https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2020/html/ecb.sp201022~d66111be97.en.html (access date: 26.10.2020).

19. Auer R., Cornelli G., Frost J. Covid-19, cash, and the future of payments, *BIS Bulletin*, 2020, No. 3, April, 7 p.

20. Auer R., Cornelli G., Frost J. Rise of the central bank digital currencies: drivers, approaches and technologies, *BIS Working Papers*, 2020, No. 880, August, 44 p.

21. Kochergin D. A. *Digital money*, a tutorial, Moscow, Market DS; TsIPSiR, 2011, 422 p. (in Russ.).

22. Andryushin S. A. *Monetary-credit systems: from the origins to cryptocurrency*, Moscow, Sam Poligrafist, 2019, 452 p. (in Russ.).

23. Berentsen A., Schär F. The Case for Central Bank Electronic Money and the Non-case for Central Bank Cryptocurrencies, *Federal Reserve Bank of St. Louis Review. Second Quarter*, 2018, Vol. 100, No. 2.

24. Bindseil U. *Central bank digital currency – financial system implications and control*, 30 July, 2019, 39 p., available at: https://ssrn.com/abstract=3385283 (access date: 28.10.2020).

25. Barrdear J., Kumhof M. The macroeconomics of central bank issued digital currencies, *Bank of England. Staff Working Paper*, 2016, No. 605, 90 p.

26. Friedman M. *A Program for Monetary Stability*, N.Y., Fordham University Press, 1959.

27. Hansen N.-J. H., Lin A., Mano R. C. Should Inequality Factor into Central Banks' Decisions?, *IMF Working Paper*, 2020, No. 196, September, 39 p.

28. Goodfriend M. The Case for Unencumbering Interest Rate Policy at the Zero Bound, *Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Symposium in Jackson Hole*. 2016, August 26, pp. 127–160.

29. Kimball M., Agarwal R. Breaking Through the Zero Lower Bound, *Working Paper,* 2015, No. 15/224.

30. Rogoff K. *The Curse of Cash*, Princeton, 2016, 296 p.

31. Dyson B., Hodgson G. Digital cash: why central banks should start issuing electronic money, *Positive Money*, 2016, 36 p.

32. Broadbent B. Central banks and digital currencies (speech), *Bank of England*, 2016, available at: https://www.bankofengland.co.uk/speech/2016/central-banks-and-digital-currencies (access date: 11.01.2021).

33. Meaning J., Dyson B., Barker J., Clayton E. Broadening narrow money: monetary policy with a central bank digital currency, *Staff Working Paper*, 2018, No. 724, May, p. 12.

34. Burlachkov V. K. *Monetary mechanisms of the global and national economies*, Moscow, LENAND, 2019, 256 p. (in Russ.).

35. Engert W., Fung B. C. Central Bank Digital Currency: Motivations and Implications, *Bank of Canada. Staff Discussion Paper*, 2017, No. 16, November, pp. 17–18.

36. *Review of the global experience of swift payment systems and proposals for their introduction in Russia*, Moscow, Bank Rossii, 2017, 16 p. (in Russ.).

37. Shnaier B. *Applied cryptography. Protocols, algorithms and source codes in C*, Moscow, saint Petersburg, Kiev, 2017, 1040 p.

38. Bullmann D., Klemm J., Pinna A. In search for stability in crypto-assets: are stablecoins the solution?, *Occasional Paper Series. ECB*, August, 2019, No. 230, 54 p.

39. Stablecoins – An overview of the current state of stablecoins, *Blockdata*, 2019, June.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

40. Investigating the Impact of Global Stablecoins, *G7 Working Group on Stablecoins*, October, 2019, 31 p.
41. Addressing the regulatory, supervisory and oversight challenges raised by "global stablecoin" arrangements: consultative document, *Financial Stability Board*, April, 2020.
42. Stablecoins: Implications for monetary policy, financial stability, market infrastructure and payments, and banking supervision in the euro area, *ECB Occasional Paper Series*, September, 2020, No. 247, 37 p.
43. *Digital ruble. Report for public consultations*, Moscow, Bank Rossii, 2020, 48 p. (in Russ.).
44. Andryushin S. A. Law "On digital financial assets": a start has been made, *Bankovskoe delo*, 2020, No. 8, pp. 8–12 (in Russ.).
45. Huber J. *Plain money: a proposal for supplying the nations with the necessary means in a modern monetary system*, Der Hallesche Graureiher 99-3, revised version, October, 1999, 60 p.
46. Pollock Alex J. *Testimony to the Subcommittee on Monetary Policy and Trade of the Committee on Financial Services*, United States, 2018.
47. Yakovlev A. I. *Theory of money: from gold to exchange cryptosystem*, Saint Petersburg, Pechatnyi tsekh, 2018, 207 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 22.01.2021
Дата принятия в печать / Accepted 28.02.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Андрюшин С. А., 2021
© Andryushin S. A., 2021

ПОЗНАНИЕ

Бородина, Ж. Н.
Практикум по праву интеллектуальной собственности: практическое пособие / Ж. Н. Бородина. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 168 с.

Пособие содержит материалы, необходимые для проведения практических занятий по курсу «Право интеллектуальной собственности». Подготовлено на основе материалов судебной практики и содержит методические указания, контрольные вопросы по изучаемым темам, задачи, контрольно-тестовые задания, задания по комментированию норм права и материалов судебной практики, списки рекомендуемых нормативных правовых актов, материалов судебной практики и специальной литературы, библиографический список.

Предназначено для обучающихся, аспирантов и преподавателей юридических факультетов и вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся вопросами права интеллектуальной собственности.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 336.7:004(048.8)(060.53)
JEL: E42, E52, E58, G21, L86

DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.77-84

Обзорная статья

С. А. АНДРЮШИН[1]

[1]*Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия*

ОБЗОР ЗАСЕДАНИЯ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕГО СЕМИНАРА ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН «ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ»

Андрюшин Сергей Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
Адрес: г. Москва, Нахимовский просп., 32, тел.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: sandr956@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2620-8515
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/N-7005-2017
eLIBRARY ID: SPIN-код: 9666-6701, AuthorID: 77843

Цель: обзор заседания постоянно действующего семинара «Цифровые финансы» при Институте экономики РАН, на котором состоялась оживленная дискуссия по предпосылкам и последствиям выпуска, особенностям эмиссии и обращения цифровой валюты центрального банка; дискуссии между участниками семинара в ходе обсуждения научного доклада на тему «Цифровой рубль (ЦР): аргументы за и против».
Методы: путем расшифровки аудиовидеозаписи была подготовлена стенограмма заседания постоянно действующего семинара «Цифровые финансы», на основании которой был сделан обзор дискуссии между участниками семинара.
Результаты: определены базовые предпосылки выпуска цифрового рубля, анализируемые через призму как «цифрового опыта» центральных банков отдельных стран (Швеции, Китая, Багамских Островов, Европейского союза и России), так и оценки скорости перехода ряда стран к цифровой валюте центрального банка; рассмотрены вопросы, связанные с особенностью эмиссии и обращения цифрового рубля; проанализированы последствия выпуска цифрового рубля, что нашло отражение в изменении роли мандатов центрального банка и посреднических функций банков, а также в трансформации глобальных вызовов, непосредственно связанных с выпуском цифровой валюты центральных банков.
Научная новизна: в обзоре показано, что цифровая валюта центрального банка – это третья форма денег центрального банка, с которой всем странам и их регуляторам необходимо научиться жить и работать по-новому; установлено, что цифровая валюта – это не только цифровой токен (цифровая валюта или программируемый код), но и учетная запись (текущий счет в форме депозита); обосновано, что цифровой рубль может выступать и как финансовый актив, финансовый инструмент, приносящий определенные проценты (в том числе и отрицательные); перечислены компоненты, определяющие будущий дизайн цифрового рубля, непосредственно связанные с технологическими платформами центрального банка; объяснено, почему с внедрением цифрового рубля произойдет трансформация действующих мандатов центрального банка, деятельности субъектов финансового рынка и методов регулирования со стороны монетарных органов власти.
Практическая значимость: основные положения и выводы обзора могут быть использованы Банком России в процессе подготовки дизайна цифрового рубля, а также концепции и платформы цифровой валюты центрального банка.

Ключевые слова: цифровые финансы; денежно-кредитная политика; платежная система; финансовая стабильность; финансовые технологии; ценовая стабильность; цифровая валюта центрального банка

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Как цитировать статью: Андрюшин С. А. Обзор заседания постоянно действующего семинара Института экономики РАН «Цифровые финансы» // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 77–84. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.77-84

Review

S. A. ANDRYUSHIN[1]

[1] *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

REVIEW OF THE "DIGITAL FINANCE" PERMANENT SEMINAR SESSION OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS (THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

Sergey A. Andryushin, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
Address: 32 Nakhimovskiy prospekt, Moscow, tel.: +7 (499) 724-15-41
E-mail: sandr956@gmail.com
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2620-8515
Web of Science Researcher: http://www.researcherid.com/rid/N-7005-2017
eLIBRARY ID: SPIN-код: 9666-6701, AuthorID: 77843

Objective: to review a session of the "Digital Finance" permanent seminar at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences which discussed the prerequisites and consequences of the issue, emission characteristics and circulation of the Central Bank digital currency; to review the discussion of a scientific report "Digital ruble (DR): arguments for and against".
Methods: based on the audio recording, an overview of the discussion at the permanent seminar "Digital Finance" was prepared.
Results: the main prerequisites of the digital ruble issue were defined, analyzed through the prism of both the "digital experience" of several Central Banks (of Sweden, China, the Bahamas, the European Union and Russia) and the estimates of the rate of many countries' transition to the Central Bank digital currency. The issues of the digital ruble issuance and circulation features were considered. The consequences of the digital ruble issuing were analyzed, which consist in changing the roles of Central Bank mandates and intermediary functions of banks, as well as in the transformation of global challenges directly related to the issuance of the Central Banks digital currency.
Scientific novelty: the survey shows that the Central Bank digital currency is the third form of Central Bank money, which all the countries and their regulators need to learn to live and work with in new ways. It is stated that digital currency is not the only digital token (digital currency, or programmable code), but also an account (a current account in the form of a deposit). It is shown that the digital ruble can act as a financial asset and a financial tool, bringing a certain percentage (including negative). The components are listed that determine the future design of the digital ruble, directly related to the Central Bank technological platforms. It is explained why the digital ruble introduction would transform the existing Central Bank mandates, the activities of financial market entities, and the regulation methods of monetary authorities.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the review can be used by the Bank of Russia in designing the digital ruble, as well as the concept and platform of the Central Bank digital currency.

Keywords: Digital finance; Monetary policy; Payment system; Financial stability; Financial technologies; Price stability; Central Bank digital currency

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Andryushin S. A. Review of the "Digital Finance" permanent seminar session of the Institute of Economics (the Russian Academy of Sciences), *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 77–84 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.77-84

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

29 января 2021 г. в Институте экономики РАН состоялось первое заседание постоянно действующего семинара «Цифровые финансы». Открыл заседание руководитель семинара *М. Ю. Головнин (д-р экон. наук, проф., первый зам. директора Института экономики РАН, чл.-корр. РАН)*. В своем вступительном слове он остановился на основных целях, задачах и миссии семинара «Цифровые финансы», периодичности его работы, научной и практической направленности обсуждаемых докладов и проводимых на заседаниях семинара дискуссий. После этого слово было предоставлено *К. Н. Корищенко (д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой «Фондовые рынки и финансовый инжиниринг» РАНХиГС)*, который выступил с докладом на тему «Цифровой рубль (ЦР): аргументы за и против». В своем выступлении докладчик остановился на ключевых, базовых предпосылках выпуска ЦР, анализируемых через призму таких вопросов, как «деньги и банки – зачем они?», «ЦР как третий вид денег в балансе ЦБ?» [1]. Отдельно докладчик остановился на двух «исторических контекстах зарождения ЦР»: во-первых, «цифровом опыте» центральных банков (далее – ЦБ) отдельных стран (Швеции, Китая, Багамских Островов, ЕС и РФ), во-вторых, оценках скорости (быстрой – медленной – полного отказа) перехода стран к цифровой валюте ЦБ (далее – ЦВЦБ) [2]. Затем докладчик перешел к рассмотрению вопросов, связанных с особенностью эмиссии и обращения цифрового рубля [3]. Владеть цифровым рублем (далее – ЦР), по его мнению, на территории РФ должны не только резиденты (физические лица, юридические лица, государство и банки), но и нерезиденты. С этой целью он подробно остановился на возможной трансформации не только системы международных расчетов, но и системы внутренних платежей [4]. В частности, им были рассмотрены такие вопросы, как 100%-ное резервирование, замена модели со множеством банков на модель с одним банком, сокращение числа счетов и платежных карт, скорость платежей, отсутствие при совершении сделок посредника, надежность хранения цифровой валюты, типы распределенных реестров, наличия овердрафта, клиринга и *LSM*, а также возникновения новых дополнительных возможностей, связанных с микроплатежами и системой межбанковских расчетов [5]. Отдельная часть доклада касалась вопросов денежно-кредитной политики (далее – ДКП) (в части эмиссионных, депозитных, кредитных и долговых операций, трансформации структуры денежной базы и денежной массы, осуществления программы количественного смягчения, разработки нового класса моделей монетарной и фискальной политики), валютного регулирования (свободного обмена на иностранную наличную и безналичную валюту, внутренних платежей в иностранной валюте и ограничительных мер по валютным операциям), учету, налогам и аудиту (новой модели учета операций, объему первичной информации об операциях, видам цифровых кошельков, использованию программируемых языков и роботов, учету операций на стороне банков, налоговому аудиту и всевозможным вариантам корректировок со стороны регулирующих органов), анонимности и контролю (*KYC* и *ALM*, блокировке операций, количественным и субъективным ограничениям, персонализации данных, цифровому профилю, удаленной идентификации, связи личности и цифрового устройства) и выбору технологической платформы (*P2P*, операторам системы, режиму работы, корпоративному блокчейну, модели *PoA*, *Need-to-Know*, банковским электронным срочным платежам (далее –БЭСП), Системе быстрых платежей (далее – СБП), *Open API* и микроплатежам) [6–9, 5, 10, 11]. В заключение докладчик остановился на последствиях выпуска цифрового рубля и отразил роль и функции банков, а также международные вызовы, непосредственно связанные со снижением обращения наличных, ускорением трансграничных потоков капитала, конкуренцией с ЦВЦБ других стран и частными стейблкоинами, цифровыми финансовыми активами и новыми финансовыми продуктами [12].

В качестве дискуссанта по основному докладу выступил *С. А. Андрюшин (д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института экономики РАН)*. В своем выступлении он высоко оценил представленные структуру, содержание, выводы и рекомендации обсуждаемого доклада, суть которого свелась к тому, что ЦВЦБ – это объективная экономическая реальность, с которой всем странам и их регуляторам необходимо научиться по-новому жить и работать [13, с. 213–223]. В то же время дискуссант заметил, что в докладе содержатся ряд спорных утверждений и дискуссионных вопросов, побуждающих участников семинара начать здоровую дискуссию по обсуждаемой теме доклада. Во-первых, из доклада

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

К. Н. Корищенко не совсем понятно его отношение к самой трактовке ЦР, изложенной специалистами Банка России в своем консультативном докладе [14, 15]. В частности, Банк России отмечает, что цифровой рубль «зачисляется в форме уникального цифрового кода на свои электронные кошельки» [15, с. 5]. Но цифровая валюта – это не только цифровой токен (цифровая валюта или программируемый код), но и учетная запись (текущий счет в форме депозита). А раз так, то отсюда из трактовки Банка России не совсем понятно, что будет находиться в цифровом кошельке – токен (какой?) или остаток на текущем счете (сколько?) [16, 17]. Во-вторых, цифровой рубль может выступать и как финансовый актив, финансовый инструмент, приносящий определенные проценты (в том числе и отрицательные) [18, 11]. В-третьих, из доклада К. Н. Корищенко неясно, какие активы в балансах коммерческих банков (далее – КБ) и ЦБ будет замещать ЦР: безрисковые активы (наличные и резервы Центрального банка) или рисковые активы (частные деньги банков). Это важно понимать, так как от этого зависит, будет ли понятен будущий дизайн ЦР, закладываемый в концепцию и платформу ЦБ [3]. В-четвертых, дизайн ЦР напрямую связан с технологическими платформами: централизованными (традиционными) и децентрализованными (технологией распределенного реестра и технологией блокчейн, которые имеют между собой принципиальные отличия) [19]. Из доклада непонятна позиция автора, на какой технологической платформе Банк России собирается строить концепцию и платформу ЦР, чтобы максимально быстро добиваться реализации трех денежных характеристик: масштабируемости, анонимности и конфиденциальности. В-пятых, выбранный дизайн цифрового рубля плюс выбранная технологическая платформа плюс новая и существующая финансовая инфраструктура Центрального банка, скорее всего, приведут к трансформации действующих мандатов ЦБ, существенной трансформации деятельности субъектов финансового рынка и методов регулирования со стороны ЦБ [10, 20]. Об этом в докладе сказано не очень четко. В-шестых, в докладе уделено отдельное внимание вопросам трансформации ДКП, но, по нашему мнению, не очень достаточно, отдельные выводы и рекомендации неубедительны, так как непонятно, как изменятся направленность каналов трансмиссионного механизма ДКП, и в первую очередь операционный инструментарий процентного канала, при обращении ЦР. Также не совсем ясно, как будет изменяться динамика денежной базы и денежных агрегатов (в первую очередь М1), способная оказать заметное влияние как на инфляцию, так и на обменный валютный курс [21, 22]. В-седьмых, в докладе вообще не рассмотрен аспект, отражающий взаимосвязь ЦР и финансовой стабильности, хотя эта взаимосвязь многими мировыми ЦБ понимается как основная, доминирующая, центральная, системно образующая проблема, связанная с обеспечением макроэкономической стабильности. Именно этой проблеме в дальнейшем необходимо уделять особое внимание, так как она напрямую будет связана: а) с изменениями структуры, валюты балансов и видов ликвидности финансовой (банковской) системы; б) с повышением эффективности использования программ количественных, кредитных и регуляторных смягчений; в) с изменениями регулирования совокупного спроса (со стороны активов нефинансовых организаций плюс активов домашних хозяйств и плюс активов банковского сектора); г) с более эффективным решением процесса регулирования фаз делового цикла (повысится вероятность решения проблемы кредитного перегрева) [22, 16]. В-восьмых, в докладе также не было уделено достаточного внимания взаимосвязи обращения цифрового рубля и рисков противодействия отмыванию денежных средств, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения (далее – ПОД/ФТ/ФРОМУ), взаимосвязи ЦР и рынка частных криптовалют/стейблкоинов, ЦР и будущей концепции ЦР, принятой Банком России (и ее сравнение, например, с уже разработанной Европейской системой центральных банков (далее – ЕСЦБ) *Poof of Concept*) [23, 2, 12].

Дальше руководителем семинара М. Ю. Головниным была открыта дискуссия по докладу К. Н. Корищенко, в которой приняли участие многие участники заседания. Так, *К. Т. Сумманен (вице-президент ВТБ)* отметил, что в докладе не нашла отражение позиция автора на три принципиальных положения Банка России, постулируемых им в своем консультативном докладе: по дизайну ЦР, формату цифровых денег (токен или текущий счет) и технологической платформе (распределенном реестре, блокчейне или централизованном реестре) [15, 20]. Затем слово взял *Д. А. Кочергин (д-р экон. наук, проф. кафедры «Теории кредита и финансового менеджмента» СПбГУ)*, отметивший,

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

что в докладе К. Н. Корищенко ошибочно трактуется цифровая валюта. ЦВЦБ, по мнению Д. А. Кочергина, не третий вид денег, а третья форма фиатных денег, которая может прийти на смену наличным деньгам [24]. Но одновременно ЦВЦБ нельзя трактовать как форму продолжения наличных денег. Также нельзя, по его мнению, путать СБП и цифровую валюту. СБП поддерживается КБ, так как обслуживает текущие счета своих клиентов, а цифровая валюта – это обязательство самого ЦБ. Поэтому Система быстрых платежей – это хорошо, но будущее за цифровой валютой. Цифровая валюта – это гибридная форма денег, которая сочетает в себе наличные плюс технологические преимущества безналичных денег, одновременно вбирая в себя все существующие функции денег [25]. В выступлении *В. С. Петрова (вице-президент РАКИБ)* прозвучало два практических тезиса: в докладе, по его мнению, нет четкого ответа на вопрос, зачем цифровой рубль нужен государству, населению и бизнесу, и вопрос, как ЦР скажется на монетизации экономики, станет ли он инвестиционной валютой или нет [26, 19]. Выступление *В. О. Грищенко (консультант Департамента исследований и прогнозирования Банка России)* было посвящено двум ключевым аспектам изменения ДКП в условиях выпуска ЦР: а) вопросам мультипликации цифровых валют и б) вопросам изменения ценообразования в банках, в частности, изменений ставок по банковским продуктам [27, 14, 28]. *А. И. Яковлев (канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)* отметил, что реальная дискуссия по цифровым валютам в экспертном сообществе только начинается и что все дискуссии будут всегда вторичны, если в экспертном сообществе не будут в первую очередь решены вопросы методологии новой монетарной теории [29]. Цифровой рубль – это пример того, что наличность в экономике никуда не исчезает, а, наоборот, возвращается в форме цифровой нумерации каждого денежного знака [30]. Затем слово еще раз взял К. Т. Сумманен, который выразил опасение по поводу того факта, что с внедрением ЦВЦБ во всех национальных экономиках (даже в развитых, например, Великобритании) появляется обеспокоенность по поводу того, что в рыночных экономиках возрождаются элементы одноуровневой централизованной банковской системы, когда эмитентом цифровых денег становится один ЦБ, а его деньгами в определенных пропорциях пользуются все субъекты этой экономики. В выступлении *А. К. Моисеева (д-р экон. наук, зам. директора ИНП РАН)* прозвучал такой тезис, что в условиях обращения цифровых валют коммерческие банки никуда не исчезнут, процессу дезинтермедиации в ближайшее время не быть [31]. Эмиссия денег делается под будущие доходы, а оценивать их в современных условиях могут по-настоящему только КБ. Возможно, в будущем, когда появится искусственный интеллект, возможно создание долгов без банков, но это, по его оценке, очень далекая перспектива. Еще одним преимуществом цифровых валют становится, по его мнению, их полная прозрачность, отсутствие какой-либо анонимности, а это составляет первый шаг к построению эффективной экономики. И еще один момент, как отметил А. К. Моисеев, который стоит учитывать в цифровых экосистемах, – это лимитирование или ограничения на эмиссию, выбор критерия и формы такого ограничения, так как внешние ограничители очень важны для стабильного развития экономики [3]. В своем выступлении *В. К. Бурлачков (д-р экон. наук, проф. МГИМО МИД России)* отметил, что современные ЦБ не могут допустить создания частных цифровых денег, поэтому появление ЦВЦБ – закономерный ответ на вызовы цифровой экосистемы [32, 2]. Но использование в обращении цифровых валют приведет к серьезным изменениям, в частности, к модернизации денежного механизма [33]. В то же время сейчас очень сложно оценить все риски, которые будут связаны с созданием этого нового денежного механизма. Например, не совсем понятно, как будет функционировать рынок евродолларов, если возникнут трудности перехода с одних национальных денег на другие. Не возникнут ли при этом дефляционные риски, способствующие росту макроэкономической нестабильности в мире? Вот в чем вопрос [5].

В заключение руководитель семинара *М. Ю. Головнин* поблагодарил докладчиков и всех участников семинара за оживленную дискуссию и предложил на ближайших заседаниях обсудить темы, связанные с изучением мирового опыта внедрения цифровых валют центральных банков [9, 22], обращением частных криптовалют [11, 34, 12], издержками обращения наличных, безналичных, электронных и цифровых валют [7, 8, 16] отдельно уделить внимание вопросу сеньоража и подготовить серию докладов в области дальнейшего развития современной монетарной теории и практики [35, 36, 37].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Список литературы

1. Корищенко К. Н. Криптовалюты центральных банков: современное состояние и перспективы // Экономические стратегии. 2018. № 4. С. 44–51.

2. G7 Working Group on Stablecoins. Investigating the Impact of Global Stablecoins. 2019. October.

3. Barrdear J., Kumhof M. The macroeconomics of central bank issued digital currencies // Bank of England. Staff Working Paper. 2016. № 605.

4. Корищенко К. Н. Актуальные проблемы методологии в реализации денежно-кредитной политики. М.: Экономические науки, 2006.

5. Central Bank Digital Currencies. Report of the Committee on Payments and Market Infrastructures and The Markets Committee // BIS. March, 2018.

6. Оценка влияния использования электронных платежных средств на вывоз капитала: аналитический обзор с предложениями / В. В. Кожокарь, К. Н. Корищенко, О. Ю. Сигалова. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020.

7. Barontini C., Holden H. Proceeding with caution – a survey on central bank digital currencies // BIS Paper. 2019. № 101.

8. Berentsen A., Schär F. The Case for Central Bank Electronic Money and the Non-case for Central Bank Cryptocurrencies // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. 2018. Second Quarter.

9. Bordo M., Levin A. Central bank digital currency and the future of monetary policy // NBER Working Paper. 2017. № 23711.

10. Covid-19, cash, and the future of payments / R. Auer, G. Cornelli, J. Frost // BIS Bulletin, 2020, № 3, April.

11. ECB. Stablecoins: Implications for monetary policy, financial stability, market infrastructure and payments, and banking supervision in the euro area // Occasional Paper Series. ECB Crypto-Assets Task Force. 2020. № 247, September.

12. Stablecoins – An overview of the current state of stablecoins // Blockdata. 2019, June.

13. Андрюшин С. А. Денежно-кредитные системы: от истоков до криптовалюты. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2019. 452 с.

14. Киселев А. Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков?: аналитическая записка. М.: Банк России. Апрель, 2019.

15. Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2020.

16. Dyson B., Hodgson G. Digital cash: why central banks should start issuing electronic money // Positive Money. 2016.

17. Impending arrival – a sequel to the survey on central bank digital currency / C. Boar, H. Holden, A. Wadsworth // BIS Papers. 2020. № 107.

18. Андрюшин С. А. Закон «О цифровых финансовых активах»: начало положено // Банковское дело. 2020. № 8. С. 8–12.

19. Rise of the central bank digital currencies: drivers, approaches and technologies / R. Auer, G. Cornelli, J. Frost // BIS Working Papers. 2020. № 880. August.

20. Should Inequality Factor into Central Banks' Decisions? / N.-J. H. Hansen, A. Lin, R. C. Mano // IMF Working Paper. 2020. № 196, September. 39 p.

21. Андрюшин С. А. Денежно-кредитная политика центральных банков в условиях и после COVID-19 // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 2. С. 223–234. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.223-234

22. Broadening narrow money: monetary policy with a central bank digital currency / J. Meaning, B. Dyson, J. Barker, E. Clayton // Staff Working Paper. 2018. № 724, May.

23. Андрюшин С. А. Криптовалюты: выпуск, обращение и проблемы регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 18. 3. С. 455–468. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.455-468

24. Кочергин Д. А., Янгирова А. И. Центробанковские цифровые валюты: ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23, № 4. С. 80–98. DOI: https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-4-80-98

25. Кочергин Д. А. Электронные деньги: учеб. пособие. М.: Market DS, 2011. 422 с.

26. Что такое цифровая валюта центробанков (CBDC)? 2020. URL: https://forklog.com/chto-takoe-tsifrovaya-valyuta-tsentrobankov-cbdc/ (дата обращения: 26.10.2020).

27. Грищенко В. Фиатные деньги: аналитическая записка. М.: Банк России. Август, 2019.

28. Что изменится для банков и их клиентов с введением цифрового рубля: аналитическая записка / В. Грищенко, А. Морозов, Е. Петренева, А. Синяков. М.: Банк России, 2021.

29. Яковлев А. И. Теория денег: от золота к криптосистеме обмена. СПб.: Печатный цех, 2018.

30. Яковлев А. И. Первый среди равных (Fedcoin как форма CBDC) // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 1. С. 61–69. DOI: https://doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10105

31. Ценовая динамика в России и ее влияние на денежно-кредитную политику и развитие экономики / Д. Б. Кувалин, А. К. Моисеев, А. А. Широв // Проблемы прогнозирования. 2020. Т. 182, № 5. С. 97–107.

Андрюшин С. А. Обзор заседания постоянно действующего семинара Института экономики РАН «Цифровые финансы»
Andryushin S. A. Review of the "Digital Finance" permanent seminar session of the Institute of Economics (the Russian Academy of Sciences)

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

32. Бурлачков В. К. Макроэкономика, монетарная политика, глобальный кризис: анализ современной теории и проблемы построения новой модели экономического развития. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

33. Бурлачков В. К. Денежные механизмы глобальной и национальных экономик. М.: ЛЕНАНД, 2019.

34. In search for stability in crypto-assets: are stablecoins the solution? / D. Bullmann, J. Klemm, A. Pinna // Occasional Paper Series. ECB. 2019. № 230, August.

35. Головнин М. Ю. Трансграничное движение капитала в России: перспективы трансформации внутренней и географической структуры // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24, № 6. С. 161–173. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-161-173

36. Головнин М. Ю. Трансформация глобальной финансовой системы в первые два десятилетия XXI века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 4. С. 74–96. DOI: https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-4

37. Central Bank Digital Currency. Opportunities, challenges and design // Discussion Paper. Bank of England. March, 2020.

References

1. Korishchenko K. N. Crypto Currencies of Central Banks: Current State and Prospects, *Ekonomicheskie strategii*, 2018, No. 4, pp. 44–51 (in Russ.).

2. G7 Working Group on Stablecoins, *Investigating the Impact of Global Stablecoins*, 2019, October.

3. Barrdear J., Kumhof M. The macroeconomics of central bank issued digital currencies, *Bank of England. Staff Working Paper*, 2016, No. 605.

4. Korishchenko K. N. Topical issues of methodology in implementing the monetary-credit policy, Moscow, *Ekonomicheskie nauki*, 2006 (in Russ.).

5. Central Bank Digital Currencies. Report of the Committee on Payments and Market Infrastructures and The Markets Committee, *BIS*, March, 2018.

6. Kozhokar' V. V., Korishchenko K. N., Sigalova O. Yu. *Assessing the influence of using electronic payment means on capital export: analytical review with proposals*, Moscow, FGKU "VNII MVD Rossii", 2020 (in Russ.).

7. Barontini C., Holden H. Proceeding with caution – a survey on central bank digital currencies, *BIS Paper*, 2019, No. 101.

8. Berentsen A., Schär F. The Case for Central Bank Electronic Money and the Non-case for Central Bank Cryptocurrencies, *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, 2018, Second Quarter.

9. Bordo M., Levin A. Central bank digital currency and the future of monetary policy, *NBER Working Paper*, 2017, No. 23711.

10. Auer R., Cornelli G., Frost J. Covid-19, cash, and the future of payments, *BIS Bulletin*, 2020, No. 3, April.

11. ECB. Stablecoins: Implications for monetary policy, financial stability, market infrastructure and payments, and banking supervision in the euro area, *Occasional Paper Series. ECB Crypto-Assets Task Force*, 2020, No. 247, September.

12. Stablecoins – An overview of the current state of stablecoins, *Blockdata*, 2019, June.

13. Andryushin S. A. *Monetary-credit system: from the sources to cryptocurrency*, Moscow, Sam Poligrafist, 2019, 452 p. (in Russ.).

14. Kiselev A. Do the digital currencies of Central Banks have a future*?: analytical comment*, Moscow, Bank Rossii, Aprel', 2019 (in Russ.).

15. *Digital ruble: report for public consultations*, Moscow, Bank Rossii, 2020 (in Russ.).

16. Dyson B., Hodgson G. Digital cash: why central banks should start issuing electronic money, *Positive Money*. 2016.

17. Boar C., Holden H., Wadsworth A. Impending arrival – a sequel to the survey on central bank digital currency, *BIS Papers*, 2020, No. 107.

18. Andryushin S. A. The Law "On digital financial assets": the start has been made, *Bankovskoe delo*, 2020, No. 8, pp. 8–12 (in Russ.).

19. Auer R., Cornelli G., Frost J. Rise of the central bank digital currencies: drivers, approaches and technologies, *BIS Working Papers*, 2020, No. 880, August.

20. Hansen N.-J. H., Lin A., Mano R. C. Should Inequality Factor into Central Banks' Decisions?, *IMF Working Paper*, 2020, No. 196, September, 39 p.

21. Andryushin S. A. Monetary policy of central banks before and after COVID-19, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 2, pp. 223–234 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.223-234

22. Meaning J., Dyson B., Barker J., Clayton E. Broadening narrow money: monetary policy with a central bank digital currency, *Staff Working Paper*, 2018, No. 724, May.

23. Andryushin S. A. Cryptocurrencies: issue, circulation and problems of regulation, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 3, pp. 455–468 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.455-468

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

24. Kochergin D. A., Yangirova A. I. Central bank digital currencies: key characteristics and directions of influence on monetary and credit and payment systems, *Finance: Theory and Practice*, 2019, Vol. 23, No. 4, pp. 80–98 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-4-80-98

25. Kochergin D. A. *Electronic money*, tutorial, Moscow, Market DS, 2011, 422 p. (in Russ.).

26. *What is Central Banks digital currency (CBDC)?*, 2020, available at: https://forklog.com/chto-takoe-tsifrovaya-valyuta-tsentrobankov-cbdc/ (access date: 26.10.2020) (in Russ.).

27. Grishchenko V. *Fiat money*, analytical comment, Moscow, Bank Rossii, Avgust, 2019 (in Russ.).

28. Grishchenko V., Morozov A., Petreneva E., Sinyakov A. *What will be changed for banks and their clients after a digital ruble is introduced*, analytical comment, Moscow, Bank Rossii, 2021 (in Russ.).

29. Yakovlev A. I. *Theory of money: from gold to exchange cryptosystem*, Saint Petersburg, Pechatnyi tsekh, 2018 (in Russ.).

30. Yakovlev A. First among equals (Fedcoin as a form of CBDC), *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, 2020, No. 1, pp. 61–69. DOI: https://doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10105

31. Kuvalin D. B., Moiseev A. K., Shirov A. A. The impact of price dynamics in Russia on monetary policy and economic development, *Financial Problems*, 2020, Vol. 182, No. 5, pp. 97–107 (in Russ.).

32. Burlachkov V. K. *Macroeconomics, monetary policy, global crisis: analysis of the modern theory and problems of building a new model of economic development*, Moscow, Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2013 (in Russ.).

33. Burlachkov V. K. *Monetary mechanisms of the global and national economies*, Moscow, LENAND, 2019 (in Russ.).

34. Bullmann D., Klemm J., Pinna A. In search for stability in crypto-assets: are stablecoins the solution?, *Occasional Paper Series. ECB*, 2019, No. 230, August.

35. Golovnin M. Yu. Cross-border capital flows in Russia: Prospects for changing their internal and geographical structure, *Finance: Theory and Practice*, 2020, Vol. 24, No. 6, pp. 161–173 (in Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-161-173

36. Golovnin M. Yu. Transformation of the Global Financial System in the First Two Decades of the Twenty-first Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2020, Vol. 13, No. 4, pp. 74–96 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-4

37. Central Bank Digital Currency. Opportunities, challenges and design, *Discussion Paper. Bank of England*, March, 2020.

Дата поступления / Received 28.01.2021
Дата принятия в печать / Accepted 01.03.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Андрюшин С. А., 2021
© Andryushin S. A., 2021

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА / THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 001.89:342.56:347.9 **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.85-93**

Научная статья

В. В. ЛАЗАРЕВ[1]

[1] *Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия*

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА

Лазарев Валерий Васильевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Адрес: 107078, г. Москва, Б. Харитоньевский пер., 22–24, стр. 1А, 1БВ, тел.: +7 (495) 719-70-00
E-mail: yalazer@rambler.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3027-6713
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/G-7684-2017
SPIN-код: 5106-1080, AuthorID: 364237

Цель: изучение инновационной деятельности судебных органов Российской Федерации.
Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой, социологический.
Результаты: в статье предпринимается попытка осмыслить деятельность суда как творческую, привносящую много нового и в трактовку фактических обстоятельств, и в понимание правовых ценностей, и в реализацию последних. Решение суда – всегда инновационное в той степени, в какой имеет новизну в интерпретации права и факта, в какой дает ответ по вопросу, допускавшему разные решения, в какой снимает существовавшую неопределенность. Уровень инновационности зависит от состояния фактических обстоятельств, уровня сложившейся судебной практики, новизны и степени определенности правовых норм, достаточности законодательного регулирования, а также от компетенции той или иной судебной инстанции. Суды часто являются производителями научных идей, политико-правовых концептов, правовых и моральных правоположений. В данном случае подчеркивается взаимная связь юридической науки и практики. С одной стороны, именно судебная практика питает развитие юридических наук, а с другой – сама эта практика постоянно оплодотворяется интеллектом обращенных к ней научных исследований.
Научная новизна: инновации в решениях суда допустимы, если они соответствуют общим требованиям конституционализма, произведены в рамках материального закона и не выходят за рамки полномочий соответствующего органа. Разные судебные решения в разной степени инновационны, но они не теряют иных своих позитивных качеств, если инновационность просматривается лишь в субъективном свете применительно к данным обстоятельствам и данным участникам общественных отношений. Признание инновационного характера судебной деятельности на теоретическом уровне требует полноценного юридического признания судебного прецедента в качестве источника российского права.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Практическая значимость: выводы и положения статьи могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе образовательных организаций высшего образования.

Ключевые слова: теория и история права и государства; несовершенство закона; суд; судебное решение; инновация; Конституционный суд; прецедент

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Лазарев В. В. Инновационная деятельность суда // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 85–93. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.85-93

The scientific article

V. V. LAZAREV[1]

[1] *Institute for Legislation and Comparative Legal Studies under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

INNOVATIVE ACTIVITY OF A COURT

Valeriy V. Lazarev, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Research, Institute for Legislation and Comparative Legal Studies under the Government of the Russian Federation
Address: 22–24 Bolshoy Kharitonyevskiy pereulok, buildings 1A, 1BV, 107078 Moscow, tel.: +7 (495) 719-70-00
E-mail: yalazer@rambler.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3027-6713
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/G-7684-2017
SPIN-код: 5106-1080, AuthorID: 364237

Objective: to study the innovative activity of the judicial authorities of the Russian Federation.
Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena, which determined the choice of the following research methods: formal-logical, comparative-legal, and sociological.
Results: the article attempts to comprehend the court activity as creative activity introducing many novelties to the interpretation of factual circumstances, to the understanding of legal values, and to the implementation of the latter. A court decision is always innovative to the extent that it introduces a novelty into the law and fact interpretation, to the extent that it gives an answer to a question that allowed for different decisions, and to the extent that it removes the existing uncertainty. The level of innovativeness depends on the state of actual circumstances, the level of established judicial practice, the novelty and degree of certainty of legal norms, the sufficiency of legislative regulation, as well as on the competence of a particular court. Courts are often producers of scientific ideas, political and legal concepts, legal and moral principles of law. In this case, the mutual connection between legal science and practice is emphasized. On the one hand, it is judicial practice that feeds the development of the legal sciences, and on the other hand, this practice itself is constantly fertilized by the intelligence of scientific research addressed to it.
Scientific novelty: innovations in court decisions are permissible if they meet the general requirements of constitutionalism, are made within the framework of the substantive law and do not go beyond the authorities of the relevant body. Various court decisions are innovative to varying degrees, but they do not lose their other positive qualities if innovation is viewed only in a subjective light in relation to the given circumstances and given participants in public relations. Recognition of the innovative nature of judicial activity at the theoretical level requires the full-fledged legal recognition of judicial precedent as a source of Russian law.
Practical significance: the conclusions and provisions of the article can be used in scientific, legislative and law enforcement activities, the educational process of educational organizations of higher education.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Keywords: Theory and history of law and state; Imperfection of law; Court; Judicial decision; Innovation; Constitutional Court; Precedent

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Lazarev V. V. Innovative activity of a court, *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 85–93 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.85-93

В науке утвердился взгляд на судебную деятельность как на классический пример правоприменения. Взгляд этот по существу правильный. Но, раскрывая содержание этой деятельности, нельзя ограничиваться только формальным заключением о подведении одной посылки под другую (малой, о фактических обстоятельствах, под большую, о соответствующих нормах права). Деятельность суда творческая, привносящая много нового и в трактовку фактических обстоятельств, и в понимание правовых ценностей, и в реализацию последних. Во всех этих случаях суд привносит нечто новое. Поэтому представляется чрезвычайно уместным по отношению к судебной деятельности ввести в исследовательскую сферу (а затем и в практический оборот) категорию «инновация».

Разумеется, мы понимаем, что судебные решения в разной степени инновационны, и зависит это от новизны фактических обстоятельств, уровня сложившейся судебной практики, новизны и степени определенности правовых норм, достаточности законодательного регулирования и т. д. Уровень инновационности зависит также от компетенции той или другой судебной инстанции – в порядке кассации больше возможностей внести некие новации, нежели в суде первой инстанции. Всегда в большой степени инновационными выступают постановления Пленума Верховного Суда. Инновации сопровождают большинство, если не все акты Конституционного Суда РФ [1].

В современном словаре иностранных слов инновация понимается как «деятельность по созданию, освоению, использованию и распространению нового, с целенаправленным изменением, вносящим в среду внедрения новые элементы, вызывающие изменение системы из одного состояния в другое» [2, с. 257]. Деятельность любого суда была бы излишней, если бы она не создавала нечто новое, не изменяла существующее положение вещей, если бы она в конечном счете не способствовала обновлению законодательства и практики. *Решение суда – всегда инновационное решение в той степени, в какой имеет новизну в интерпретации права и факта, в какой дает ответ по вопросу, допускавшему разные решения, в какой снимает существовавшую неопределенность (выделено мной. – В. Л.).*

Судебные решения не только «акты распространения», но и «акты творения» права. Суды в целом, и особенно высшие инстанции, не только распространители, но и производители научных идей, политико-правовых концептов, правовых и моральных правоположений. Здесь мы подчеркиваем взаимную связь юридической науки и практики. С одной стороны, именно судебная практика питает развитие юридических наук, а с другой – сама эта практика постоянно оплодотворяется интеллектом обращенных к ней научных исследований.

Рассматривая связи науки и судебной практики, нельзя упускать из вида ту посредническую роль, которую призван осуществлять законодатель. Суд решает дело на основе закона. Однако связанность суда позицией законодателя не отвергает принцип самостоятельности (суверенности) суда и судебных решений [3]. Последний проявляет себя наиболее ярко в двух случаях: 1) когда закон сам допускает усмотрение суда; 2) когда наличествует пробел в законодательстве и суд принимает решение на основе аналогии закона или аналогии права.

Тот и другой случай признаются самостоятельными и всегда актуальными для исследования, поскольку происходят изменения в экономической и политической сферах, поскольку, например, осуществляется

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

конституционная реформа. Законы могут не успевать за движением жизни. Поэтому остается актуальной, в частности, проблема судебного прецедента. И тогда не устаревают вопросы о подмене законодателя судьей, о следовании принципу законности и вынесении судебного решения вопреки закону (в случае противоречия закона праву). В любом случае нельзя в одних отраслях признавать судебный прецедент – в других не признавать, признавать прецедентными решения международных судов и не признавать таковыми решения национальных судов. Парадоксально, что противники признания судебного прецедента, признают фактическое изменение в правовом регулировании именно на основании судебного решения (когда нормы не было вообще или когда решением суда норма устраняется из общего правового массива), признают общеобязательность этого решения и необходимость следования ему в точно таком же случае.

Экономисты рассматривают инновацию как «внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком» [4]. Почему подобно этому не смотреть на судебный прецедент как на средство поддержания и повышения эффективности «юридической продукции»?

Вопросы относительно прецедентов спорны. Но процитированная характеристика инновации в полной мере относится к обзорам судебной практики, постановлениям Пленума Верховного Суда России и большинству решений Конституционного Суда России. Конституционное судопроизводство постоянно сопровождается интеллектуальными инвестициями, в его решениях фиксируются дополнительные конституционные ценности, внедрение которых в дальнейшем служит коренному улучшению правопорядка. И по большому счету там, где выделяют «социальные (процессные) инновации», понимая их как «процесс обновления сфер жизни человека в реорганизации социума» [5], следовало бы иметь в виду в том числе правовые инновации.

Для рассмотрения деятельности Конституционного Суда России в качестве инновационной имеет существенное значение получающий все большее распространение новый взгляд на сам суд. «…По самой природе, сущностным характеристикам и результатам деятельности статус Конституционного Суда Российской Федерации не исчерпывается юрисдикционным правоприменением. Этот орган объективно, и это становится все очевиднее для отечественной юриспруденции, приближается в своих итогово-правовых характеристиках к нормативно-установительной практике, к правотворчеству» [6, с. 58]. Существуют и другие позиции по данному поводу. В частности, Л. В. Лазарев рассматривал «решения Конституционного Суда в качестве источника права, а правовые позиции, выраженным в нем, – правом» [7, с. 53]. По мнению Н. С. Бондаря, решения Конституционного Суда являются «безусловным источником конституционного права» [8]. Г. А. Гаджиев считает «чрезвычайно важную роль, помимо позитивного закона, т. е. текста Конституции и других законов, играют конституционные принципы и сложившиеся концептуальные представления об их нормативном содержании и правоприменительной практике, особенно решения высших судов, раскрывающие смысл юридических символов – принципов. Именно поэтому так называемое толкование конституционных норм на самом деле таковым не является…» [8, с. 188]. Иными словами, в деятельности Конституционного Суда России можно усматривать «квази-правотворчество», функции «негативного законодателя» и отрицать факт того, что при рассмотрении определенных дел идет позитивное правообразование, невозможно. Таким образом, законодатель своими актами вносит в регулирование общественных отношений соответствующие новации, а Конституционному Суду Российской Федерации в рамках действующего законодательства и в определенной процедуре позволено вносить в них свои новые правоположения, что и позволяет говорить в этих случаях об инновациях в прямом смысле этого слова.

Если деятельность Конституционного Суда Российской Федерации выходит за рамки решения известного силлогизма, если это творческая работа (более того, правотворческая!), если идет речь о развитии конституционных норм, то в этих пределах она и научная. «Решения Конституционного Суда воплощают в себе единство нормативных и доктринальных начал. Это акты, обладающие нормативно-доктринальной природой» [9, с. 167].

Бесспорно, что достижения юридической науки, обладающие свойством фундаментальности, в полной мере ложатся в основу тех научно-практических позиций, которые вырабатываются в Конституционном

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Суде Российской Федерации. Без этого невозможно выполнить те задачи, которые ставятся перед этим органом: оценить буквальный смысл рассматриваемого акта; выявить смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием; исследовать, какой смысл придает акту сложившаяся правоприменительная практика; определить содержание норм, исходя из места данного акта в правовой системе.

Основной закон государства – постоянный объект научного и практического осмысления в суде. При этом он рассматривается в качестве живого документа. Практика шла по такому пути, что закрепленные в Конституции России принципы наполнялись более богатым конкретным социальным содержанием, соответствующим каждому новому историческому этапу развития общества и государства. Результаты судебной интерпретации, обеспечивающей одновременно стабильность и динамизм общества, в итоге закреплялись в ходе конституционного судопроизводства. Считалось, что при таком развитии правовой системы отсутствует необходимость менять текст Конституции России. Однако по инициативе Президента Российской Федерации осуществлена правовая реформа, в ходе которой произошли текстуальные изменения, в том числе и тех норм, которые могут затрагивать инновационный аспект судебной деятельности.

Закон Российской Федерации «О поправке к Конституции Российской Федерации» от 14.03.2020 № 1-ФКЗ заложил основу для кардинального изменения Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Разумеется, не все принятые изменения равнозначны, не все аргументированы с достаточной убедительностью и некоторые из них потребуют еще конкретизации и авторитетного толкования тем же Конституционным Судом России, но здесь важно подчеркнуть одно: политический аспект вводится в правовые рамки, а рамки эти достаточно широки, чтобы Конституционный Суд России творчески выполнял свою высокую миссию.

Расширилась компетенция Конституционного Суда России: по запросу Президента России он может проверить конституционность законопроектов (проектов законов РФ о поправке к Конституции, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов – до их принятия Государственной Думой в третьем чтении). Кроме того, по запросу главы государства Конституционный Суд России может проверить конституционность законов регионов. Если Конституционный суд России не подтвердит конституционность законопроекта, то документ не подлежит дальнейшему рассмотрению, принятию, подписанию и обнародованию, до устранения нарушений.

Признание проекта конституционным не препятствует впоследствии проверке принятого закона в Конституционном Суде России после вступления его в силу и формирования судебной практики. Это важно отметить, поскольку были сомнения, не возникнут ли сложности у самого суда, коль скоро он уже давал заключение по проекту, не будет ли он ограничен.

Решение принимается Конституционным Судом России на предмет соответствия «основам конституционного строя», а не «публичного правопорядка», как указано в ст. 125 новой редакции Конституции России. Надо полагать, что в перспективе мы получим инновационные решения, в которых «основы конституционного строя», «публичный правопорядок» и «публичный порядок» получат свои определения и соотносимость друг с другом.

Особого осмысления требуют нормы, развивающие конституционные положения о приоритете норм национальной конституции в интерпретации Конституционного Суда России, а не в интерпретации какого-либо международного органа. Попросить Конституционный Суд России проверить решение международного органа на соответствие Конституции России смогут Президент, Правительство, Верховный Суд и Министерство юстиции. Конституционному Суду России в этом случае не обойтись без инновационной аргументации.

В качестве новеллы устанавливается проверка вопроса, выносимого на референдум. Она будет проводиться по запросу Президента или Верховного Суда. В поправках в Конституцию России о таком полномочии не говорилось. Проблема может оказаться актуальной в связи с возможностью допущения смертной казни. Решение о назначении дела к слушанию Конституционный Суд России будет принимать «с учетом общественной значимости» и очередности поступления запроса (ст. 47). Сейчас критерий значимости отсутствует. Очевидно, науке и самому суду придется конкретизировать данное понятие.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

В средствах массовой информации не без основания прозвучала критика той новеллы, согласно которой судьи не смогут обнародовать особое мнение. Есть свои за и против такого запрета. Тайны имеют свойство раскрываться, а преследование мнений изначально сомнительно. Поэтому не исключена конкретизация конституционных положений. Тем более что норма регулирует соответствующие отношения шире: закон запрещает судьям Конституционного Суда России критиковать в СМИ и Интернете решения Конституционного Суда России, а также высказывать свою позицию по вопросу, который может стать предметом его рассмотрения. Судьи и другие лица, присутствовавшие на закрытом совещании, будут не вправе разглашать содержание дискуссии и результаты голосования, в том числе обнародовать свое несогласие с принятым решением, в какой бы то ни было форме. В этой связи нельзя не отметить относительную свободу научной общественности в трактовке принимаемых Конституционным Судом Российской Федерации решений. Новации, закрепленные судебными решениями, будучи непререкаемыми для практики, могут быть не принятыми юридической наукой.

Последствия принятия решения Конституционного Суда России расширяются дополнительными обязанностями для Верховного Суда России. Последний не позднее двух месяцев после принятия Конституционным Судом постановления должен издать на его основании разъяснение практики «в целях обеспечения единообразного применения законодательства» (ст. 80). Тем самым смыкается деятельность того и другого высших судебных органов. Не исключено и обострение возможных противоречий в позициях. Толкование решений Конституционного Суда России может давать только он сам. Не исключен творческий характер такого толкования.

Можно было бы обратить внимание и на другие конституционные новеллы. Но подчеркнем одно важное обстоятельство общего характера: на наш взгляд, изменения в Конституции России не ставят под запрет творческую деятельность судов и Конституционный Суд, как и ранее, будет выполнять все свои функции, включая «квази-правотворческую». Конституционализация правовой действительности объединяет различные явления и процессы в различных сферах: социальной, экономической, политической, культурной. Конституционализм как комплексная философско-правовая категория «включает в себя конституционализм доктринальный, нормативно-правовой, онтологический, мировоззренческий, конституционно-политический» [8]. В связи с этим правовая реальность и реальность права, даже если считать их «самостоятельными категориями онтологии права» [11], нераздельны в судопроизводстве. Кроме того, необходимо учитывать и виртуальную реальность.

Все те, кто не вникает в глубины правовой материи, ждут от конституционных судов толкования (интерпретации) конституционных норм. При этом упускается из виду, что любой случай толкования права, кем бы оно ни осуществлялось, по сути своей содержательно ничего нового в толкуемые нормы не привносит. Это азы теории права. С точки зрения беспристрастной теории законность грубо нарушается, если под видом толкования создаются новые нормы. Законодатель скрытно подменяется другим органом. Такого рода «новации» следует решительно пресекать. Однако новизна (новация) может быть в средствах аргументации, в развитии и дополнении обоснования, имевшего место ранее.

Толкование суд осуществляет всякий раз, применяя закон. Но законодатель в ряде случаев заранее знает, что толкование норм не исчерпает государственную волю и предоставляет правоприменителю право проявить свое усмотрение. Например, употребляя общие понятия, законодатель рассчитывает на то, что они будут конкретизированы судом и тем самым произойдет обогащение проявленной в законе воли.

Усмотрение суда и судебное правотворчество отражают судебный активизм. 21 ноября 2019 г. в Москве состоялся I Московский правоприменительный форум «Судейское усмотрение в практике судов города Москвы». Участники форума пришли к выводу, что судейское усмотрение – неотъемлемая часть профессии судьи, что это важное и необходимое полномочие судей.

Сегодня, в свете новых цифровых технологий, более других на принятие к действию претендует классическая парадигма с подведением одной посылки под другую. Она в большой степени прагматична – экономит время и средства (сокращает издержки судопроизводства). Но она не реалистична. Суд во все времена так или иначе, в той или другой степени вносил свою лепту в рассмотрение дела не

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

только в процессуальном плане, что так же существенно и ценностно, но и в материально-правовом отношении, обогащая ту самую внешнюю волю, выраженную в законе материально в полноценном гуманитарном значении. Деятельность суда всегда заключала в себе элемент творчества, ограниченный рядом пределов. Интеллектуальная, по-своему объективная основа для вынесения решения отыскивается в законах разума, в ходе соотнесения их с естественными реалиями жизни людей, в ходе ограничения произвола частных стремлений. Принципы практической разумности усмотрения суда требуют учета не только прав и свобод гражданина, но и в той же степени его обязанностей.

Пространство инноваций более отчетливо открывается в случае ошибки законодателя и в случае пробела в законодательстве.

Виды ошибок и пробелов разные, и каждая разновидность требует своих подходов в решении. Однако, не вдаваясь в детали, можно попытаться установить и некоторые общие положения.

Ошибка законодателя (ошибка в праве) по первому впечатлению должна исключать какую-либо деятельность суда. Законодатель ошибся – он и должен исправлять свою ошибку. В том числе и решение Конституционного Суда России не будет инновационным, если он ограничится признанием данных норм неконституционными, если он не предложит законодателю (в соответствующей форме) альтернативное решение, отличное от противостоящих. При этом не следует забывать по меньшей мере о трех принципиальных вещах: 1) Конституционный Суд России не стремится подменить законодателя; 2) законодатель в рамках действия общих конституционных принципов имеет возможность выбирать между альтернативами; 3) отношения в политической и даже в экономической сфере столь подвижны, что то, что было ошибочно в одних условиях, становится приемлемым в других.

Из тех пробелов, которые по природе своей вообще и по причинам своего появления требуют инновационных решений, следует указать на пробелы законодательства, которые обусловлены развитием общественной жизни, появлением новых общественных отношений или такой степенью развития существующих, что отсутствие норм, учитывающих новизну ситуации, становится недопустимым. В большинстве случаев это касается установления или изменения мер ответственности. Но именно в этой части Конституционный Суд России более всего ограничен в своих инновациях. Уголовная или административная ответственность устанавливается только соответствующими кодексами. Возможность инновационных решений сохраняется, если решаются общие вопросы установления ответственности. Так, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2003 г. № 9-П, недопустимо установление ответственности за такие действия, которые хотя и имеют своим следствием формальный состав правонарушения, но заключаются в использовании предоставленных прав или связаны с выбором наиболее выгодных форм предпринимательской деятельности. Инновация, как представляется, бесспорная.

В сфере гражданско-правовых отношений, где решения по преодолению пробелов (аналогия закона и аналогия права) допускаются более широко, возможности инновационных решений суда также расширяются. С теоретической точки зрения эти возможности распространяются (при соответствующих оговорках) и на случаи ошибок законодателя. Статья 31 Жилищного кодекса РФ содержит следующее положение: «…Право пользования жилым помещением бывшего члена семьи собственника прекращается одновременно с прекращением права собственности на данное жилое помещение этого собственника…» В печати описывался случай, когда отец продал квартиру вместе с прописанным там сыном и новый собственник выселяет его (газета «Московский комсомолец» от 13 марта 2006 г. № 2077). Ставился вопрос о неконституционности нормы. Конституционный Суд России выразил свою позицию по конкретным запросам, связанным с реализацией данной нормы. Он указал, например, что «Положения части 4 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации, согласно которой в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи, направлены на усиление гарантий прав собственника жилого помещения и сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие конституционные

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

права заявителя, указанные в жалобе» (Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 471-О-О). Но применительно к нашему случаю ребенок не является бывшим членом семьи, если он проживал вместе с отцом. Можно прийти к выводу, что законодатель гарантии прав любого собственника (как бывшего, так и нового) ставит выше любых других прав. Это его осознанный выбор. Но тогда не встает вопрос о пробеле в законодательстве. Может стоять вопрос только об ошибке законодателя. Если допустить, что Конституционный Суд мог признать норму не соответствующей Конституции России в части лишения несовершеннолетнего ребенка права пользователя, это было бы известной новацией, заставляющей законодателя обратиться к всестороннему анализу жизненной ситуации.

Новизной отличаются содержащиеся в решениях Конституционного Суда России правоположения процессуального характера, особенно связанные с реализацией вынесенных решений, в частности таких решений, которые открывают пробелы в законодательстве. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П указано: «…Правоприменительные решения, основанные на акте, который хотя и признан в результате разрешения дела в конституционном судопроизводстве соответствующим Конституции Российской Федерации, но которому в ходе применения по конкретному делу суд общей юрисдикции или арбитражный суд придал истолкование, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, также подлежат пересмотру в порядке, установленном законом». Таким образом, нормы закона обязательны не сами по себе, а непременно в том истолковании, какое придал им Конституционный Суд, в том понимании, какое закреплено в Постановлении Конституционного Суда. Обязательность правовой позиции Конституционного Суда России закреплена здесь специально. Она распространена на вынесенное уже решение. Можно рассматривать данное положение как определенную инновацию, поскольку оно регулирует процессуальный аспект. И было бы это положение еще большей инновацией, если бы, как этого требует логика, связывало пересмотр состоявшихся решений на основе оспоренной нормы не только для данного, но и для всех ранее состоявшихся решений, в случае если идет речь об улучшении положения граждан. В отношении юридических лиц и их правовых отношений сложнее: рушить сложившиеся на основе состоявшихся решений связи всегда чревато. Поэтому, видимо, вступит в силу принцип добросовестных приобретателей прав.

Выводы

Нет ничего в понимании инновационной деятельности в разных социальных сферах, что не могло бы быть воспринято при рассмотрении деятельности разных судебных инстанций в той части, в какой они привносят новизну в регулирование общественных отношений, в какой они обогащают ценности определенности и справедливости, способствуя упрочению правового порядка.

Инновации в решениях суда допустимы, если они соответствуют общим требованиям конституционализма, произведены в рамках материального закона и не выходят за рамки полномочий соответствующего органа.

Разные судебные решения в разной степени инновационны, но они не теряют иных своих позитивных качеств, если инновационность просматривается лишь в субъективном свете применительно к данным обстоятельствам и данным участникам общественных отношений.

Значительной может оказаться инновационность решений Конституционного Суда России, поскольку ему в отличие от других судебных органов официально предоставлена возможность лишить закон юридической силы и предложить законодателю новые решения вопросов. Поэтому инновационный потенциал такого органа, как Конституционный Суд Российской Федерации, очень высокий в силу его состава и богатой практики.

Признание инновационного характера судебной деятельности на теоретическом уровне требует полнокровного юридического признания судебного прецедента в качестве источника российского права. А все сказанное о творческой стороне судебных решений позволяет говорить о судейском праве, которое «проявляется не иначе как система общеобязательных принципов и норм, содержащихся в судебных решениях» [11, с. 5].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Список литературы

1. Лазарев В. В. Инновационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как разновидность практики конституционализма // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.). М.: Норма, 2014. С. 203–214.

2. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

3. Лазарев В. В. О судебном суверенитете национальных и межгосударственных органов правосудия // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепция, правовые подходы и практика обеспечения. М.: ИЗиСП, Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 71–88.

4. Инновации в малом бизнесе. URL: https://malbusiness.com/innovatsii-v-malom-biznese-innovatsionnaya-deyatelnost-v-malom-biznese/ (дата обращения: 12.12.2020).

5. Что такое инновации? URL: https://hapers.ru/chto-takoe-innovacii/ (дата обращения: 12.12.2020).

6. Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. М.: Формула права, 2012. 106 с.

7. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Формула права, 2006.

8. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.

9. Бондарь Н. С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше чем суд // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам «Журнала конституционного правосудия»). М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 155–169.

10. Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. М.: Формула права, 2012. 106 с.

11. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2009. 510 с.

References

1. Lazarev V. V. Innovative activity of the Constitutional Court of the Russian Federation as a kind of constitutionalism practice, *Modern constitutionalism: challenges and prospects,* works of International scientific-practical conference devoted to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (Saint Petersburg, November 14-15, 2013), Moscow, Norma, 2014, pp. 203–214 (in Russ.).

2. *Dictionary of foreign words of the modern Russian language*, Moscow, Adelant, 2014, 800 p. (in Russ.).

3. Lazarev V. V. On judicial sovereignty of national and inter-governmental judicial bodies, *Implementation of the decisions of the European Court of Human Rights in the Russian legal system: concept, legal approaches and practice of provision*, Moscow, IZiSP, Norma: INFRA-M, 2019, pp. 71–88 (in Russ.).

4. *Innovations in small business*, available at: https://malbusiness.com/innovatsii-v-malom-biznese-innovatsionnaya-deyatelnost-v-malom-biznese/ (access date: 12.12.2020) (in Russ.).

5. *What are innovations?*, available at: https://hapers.ru/chto-takoe-innovacii/ (access date: 12.12.2020) (in Russ.).

6. Bondar' N. S. *Russian judicial constitutionalism: introduction to the research methodology*, Moscow, Formula prava, 2012, 106 p. (in Russ.).

7. Lazarev L. V. *Legal positions of the Constitutional Court of Russia*, Moscow, Formula prava, 2006 (in Russ.).

8. Gadzhiev G. A. *Ontology of law: critical research of the juridical concept of the reality*, Moscow, Norma, 2013, 320 p. (in Russ.).

9. Bondar' N. S. The Constitutional Court of Russia: not a quasi-court, but more than a court, *Topical issues of constitutional justice (by the materials of the "Journal of constitutional justice")*, Moscow, Volters Kluver, 2011, pp. 155–169 (in Russ.).

10. Bondar' N. S. *Russian judicial constitutionalism: introduction to the research methodology*, Moscow, Formula prava, 2012, 106 p. (in Russ.).

11. Marchenko M. N. *Judicial law-making and judicial law*, Moscow, Prospekt, 2009, 510 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 14.01.2021
Дата принятия в печать / Accepted 15.02.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Лазарев В. В., 2021
© Lazarev V. V., 2021

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

УДК 341:327:343.9:328.185 **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.94-105**

Научная статья

П. Н. КОБЕЦ[1]

[1] *Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Россия*

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО «ГРУППЫ ДВАДЦАТИ» ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОРРУПЦИИ: ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (ФГКУ «ВНИИ МВД России»)
Адрес: 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1, тел.: +7 (495) 214-23-75
E-mail: pkobets37@rambler.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6527-3788
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/0-4240-2017
Scopus ID: 57208777690
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3224-3836, AuthorID: 344822

Цель: изучение вопросов международного сотрудничества «Группы двадцати» по предупреждению коррупции в условиях мирового финансового кризиса, усугубляемого пандемией COVID-19.
Методы: в процессе исследования автор использовал общенаучные приемы и способы познания, основанные на сборе и обработке эмпирических данных. Методологической базой исследования стали методы анализа, синтеза, сравнения. Кроме того, ряд англоязычных и отечественных источников были обработаны методом контент-анализа.
Результаты: в данной работе показаны эволюция, взаимосвязи, справочная информация и обзор прошлого и настоящего «Группы двадцати», а также ее отношений с международными организациями и другими государственными и негосударственными субъектами. В процессе проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что сегодня в целях эффективного противодействия коррупционным проявлениям все чаще включают свои рычаги и механизмы многочисленные международные организации. Особая роль по активизации многих экономических процессов, а соответственно, и противодействию коррупции в сфере экономики на глобальном уровне отводится «Группе двадцати» – *G20*. Автором также убедительно доказано, что в настоящее время крайне важно разумное и прозрачное использование превентивных ресурсов на глобальном уровне. Внедрение самых высоких стандартов честности и неподкупности в рамках деятельности *G20* позволит снизить уровень коррупции.
Научная новизна: выражается в современном анализе роли «Группы двадцати» в борьбе с коррупцией на глобальном уровне. Она также имеет методологическое значение для исследования роли международных процедур, необходимых для оценки эффективности принимаемых мер и совместимых усилий по борьбе с коррупцией.
Практическая значимость: может выражаться в возможности использования результатов исследования в работе по противодействию коррупционным проявлениям. По большей части они могут применяться при подготовке различных управленческих решений и программных документов, направленных на противодействие коррупции в Российской Федерации и мире.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Ключевые слова: уголовное право и криминология; глобальная экономика; «Группа двадцати»; механизм глобального управления; борьба с коррупцией; международное сотрудничество; предупреждение преступности

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кобец П. Н. Международное сотрудничество «Группы двадцати» по предупреждению коррупции: диалектика развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 94–105. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.94-105

The scientific article

P. N. KOBETS[1]

[1] *All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia*

INTERNATIONAL COOPERATION OF G20 IN PREVENTING CORRUPTION: DIALECTICS OF DEVELOPMENT

Peter N. Kobets, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Address: 25 Povarskaya Str., building 1, 121069 Moscow, tel.: +7 (495) 214-23-75
E-mail: pkobets37@rambler.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6527-3788
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/0-4240-2017
Scopus ID: 57208777690
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3224-3836, AuthorID: 344822

Objective: to study the issues of international cooperation of the Group of Twenty aimed at prevention of corruption under the global financial crisis, aggravated by the COVID-19 pandemic.
Methods: in the course of the research, the author used general scientific techniques and methods of cognition based on the collection and processing of empirical data. The methodological basis of the study was the methods of analysis, synthesis, and comparison. In addition, a number of English-language and Russian sources were processed with the content analysis method.
Results: this paper shows the evolution, interrelationships, reference information, and overview of the past and present of the G20, as well as its relations with international organizations and other state and non-state actors. In the course of the conducted research, the author came to the conclusion that today, in order to effectively counteract corruption manifestations, numerous international organizations are increasingly using their levers and mechanisms. A special role in activating many economic processes, and, accordingly, in combating corruption in the global economy, is assigned to the Group of Twenty – the G20. The author also convincingly proves that the reasonable and transparent use of preventive resources at the global level is extremely important at present. The implementation of the highest standards of integrity within the framework of the G20 activities will reduce the level of corruption.
Scientific novelty: it is expressed in the modern analysis of the Group of Twenty role in counteracting corruption at the global level. It is also of methodological importance for the study of the role of international procedures necessary to assess the effectiveness of measures and compatible efforts to combat corruption.
Practical significance: the possibility to use the study results in combating corruption. For the most part, they can be used in the preparation of various management decisions and policy documents aimed at combating corruption in the Russian Federation and the world.

Keywords: Criminal law and criminology; Global economy; Group of Twenty; Global governance mechanism; Fight against corruption; International cooperation; Crime prevention

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kobets P. N. International cooperation of G20 in preventing corruption: dialectics of development, *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 94–105 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.94-105

Введение

Пандемия *COVID*-19 привела к крупномасштабным чрезвычайным расходам всех государств в мире, иногда без соблюдения регулярных сдержек и противовесов. Хотя такая скорость вполне объяснима, и без надлежащего контроля она подвергает правительства различным коррупционным рискам, которые могут подорвать эффективность их ответных мер. Напряженность, с которой государственный сектор реагирует на нынешнюю ситуацию, создает огромные возможности для процветания коррупции. Коррупция может привести к воровству, растрате и нецелевому использованию ограниченных ресурсов. Она также может закрепить привилегии и неравенство элит, подрывая институты подотчетности с дальнейшими негативными долгосрочными последствиями. Чтобы в дальнейшем минимизировать развитие глобальных коррупционных рисков, необходимо предпринять на международном уровне все необходимые меры, в том числе и использовать возможности важнейшего формата международного сотрудничества в сфере актуальных глобальных проблем – «Группы двадцати».

Постановка проблемы

Следствием роста процесса глобализации в том числе является и то, что коррупционные проявления все больше начинают приобретать не только национальные, но и международные масштабы. С каждым годом они все чаще становятся проблемой не каких-то отдельных государств, а всего мирового сообщества. И поэтому в настоящее время коррупция является серьезной проблемой как для развитых, так и для развивающихся стран [1, с. 45]. Мировой многолетний опыт борьбы с преступностью свидетельствует о том, что государства не могут противостоять коррупции поодиночке [2, с. 25]. В то же время страновой политический и социальный контекст влияет как на уровень коррупции, так и на подходы к реформам, которые могут увенчаться успехом или провалом. Чтобы эффективно противодействовать коррупционным проявлениям, частный и государственный секторы различных государств должны работать в данном направлении сообща. В этой связи в условиях начала нового тысячелетия мировое сообщество применяет для борьбы с коррупцией инструменты, которые носят не страновой, а региональный и международный характер. С каждым годом становится все очевиднее, что, подходя к противодействию коррупционным проявлениям на глобальном уровне, необходимо создать предпосылки для возникновения институциональных систем и стимулов по ее предотвращению.

Необходимость проведения исследования

Для эффективного противодействия коррупционным проявлениям все чаще в условиях третьего тысячелетия включают свои рычаги и механизмы различные международные межправительственные организации [3, с. 55], не остается в стороне и группа «Большой двадцатки». В настоящее время саммиты «Группы двадцати» превращаются в новый институт по формированию и корректировке мировых экономических процессов. Во многом такое положение дел является свидетельством усиления воздействия *G*20 на различные международные процессы. Кроме того, уже более десяти лет происходит объединение лидеров как высокоразвитых, так и продолжающих свое развитие государств – членов «Группы двадцати» в целях решения актуальных проблем, вызванных рядом общих вызовов, в том числе и противодействия коррупции. В этой связи группа «Большой двадцатки», или, как ее еще называют в различных научных работах, *G*20, «двадцатка», обязалась поддерживать общий подход к эффективному глобальному антикоррупционному режиму. *G*20 – это международный форум представителей правительств и управляющих центральными банками разных стран и Европейского союза.

В настоящее время деятельность *G*20 успешна, группа участвует в наиважнейших дискуссиях и при этом всегда добивается определенного консенсуса.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Изначально может показаться, что деятельность «Группы двадцати» не может представлять повышенный интерес для исследования противодействия коррупции на глобальном уровне. Однако более детальный подход к рассмотрению ее работы свидетельствует о том, что она имеет сложную сетевую природу, включающую в свою орбиту большинство субъектов глобальных экономических процессов. Поэтому для исследования деятельности «Группы двадцати» в сфере борьбы с коррупцией важно понимать, каким образом удается ей связать всех глобальных субъектов борьбы с коррупцией, прежде всего в лице стран и системно значимых международных организаций.

Обзор литературных источников по исследуемой проблеме

Данная научная работа подготовлена с использованием документальных источников, в том числе представленных в свободном доступе интернет-ресурсов. При этом особое внимание автором уделялось изучению эволюции повестки дня, взаимоотношениям с правительственными организациями, деловым сектором, гражданским обществом и документов саммитов «Группы двадцати». В отечественной и зарубежной литературе довольно сложно найти глубокие и детальные оценки деятельности *G*20 по решению проблемных вопросов, поскольку данный форум функционирует не столь давно. Но все же из имеющихся опубликованных работ, связанных с деятельностью «Группы двадцати» и противодействием коррупции, можно сделать вывод о том, что большинство отечественных и зарубежных экспертов, в числе которых А. С. Вансович [4], А. Дедов [5], Е. А. Зотова [6], И. И. Котляров [7], П. Н. Кобец [8], М.В. Ларионова [9], А. А. Прохорова [10], М. Р. Рахмангулов [11], М. Ревизорский [12], А. Г. Сахаров [13], В. В. Сидоренков [14], В. А. Суханов [15], С. Хилбрих [16], Р. С. Чуков [17], А. Н. Шохин [18], J. Kirton [19] и другие ученые, признают деятельность *G*20 в виде ядра системы сетевого взаимного сотрудничества различных институтов. Практически все специалисты сходятся во мнении, что при условии, когда изменяется расклад сил в мире, значительно увеличивается уровень враждебности к глобализационным процессам, *G*20 продолжает выступать в роли ключевого форума по экономическому сотрудничеству.

Результаты исследования

Создать «Группу двадцати» с целью замены *G*33 («Группа тридцати трех» представляла из себя международную группу, существовавшую недолго и включавшую тридцать три ведущие национальные экономики мира) было решено в июне 1999 г. в Кельне, поэтому в сентябре 1999 г. заседание министров финансов «Большой семерки» после проведения ряда совещаний по вопросам развития международной финансовой системы официально учредило *G*20, а в декабре 1999 г. в Берлине прошло ее первое заседание [20, с. 10]. Заседание первого саммита *G*20 состоялось 15 ноября 2008 г. в Вашингтоне (США). Саммиты глав государств стали проводиться на регулярной основе с 2008 г., по инициативе президента Великобритании и Франции. До этого «Группой двадцати» проводились только встречи руководителей минфина и глав центробанков.

Являясь ведущим форумом по международному глобальному сотрудничеству, «Группа двадцати» свои основные повестки саммитов старается посвящать важнейшим проблемам мировой экономики. Совокупность экономической мощи входящих в «Группу двадцати» государств-участников составляет около 90 % мирового ВВП и примерно 80 % всемирной торговли и социально-политического потенциала активности двух третей населения планеты [21, с. 45].

Страной – участницей *G*20 в течение одного года занимается пост председателя рассматриваемого международного объединения. Каждой страной – председателем *G*20 организуется процесс подготовки ежегодной встречи лидеров государств «Группы двадцати» и определяются наиболее важные из актуальных тем для проведения их глобального обсуждения. «Группа двадцати» не располагает постоянным секретариатом, хотя ее деятельность и имеет неформальный характер. Ее президиумом готовится повестка дня, разрабатываемая на основе консультативных процедур с гражданским обществом исходя из актуальных современных событий в сфере мировой экономики. Обеспечением преемственности и последовательности деятельности «Группы двадцати» занимается «управляющая тройка», в состав которой входит прошлый, текущий и будущий председатель *G*20 [10, с. 55].

После саммитов *G*20 принимаются декларации – коммюнике. По итогам ежегодных встреч готовится не

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

менее нескольких десятков документов. В частности, в рамках председательства Российской Федерации в 2013 г. было подготовлено около восьмидесяти документов. Документация *G*20 может являться основой по нормотворческой деятельности, осуществляемой как международными межправительственными организациями, так и неправительственными [22, с. 50]. Изначально саммиты *G*20 проходили два раза в год, затем стали проходить ежегодно. Постепенно встречи руководителей минфинов и управляющих центробанков государств – участников *G*20 стали проходить под эгидой саммита глав государств – участников рассматриваемой организации [23, с. 31].

Пожалуй, наиважнейшим принципом функционирования «Группы двадцати» является равноправие всех государств – участников *G*20 в деятельности анализируемой организации. Суть принципа равноправия состоит в том, что, формируя свои решения, «Группа двадцати» каждому государству-участнику предоставляет равные права и решение каждого государства обладает равным значением. При этом соглашения, которые входят в итоговое коммюнике, консенсусные. Указанный принцип деятельности *G*20 во многом способствует укреплению сложной организационно-сетевой организации и, по сути дела, присущий только «Группе двадцати». В качестве его основных составных элементов выступают ряд наиболее значимых международных организаций, структура *G*20 и, конечно же, саммит лидеров глав государств-участников. В рассматриваемом контексте нельзя не сказать и о принципе доверия, которого так не хватает в последнее время. И в этой связи деятельность «Группы двадцати» может рассматриваться как коллективная ответственность, что во многом повышает ее шанс и дальше продолжать свою работу в качестве не имеющего конкуренции политического лидера.

Большинство людей, недостаточно сведущих в работе «Группы двадцати», подразумевают под деятельностью *G*20 только проведение ежегодных саммитов глав государств – участников рассматриваемой организации. Несомненно, указанный форум – ежегодный саммит лидеров – представляет из себя ключевое событие, тем не менее он только подводит результаты работы всех органов и структур *G*20.

«Большая двадцатка» не имеет постоянного секретариата и высшего руководства. В силу данных обстоятельств *G*20 может представлять некую сеть, международное лидерство в которой распределяется между всеми членами рассматриваемого формата. Немаловажно, что распределение управленческих функций между государствами – участниками «Большой двадцатки» позволяет не только повышать привлекательность рассматриваемого форума, но и выводит содружество из возможной конкурентной борьбы по эффективности деятельности со всеми международными организациями. Ведь, по мнению многих специалистов, большинство международных организаций живет своей собственной жизнью, да еще и конкурирует с другими подобными организациями в целях получения дозволительного влияния и ресурсов [24, с. 111]. В результате страдает деятельность, связанная с координацией, чаще всего действия таких организаций не согласованы и противоречат друг другу. Их руководящие структуры расширяют свои полномочия, тем самым нанося вред для международной системы и ее членов. Поэтому сетевая структура «Большой двадцатки» возникла в связи с нехваткой необходимого влияния международных организаций.

Важно отметить, что борьба с коррупцией является традиционной темой *G*20, поскольку без противодействия коррупционным проявлениям невозможно добиться устойчивого экономического роста. На первом, Вашингтонском, саммите «Группы двадцати» в 2008 г. вопросы борьбы с коррупцией не рассматривались. Но уже на втором саммите «Группы двадцати», который состоялся в Лондоне в апреле 2009 г., его участниками были наглядно продемонстрированы желания и возможности по эффективному согласованию мер, направленных на преодоление возможных потенциальных угроз. Рабочая группа *G*20 по борьбе с коррупцией наступает по всем фронтам и старается придерживаться непримиримой позиции относительно коррупционной преступности, в частности при обсуждении Плана действий «Группы двадцати» по борьбе с коррупцией [14, с. 112].

Во время встречи глав государств – участников *G*20, проходившей в сентябре 2009 г. в Питтсбурге (США), активно обсуждались проблемы коррупции. В частности, страны подтвердили свои намерения сохранять достигнутые темпы по решению вопросов, связанных с налоговыми убежищами, финансированием терроризма, отмыванием денежных средств, коррупционных доходов. Лидеры «Группы двадцати»

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

призвали присоединиться все страны и обеспечить соблюдение законодательных актов в сфере борьбы по транснациональному подкупу, в частности Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом. Также была предложена ратификация Конвенции ООН против коррупции [25, с. 38].

На саммите *G*20, проходившем в июне 2010 г. в Торонто (Канада), среди вопросов повестки дня наиболее активно обсуждали проблемы противодействия коррупции и необходимость ратификации и полного осуществления Конвенции ООН против коррупции – *UNCAC* [26, с. 86].

На саммите «Группы двадцати» в ноябре 2010 г. в Сеуле (Южная Корея) лидеры стран *G*20 подтвердили приверженность прежней политике. На саммите *G*20, проходившем в ноябре 2011 г. во французском Канне, большое внимание было уделено в том числе и вопросам борьбы с коррупцией [27]. Мексиканский саммит *G*20 2012 г., проходивший в Лос-Кабосе, основное внимание уделил важности противодействия протекционизму.

В 2012 г. рабочая группа *G*20 по борьбе с коррупцией и ее «План действий по борьбе с коррупцией» призвали активизировать усилия по борьбе с иностранным взяточничеством и другим смежным вопросам – вымогательству взяток, международному сотрудничеству, защите информаторов и работе с частным сектором против коррупции [28].

В 2013 г. «Группа двадцати» отмечала пятилетний юбилей своей деятельности. В том году председательствовала в *G*20 Российская Федерация и приоритетом деятельности рассматриваемой организации стали поиски по обеспечению экономического роста и выходу из кризисного застоя. Восемью международными рабочими группами, которые объединили участников из всех государств – участников *G*20, разрабатывались материалы к встрече лидеров стран. На саммите, проходившем в сентябре 2013 г. в Санкт-Петербурге, задачи *G*20 уже рассматривались с позиции проблематики глобальной безопасности и в центре внимания находилось десять проблем, одной их которых была проблематика противодействия коррупции [29, с. 209].

Следующий саммит «Группы двадцати» прошел в Австралии, в Брисбене, в ноябре 2014 г. По его итогам одобрили «План действий по борьбе с коррупцией на 2015–2016 гг.». Турецкий саммит *G*20 проходил в Анталье в ноябре 2015 г. На повестке дня было два вопроса: первый посвящался обсуждению террористической атаки в Париже, а второй рассматривал Венское соглашение по разрешению кризиса в Сирии [30].

Проблемы противодействия коррупции также были на повестке дня «Группы двадцати» в ходе представительства Китайской Народной Республики в г. Ханчжоу в сентябре 2016 г. Учитывая необходимость активизации взаимного сотрудничества в сфере противодействия коррупции, государствами – участниками «Группы двадцати» был согласован Антикоррупционный план действий *G*20 на 2017–2018 гг., а также «Принципы высокого уровня» в сфере сотрудничества по разыскиваемым коррупционерам и возврату активов [31, с. 25].

Скоординированные во время рассматриваемого саммита планы действий направили для реализации документов ООН, среди которых Сендайская рамочная программа действий по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. [32].

По итогам саммита многими было отмечено, что Российская Федерация не перестает играть важнейшую роль в процессах, связанных с реализацией целей по устойчивому развитию в стране и мире. Наша страна с начала нового тысячелетия не перестает проводить колоссальную работу по снижению всевозможных рисков, при этом активно внедряя современные механизмы управления глобальными рисками.

Борьба с коррупционными проявлениями продолжала укрепляться во время председательства Федеративной Республики Германия в 2017 г. Стоить отметить, что в 2017 г., кроме традиционных для «Группы двадцати» вопросов противодействия коррупции, терроризму, председательством была поставлена еще одна важная задача – борьба с причинами нелегальной миграции [33, с. 810].

При наличии большого числа разнообразных проблемных вопросов, которые оказались в поле зрения саммита «Группы двадцати», который состоялся в Гамбурге в 2017 г., особо значимыми остались проблемы, связанные с глобальными вызовами, в том числе и коррупционными. Необходимо отметить, что второй раз в истории проведения заседаний «Группы двадцати» сделанное на Гамбургском саммите 2017 г. заявление относительно борьбы с терроризмом (первое принималось на турецком саммите в Анталье после терактов в Париже) стало подтверждением приверженности *G*20 расширять сотрудничество

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

в соответствии с Глобальной контртеррористической стратегией и резолюцией ООН [34].

В 2018 г. «Группа двадцати» отметила десятилетний срок своей деятельности на уровне лидеров государств. За рассматриваемый временной промежуток «Группе двадцати» удалось достигнуть значительных успехов по ключевым направлениям сотрудничества, важнейшими из которых стали противодействие размыванию налоговой базы и уклонению от налогов и обеспечение глобальной безопасности посредством борьбы с коррупцией.

На Аргентинском саммите 2018 г., проходившем в Буэнос-Айресе, помимо проблем борьбы с коррупцией, в повестке работы саммита активно обсуждались проблемы противодействия терроризму [35, с. 32]. Важно также подчеркнуть, что президенты Российской Федерации и Аргентинской Республики в ходе двухсторонней встречи в рамках официального визита Президента Аргентины 23 января 2018 г. в Москве обсуждали приоритеты председательства Аргентины в «Группе двадцати». Ими было принято Совместное заявление, заверяющее, что наши страны продолжат взаимодействовать в рамках *G*20 [36].

В 2019 г. в Японии, в Осаке, прошел очередной саммит «Группы двадцати». Японским представительством демонстрировался большой уровень национальных приоритетов, которые отражались в итоговых документах. Среди основных тем для обсуждения, кроме борьбы с коррупцией, лидерами «Группы двадцати» было согласовано совместное заявление по борьбе с использованием Интернета в целях экстремистской и террористической деятельности [37, с. 55].

Необходимо отметить, что с каждым годом повестка заседаний «Группы двадцати» расширяется и к началу третьего десятилетия XXI столетия начинает включать не только вопросы, связанные с финансовым регулированием, но и новые вызовы безопасности, имплементации Целей по устойчивому развитию ООН до 2030 г. и др. В 2020 г. Саудовская Аравия впервые стала председательствовать на саммите «Группы двадцати», переняв эстафету у Японии [38, с. 655].

Повестка дня саммита «Группы двадцати», который прошел 21–22 ноября 2020 г. в Саудовской Аравии в режиме видеоконференции, как всегда, была актуальна и обширна. В том числе она включала вопросы по борьбе с коррупцией и трансграничной преступностью.

В саммите принял участие и президент нашей страны В. В. Путин. Вместе с другими лидерами им были обсуждены ряд проблем, в первую очередь преодоления последствий пандемии коронавируса, обеспечения всеобщего доступа к вакцинам, укрепления систем здравоохранения, восстановления мировой экономики, занятости и международной торговли. В том числе были затронуты проблемы сотрудничества в сфере противодействия коррупции [39].

Важно подчеркнуть, что на всех проведенных «Группой двадцати» саммитах наравне с развитием новых направлений также были рассмотрены результаты выполнения рекомендаций, принятых предыдущими саммитами. А в повестку дня добавлялись вопросы, связанные с противодействием коррупции.

Неплохую оценку результативности деятельности «Группы двадцати» в сфере противодействия коррупции дала «Международная торговая палата» – *International Chamber of Commerce* (далее – *ICC*), которая является крупнейшей, наиболее представительной организацией бизнеса в мире с более чем 45 млн участников и охватывающая большинство из секторов частного предпринимательства.

ICC – одна из самых влиятельных некоммерческих международных организаций, созданная в 1919 г. в целях решения важнейших проблем в бизнесе. *ICC* – это также официальный консультативный орган ООН и ряда крупнейших международных организаций: ВТО, Всемирного банка и др. [40, с. 341].

ICC оценила работу *G*20 по борьбе с коррупцией в сфере бизнеса как «хорошую» по шкале своих оценок и выставила 2,3 балла «Группе двадцати» из 3,0 возможных. Особенно *ICC* были отмечены такие инициативы «Группы двадцати», как разработанные и реализованные ею «Принципы высокого уровня по обеспечению прозрачности и честности в частном секторе». Также не остался незамеченным и был положительно отмечен *ICC* разработанный «двадцаткой» «Инструментарий по борьбе с коррупцией в сфере малого и среднего бизнеса». Как особо значимые из начинаний в сфере борьбы с коррупцией, предпринятых «двадцаткой», *ICC* были указаны инициативы в сфере обеспечения еще большей прозрачности относительно бенефициарных собственников компаний и групп [41, с. 90].

ICC имеет долгую историю предоставления бизнес-взглядов на такие форумы, как *G*20. В преддверии

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

лондонского саммита *G*20 2009 г. тогдашний премьер-министр Гордон Браун пригласил *ICC* взять на себя ведущую роль, представляя глобальный бизнес в *G*20, роль, которая расширилась на саммите *G*20 в Сеуле в 2010 г., когда *ICC* внесла политические рекомендации и возглавила рабочие сессии. Будучи всемирной деловой организацией, *ICC* имеет хорошие возможности для предоставления конкретной обратной связи правительствам, поощряя их принимать во внимание бизнес-цели, такие как содействие либерализации торговли и трансграничным инвестициям. Расширяющаяся политическая повестка дня *G*20 напрямую влияет на основные цели бизнеса в области торговли, экономического роста и создания рабочих мест. *G*20 устанавливает постоянное государственно-частное партнерство для обеспечения того, чтобы вклад и приоритеты компаний, движущих мировой экономикой, лучше отражались в правительственных резолюциях [42].

Важность реализации борьбы с коррупцией активно отмечается рабочей группой *G*20 по борьбе с коррупцией, которая контролирует реализацию плана действий *G*20 по борьбе с коррупцией. Ее члены также уверены в том, что борьба со взяточничеством является одним из самых высоких приоритетов деятельности *G*20. Весьма значима роль «Группы двадцати» и в области становления и дальнейшего совершенствования сферы международного правового регулирования обмена налоговой информацией, также способствующей противодействию коррупции в сфере предпринимательства [43, с. 123].

Выводы

Анализ документов деятельности *G*20 свидетельствует о том, что «Группой двадцати» активно рассматриваются проблемы безопасности, которые связаны с экономическими повестками и прежде всего вопросы борьбы с коррупцией. Также деятельность *G*20 направлена на решение проблем, которые входят в рамки сфер возможностей каких-либо отдельных организаций, в том числе вопросов, связанных с эффективным глобальным антикоррупционным режимом [44, с. 255].

«Группа двадцати» является сегодня одним из наиболее влиятельных субъектов глобального управления, ее охват постепенно расширился от первоначального сосредоточения внимания на экономических и финансовых вопросах до изменения климата, борьбы с коррупцией, терроризмом и других проблемных областей. В качестве подведения итогов по рассмотрению роли «Группы двадцати» по противодействию коррупции на глобальном уровне можно отметить, что анализ итоговых документов саммитов первоначально наводит на мысль о том, что по большому счету перечень проблемных вопросов, которые поднимают участники рассматриваемых форумов, довольно предсказуем, они практически регулярно воспроизводятся на каждом саммите. Но на самом деле это не так, глубокое и всестороннее изучение всех материалов, а не только итоговых документов свидетельствует о множестве различных особенностей при ежегодной постановке важнейших глобальных проблем. В частности, эти отличия наиболее отчетливо начинают прослеживаться при исследовании позиции страны, которая отвечает за проведение саммита.

Таким образом, коррупция является весомой преградой устойчивого и инклюзивного экономического роста и остается серьезной проблемой для развитых и развивающихся стран. Можно с уверенностью отметить, что с первых дней своей деятельности *G*20, проявляя активное внимание и постоянный интерес к финансовой безопасности и борьбе с коррупцией, заложили прочный фундамент успешного решения указанных задач в будущем. В дальнейшем для максимального влияния «Группы двадцати» на мировое сообщество необходимо продолжать совместные и скоординированные усилия с деловым сектором, а также с гражданским обществом, поскольку установление и поддержание успешных отношений с мировым сообществом повышают легитимность *G*20.

Список литературы

1. Кобец П. Н. О роли органов государственной власти и местного самоуправления государств Латинской Америки в противодействии коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 2. С. 43–47. DOI: https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-2-43-47

2. Кобец П. Н. Латиноамериканское гражданское общество – важнейший субъект противодействия коррупционной преступности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 24–27.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

3. Кобец П. Н., Бражников Д. А. Об опыте международных межправительственных организаций по борьбе с коррупцией // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 2 (28). С. 54–56.

4. Вансович А. С. Саммит «Большой двадцатки» – 2016: геополитические оценки // Грани. 2016. Т. 19, № 9 (137). С. 103–108.

5. Дедов А. Итоги G20: Россия диктует курс // Путевой навигатор. 2013. № 17 (43). С. 20–23.

6. Зотова Е. А. Вопросы труда и занятости в странах «Группы двадцати» // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2014. Т. 12. С. 326–352.

7. Котляров И. И., Григорович Ю. В. Актуальные тенденции миграционных процессов в рамках G-20 миграция и развитие: вклад G-20 в международные миграционные процессы // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 1. С. 59–61.

8. Кобец П. Н. Генезис законодательных основ противодействия взяточничеству в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 3. С. 533–544. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.533-544

9. Ларионова М. В. Россия в «Группе двадцати»: факторы успеха и задачи на будущее // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 349–371. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-349-371

10. Прохорова А. А. Роль бизнес-саммитов «Деловой двадцатки» во взаимодействии предпринимательского сообщества и власти на глобальном уровне // Власть. 2017, № 4. С. 50–57.

11. Рахмангулов М. Р. Обеспечение безопасности. Вклад «Группы восьми» и «Группы двадцати» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. Т. 6, № 1. С. 99–109.

12. Ревизорский М. «Группа двадцати» и развитие нового механизма глобального управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 3. С. 32–52. DOI: http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2017-03-32

13. Председательство Российской Федерации в «Группе двадцати»: в поисках баланса и путей обеспечения фискальной устойчивости и уверенного роста / М. В. Ларионова, М. Р. Рахмангулов, Е. А. Сафонкина и др. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. Т. 8, № 4. С. 122–179.

14. Сидоренков В. В. «Большая двадцатка» как механизм глобальной безопасности // Государственная служба. 2013. № 1 (81). С. 110–112.

15. Суханов В. А. 10 лет Конвенции ООН против коррупции: успехи и вызовы // Власть. 2013. № 10. С. 181–184.

16. Хилбрих С., Шваб Д. «Группа двадцати»: на пути к большей подотчетности? Механизмы подотчетности «Группы двадцати» и новые вызовы в контексте повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13, № 4. С. 7–38. DOI: https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-01

17. Чуков Р. С. Перспективы глобальной институционализации в мировой политике: пример G7 и G20 // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 5. С. 21–25.

18. Прохорова А.А., Шохин А. Н. Модели руководства «Деловой двадцатки»: возможности оптимизации // Сравнительная политика. 2017. № 8 (1). С. 104–122. DOI: https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-104-122

19. Kirton J. G20 Governance for a Globalized World. Farnham: Ashgate, 2013.

20. Турсунов Н. К., Орунова Д. Б. «Большая двадцатка» (G20) как новая платформа сотрудничества на мировой арене // Мир в эпоху модернизации и глобализации: правовые, политические, экономические и социокультурные аспекты: сборник статей III Международной научно-практической конференции / под ред. Л. С. Аникина, Л. В. Рожковой. 2016. С. 9–15.

21. Анализ экономической повестки дня группы G20 и текущее экономическое положение входящих в нее стран / И. К. Бакалова, С. М. Дробышевский, А. М. Киюцевская и др. М.: ИД «Дело», 2013. 136 с.

22. Лифшиц И. М. G20: спасение от кризиса или кризис легитимности? // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 12. С. 49–58.

23. Прексин О. М. На пути к Стрельне: финансовая повестка «Группы двадцати» // Вестник Финансового университета. 2013. № 3 (75). С. 28–40.

24. Жданов П. А. Сетевая структура большой двадцатки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12, № 2. С. 110–113.

25. Оценка исполнения обязательств, принятых на саммите «Группы двадцати» в г. Питтсбурге, США / Д. В. Кузьмин, В. В. Ященко, Д. А. Клур-Павлов // Государственный аудит. Право. Экономика. 2012. № 2. С. 36–46.

26. Панова В. В. «Группа восьми» и «Группа двадцати»: роль клубов в глобальном управлении // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. № 11 (250). С. 75–86.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

27. ТАСС: Биографии и справки. G20. Досье. UPL: http://tass.ru/info/1570221 (дата обращения: 19.12.2020).

28. OECD Working Group on Bribery. UPL: https://www.oecd.org/daf/anti-bribery/AntiBriberyAnnRep2012.pdf (дата обращения: 19.12.2020).

29. Кондрат Е. Н. Финансовая безопасность в документах G20 // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 200–210.

30. Венское коммюнике по урегулированию в Сирии с комментариями авторов. UPL: https://ria.ru/20151030/1310989425.html (дата обращения: 19.12.2020).

31. Анализ саммита «Большой двадцатки» в сентябре 2016 года в Ханчжоу в области устойчивого развития и их влияние на развитие РСЧС и МЧС России / М. И. Фалеев, С. Н. Грязнов, А. В. Дымков, А. С. Старостин // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2017. Т. 7, № 1 (12). С. 19–34.

32. Сендайская рамочная программа действий по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. UPL: https://www.unisdr.org/files/43291_russiansendaiframeworkfordisasterri.pdf (дата обращения: 19.12.2020).

33. Ларионова М. В. Немецкое председательство в «двадцатке». Испытание Трампом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 4. С. 807–823. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823

34. Preliminary G20 Summit Evaluation. G20 Germany – Hamburg Leaders' Declaration 'Shaping an Interconnected World'. UPL: https://www.b20germany.org/news/news/article/evaluation-of-the- g20-leaders-declaration/ (дата обращения: 19.12.2020).

35. Сафонкина Е. А. Председательство Аргентины в «Группе двадцати» в 2018 г. // Латинская Америка. 2018. № 3. С. 20–35.

36. Совместное заявление Российской Федерации и Аргентинской Республики о стратегическом внешнеполитическом диалоге. UPL: http://www.kremlin.ru/supplement/5275 (дата обращения: 19.12.2020).

37. Игнатов А. А. Председательство Японии в «Группе двадцати»: достижения и решения // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 50–64. DOI: https://doi.org/10.24411/2686-7702-2019-10011

38. Басангов Л. Л., Игнатов А. А. О председательстве Саудовской Аравии в «Группе двадцати» в 2020 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 4. С. 654–662. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-4-654-662

39. Саммит «Группы двадцати». UPL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64460 (дата обращения: 19.12.2020).

40. Таранова Е. В., Макаревич М. Л. Международная торговая палата и ее роль в международной торговой системе // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 1 (19). С. 340–351.

41. Кэлэген М. Влияние «Группы двадцати» на регулирование и особенности ведения бизнеса. Какие меры оказались эффективными и почему // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 2. С. 87–103.

42. ICC launches G20 Advisory Group for CEO input to Heads of State. UPL: https://iccwbo.org/media-wall/news-speeches/icc-launches-g20-advisory-group-for-ceo-input-to-heads-of-state/ (дата обращения: 19.12.2020).

43. Пекарская М. О роли «Большой двадцатки» в международно-правовом регулировании обмена налоговой информацией // Хозяйство и право. 2018. № 7 (498). С. 122–128.

44. Скворцова В. О. Роль «Большой двадцатки» в системе глобального экономического регулирования // Глобализация – путь к объединению: сборник научных статей Международной научно-практической конференции / под ред. Л. В. Бычковой, В. М. Кузьминой; Юго-Западный государственный университет. 2015. С. 225–227.

References

1. Kobets P. N. On the role of government and local self-government authorities of the Latin America States in corruption combating, *State power and local self-government*, 2020, No. 2, pp. 43–47 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-2-43-47

2. Kobets P. N. Latin America civil society is the most important subject of combating corruption-related crimes, *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom,* 2020, No. 4, pp. 24–27 (in Russ.).

3. Kobets P. N., Brazhnikov D. A. On the experience of international intergovernmental and governmental organizations in combating corruption, *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya*, 2020, No. 2 (28), pp. 54–56 (in Russ.).

4. Vonsovych O. S. The Summit of "Group of Twenty" – 2016: geopolitical assessments, *Grani*, 2016, Vol. 19, No. 9 (137), pp. 103–108 (in Russ.).

5. Dedov A. Results of G20: Russia dictates the course, *Putevoi navigator*, 2013, No. 17 (43), pp. 20–23 (in Russ.).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

6. Zotova E. A. The problems of labor and employment in the G20 countries, *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*, 2014, Vol. 12, pp. 326–352 (in Russ.).

7. Kotlyarov I. I., Grigorovich Yu. V. Current trends in migration processes within the g-20 migration and development: G-20 contribution to international migration processes, *Mezhdunarodnyi zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava*, 2020, No. 1, pp. 59–61 (in Russ.).

8. Kobets P. N. Genesis of legislative bases of bribery counteraction in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 3, pp. 533–544 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.533-544

9. Larionova M. V. Russia in G20: factors of success and objectives for the future, *Vestnik RUDN International Relations*, 2017, No. 17 (2), pp. 349–371 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-349-371

10. Prokhorova A. A. The Role of "Business Twenty" Summits in the Interaction of the Business Community and the Authority at the Global Level, *Vlast' (The Authority)*, 2017, No. 4, pp. 50–57 (in Russ.).

11. Rakhmangulov M. R. G8 and G20 contribution to security issues, *International Organisations Research Journal*, 2011, Vol. 6, No. 1, pp. 99–109 (in Russ.).

12. Rewizorski M. G20 and the Development of a New Global Governance Mechanism, *International Organisations Research Journal*, 2017, Vol. 12, No. 3, pp. 32–52 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2017-03-32

13. Larionova M., Rakhmangulov M., Safonkina E., Sakharov A., Shelepov A. The Russian Federation G20 Presidency: in Pursuit of a Balance between Fiscal Consolidation and Sustainable Growth, *International Organisations Research Journal*, 2013, Vol. 8, No. 4, pp. 122–179 (in Russ.).

14. Sidorenkov V. V. G20 as the way to global security, *Public Administration*, 2013, No. 1 (81), pp. 110–112 (in Russ.).

15. Suhanov V. A. 10 years' Anniversary of the UN Convention against Corruption: Successes and Achievements, *Vlast' (The Authority)*, 2013, No. 10, pp. 181–184 (in Russ.).

16. Hilbrich S., Schwab J. Towards a more accountable G20? Accountability mechanisms of the G20 and the new challenges posed to them by the 2030 agenda, *International Organisations Research Journal*, 2018, Vol. 13, No. 4, pp. 7–38 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-01

17. Chukov R. S. Prospects of the global institutionalization in world politics: G7 and G20 case, *Scientific Review. Series 2: Human science*, 2015, No. 5, pp. 21–25 (in Russ.).

18. Prokhorova A. A., Shokhin A. N. Models of "Business twenty" governance: possibilities of optimization, *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 8 (1), pp. 104–122 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-104-122

19. Kirton J. *G20 Governance for a Globalized World*, Farnham, Ashgate, 2013.

20. Tursunov N. K., Orunova D. B. G20 as a new platform for the global cooperation, *The world in the era of modernization and globalization: legal, political, economic and sociocultural aspects: collection of works of the 3rd International scientific-practical conference*, eds L.S. Anikin, L.V. Rozhkova, 2016, pp. 9–15 (in Russ.).

21. Bakalova I. K., Drobyshevskii S. M., Kiyutsevskaya A. M., Sorokina A. V., Trunin P. V. *Analysis of the G20 economic agenda and the current economic position of the member countries*, Moscow, ID "Delo", 2013, 136 p. (in Russ.).

22. Lifshits I. M. G-20: rescue from crisis or a crisis of legitimacy? *Russian Foreign Economic Journal*, 2014, No. 12, pp. 49–58 (in Russ.).

23. Preksin O. M. On the way to Strelna: from declarations to action – financial agenda of the "Group of ten", *Vestnik Finansovogo universiteta*, 2013, No. 3 (75), pp. 28–40 (in Russ.).

24. Zhdanov P. A. Network structure of the G20, *Izvestia of saratov university. New series. Series: Sociology. Politology*, 2012, Vol. 12, No. 2, pp. 110–113 (in Russ.).

25. Kuz'min D. V., Yasthenko V. V., Klur-Pavlov D. A. The performance assessment of the commitments assumed at the summit of the "Group of twenty" in Pittsburgh, USA, *Gosudarstvennyi audit. Pravo. Ekonomika*, 2012, No. 2, pp. 36–46 (in Russ.).

26. Panova V. V. G8 and G20: the role of "clubs" in global governance, *Obozrevatel' – Observer*, 2010, No. 11 (250), pp. 75–86 (in Russ.).

27. *TASS: Biographies and references. G20. Dossier*, available at: http://tass.ru/info/1570221 (access date: 19.12.2020) (in Russ.).

28. *OECD Working Group on Bribery*, available at: https://www.oecd.org/daf/anti-bribery/AntiBriberyAnnRep2012.pdf (access date: 19.12.2020) (in Russ.).

29. Kondrat E. N. Financial security in the documents of the G20, *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, No. 12, pp. 200–210 (in Russ.).

30. *Vienna communiqué on Syria peace talks with comments of the authors*, available at: https://ria.ru/20151030/1310989425.html (access date: 19.12.2020).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

31. Faleev M. I., Gryaznov S. N., Dymkov A. V., Starostin A. S. Analysis of G20 summit outcomes in sphere of sustainable development and their influence on prevention and response system and emercom of Russia development, Hungzhou, september 2016, *Strategiya grazhdanskoi zashchity: problemy i issledovaniya*, 2017, Vol. 7, No. 1 (12), pp. 19–34 (in Russ.).

32. *Sendai Framework on Disaster Risk Reduction 2015–2030*, available at: https://www.unisdr.org/files/43291_russiansendaiframeworkfordisasterri.pdf (access date: 19.12.2020) (in Russ.).

33. Larionova M. V. Germany G20 presidency. The test by Trump, *Vestnik RUDN. International Relations*, 2017, Vol. 17, No. 4, pp. 807–823. (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823

34. *Preliminary G20 Summit Evaluation. G20 Germany – Hamburg Leaders' Declaration 'Shaping an Interconnected World'*, available at: https://www.b20germany.org/news/news/article/evaluation-of-the- g20-leaders-declaration/ (access date: 19.12.2020).

35. Safonkina E. A. Argentina's 2018 G-20 Presidency. The agenda and objectives, *Latinskaia Amerika*, 2018, No. 3, pp. 20–35 (in Russ.).

36. *Joint statement of the Russian Federation and the Republic of Argentina on strategic foreign policy dialogue*, available at: http://www.kremlin.ru/supplement/5275 (access date: 19.12.2020) (in Russ.).

37. Ignatov A. A. Japan's Presidency in G20: achievements and decisions, *East Asia: Facts and Analytics*, 2019, No. 2, pp. 50–64 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.24411/2686-7702-2019-10011

38. Basangov L. L., Ignatov A. A. Saudi Arabia's G20 Presidency in 2020, *Vestnik RUDN. International Relations*, 2019, Vol. 19, No. 4, pp. 654–662. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-4-654-662

39. *Summit of the Group of Twenty*, available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64460 (access date: 19.12.2020) (in Russ.).

40. Taranova E. V., Makarevich M. L. International Chamber of Commerce and its role in the global trade system, *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2017, No. 1 (19), pp. 340–351 (in Russ.).

41. Kelegen M. Influence of the Group of Twenty on regulation and features of doing business. Which measures turned out effective an why, *International Organisations Research Journal*, 2017, Vol. 12, No. 2, pp. 87–103. (in Russ.).

42. *ICC launches G20 Advisory Group for CEO input to Heads of State*, available at: https://iccwbo.org/media-wall/news-speeches/icc-launches-g20-advisory-group-for-ceo-input-to-heads-of-state/ (дата обращения: 19.12.2020).

43. Pekarskaya M. On the role of the Group of Twenty in international-legal regulation of the taxation information exchange, *Khozyaistvo i pravo*, 2018, No. 7 (498), pp. 122–128 (in Russ.).

44. Skvortsova V. O. The Group of Twenty in the system of global economic regulation, *Globalization as the way to uniting: collection of scientific works of the International scientific-practical conference*, eds L. V. Bychkova, V. M. Kuz'mina; Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2015, pp. 225–227 (in Russ.).

Дата поступления / Received 19.12.2020
Дата принятия в печать / Accepted 30.01.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Кобец П. Н., 2021
© Kobets P. N., 2021

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

УДК 347.73:336.763 **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.106-134**

Научная статья

К. МЭТЬЮЗ[1]

[1] *Школа права Фордемского университета, г. Нью-Йорк, США*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГИБРИДНОГО КРИТЕРИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ ДЛЯ БОРЬБЫ С ФИНАНСОВЫМИ ПИРАМИДАМИ

Кори Мэтьюз, кандидат на получение степени юриста в 2021 г., Школа права Фордемского университета;
степень бакалавра искусств получена в 2016 г. в Корнельском университете
Адрес: 150 W. 62nd Street, New York, NY

Цель: изучение гибридного критерия ценных бумаг для борьбы с финансовыми пирамидами.
Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой и социологический.
Результаты: в работе исследуется федеральное законодательство в области ценных бумаг в качестве инструмента для противодействия и регулирования незаконных финансовых пирамид. Пирамиды являются одним из самых распространенных способов обмана потребителей в США, их жертвами ежегодно становятся тысячи людей. С развитием Интернета и социальных сетей создателям пирамид стало еще легче контактировать с потенциальными участниками, среди которых часто оказываются наиболее уязвимые слои населения. Федеральные законы в области ценных бумаг доказали свою эффективность в качестве мощного инструмента борьбы с пирамидными схемами. Однако критерий, используемый федеральными судами для выявления ценных бумаг в деятельности пирамиды, порождает противоречивость и непоследовательность в правоприменении. В работе федеральным судам предлагается при подозрении на финансовую пирамиду применять гибридный критерий, включающий аспекты анализа на рисковый капитал. Тем самым суды получат эффективный инструмент борьбы с финансовыми пирамидами и смогут более четко разграничить незаконные пирамидные схемы и законные предприятия.
Научная новизна: в работе обосновано, что острота проблемы пирамидного мошенничества в мире не снижается. Несмотря на значительные усилия государства, мошенники продолжают регулярно организовывать все новые пирамидные схемы. Именно от таких обманных схем и должны защищать федеральные законы о ценных бумагах. Однако, непоследовательно применяя критерий Хауи, суды продолжают создавать ничем не обоснованные прецеденты, выводя пирамидные схемы из сферы действия федерального законодательства о ценных бумагах под предлогом

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале Fordham Law Review. По вопросам коммерческого использования обратитесь по адресу: tmelnick@law.fordham.edu

Цитирование оригинала статьи на английском: Matthews C. Using a Hybrid Securities Test to Tackle the Problem of Pyramid Fraud, Fordham L. Rev., 2020, Vol. 88, No. 52, p. 2045.

URL публикации: https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol88/iss5/17/

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

невыполнения условия о личных усилиях инвесторов. В данной работе показано, что федеральные суды должны обращать внимание не на роли дистрибьюторов в пирамидных схемах, а на степень контроля, которую инвесторы получают в результате своего участия в схеме.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с применением гибридного критерия ценных бумаг для борьбы с финансовыми пирамидами.

Ключевые слова: гибридный критерий; ценные бумаги; противодействие преступности; правонарушение; финансовые пирамиды; мошенничество

Благодарность: автор выражает благодарность профессору Кэролайн Джентайл за ее неоценимое руководство и помощь, редакторам и сотрудникам журнала Fordham Law Review за их вклад и ответственное отношение к работе, а также моим друзьям и членам семьи за неизменные поддержку и одобрение.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Мэтьюз К. Использование гибридного критерия ценных бумаг для борьбы с финансовыми пирамидами // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 106–134. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.106-134

The scientific article

C. MATTHEWS[1]

[1] *Fordham University School of Law, New York, USA*

USING A HYBRID SECURITIES TEST TO TACKLE THE PROBLEM OF PYRAMID FRAUD

Corey Matthews, J.D. Candidate, 2021, Fordham University School of Law; B.A., 2016, Cornell University
Address: 150 W. 62nd Street, New York, NY

Objective: to research the hybrid securities test as a regulatory tool against pyramid schemes.
Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical, comparative-legal, and sociological.
Results: the work examines federal securities law as a tool to deter and regulate illegal pyramid schemes. Pyramid schemes are among the most prevalent forms of consumer fraud in the United States and they victimize thousands of individuals every year. The rise of the internet and social media has made it even easier for pyramid promoters to target potential recruits, often those who are already particularly vulnerable to consumer fraud. The federal securities laws have proven to be robust regulatory tools against pyramid schemes. However, the test used by federal courts to determine whether a scheme meets the definition of a security has produced uncertainty and inconsistency in the law. This work proposes that when pyramid schemes are alleged, federal courts should apply a hybrid securities test that incorporates aspects of risk capital analysis. In so doing, courts will be better equipped to focus on the economic reality of pyramid schemes and to draw a more principled line between illegal pyramid fraud and legitimate enterprises.

For original publication: Matthews C. Using a Hybrid Securities Test to Tackle the Problem of Pyramid Fraud, Fordham L. Rev., 2020, Vol. 88, No. 52, p. 2045.

This Note is brought to you for free and open access by FLASH: The Fordham Law Archive of Scholarship and History. It has been accepted for inclusion in Fordham Law Review by an authorized editor of FLASH: The Fordham Law Archive of Scholarship and History. For more information, please contact tmelnick@law.fordham.edu

Publication URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol88/iss5/17/

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Scientific novelty: the work proves that the problem of pyramid fraud is only growing. Despite the investment of significant governmental resources, undeterred fraudsters continue to form new pyramid schemes with growing regularity. The federal securities laws were enacted to protect the public from precisely these kinds of unsubstantiated, misleading, and fraudulent investment opportunities. However, courts inconsistently applying the Howey test continue to draw unprincipled lines and exclude pyramid schemes from the ambit of the federal securities laws based on the red herring of investor efforts. This work argues not that the federal courts should ignore the role played by distributors in pyramid schemes but rather that they should focus attention on the degree of control that investors may exercise as a function of that participation.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to using the hybrid securities test as a regulatory tool against pyramid schemes.

Keywords: Hybrid test; Securities; Crime counteraction; Law breach; Pyramid schemes; Fraud

Acknowledgements: I would like to thank Professor Caroline Gentile for her invaluable guidance and insight, the editors and staff of the *Fordham Law Review* for their input and diligence, and my family and friends for their unwavering support and encouragement.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Matthews C. Using a Hybrid Securities Test to Tackle the Problem of Pyramid Fraud, *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 106–134. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.106-134

Введение

В апреле 1987 г. газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью, предупреждавшую читателей о незаконной игре «самолет», которая набирала популярность по всей стране [1, 2]. Участники игры должны были заплатить вступительный взнос, обычно 1 500 долларов, после чего становились «пассажирами» воображаемого «самолета»[1]. Обычно в «заполненном» самолете был капитан, два его помощника, четыре стюардессы и восемь пассажиров [2, 1]. Как только «самолет» заполнялся, капитан получал 12 тысяч долларов, собранных с «пассажиров», и выходил из игры [1].

Затем два помощника становились капитанами своих «самолетов», забирая с собой половину пассажиров в качестве стюардесс [1]. Стюардессы предыдущего самолета становились помощниками капитанов новых двух самолетов, и игра продолжалась [1]. При переходе в следующий ранг игрок был обязан привести хотя бы одного пассажира [1]. Через несколько раундов пассажир становился капитаном и получал 12 тысяч долларов на вложенные 1 500 долларов – иногда это происходило в течение нескольких дней [2, 1]. В чем же проблема? Эта игра – классическая пирамида: «самолетам» нужен постоянный приток новых пассажиров, чтобы происходил возврат денег [3]. Эту потребность становится все труднее удовлетворять по мере того, как «самолеты» распадаются на все новые и новые [3]. Например, чтобы один капитан получил деньги, требуется восемь пассажиров [3]. Чтобы эти восемь пассажиров достигли уровня капитана и получили деньги, необходимо 64 новых пассажира [3]. Для них, в свою очередь, требуется 512 новых игроков [3]. Но, если забыть об этой трудности, для многих такая игра представляла собой легкий и быстрый способ обогащения; пока идет набор новых игроков, это преступление без жертвы [3, 1].

Подобные схемы «быстрого обогащения» очень соблазнительны: низкие вложения, небольшие усилия, астрономические коэффициенты отдачи[2]. Но если некоторые из таких моделей легко определяются и быстро теряют популярность, другие оказываются долгосрочными и неискоренимыми. К таковым относятся незаконные пирамидные схемы [4]. В них

[1] См., например, Sheehan v. Bowden, 572 So. 2d 1211, 1211-12 (Ala. 1990); State v. DeLuzio, 643 A.2d 535, 536-37 (N.J. 1994) (Ohern, J., возражение); People v. Riccelli, 540 N.Y.S.2d 74, 74 (App. Div. 1989).

[2] См. ниже разд. I.*B*.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

участники получают вознаграждение в первую очередь за привлечение новых участников[3]. Однако в отличие от игры «самолет» большинство таких схем включают продажу какой-либо продукции с целью замаскировать истинную сущность мошенничества [5]. Несмотря на осведомленность широкой публики и целенаправленные усилия правительства, незаконные пирамидные схемы продолжают регулярно появляться на рынке [4].

В цифровую эпоху пирамиды получили новую жизнь во многом благодаря Интернету и распространенности социальных сетей[4]. Теперь компаниям стало намного легче набирать дистрибьюторов для продажи витаминов, косметики, товаров для дома [6, p. 585].

К сожалению, все незаконные пирамиды по самой своей структуре обречены на обрушение[5]. Пирамидные схемы основаны на постоянном привлечении новых дистрибьюторов [11, 12]. Такие компании извлекают прибыль не от продажи товаров конечным покупателям, а от вступительных взносов новых дистрибьюторов и их обязательных закупок продукции [11, p. 289]. Затем эти дистрибьюторы получают вознаграждение в виде либо премии, либо комиссии за покупки, произведенные теми, кого они привлекли [11, p. 289; 12, p. 127]. Однако любые такие схемы неизбежно обрушатся после насыщения данного рынка новых дистрибьюторов[6].

Регулирование и правоприменение в этой сфере находятся в руках двух федеральных органов: Федеральной торговой комиссии (*the Federal Trade Commission, FTC*) и Комиссии по ценным бумагам и биржам (*the Securities and Exchange Commission, SEC*) [14]. Как правило, Федеральная торговая комиссия выдвигает иски против пирамид за участие в недобросовестных и мошеннических действиях [15; 9, pp. 101–102]. Данное нарушение предусмотрено разделом 5 Закона о Федеральной торговой комиссии (*FTCA*)[7]. Этот подход позволил Федеральной торговой комиссии довольно успешно противодействовать нескольким пирамидам [6, pp. 587–588].

Что касается сферы деятельности Комиссии по ценным бумагам и биржам, то, если суд признал наличие действий с ценными бумагами в пирамидной схеме, в распоряжении федеральных правоохранительных органов и частных лиц оказывается ряд других инструментов[8]. *SEC* может привлечь пирамиды к ответственности за продажу незарегистрированных ценных бумаг, что нарушает Закон о ценных бумагах 1933 г.[9], или за нарушение раздела 10 (*b*)[10] Закона о фондовых биржах 1934 г. и Правила 10*b*-5[11], которые запрещают частным лицам делать фактически ложные или вводящие в заблуждение заявления в связи с продажей или покупкой ценных бумаг[12]. Кроме того, лица, нарушающие федеральное законодательство о ценных бумагах, могут быть также привлечены к уголовной ответственности по федеральным законам о мошенничестве с помощью почтовых и электронных средств коммуникации[13]. Частные лица могут также подать иск согласно Закону о реформе судопроизводства по частным ценным бумагам 1995 г. (*PSLRA*)[14]. Кроме того, к незаконным пирамидам могут применяться законы о ценных бумагах отдельных штатов [15, p. 116]. Однако *SEC* и орган штата по правоприменению в области ценных бумаг должны классифицировать пирамиду как схему с участием ценных бумаг [12, p. 124]. Наконец, в предотвращении появления и искоренении пирамидных схем важную роль играют законы штатов, направленные против пирамид и сетевых продаж [9, pp. 118–119].

---

[3] См. United States v. Gold Unlimited, Inc., 177 F.3d 472, 475 (6th Cir. 1999).

[4] См. [6, 7] (высказано мнение, что интернет-маркетинг внес самый значительный вклад в распространение пирамид в США, так как электронная коммерция позволяет мошенникам достигать своих жертв быстро и с наименьшими затратами).

[5] См. Webster v. Omnitrition Int'l, Inc., 79 F.3d 776, 781 (9th Cir. 1996); [8–10].

[6] См. SEC v. Int'l Loan Network, Inc. (Loan Network II), 968 F.2d 1304, 1308-09 (D.C. Cir. 1992); [13]; см. также [12, p. 128] (отмечается, что насыщенность рынка не дает возможности поздно вступившим участникам вернуть свои вложения).

[7] 15 U.S.C. § 45 (2018).

[8] См., например, [8, pp. 562–563] (обсуждается роль SEC в борьбе против пирамидных схем); [12, p. 124] (отмечается, что из всех доступных способов возмещения жертвам пирамид наиболее реальным является применение закона о ценных бумагах, который позволяет справиться с агрессивными мошенническими схемами).

[9] См. в целом 15 U.S.C. § 77e.

[10] Там же, § 78j.

[11] 7 C.F.R. § 240.10b-5 (2019).

[12] 15 U.S.C. §§ 78a–78b.

[13] См. в целом там же, §§ 77a–77aa.

[14] Там же, § 78u-4.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

В гл. I данной работы исследуются различные режимы регулирования и правоприменения на федеральном уровне и на уровне штата, направленные против пирамидных схем. Также в этой главе рассматриваются преимущества и недостатки этих законодательных подходов. В гл. II показано, что федеральные законы о ценных бумагах представляют собой жизнеспособный и полезный инструмент для ликвидации и предотвращения пирамидных схем. Затем в гл. II приводится анализ двух способов определить, включает ли незаконная пирамидная схема продажу ценных бумаг. В гл. III автор доказывает, что заключительная часть теста на рисковый капитал, который применяют суды некоторых штатов, более точно отражает экономические реалии пирамидных схем. Далее в гл. III утверждается, что в контексте пирамидных схем введение вышеупомянутой заключительной части теста на рисковый капитал в действующий федеральный тест для инвестиционных контрактов будет наилучшим образом соответствовать задачам федерального законодательства по ценным бумагам и даст наиболее эффективную защиту от мошенничества на основе пирамид.

I. КЛАССИФИКАЦИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ПИРАМИДНЫХ СХЕМ

В гл. I объясняется, что такое пирамидная схема и каковы основные подходы различных государственных органов к регулированию, правоприменению и предотвращению незаконных пирамид. В разд. I.*A* представлен обзор модели распространения, широко известной как многоуровневый маркетинг (далее – МЛМ), и отличия правомерных программ МЛМ от незаконных пирамид. Затем в разд. I.*A* показано, почему незаконные пирамиды обречены на крах, а в разд. I.*B* описываются пагубные последствия пирамидных мошеннических схем в США. В разд. I.*C* описывается федеральное и уровня штатов законодательство, регулирующее пирамидные схемы, а также анализируются преимущества и недостатки различных законодательных подходов.

A. Отличия мошенничества от честных действий

Как законные МЛМ-компании, так и незаконные пирамиды используют похожую многоярусную организационную структуру [9, p. 92]. В данном разделе описываются основные характеристики продаж в МЛМ, которые могут присутствовать как в законных предприятиях, так и в незаконных пирамидах. МЛМ-продажи являются разновидностью огромного множества моделей «прямых продаж» [15, p. 111]. Компании прямых продаж продают товары или услуги напрямую конечному потребителю, обычно через независимых дистрибьюторов[15], без использования розничной сети [18]. МЛМ-компании, в частности, стремятся мотивировать дистрибьюторов к вовлечению новых участников, предлагая бонусы или комиссии [15, p. 111].

Практически во всех МЛМ-компаниях используется вертикальная структура [9, pp. 102–104]. Каждый участник имеет вышестоящего дистрибьютора и как минимум одного нижестоящего, которого он привлек в компанию [9, p. 102]. «Вышестоящие» участники получают как прямой доход от своих собственных продаж товаров или услуг, так и пассивный доход от продаж своих «нижестоящих» коллег [9, pp. 102–103]. Таким образом, по мере роста цепочки, когда каждый участник вовлекает новых членов, вышестоящие получают все больший доход в виде комиссии со все большего числа продавцов [16]. Соответственно, компания начинает приобретать организационную форму пирамиды, так как, согласно геометрической прогрессии, для обеспечения доходов вышестоящих требуется все больше участников внизу цепочки[17]. Однако, как будет показано ниже, не все МЛМ-программы являются незаконными пирамидными схемами [15, p. 115].

1. Честная игра: законные МЛМ-компании и их преимущества

Из-за организационного сходства законные МЛМ-компании часто смешивают с незаконными пирамид-

[15] Участники МЛМ-компаний могут выступать под разными названиями, например, консультанты, собственники, агенты, дистрибьюторы, при этом выполняя, в сущности, одинаковые функции. См. [16]. Поэтому в настоящей работе данные названия используются как взаимозаменяемые. Независимые дистрибьюторы отличаются от традиционных розничных торговцев тем, что работают на себя и обычно «самостоятельно определяют свой рабочий график, составляют свои маркетинговые планы, решают, нужны ли им сотрудники по продажам, как обучать их и как обслуживать клиентов» [17].

[16] [9, p. 103]. Подробное описание типичной системы вознаграждений в МЛМ-компаниях см. [19].

[17] Диаграмму, иллюстрирующую геометрическую прогрессию в контексте продаж и рекрутинга, см. [20].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ными схемами[18]. Более того, между ними не существует четкой границы в законодательстве [6, p. 583]. В настоящее время в федеральном законодательстве нет определения незаконной пирамидной схемы, и суды проявляли непоследовательность в разграничении между МЛМ-компаниями и пирамидными схемами, что еще более усилило путаницу[19]. Тем не менее есть несколько признаков законных МЛМ-компаний, отличающих их от незаконных схем.

Первый и, вероятно, важнейший признак состоит в том, что законные МЛМ-компании сосредоточены преимущественно на реальных продажах востребованных товаров[20] реальным покупателям вне компании [4]. Федеральная торговая комиссия разбила этот принцип на четыре правила: (1) продажи должны осуществляться реальным покупателям; (2) продажи должны приносить проверяемую прибыль; (3) цели или показатели деятельности должны достигаться путем продаж; и (4) оплата труда должна быть основана на реальных розничных продажах [21]. Второй признак законной МЛМ-компании – стремление точно указать потенциальный доход или прибыль дистрибьюторов, а также приблизительное время или объем усилий, требуемое для их получения [21]. Далее, законные МЛМ-компании редко требуют от дистрибьюторов совершения минимальных закупок товаров при вступлении в программу [22]. И последний признак – законные МЛМ-компании обычно придерживаются правила выкупа товаров и образцов у дистрибьюторов, желающих покинуть программу[21].

Законная схема МЛМ-продаж имеет преимущества как бизнес-модель. Например, прямые продажи через каналы многоуровневого маркетинга отличаются низкими постоянными затратами, особенно в сравнении с затратами традиционных розничных магазинов [18, p. 140]. Кроме того, в рамках МЛМ-программы продавцы отвечают за набор и обучение новых участников [18, p. 140]. Модель МЛМ также развивает предприимчивость, поощряя социальные отношения между клиентами и дистрибьюторами, вознаграждая личные продажи через систему комиссий и предлагая участникам независимость и самостоятельность при построении своего бизнеса и «цепочек»[22]. Успеха в прямых продажах нелегко достичь, так как необходимы развитые навыки личных продаж и значительное вложение времени и социального капитала [18, pp. 140–141]. При этом модель дает возможность участникам получить дополнительный доход и в редких случаях более значительную прибыль [21, pp. 2–3].

2. Мошенничество: незаконные пирамидные схемы

В отличие от МЛМ-компаний пирамидные схемы являются мошенническими по своей природе [8, p. 561]. Термин «пирамидная схема» имеет более широкое и более частное значение [19, p. 196]. В широком смысле пирамидная схема – это схема перераспределения средств, основанная на непрерывном рекрутинге[23]. Каждый участник вносит плату за вступление в программу и, в свою очередь, получает право получить часть платы тех, кто вступил после него [19, pp. 196–197]. Однако «по мере продолжения

[18] См. United States v. Gold Unlimited, Inc., 177 F.3d 472, 475 (6th Cir. 1999).

[19] Ср. SEC v. Glenn W. Turner Enters. (Glenn Turner II), 474 F.2d 476 (9th Cir. 1973) (учет математической вероятности насыщения рынка при определении мошеннических схем) и Ger-Ro-Mar, Inc. v. FTC, 518 F.2d 33 (2d Cir. 1975) (отмечена математическая невозможность поддержания непрерывного рекрутинга, однако отрицается вывод о мошенническом характере обсуждаемой схемы).

[20] Востребованные на рынке товары – это товары, обладающие конкурентной ценой и реальным спросом на рынке [5, p. 24]. Незаконные пирамиды, маскирующиеся под законные МЛМ-компании, могут заявлять о получении значительной прибыли от продаж, однако их цены гораздо выше рыночных розничных цен на соответствующие товары. См., например, FTC v. BurnLounge, Inc., 753 F.3d 878, 883 (9th Cir. 2014).

[21] [5, p. 24]. Однако см. Whole Living, Inc. v. Tolman, 344 F. Supp. 2d 739, 742 (D. Utah 2004) (МЛМ-компания признана законной, несмотря на отсутствие политики выкупа товара, потому что товар являлся скоропортящимся, а также потому, что структура программы не предусматривала поощрений за крупные закупки товара, не соответствующие спросу на него).

[22] [18]. Дистрибьюторы законных МЛМ-компаний получают комиссию за товары, проданные участниками, которых они привлекли или спонсировали. Однако сама по себе такая структура не делает программу незаконной пирамидой. См. Whole Living, 344 F. Supp. 2d at 745–746.

[23] [19, p. 196]. Термины «пирамидная схема» и «схема Понци» часто используются как синонимы. См., например, Orlick v. Kozyack (в деле Fin. Federated Title &Tr., Inc.), 309 F.3d 1325, 1327 (11th Cir. 2002). Однако это разные, хотя и близкие, понятия. См. Eberhard v. Marcu, 530F.3d 122, 132 n.7 (2d Cir. 2008). В пирамидных схемах деньги поступают участникам как вознаграждение за привлечение новых участников, тогда как в схемах Понци первым вкладчикам напрямую выплачиваются деньги позднее вступивших участников. United States v. Gold Unlimited, Inc., 177 F.3d 472, 475 (6th Cir. 1999).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

рекрутинга количество участников в нижней части структуры растет очень быстро, часто экспоненциально, пока поддерживается заданный алгоритм рекрутинга» [19, pp. 196–197]. Соответственно, участники в нижней части структуры стремятся набрать достаточно новых членов, чтобы окупить свои вложения [19, pp. 196–197]. Выгоду получают лишь немногие на высших уровнях, поскольку подавляющее большинство участников неизбежно находится на нижних уровнях[24].

Согласно частному определению, пирамидная схема – это организация, маскирующая непрерывную цепочку рекрутинга продажей товара или услуги по традиционной модели МЛМ [23; 19, pp. 196–197]. Однако при этом, хотя участники продают и покупают продукт, основной доход идет от рекрутинга, а не от розничной торговли[25].

У пирамидных схем на основе модели МЛМ есть несколько постоянных признаков. Например, такие схемы обычно используют систему дифференцированных цен на продукт [14, pp. 1258–1259]. Согласно этой системе, каждый дистрибьютор закупает товар по более низкой цене, чем цена продаж для сторонних покупателей и для участников, стоящих ниже в цепочке продаж [14, pp. 1258–1259].

Например, дистрибьютор *A* самого низшего уровня имеет право купить для розничной продажи товар у компании со скидкой 40 % от розничной цены [20, p. 362]. При этом дистрибьютор *B*, достигший следующего по сравнению с дистрибьютором *A* уровня, может купить товар со скидкой 55 % [20, p. 362]. Далее дистрибьютор *B* имеет право продать товар конечному потребителю или дистрибьютору *A*. Таким образом, дистрибьютор *B* получает преимущество в 15 % по сравнению с ценами дистрибьютора *A* и может предложить покупателям более низкую цену, оставшись при этом на том же уровне прибыли, что и дистрибьютор *A* [20, p. 362].

Поэтому, если оба дистрибьютора работают на одном и том же в географическом и социальном смыслах рынке, то дистрибьютор *A* испытывает значительную конкуренцию, так как вынужден платить за товар больше. Соответственно, у него появляется мощный стимул двигаться вверх по цепочке. Если дистрибьютор *A* поднимется вверх по структуре, он получит большую оптовую скидку, а также право привлекать новых участников и продавать им товар [20, p. 362]. Таким образом, для дистрибьютора *A* в этой системе наиболее простым и эффективным способом получить прибыль является движение вверх по цепочке [20, pp. 362–363].

Такая система дифференцированных цен обычно приводит к другой типичной особенности пирамидных схем на основе МЛМ, которая известна как обязательные закупки[26]. Во многих незаконных пирамидах участники могут продвинуться вверх по структуре, просто превысив минимальный порог оптовой закупки товара [20, p. 362]. Например, дистрибьютор *A* может перейти на уровень дистрибьютора *B*, закупив сразу большое количество товара [5, pp. 24–25]. Важно то, что в незаконных схемах дистрибьютор *A* не обязан позже подтверждать, что продал этот товар клиентам, *не являвшимся* участниками программы[27]. Напротив, как только дистрибьютор *A* привлечет нижестоящего участника, дистрибьютора *C*, он может сразу перепродать ему этот товар, получив прибыль[28].

---

[24] [19, p. 197]; см. также Koscot Interplanetary, Inc., 86 F.T.C. 1106, 1132–1133, 1181 (1975) (отмечено, что незаконные пирамидные схемы являются всего лишь усложненной схемой «цепное письмо», в которой большинство участников не получают возврата своих первоначальных вложений); [22] (показаны статистические вероятности ожидаемых возвратов средств участников пирамидной схемы в зависимости от времени вступления в программу).

[25] [23, p. 82]; см. также Koscot Interplanetary, 86 F.T.C., 1181 (отмечается, что наличие «рекрутинга за вознаграждение безотносительно к продажам товара» является непременным условием пирамидной схемы).

[26] См. [24]; см. также Webster v. Omnitrition Int'l, Inc., 79 F.3d, 776, 782–783 (9th Cir. 1996) (приводятся свидетельства участников схемы о том, что дистрибьюторы покупали чрезмерные количества продукта безотносительно к реальному рыночному спросу).

[27] См. Omnitrition, 79 F.3d, 782 (описана система вознаграждений, не привязанная к продажам товара конечным потребителям, поскольку она «основана на предлагаемой розничной цене товара, *заказанного* у компании *Omnitrition*, а не *реально проданного* потребителям»).

[28] См. там же (отмечено, что щедрые вознаграждения за привлечение новых участников стимулируют концентрироваться на этой стороне бизнеса, «в результате чего вряд ли появятся реальные возможности для розничных продаж» (цитируется по Koscot Interplanetary, Inc., 86 F.T.C. 1106, 1132–1133, 1181 (1975))). В этом состоит одна из причин, почему Федеральная торговая комиссия так старается определить, продаются ли товары преимущественно внутри или вне сети [21, pp. 5–10].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Таким образом, данная система поощряет продажи внутри себя через постоянный рекрутинг и снижает ценность продаж конечному потребителю, не являющемуся участником программы[29]. Поэтому незаконные пирамидные схемы на основе МЛМ используют товары преимущественно для маскировки мошенничества, а такие товары часто неконкурентоспособны на реальном рынке[30]. Вместо этого действующие участники получают вознаграждение из денег вновь привлеченных и всех нижестоящих участников, и так по цепочке [25].

Очевидно, что пирамиды на основе МЛМ должны иметь постоянный приток новых участников [5, p. 24]. Поэтому выплата вознаграждений за привлечение новых членов является еще одним отличительным признаком таких схем[31]. Эти выплаты не основаны на реальных продажах вновь привлеченных участников [19, p. 198]. Вместо этого они представляют собой установленный процент от вступительного взноса нового члена или от стоимости товара, который он должен приобрести для вступления в программу [19, pp. 196–197].

B. Мошенничество в виде пирамиды и его вред для потребителей

Как показано в разд. I.*A*, фундаментальная порочность любой пирамидной схемы заключается в неизбежности возврата первоначальных вложений только конечным числом инвесторов [22, p. 528; 26]. Пирамиды намеренно строятся так, чтобы расти экспоненциально [25, p. 89]. Когда структура неизбежно вырастает слишком большой, становится невозможно привлекать новых участников, чтобы выплачивать деньги прежним [25, p. 89]. В результате большинство участников теряют деньги просто потому, что вступили в структуру уже после того, как ее стало невозможно поддерживать [25, p. 89].

Поскольку пирамидам требуется непрерывный рекрутинг, используются обман и нереалистичные обещания успеха или потенциальных доходов[32]. Во-первых, в схемах намеренно используются запутанные системы вознаграждения и планы продаж, чтобы замаскировать мошенническую природу программы [18, p. 141]. Во-вторых, пирамидные схемы часто выглядят как законные МЛМ-структуры, отчего рядовому дистрибьютору становится еще сложнее отличить мошенничество от честной игры[33].

В-третьих, пирамидные схемы изначально получали выгоду от недостатка финансовых знаний участников[34]. Их основатели зачастую нацеливаются на те слои населения, которые наиболее склонны верить ложным обещаниям и не имеют достаточных финансовых знаний и опыта для распознавания ловушек в программе[35]. Например, сообщества или социальные сети с высоким уровнем неполной занятости или безработицы будут особенно уязвимы перед таким видом мошенничества[36]. Существует также доказанная корреляция между

---

[29] См. [21, p. 6] («Когда продукт привязан к возможностям бизнеса, опыт подсказывает, что, покупая его, люди могут руководствоваться иными причинами, чем реальный спрос»).

[30] См. Ger-Ro-Mar, Inc., 84 F.T.C. 95, 148–149 (1974) (отмечается, что наличие каких-либо розничных продаж не меняет принципиально незаконного характера пирамидных схем); см. также выше прим. 20 и соответствующий текст. Подобная проблема возникает, когда новые участники появляются в программе так быстро, что предложение значительно превышает спрос и большинство дистрибьюторов вообще не имеют шансов продать товар в розницу. См., например, People ex rel. Kelly v. Koscot Interplanetary, Inc., 195 N.W.2d 43, 52–53 (Mich. Ct. App. 1972) (показано, что для реализации заявленных уровней прибыли всеми промоутерами данной компании в штате Мичиган они должны были продать косметики на 300 млн долларов, что на 20 млн превышает *совокупный рыночный спрос* на такую продукцию в данном штате).

[31] [5, p. 24; 6, p. 582] (отмечается, что самой важной характеристикой, общей для всех незаконных пирамидных схем, является наличие выплат за право привлекать новых участников).

[32] См. [14, p. 1259] (комментируется широкое распространение тактик давления при продажах, введения в заблуждение, ложного энтузиазма, которые создают надежду на высокие доходы при небольших затратах усилий и времени).

[33] См. [27] (обсуждается рост МЛМ-компаний, привлекательность прямых продаж, а также сложность для участников в определении и оценке риска того, что внешне законная МЛМ-компания окажется пирамидой); см. также [23, p. 82] (отмечается рост более сложных пирамидных схем под видом внешне законных МЛМ-компаний).

[34] См. [14, p. 1261] (комментируется, что пирамиды нацелены на широкую публику и часто используют такую тактику рекрутинга, которая не позволяет потенциальным вкладчикам принять взвешенное и разумное решение).

[35] [26, p. 694]. Однако см. [28] (приведены более поздние данные, противоречащие стереотипному представлению, что жертвами мошенничества чаще становятся пожилые, менее опытные и образованные люди).

[36] См. [23, pp. 84, 87; 29] (показано, что в округах штата Монтана с более высоким уровнем безработицы и худшим экономическим положением население было более подвержено

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

низким уровнем образования и участием в пирамидных схемах [23, p. 90]. Схемы также часто привлекают людей с низкими возможностями на основном рынке труда[37], поскольку часто позиционируются как дополнительный заработок, гибкий источник дохода, требующий незначительных вложений [23, p. 84].

В-четвертых, поскольку при рекрутинге используются связи в сообществе и социальных сетях, то существует значительное совпадение между «мошенничеством по подобию» и пирамидами[38]. Мошенничество по подобию – это «схемы вложений, включающие членов определенных групп, таких как религиозные или этнические сообщества, пожилых людей, профессиональные группы»[39]. Такие схемы особенно опасны для отдельных людей и сообществ, так как они используют доверие, дружбу и общность внутри группы[40]. Кроме того, мошенничество по подобию бывает особенно сложно распознать и остановить, поскольку из-за близких отношений в группе жертвы часто неохотно сообщают о мошенничестве или обращаются за правовой помощью [36]. Эта проблема становится еще острее, когда основателями пирамид являются уважаемые члены группы или лидеры сообществ, заставляющие людей вступать в программу [36].

Ряд факторов затрудняют правоприменение и предотвращение таких схем, в результате чего невозможно установить точную сумму, которую ежегодно теряют жертвы пирамид в США[41]. По объединенным данным Федеральной торговой комиссии и Комиссии по ценным бумагам и биржам, эта сумма достигает десятков миллионов долларов[42]. Кроме того, согласно последнему исследованию Федеральной торговой комиссии, жертвами пирамид в США ежегодно становятся около 1,5 млн человек [39]. К сожалению, из всех установленных категорий жертв мошенничества против потребителей жертвы пирамид с наименьшей вероятностью обращаются за помощью к государственным органам [28, pp. 1–2]. Возможная причина этого в том, что в отличие от схем Понци, в которых обычно количество жертв меньше, а каждая из них теряет значительную сумму[43], в пирамиды бывает вовлечено большее количество жертв, каждая из которых теряет меньшую сумму[44]. Имеются также свидетельства того, что основатели пирамид осуждают покидающих программу, объясняя их уход недостатком умений или преданности [28, p. 11]. Наконец, исследователи определили, что чувство вины является мощным сдерживающим фактором, не позволяющим жертве сообщать о преступлении, причем этот феномен свойственен только пирамидным схемам[45]. Участники чувствуют свою вину и неловкость за то, что втянули своих друзей, родственников или коллег, поэтому они не хотят говорить об этом [23, p. 83]. Из-за такого низкого уровня сообщаемости и высокой сплоченности в группах жертв пирамид, профилактика и правоприменение особенно важны в этой области [28, p. 2].

попыткам рекрутинга со стороны одной из пирамидных схем); [30] (отмечается, что пирамидные схемы продаж более популярны в периоды экономической нестабильности).

[37] См. [23, p. 84; 31] (обсуждаются причины, по которым схемы пирамидных продаж оказываются привлекательными для работающих матерей как возможность гибкой занятости).

[38] См. [32, 33]. Даже в тех случаях, когда в пирамиде не участвуют близкие социальные группы, дистрибьюторы могут неохотно покидать программу, несмотря на крупные денежные убытки, по причине значимости социальных связей в сочетании с тактикой давления в сфере продаж и рекрутинга, которая свойственна прямым продажам. См., например, [34].

[39] [35] (отмечается, что при мошенничестве по подобию часто используется схема Понци или пирамидная схема).

[40] [36]; см. также [37] (показано, что мошенничество по подобию бывает особенно эффективно среди меньшинств с документированной историей подавления, например, среди афроамериканцев, поскольку между членами таких сообществ сильно чувство доверия после социальной маргинализации, испытанной группой).

[41] См. [19, pp. 203–205] (отмечается недостаток достоверных данных относительно продаж в МЛМ и в пирамидах).

[42] См. [38] (сообщается о двух расследованиях Федеральной торговой комиссии относительно компаний *Herbalife* и *Fortune Hi-Tech Marketing* на общую сумму 210 млн долларов, а также о 17 млн долларов, потерянных жертвами схемы *BurnLounge*).

[43] См., например, [40] (проводится сравнение между пирамидной схемой *TelexFree*, от которой пострадали около 1,8 млрд человек во всем мире, а предположительный ущерб составил 3 млрд долларов, и схемой Понци, реализованной Берни Мейдоффом, в которой число жертв составило несколько тысяч человек, а ущерб – 17,5 млрд долларов).

[44] См. [39, p. 39] (сообщается, что 50 % жертв пирамид, указавших понесенный ими ущерб, оценивали его не менее чем в 200 долларов).

[45] [28, p. 11] («Этот последний фактор уникален для пирамидных схем, поскольку это единственная форма мошенничества, которая по определению поощряет личный рекрутинг»).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

C. Действующие законы и нормы

Каждый год в системе прямых продаж (МЛМ) участвуют сотни тысяч американцев [41]. Многие из них работают в законных МЛМ-компаниях, однако большое число людей по незнанию вступает в незаконные пирамиды [13, pp. 84–85]. Подавляющее большинство таких людей теряют свои деньги[46]. Федеральные органы и органы на уровне штатов прилагают значительные усилия, чтобы объяснить, как распознавать и избегать мошеннических схем[47]. Однако рядовым гражданам сложно распознать мошенническую программу, когда даже государственные органы не всегда могут отделить незаконную схему от законной[48]. В результате усилия государства были сосредоточены в основном на выявлении незаконных пирамид и применении законных действий против них [14, pp. 1266, 1274].

Однако одна из причин сложностей выявления и борьбы с пирамидными схемами является то, что они функционируют в переходной области права[49]. На федеральном уровне программы МЛМ – как законные предприятия, так и пирамидные схемы на основе МЛМ – не подпадают под определение франшизы, данное Федеральной торговой комиссией[50]. Соответственно, к пирамидам не применимо регулирование франшиз и требования к раскрытию информации [24, p. 10]. Более того, как будет более подробно показано ниже[51], действия Федеральной торговой комиссии против мошенничества до сих пор не были эффективны по отношению к пирамидным схемам[52]. Также, за исключением Девятой окружной сессии[53], федеральные суды не признавали пирамидные схемы в качестве моделей работы с ценными бумагами[54]. Кроме того, регулирование на уровне штатов было проблематично по двум причинам. Во-первых, мошеннические пирамидные схемы легко переезжают за границы штата, если хотят избежать требований раскрытия информации или ограничить свою правовую ответственность [14, p. 1265]. Во-вторых, непоследовательные законы штатов и режимы регулирования затрудняют оценку рисков для законных МЛМ-компаний, что осложняет развитие легального бизнеса [14, pp. 1257, 1265–1266].

1. Законодательство штатов

Хотя не существует федерального закона против пирамидных схем, многие штаты приняли соответствующие законы против пирамид и иных видов сетевых продаж или продаж через дистрибьюторов[55]. Как правило, законы штатов либо направлены непосредственно против пирамид, либо включают их в более широкий контекст мошеннических торговых практик[56]. Эти законы очень разнообразны, как и используемые в них определения «пирамидной схемы»[57]. При этом во многих штатах запрещено как

[46] [39, p. 13] (сообщается, что обычно 90 и более процентов участников пирамидных схем не возвращают свои первоначальные вложения).

[47] См., например, [24, 42].

[48] См. [6, p. 583] (отмечаются усилия судов, законодателей и правоохранительных органов, направленные на выработку адекватного определения термина «пирамидная схема»).

[49] См. [23, p. 81] (объясняется сложный характер практического и правового окружения, в котором функционируют пирамидные схемы); [6, p. 583].

[50] См. Business Opportunity Rule, 76 Fed. Reg. 76, 816 (Dec. 8, 2011) (кодифицируется в 16 C.F.R. pt. 437) (отмечается, что пирамидные схемы не подпадают под это определение из-за минимальных вложений и отсутствия требования о выкупе товара, что свойственно франшизе); W. Michael Garner, Franchise and Distribution Law and Practice § 1.11 (2019) (отмечаются следующие отличия продаж через дистрибьюторов от франшизы: (1) дистрибьюторы не платят франшизу за право перепродажи товара или использование торговой марки поставщика; (2) при продаже через дистрибьюторов поставщик обычно не предоставляет систему или план маркетинга; (3) дистрибьютор не получает прав на торговую марку поставщика).

[51] См. ниже разд. I.*C*.2.

[52] См. [13, pp. 94–97] (отмечается сложность собирания доказательств мошеннических действий; сообщается, что с января 1997 по декабрь 2005 г. потребителями было подано 17 858 жалоб на пирамидные схемы, но Федеральная торговая комиссия инициировала лишь 20 дел против пирамид по закону FTCA между 1990 и 2008 гг.).

[53] См. Glenn Turner II, 474 F.2^{d} 476, 479 (9th Cir. 1973).

[54] См., например, Davis v. AVCO Fin. Servs., Inc., 739 F.2^{d} 1057 (6th Cir. 1984); Ranieri v. AdvoCare Int'l, L.P., 336 F. Supp. 3^{d} 701, 713–714 (N.D. Tex. 2018); Kerrigan v. ViSalus, Inc., 112 F. Supp. 3^{d} 580, 598–599 (E.D. Mich. 2015).

[55] [9, pp. 118–119]. Конгресс десятилетиями призывали принять отдельный закон против пирамид. См., например, [20, pp. 392–393; 14, p. 1293]. Позже антипирамидные законы дважды вносились в Сенат США, но не были приняты [7]. Причиной может быть сложность с формулировкой такого определения незаконных пирамидных схем, которое было бы достаточно точным, но не настолько узким, чтобы провоцировать обходные уловки. См. ниже сноску 61 и соответствующий текст.

[56] Dee Pridgen&Richard M. Alderman, Consumer Protection and the Law § 3.14 (2019–2020 ed.).

[57] Cp. Cal. Penal Code § 327 (West 2020) («запрещается любая

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

минимум продавать возможность ведения бизнеса[58], за исключением случаев, когда продавец предоставляет потенциальному участнику предпродажную документацию с описанием товара, зарегистрированную в соответствующем органе штата [13, p. 105]. Однако в 21 штате действуют законы против пирамид, которые определяют мошенничество с использованием пирамидных схем и отделяют его от законных бизнес-практик [44]. Кроме того, во всех пятидесяти штатах существуют законы о ценных бумагах [45], которые регулируют пирамидные схемы с использованием ценных бумаг, а также нарушения требований раскрытия информации [15, p. 116].

Однако применение законов штатов против компаний, действующих сразу в нескольких штатах, затруднено, поскольку эти законы сильно отличаются друг от друга [13, p. 144]. В результате компания может легко переместиться в тот штат, где ответственность или требования раскрытия информации ниже [13, p. 144]. Эта проблема становится особенно актуальной с усилением роли коммуникационных технологий и Интернета в развитии пирамидных схем [7]. Кроме того, различия в законах штатов относительно пирамид в частности и ведения бизнеса в целом приводят к несогласованности правоприменения[59]. Такая непоследовательность и непредсказуемость затрудняют развитие экономически продуктивных видов бизнеса, например, законных МЛМ-программ[60]. Наконец, законы штатов, слишком узко определяющие термин «пирамидная схема», могут невольно задать направление основателям будущих пирамид, которые могут придумать схему, обходящую данное определение[61].

Сходные трудности представляет применение законов штатов о ценных бумагах против пирамидных схем [13, pp. 104–105]. То самое разнообразие, которое снижает эффективность антипирамидных законов как инструментов регулирования, свойственно и законам о ценных бумагах [46, pp. 1640–1642]. Более того, в 1996 г. был принят Закон о совершенствовании рынков ценных бумаг (*NSMIA*)[62], во многом перекрывающий действие законов штатов о ценных бумагах[63]. Например, согласно этому закону штаты не могут требовать регистрации или раскрытия информации от эмитентов регулируемых ценных бумаг[64]. Затем Закон о единых стандартах судебных процессов в отношении ценных бумаг 1998 г.[65] также вывел большинство действий с публично торгуемыми ценными бумагами из юрисдикции судов штатов[66]. Кроме того, даже если законы прямо не перекрывают действие законов штата, суды часто выносят решение о том, что федеральный закон о ценных бумагах имеет приоритет над законом штата в случае их несоответствия[67]. Таким образом, в настоящее время роль штатов в регулировании и правоприменении в области ценных бумаг значительно ограничена[68]. Итак, хотя законодательство уровня отдельного штата может помочь в борьбе с пирамидными схемами в границах штата, в целом это не очень эффективный инструмент для противодействия этой проблеме на общенациональном уровне.

схема распоряжения или распределения имущества, при которой участник рассчитывает получить оплату за привлечение одного и более человек к участию в данной схеме»), Mich. Comp. Laws § 445.2582(h) (2020) («Под термином “пирамидная схема продвижения” понимается любой план или операция, при которой участник рассматривает возможность получения оплаты преимущественно за счет привлечения других лиц в программу или план, а не за счет продажи продукции или услуг конечным потребителям или за счет использования продукции или услуг конечным потребителем»).

[58] Федеральные власти и власти штатов сходным образом определяют возможность ведения бизнеса как «ситуацию, при которой продавец предлагает будущему покупателю участвовать в бизнесе, будущий покупатель вносит требуемую оплату, а продавец – прямо или косвенно – раскрывает определенные пункты патентной формулы» [43].

[59] См. [9, p. 118; 20, pp. 893–894]; см. также [46].

[60] См. [11, pp. 289–290] (отмечается двусмысленность и неопределенность применения законов различных штатов к многоуровневому маркетингу).

[61] См. [47–48].

[62] Pub. L. No. 104-290, 110 Stat. 3416 (кодифицирован с изменениями в различных разделах 15 и 29 U.S.C.).

[63] 15 U.S.C. § 77r (2018); Thomas Lee Hazen, Treatise on the Law of Securities Regulation§ 1.24 (7th ed. 2019).

[64] 15 U.S.C. § 77r.

[65] Pub. L. No. 105-353, 112 Stat. 3227 (кодифицирован с изменениями в различных разделах 15 U.S.C.).

[66] Hazen, выше прим. 62, § 1.24.

[67] Там же.

[68] См. [49]. Однако законы штатов могут быть полезны для борьбы с мошенничеством на местном уровне, а также штаты сохраняют свою юрисдикцию по некоторым делам с ценными бумагами. См. Hazen, выше сноску 62, § 1.24. Например, в суде штата может рассматриваться дело о тех ценных бумагах, которые не торгуются публично. Там же.

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

2. Федеральная торговая комиссия (FTC)

Федеральная торговая комиссия начала активную правоохранительную деятельность против пирамид на федеральном уровне в 1970-е гг., когда стали появляться и бурно развиваться МЛМ-компании современного типа [50]. Два важных дела, в которых участвовали компании *Koscot Interplanetary, Inc.*[69] и *Amway Corp.*[70], позволили выработать критерии для определения незаконных пирамидных схем, которым пользуется Федеральная торговая комиссия, и их отличия от законных МЛМ-программ [50, pp. 228–230].

В деле Koscot Федеральная торговая комиссия признала, что эта компания строила получение прибыли на привлечении новых участников путем ложных обещаний будущей прибыли[71]. Однако из-за высокой насыщенности рынка и чрезвычайно низкого рыночного спроса на продукцию все, кто вступил в программу позже первых нескольких раундов рекрутинга, практически гарантированно теряли деньги, потраченные на первоначальную закупку товара для перепродажи[72].

Федеральная торговая комиссия показала, что бизнес-модель компании *Koscot* была ложной и вводящей в заблуждение, а значит, их действия были незаконными[73]. Поэтому судья по административным делам постановил, что характеристиками незаконных пирамид являются выплаты участников, «в обмен на которые они получают (1) право продавать продукт и (2) право получать за привлечение новых участников вознаграждения, не имеющие отношения к продаже продукта конечному потребителю»[74]. Федеральная торговая комиссия до сих пор использует это определение [24].

В решении по делу *Amway*, где утверждалось, что эта компания не является пирамидой и не использует мошеннические практики, были даны ориентиры для различения незаконных пирамид от законных МЛМ-программ[75]. В этом решении указывались три принципа компании, которые обеспечивали достаточную защиту интересов потребителя. Во-первых, это выкуп товара у дистрибьюторов, покидающих программу [13, p. 95]. Во-вторых, требование, чтобы дистрибьюторы продавали минимум десяти разным покупателям ежемесячно [13, p. 95]. И, в-третьих, дистрибьюторы должны были продавать 70 % товара, закупленного у компании в месяц, покупателям вне сети *Amway* [13, p. 95].

После дела *Amway* эти три принципа стали известны как «правило безопасности Amway» [5, p. 24]. Как правило, применяя эти принципы в своей бизнес-модели, законные МЛМ-компании могут обезопасить себя от возможной ответственности перед Федеральной торговой комиссией [5, p. 24]. В течение десятилетий, прошедших со времени дел *Koscot* и *Amway*, правовой подход ФТК оставался неизменным [13, pp. 88–90]. Комиссия по-прежнему занимается в основном, если не сказать исключительно, вопросами правоприменения и вынесения решений по отдельным делам[76].

Хотя ФТК имеет опыт достаточно успешной борьбы с крупными пирамидами, существует несколько значительных аспектов, препятствующих эффективному регулированию и правоприменению в этой сфере. Во-первых, прекращение деятельности незаконной программы по федеральному закону *FTCA* 1914 г. сложно, затратно по времени и деньгам [6, p. 588]. Например, чтобы доказать, что компания неверно указывала потенциальные доходы, требуется очень много фактов, а значит, значительные ресурсы комиссии[77]. Кроме того, мошенники научились адаптироваться и применяют различные новшества, чтобы уйти от ответственности, затрудняя доказательную деятельность ФТК[78]. А также к тому времени, как пирамида станет достаточно крупной, чтобы при-

[69] 86 F.T.C. 1106 (1975).
[70] 93 F.T.C. 618 (1979).
[71] Koscot, 86 F.T.C. at 1112.
[72] Там же.
[73] Там же.
[74] Там же. P. 1180.
[75] См. Amway Corp., 93 F.T.C. 618 (1979).

[76] См. [24, p. 82] (поясняется, что задачей комиссии является правоприменение и вынесение решений по отдельным делам, а не инструктивное нормотворчество).

[77] См. [14, 1272, No. 99]; см. также [13, pp. 95–96] (поясняется, что компании защищают себя от обвинений в предоставлении неверной информации, громко заявляя об успехах отдельных лиц на вершине пирамиды и делая предупреждения в самом общем и неконкретном виде); [6, p. 591] (отмечено, что вынесение решений Федеральной торговой комиссией требует «долгого и сложного анализа фактов с использованием балансов, процентных ставок и достаточно произвольных коэффициентов»).

[78] См. FTC v. BurnLounge, Inc., 753 F.3d 878, 883 (9th Cir. 2014) (окружной суд описал систему вознаграждений *BurnLounge* как «сумасшедший лабиринт»).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

влечь внимание ФТК, большинство ее участников уже понесут крупные потери, которые невозможно возместить[79].

Наконец, ФТК может подавать только гражданские иски против основателей пирамид[80]. Соответственно, учитываются только финансовые потери от нарушения закона, хотя иногда они могут быть значительными[81]. Поскольку правоохранительные действия занимают много времени и не всегда гарантируют результат[82], общий сдерживающий эффект от деятельности Федеральной торговой комиссии остается достаточно слабым [52].

3. Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC)

Комиссия по ценным бумагам и биржам начала заниматься проблемой пирамид примерно в одно время с Федеральной торговой комиссией [12, p. 128]. В ноябре 1971 г. она опубликовала основополагающий документ, в котором отмечалось, что пирамидная схема может включать предложение о продаже ценных бумаг согласно Закону о ценных бумагах 1933 г.[83] Отнесение пирамидных схем к области ценных бумаг имеет несколько важных последствий [12, p. 129]. Во-первых, основатели таких пирамид обязаны зарегистрировать в Комиссии по ценным бумагам и биржам любое соглашение между компанией и потенциальными инвесторами[84]. Во-вторых, инвесторы, получающие комиссию или другие вознаграждения за привлечение других участников, должны быть брокерами, как определено в Законе о фондовых биржах 1934 г.[85] В-третьих, мошеннические действия или практики, связанные с продажей или предложением участия в программе, регулируются противомошенническими положениями законодательства о ценных бумагах[86]. Далее, в рамках федеральных законов о ценных бумагах незаконные прибыли, полученные от пирамид, могут быть изъяты в пользу государства[87]. Хотя Комиссия по ценным бумагам и биржам не обладает полномочиями требовать реституций от нарушителя законов о ценных бумагах, ей часто удавалось через судебные запреты добиться изъятия прибыли в качестве дополнительной меры возмещения[88]. Затем эти средства помещались на депозит и распределялись между жертвами, которым полагалось возмещение[89]. Комиссия по ценным бумагам и биржам может также выпустить приказ об изъятии прибыли у нарушителей законов о ценных бумагах[90]. При этом применение этих регулирующих инструментов зависит от того, подпадает ли конкретная пирамидная схема под федеральное определение «ценных бумаг» [12, p. 124].

История и практика применения федеральных законов о ценных бумагах дает возможность исследовать вопросы их трактовки и применения к пирамидным схемам. Федеральное законодательство в области ценных бумаг возникло в результате печально известного биржевого обвала 1929 г. [53]. В тот период Конгресс был очень обеспокоен тем, что инвесторов обманом завлекают в фальшивые компании, а мошеннические схемы никак не контролируются [53, p. 165]. В этой ситуации Конгресс использовал законодательство штатов о контроле над капиталовложениями[91] в качестве модели для создания федерального режима в области ценных бумаг [55].

Для защиты инвесторов Конгресс разработал широкое правовое определение ценных бумаг, охватывающее весь спектр финансовых инструментов и инвестиционных возможностей [13, pp. 97–103]. Соответственно, Верховный Суд США интерпретирует термин «ценная бумага» в рамках Закона о ценных бумагах 1933 г. как «включающий в себя по названию или описанию множество документов, подлежащих обмену с целью спекуляции или инвестирования»[92]. Суд признал, что некоторые из инструментов, такие как

[79] См. [51] (сообщается, что к моменту открытия дела по заявлению Федеральной торговой комиссии жертвой данной схемы стали более 100 тысяч человек, причем деньги потеряли более 90 % участников).

[80] См. 15 U.S.C. § 45 (2018).

[81] См. там же.

[82] См. выше сноску 52 и соответствующий текст.

[83] Multi-level Distributorships and Pyramid Sales Plans, Securities Act Release No. 5211, Exchange Act Release No. 9387, 36 Fed. Reg. 23, 289 (Nov. 30, 1971) [здесь и далее – Release].

[84] См. 15 U.S.C. § 77e (2018).

[85] См. там же, § 78c.

[86] См. там же, § 77x.

[87] См. Hazen, выше сноску 62, § 1.55.

[88] Там же.

[89] Там же.

[90] Там же.

[91] Термин «законодательство о контроле над капиталовложениями» («законы голубого неба» – *blue sky laws*) относится к законам штатов, регулирующим рынки ценных бумаг [54].

[92] SEC v. C.M. Joiner Leasing Corp., 320 U.S. 344, 351 (1943).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

векселя, облигации, государственные ценные бумаги, имеют определенное, давно устоявшееся значение[93]. Однако описательные обозначения или обобщающие термины, например, «инвестиционный контракт», могут относиться к «новым, не общепризнанным или нестандартным инструментам», если этот инструмент в целом предполагает внесение капитала с целью получить доход или прибыль от его использования[94].

Хотя пирамидные схемы не подпадают под какие-либо из устоявшихся юридических обозначений, таких как «государственные ценные бумаги» или «облигации», Комиссия по ценным бумагам и биржам постановила, что они являются ценными бумагами, поскольку представляют собой инвестиционные контракты [55, pp. 1352–1353]. Однако термин «инвестиционный контракт», хотя и включен законодательно в список инструментов, являющихся ценными бумагами, но сам по себе законодательно не определен [55, pp. 1352–1353]. Таким образом, в деле SEC v. W. J. Howey & Co.[95] Верховный Суд сформулировал критерии для определения того, действует ли инвестиционный контракт в рамках федеральных законов о ценных бумагах[96]. Суд постановил, что «для целей Закона о ценных бумагах инвестиционный контракт означает соглашение, сделку или схему, в которых лицо (1) инвестирует свои средства (2) в публичное предприятие и (3) ожидает получения прибыли исключительно за счет действий продвигающего лица или третьей стороны»[97].

В деле Хауи суд подчеркнул необходимость гибкой трактовки термина «инвестиционный контракт», с тем чтобы федеральные законы о ценных бумагах могли полноценно выполнять свою функцию защиты инвесторов[98]. Так, суд поддержал широко распространенную практику судов штатов, которые отдавали преимущество содержанию перед формой и подчеркивали необходимость учета экономической ситуации[99]. Более того, суд отметил, что федеральный режим в области ценных бумаг был создан на основе законодательства штатов о контроле над капиталовложениями[100]. Таким образом, суд обосновал намерение Конгресса придать термину «инвестиционный контракт» в рамках федерального закона то же гибкое и определенное значение, каким он обладает в рамках законов штатов[101]. Эти законы штатов были направлены преимущественно на защиту инвесторов против мошеннических схем с ценными бумагами и не ставили своей целью детально описать все возможные варианты, которые могут возникнуть на рынке капитала [53, p. 165].

Как будет показано ниже, Комиссии по ценным бумагам и биржам не всегда удавалось доказать в суде, что пирамиды включали продажу ценных бумаг. Тем не менее Комиссия регулярно инициирует правоохранительные действия против пирамид, преимущественно по обвинениям в предоставлении ложной или вводящей в заблуждение информации [13, pp. 96–97].

II. ПИРАМИДНЫЕ СХЕМЫ В ОБЛАСТИ ЦЕННЫХ БУМАГ: РАЗЛИЧНЫЕ КРИТЕРИИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ «ИНВЕСТИЦИОННОГО КОНТРАКТА»

Когда суд обнаруживает, что пирамида включала продажу ценных бумаг, открываются возможности для применения нескольких правовых механизмов[102]. Во-первых, основатели пирамиды могут понести ответственность за продажу незарегистрированных ценных бумаг[103] или за предоставление ложной и неполной информации при продаже таких ценных бумаг[104]. Далее, если предоставление ложной информации признано мошенничеством, виновные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности согласно федеральным законам о мошенничестве

[93] Там же.
[94] SEC v. W.J. Howey &Co., 328 U.S. 293, 299 (1946) («Он воплощает динамический, а не статичный принцип, а именно способность к адаптации к бесконечному числу разнообразных схем, разрабатываемых теми, кто желает воспользоваться чужими деньгами, обещая прибыль»).
[95] 328 U.S. 293 (1946).
[96] Там же. P. 299.
[97] Там же. Pp. 298–299.
[98] Там же. P. 301.
[99] Там же. P. 298.
[100] Там же.
[101] Там же; см. также [55, p. 1352] (отмечено, что Конгресс основывался на законодательстве штатов о контроле над капиталовложениями при выработке федеральных законов о ценных бумагах, для того чтобы построить гибкий правовой механизм защиты граждан).
[102] См. выше разд. I.*C*.3.
[103] См. 15 U.S.C. §§ 77e, 77l (2018).
[104] См. там же. § 77x; 17 C.F.R. § 240.10b-5 (2019).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

с использованием почты и электронных средств коммуникации[105]. Наконец, это позволяет жертвам мошенничества подавать частные иски против организаторов пирамиды по закону *PSLRA*[106]. Такое положение служит существенным сдерживающим фактором действия пирамидных схем [56].

Однако правоохранительные механизмы в рамках федеральных законов о ценных бумагах не всегда можно применить, так как суды не придерживаются единого подхода в отношении инвестиционного контракта[107]. Как пояснялось выше, критерий Хауи является основным инструментом при определении инвестиционного контракта в рамках федеральных законов о ценных бумагах[108]. Однако на уровне штата альтернативой критерия Хауи служит принцип рискового капитала[109]. В гл. II показано развитие этих двух различных критериев и их применение к пирамидным схемам с предполагаемым присутствием ценных бумаг.

A. Приложение критерия Хауи к пирамидным схемам

В случае пирамидных схем сложнее всего доказать выполнение третьей части критерия Хауи[110]. В ней определяется, ожидал ли инвестор получения прибыли «исключительно за счет действий продвигающего лица или третьей стороны»[111]. После дела Хауи некоторые комментаторы отмечали, что слово «исключительно» открывает возможности для обхода этого критерия[112]. По их мнению, критерий Хауи якобы не мог защитить тех инвесторов, которые прикладывали минимальные собственные усилия, а значит, организаторы пирамид могли включить требование номинального личного участия и тем самым обойти законы о ценных бумагах [14, pp. 1277–1278].

1. Либерализация третьей части критерия Хауи («действия других лиц»)

За годы, прошедшие после дела Хауи, несколько судов низших инстанций вынесли решения с менее строгой трактовкой третьей части критерия [59]. В деле *SEC v. Glenn W. Turner Enterprises, Inc. (Glenn Turner I)*[113] Комиссия по ценным бумагам и биржам подала иск против компании *Dare to Be Great* Гленна Тернера (*Glenn Turner*), которая продавала курсы личностного роста по модели МЛМ[114]. Защитники компании доказывали, что третья часть критерия Хауи не была выполнена[115]. Они утверждали, что на первых встречах в рамках программы инвесторам объясняли возможность привлекать новых участников и говорили о важности собственных усилий[116]. Соответственно, по словам защитников, участников не вводили в заблуждение, говоря, что они будут получать прибыли исключительно за счет усилий других людей[117].

Несмотря на это, суд постановил, что данная схема представляет собой инвестиционный контракт по трем причинам. Во-первых, любые деловые навыки, которыми мог обладать инвестор, играли несравнимо меньшую роль, чем его способность оплатить участие в программе[118]. Во-вторых, первоочередной, если не единственной, обязанностью инвестора было привлечение новых участников на встречи в рамках программы[119]. В-третьих, успех или провал программы целиком зависели от бизнес-решений высшего руководства компании[120]. Таким образом, поскольку основные управленческие функции выполняли именно руководители, а не отдельные участники компании,

---

[105] См. 18 U.S.C. §§ 1341, 1343 (2018).
[106] См. 15 U.S.C. § 78u-4.
[107] См. ниже разд. II.*A*.
[108] См. ниже разд. II.*A*.
[109] См. ниже разд. II.*B*.
[110] См. [13, pp. 99–100; 14, p. 1277]. См. в целом [12]. В редких случаях пирамиды не соответствуют также второй части («публичное предприятие»). См., например, United States v. Holtzclaw, 950 F. Supp. 1306, 131416 (S.D.W. Va. 1997). Однако для целей данной работы обсуждать эту часть критерия бессмысленно, поскольку федеральные суды всегда находят соответствие пирамид этому требованию [13, p. 99]. Более подробное обсуждение этой части критерия и различные точки зрения судов на ее применение см. [57].
[111] SEC v. W.J. Howey &Co., 328 U.S. 293, 299 (1946).
[112] См. [58]; [14, pp. 1277–1278] (обсуждается, что компания Хауи могла потребовать от каждого инвестора приложить минимальное усилие и тем самым избежать применения этого критерия).
[113] 348 F. Supp. 766 (D. Or. 1972), aff'd, 474 F.2d 476 (9th Cir. 1973).
[114] Там же.
[115] Там же. P. 770.
[116] Там же.
[117] Там же.
[118] Там же. Pp. 775–776.
[119] Там же.
[120] Там же.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

суд вынес решение, что программа представляет собой инвестиционный контракт [12, p. 134].

Анализируя дело *Glenn Turner I*, суд поддержал подход, выработанный Верховным Судом штата Калифорния в деле *Silver Hills Country Club v. Sobieski*[121]. В нем суд штата сосредоточил внимание на экономической ситуации с ценными бумагами, постановив, что ценная бумага в принципе предполагает «вложение денег инвесторами в предприятие, над которым они не имеют управленческого контроля» [12, p. 134]. Суд по делу *Glenn Turner I* постановил, в том же ключе, что поскольку в конечном счете компания-учредитель несет ответственность за все управленческие решения и обязанности, то участники-инвесторы имеют право на защиту в рамках федеральных законов о ценных бумагах[122].

Девятая выездная сессия суда подтвердила это решение, постановив, что компания *Dare to Be Great* действительно предлагала инвестиционные контракты, пользуясь правомерно широкой трактовкой критерия Хауи[123].

В деле *SEC v. Glenn W. Turner Enterprises, Inc. (Glenn Turner II)*[124] суд постановил, что требование «исключительно за счет действий других лиц» «в рамках определения термина "инвестиционный контракт" не должно трактоваться как строгое или буквальное ограничение»[125]. Вместо этого критерий следует трактовать реалистично, «т. е. включать в определение схемы, содержащие ценные бумаги по существу, если не по форме»[126]. Это положение нужно признать особенно справедливым, учитывая восстановительные цели федеральных законов о ценных бумагах, политику всемерной защиты населения и постановление Верховного Суда о применении гибкого определения понятия «ценные бумаги»[127]. Тем самым Девятая выездная сессия смягчила понятие «исключительно», и критерий стал в большей степени означать «были ли действия других лиц несомненно существенными для успеха или провала предприятия»[128]. Аналогично, в деле *SEC v. Koscot Interplanetary, Inc.*[129], на Пятой выездной сессии, был проведен тщательный анализ решения по делу Хауи и заключения, на котором Верховный Суд основывал свой критерий[130]. Был сделан вывод, что термин «исключительно» нельзя трактовать буквально[131]. Важно признание судом того факта, что слишком буквальное толкование критерия Хауи не поможет, а затруднит достижение восстановительных целей федеральных законов о ценных бумагах[132].

Такой более функциональный подход к критерию Хауи теперь используется в большинстве случаев[133]. Однако, применяя этот критерий, федеральные суды приходили к различным выводам по поводу того, является ли конкретная пирамида моделью с ценными бумагами[134].

2. Различные трактовки понятия «управленческие действия»

Хотя выездные сессии либерализовали третью часть критерия Хауи, суды по-прежнему выносят различные решения в отношении количества и качества действий, предпринимаемых инвестором, которые должны определить наличие ценных бумаг в каждом конкретном случае[135].

---

[121] 361P.2d 906 (Cal. 1961).
[122] Glenn Turner I, 348 F. Supp. at 774–775.
[123] Glenn Turner II, 474 F.2d 476, 480 (9th Cir. 1973).
[124] 474 F.2d 476 (9th Cir. 1973).
[125] Там же. P. 482.
[126] Там же.
[127] Там же.

[128] Там же (отмечено, что цели Закона о ценных бумагах 1933 г. не достигаются выполнением правила, гласящего, что требование деятельности инвесторов само по себе определяет наличие инвестиционного контракта).
[129] 497 F.2d 473 (5th Cir. 1974).
[130] Там же. P. 480.
[131] Там же.
[132] Там же. P. 479.
[133] См. [53, p. 174]; см. также SEC v. SG Ltd., 265 F.3d 42, 54–55 (1st Cir. 2001) (отмечено, что апелляционные суды неизменно отклоняли буквальное толкование термина «исключительно» в данном контексте); Albanese v. Fla. Nat'l Bank of Orlando, 823 F.2d 408, 410-12 (11th Cir. 1987).
[134] См., например, Webster v. Omnitrition Int'l, Inc., 79 F.3d 776 (9th Cir. 1996); Glenn Turner II, 474 F.2d 476 (9th Cir. 1973); SEC v. Int'l Loan Network, Inc. (Loan Network I),770 F. Supp. 678 (D.D.C. 1991), aff'd, 968 F.2d 1304 (D.C. Cir. 1992).
[135] См. [60] (показано, что интерпретация и применение третьей части критерия Хауи всегда было достаточно иллюзорным, так как суды фокусировались на различных аспектах рассматриваемых компаний); [61] (утверждается, что «ни критерий Хауи, ни основанные на нем другие положения не определяли объем управленческого контроля, которым должен обладать инвестор, чтобы схема считалась инвестиционным контрактом»).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

К примеру, в деле *Kerrigan v. ViSalus, Inc.*[136] суд уделил много внимания различным видам деятельности, которые, как утверждали организаторы этого бизнеса, необходимо выполнять участникам, чтобы добиться успеха[137]. Компания представляла собой систему многоуровневого маркетинга по продаже смесей для похудения и сопутствующих товаров[138]. Прежде всего, суд вынес заключение, что рынок этой продукции был насыщен, поскольку компания *ViSalus* подчеркивала важность рекрутинга[139]. Поэтому почти все дистрибьюторы, вступившие в программу между 2010 и 2013 гг., потеряли деньги[140]. Суд постановил, что компания *ViSalus* представляла собой пирамиду из-за своей нацеленности на рекрутинг и структуры выплат[141]. Однако, перейдя к вопросу о ценных бумагах, суд вынес решение, что с точки зрения закона третья часть критерия Хауи не выполняется[142]. А именно суд рассмотрел документацию компании, в которой описывались действия дистрибьюторов, относящиеся к маркетингу, управлению и продажам[143]. Более того, во всех своих рекламных материалах компания подчеркивала роль личного участия каждого дистрибьютора в достижении успеха[144]. Суд отметил, что компания *ViSalus* снабжала дистрибьюторов всеми основными материалами по маркетингу и проводила обучение, однако счел важным, что участникам предоставлялась значительная степень свободы в том, как рекламировать или продавать продукт или предлагать участие в программе[145]. Соответственно, суд постановил, что нельзя утверждать, что действия дистрибьюторов были не важны, а значит, программа не выполняет третью часть критерия Хауи[146]. Это дело иллюстрирует подход, при котором основное внимание уделяется тому, как организаторы программы представляют потенциальному участнику – лично или через презентационные материалы – ожидаемый от него объем работы[147].

Другие суды уделяли больше внимания вопросу о том, являлась ли работа участников преимущественно работой исполнителя или организатора[148]. Например, в деле *Mitzner v. Cardet International, Inc.*[149] суд признал роль дистрибьюторов и территориальных представителей в программе МЛМ-продаж[150]. Как и в деле *Kerrigan*, суд также признал, что в соглашениях участников была отмечена обязанность привлекать других членов, распространять брошюры, принимать заказы и доставлять проданные товары[151]. Тем не менее суд по этому делу постановил, что действия участников были чисто исполнительскими[152]. В частности, несмотря на то, что успех участников зависел от выполнения ими определенных действий, суд подчеркнул, что именно компания определяла вид, качество и сущность продаваемых товаров, а также предоставляла маркетинговые и рекламные материалы[153]. Дистрибьюторы и территориальные представители были связаны правилами и процедурами, установленными компанией, у них не было возможности принимать значимые самостоятельные бизнес-решения[154].

---

[136] 112 F. Supp. 3d 580 (E.D. Mich. 2015).

[137] См. там же, Pp. 598–599.

[138] Там же. Pp. 586–587.

[139] Там же. Pp. 588.

[140] Там же.

[141] Там же. Pp. 593–595.

[142] Там же. P. 599.

[143] Там же. Pp. 598–599.

[144] Там же. Pp. 599 («Такие действия могут включать проведение мероприятий, например, для постановки задач; приобретение и использование рекламных материалов; организацию и оплату рассылок и изготовления печатных материалов… закупку товаров… и привлечение, обучение и наставничество клиентов и других распространителей…»).

[145] Там же, Pp. 598–599.

[146] Там же. P. 598. Тем не менее суд признал, что материалы дела позволяют утверждать, что возможность получения прибыли дистрибьюторами в значительной мере зависела от рекламной деятельности компании *ViSalus* и ее сети сотрудников.

[147] Accord Villeneuve v. Advanced Bus. Concepts Corp., 730 F.2d 1403, 1404 (11th Cir. 1984); Bitter v. Hoby's Int'l, Inc., 498 F.2d 183, 184–185 (9th Cir. 1974); United States v. Holtzclaw, 950 F. Supp. 1306, 1316–1317 (S.D.W. Va. 1997).

[148] См., например, Martin v. T. V. Tempo, Inc., 628 F.2d 887, 890–891 (5th Cir. 1980); Miller v. Cent. Chinchilla Grp., Inc., 494 F.2d 414, 416–418 (8th Cir. 1974); Lytikainen v. Schaffer's Bridal LLC, No. CV-18-04685-PHX-DWL, 2019 WL 3890313, at *3 (D. Ariz. Aug. 19, 2019).

[149] 358F. Supp. 1262 (N.D. Ill. 1973).

[150] Там же. Pp. 1267–1268.

[151] Там же. P. 1267.

[152] Там же. Pp. 1267–1268.

[153] Там же. P. 1268.

[154] Там же. Суд также учел тот факт, что от потенциальных участников компании *Cardet* не требовалось никакого опыта.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Соответственно, хотя участникам говорили о необходимости личных усилий при работе в этой компании, суд счел, что третья часть критерия Хауи не выполняется, потому что эти усилия были исполнительскими, а не управленческими[155]. Однако обязанности компании *Mitzner* и ее дистрибьюторов были практически такими же, что и в компании *Kerrigan*. Тем не менее два суда пришли к противоположным выводам в отношении существования в них ценных бумаг[156]. Такие случаи говорят о непоследовательности применения судами третьей части критерия Хауи к пирамидным схемам.

B. Анализ рискового капитала и критерий Hawaii Market Center

В ответ на негибкую формулировку критерия Хауи суды штатов начали создавать альтернативные критерии наличия инвестиционного контракта [54, p. 119]. Один из таких критериев, «критерий рискового капитала», получил несколько различных трактовок в федеральных судах и судах штатов[157]. Однако все они исходили из общего положения о том, что «подвергать первоначальный капитал покупателя риску, который ему неизвестен и над которым он не имеет контроля, – это «экономическая реальность», очевидно приводящая к необходимости специальных процедур, защитных и восстановительных мер против мошенничества в рамках законов о ценных бумагах» [62].

1. Разработка анализа рискового капитала

Судья Roger J. Traynor считается автором первого анализа рискового капитала, проведенного в деле *Silver Hills Country Club v. Sobieski*, которое велось по законам о ценных бумагах штата Калифорния[158]. Обвиняемые по этому делу собирали средства для финансирования и развития загородного клуба путем продажи членства в этом клубе[159]. Согласно плану организаторов, стоимость членства росла по мере развития клуба и появления новых услуг[160]. Члены клуба выплачивали ежемесячные взносы, не имея прав на долю дохода или капитала клуба[161]. При этом они могли пользоваться всем оборудованием, за исключением площадки для гольфа, а для получения членства необходимо было одобрение совета директоров[162]. Организаторы утверждали, что членство представляет собой обычный договор на продажу персональных рекреационных услуг[163]. Соответственно, по их словам, оно не подпадает под законы о ценных бумагах, так как его покупали не с целью инвестирования[164].

Тем не менее судья Traynor заключил, что законы о ценных бумагах созданы для «защиты лиц, рискующих личным капиталом при достижении своих целей в рамках законных предприятий»[165]. Следовательно, членство в клубе представляет собой ценную бумагу, так как выгоды от него будут реализованы только в том случае, если инвесторы и другие покупатели подвергнут свой капитал риску данного предприятия[166]. Хотя капиталовложение было оформлено как членство, риск потерь ничем не отличался от потери ценной бумаги, облигации или векселя[167]. Таким образом, в деле *Silver Hills* было впервые показано, что если средства инвесторов подвергаются риску предприятия, то риск потери перекладывается на участников, которые, следовательно, имеют право на защиту в рамках законов о ценных бумагах [60, p. 409].

Идея клуба Silver Hills была позже изучена Верховным Судом штата Гавайи в деле *State v. Hawaii Market Center, Inc.*[168] Компания Hawaii Market Center использовала программу «членов-основателей», сходную с идеей клуба *Silver Hills*: обвиняемые хотели открыть розничный магазин для продажи товаров

---

[155] Там же, pp. 1268–1269; ср. Ranieri v. AdvoCare Int'l, L.P., 336 F. Supp. 3d 701, 714 (N.D. Tex. 2018) (сделан вывод, что личные усилия дистрибьюторов были в большей степени номинальными или исполнительскими, тогда как управленческие функции выполнялись организаторами схемы).

[156] См. Mitzner, 358 F. Supp. at 1268–1269; Kerrigan v. ViSalus, Inc., 112 F. Supp. 580, 599 (E.D. Mich. 2015).

[157] См. Wiebolt v. Metz, 355 F. Supp. 255, 259 (S.D.N.Y. 1973) (отмечено, что подход с точки зрения рискового капитала не является общепризнанным).

[158] Silver Hills Country Club v. Sobieski, 361 P.2d 906 (Cal. 1961).

[159] Там же. Pp. 906–907.

[160] Там же. P. 907.

[161] Там же.

[162] Там же.

[163] Там же.

[164] Там же.

[165] Там же. P. 908.

[166] Там же.

[167] Там же.

[168] 485P.2d 105 (Haw. 1971).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

только тем, кто заплатил за карты доступа[169]. Для финансирования открытия этого магазина организаторы набирали «членов-основателей»[170]. Чтобы стать «членом-основателем», требовалось купить швейную машину либо набор кухонной утвари за 320 долларов при оптовой цене 70 долларов[171]. Взамен участник получал: возможность покупать в вышеупомянутом магазине после его открытия, пятьдесят карт доступа для распространения, право на 10%-ную комиссию со всех покупок, совершенных по этим картам доступа, а также выплаты за привлечение других «членов-основателей»[172].

Для определения, создана ли схема *Hawaii Market Center* по модели ценных бумаг, суд отверг критерий Хауи, аргументируя тем, что критерий предлагает слишком механическое и узкое понимание участия инвесторов[173]. В целом суд отметил, что критерий Хауи загоняет судебный процесс в семантическую ловушку и не помогает ответить на главный вопрос: можно ли в конкретном случае применить законы о ценных бумагах[174]. Вместо этого суд постановил в целях исполнения Стандартного Закона о ценных бумагах штата Гавайи, что «инвестиционный контракт имеет место, если:

(1) адресат оферты передает первоначальную стоимость оференту,

и (2) часть этой первоначальной стоимости вносится на счет рисков предприятия,

и (3) передача первоначальной стоимости вызывается обещаниями или сообщениями оферента, которые позволяют на разумных основаниях сделать вывод, что адресат оферты получит какого-либо рода материальную выгоду, превышающую первоначальную стоимость, в результате деятельности данного предприятия,

и (4) адресат оферты не получает права осуществлять практический и реальный контроль над управленческими решениями в рамках данного предприятия»[175].

[169] Там же. P. 107.
[170] Там же.
[171] Там же.
[172] Там же.
[173] Там же. P. 108.
[174] Там же.
[175] Там же. P. 109.

В аспекте пирамидных схем особенно важно то, что судам следует обратить внимание на качество участия и степень *контроля* над деятельностью предприятия, приобретаемые в результате такого участия в предприятии[176].

2. Принятие федеральными судами

Хотя критерий Хауи остается определяющим, многие федеральные суды признают анализ рискового капитала полезным инструментом для определения различных форм ценных бумаг[177]. Относительно инвестиционного контракта и условия «действия других лиц» суд по делу *SEC v. Aqua-Sonic Products Corp*.[178] отметил, что теоретические положения, лежащие в основе критериев рискового капитала, как в делах *Silver Hills* и *Hawaii Market Center*, можно использовать для дальнейшей разработки и уточнения понятия пассивности или несамостоятельности инвестора для критерия Хауи[179]. Более того, суд пришел к выводу, что концепция рискового капитала помогает провести различие между предприятиями с более традиционными инвестиционными предложениями, где риск понести убытки зависит от компетентности других лиц, и теми, где инвестор покупает право вести бизнес и осуществлять практическое руководство своими ресурсами[180].

Аналогичным образом, в деле *In re Bestline Products Securities & Antitrust Litigation*[181] задачей суда было определить, является ли МЛМ-компания ответчика пирамидой и инвестиционным контрактом. Для этого был применен критерий Хауи, однако началось

[176] Там же. P. 111. Эта концепция используется в законодательстве нескольких штатов. См., например, NNN Durham Office Portfolio 1, LLC v. Grubb &Ellis Co., No. 10-CVS-4392, 2016 WL 7489690, at *15 (N.C. Super. Ct. Dec. 29, 2016); King v. Pope, 91 S.W.3d 314, 324 (Tenn. 2002) (делается вывод, что критерий *Hawaii Market Center* предпочтителен, поскольку, кроме прочего, он ставит требование управленческого контроля в более явной и понятной форме).
[177] См., например, Elson v. Geiger, 506 F. Supp. 238 (E.D. Mich. 1980); Mr. Steak, Inc. v. River City Steak, 324 F. Supp. 640 (D. Colo. 1970), aff'd, 460 F.2d 666 (10th Cir. 1972).
[178] 524F. Supp. 866 (S.D.N.Y. 1981).
[179] Там же. Pp. 866, 878.
[180] Там же.
[181] 412 F. Supp. 732 (S.D. Fla. 1976), rev'd sub nom. Piambino v. Bailey (In re Bestline Prods. Sec. &Antitrust Litig.), 610 F.2d 1306 (5th Cir. 1980).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

длительное обсуждение значения риска, которые отдельные дистрибьюторы воспринимали как результат своих взаимоотношений с данной компанией[182]. Важно, что в своем анализе третьей части критерия Хауи суд тщательно рассмотрел степень контроля, которым обладали дистрибьюторы, и отношение этого контроля к их возможности преуспеть, а не просто характер и масштаб их усилий[183].

Понятие рискового капитала использовалось также для того, чтобы определить, можно ли классифицировать долговое обязательство как ценную бумагу[184]. Некоторые суды, разграничивая долговые обязательства по обычным коммерческим ссудам и по инвестициям, подпадающим под законы о ценных бумагах, оценивают степень риска, зависимость от управленческих действий других лиц и объем вложений, подпадающих под защиту в рамках законов о ценных бумагах[185]. Кроме того, в Пятой выездной сессии суда принцип рискового капитала использовался для определения, достаточно ли незначимы действия членов товарищества, чтобы обосновать наличие ценных бумаг в схеме, по критерию Хауи[186]. Согласно этому подходу, третья часть критерия Хауи выполняется, если: (1) по соглашению сторон один из партнеров получает так мало влияния, что власть фактически распределяется так же, как в компании с ограниченной ответственностью; или (2) партнер обладает настолько низким уровнем опыта или знаний в сфере бизнеса, что не способен разумно осуществлять свои полномочия; или (3) партнер настолько сильно зависит от уникальных управленческих навыков руководителя, что не может заменить его или иным способом осуществлять свои существенные полномочия[187].

Позже Комиссия по ценным бумагам и биржам постановила, что формулировка рискового капитала, принятая в суде по делу *Hawaii Market Center*, может применяться также в контексте федеральных законов о ценных бумагах и находится в русле подхода Верховного Суда о восстановительном характере федерального законодательства о ценных бумагах[188]. Важно мнение комиссии о том, что следует признать наличие ценных бумаг в схеме, если обязанности или полномочия инвестора имеют слабое непосредственное влияние на получение им обещанной выгоды[189]. В дальнейшем комиссия особо подчеркивала, что даже исполнение финансово важных обязанностей, напрямую влияющих на успех предприятия, может ничего не значить для анализа рискового капитала, если инвестор не имеет существенного контроля над использованием своих вложений[190].

Тем не менее, хотя анализ рискового капитала был принят на уровне штатов и обсуждался на федеральном уровне, формально критерий рискового капитала не заменил критерий Хауи[191]. Когда позднее появилась возможность сделать это в деле *United Housing*

---

[182] Там же. Pp. 750–753.

[183] Там же. Pp. 751–752 («Истцы не являются производителями мыла, и условия их участия в программе *Bestline National Marketing Plan* контролируются компанией *Bestline*… Условия программы *Bestline* таковы, что дистрибьютор выведен из бизнеса в качестве отдельного и независимого лица, а в случае краха компании дистрибьютор лишается средств»).

[184] См., например, Great W. Bank &Tr. v. Kotz, 532 F.2d 1252, 1256–1257 (9th Cir. 1976); C.N.S. Enters., Inc. v. G. &G. Enters., Inc., 508 F.2d 1354, 1249 (7th Cir. 1975).

[185] См., например, Danner v. Himmelfarb, 858 F.2d 515, 519 (9th Cir. 1988); Great W. Bank, 532 F.2d at 1256–1257; Elson v. Geiger, 506 F. Supp. 238, 241 (E.D. Mich. 1980), afd, 701 F.2d 176 (6th Cir. 1982).

[186] Например, SEC v. Arcturus Corp., 928 F.3d 400, 410–411 (5th Cir. 2019). Обсуждение значения «действий других лиц» в контексте товариществ с неограниченной ответственностью см. [63].

[187] Williamson v. Tucker, 645 F.2d 404, 424 (5th Cir. 1981).

[188] Release, выше сноска 82, pp. 23, 290 (выражена позиция Комиссии о том, что решение суда по делу *Hawaii Market Center* полностью соответствует восстановительным принципам Верховного Суда при толковании федеральных законов о ценных бумагах).

[189] Там же. Pp. 23, 289.

[190] Там же.

[191] См. [13, p. 100]. В дальнейшем возникли некоторые разногласия между федеральными судами относительно использования анализа рискового капитала исключительно для оценки инвестиций, сделанных в качестве первоначальной капитализации. См. Hazen, выше сноска 62, § 1:55; см. также Sec. Adm'r v. Coll. Assistance Plan (Guam) Inc., 533 F. Supp. 118, 123 (D. Guam 1981). Такой вопрос мог возникнуть, поскольку на раннем этапе во многих делах на уровне штатов, где разрабатывался и применялся критерий рискового капитала, включая дела *Silver Hills* и *Hawaii Market Center*, при создании предприятия имела место первоначальная капитализация. См., например, Jet Set Travel Club v. Corp. Comm'r, 535 P.2d 109 (Or. Ct. App. 1975); State ex rel. Healy v. Consumer Bus. Sys., Inc., 482 P.2d 549 (Or. Ct. App. 1971).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Foundation, Inc. v. Forman[192], Верховный Суд отказался использовать анализ рискового капитала[193].

Однако Верховный Суд не исключил возможность использовать критерий рискового капитала в каком-либо другом деле[194]. Суд лишь отметил, что фактическая сторона конкретного дела *Forman* ясно показала, что истцы не несли сколько-нибудь существенного риска, так как могли в любое время полностью вернуть свои вложения[195]. Следовательно, для этого дела критерий рискового капитала был неприменим[196]. Однако, как было показано на Девятой выездной сессии суда в деле *Great Western Bank &Trust v. Kotz*[197], Верховный Суд использовал одну из разновидностей анализа рискового капитала для выявления различий между аннуитетными инвестиционными контрактами, подпадающими под законы о ценных бумагах, и страховыми контрактами, которые освобождены от обязательной регистрации[198].

III. ОБЪЕДИНЕНИЕ УСИЛИЙ: КОМБИНИРОВАННЫЙ КРИТЕРИЙ ХАУИ – *HAWAII MARKET CENTER*

Как показало наше исследование, пирамидные схемы в США остаются серьезной, трудно регулируемой проблемой[199]. Она усугубляется нежеланием жертв публично говорить о ней, что затрудняет действия государственных органов по выявлению и ликвидации незаконных пирамид[200]. Федеральное законодательство о ценных бумагах является перспективным инструментом правоприменения в этой области[201]. Отнесение пирамидной схемы к разряду ценных бумаг открывает значительные возможности для привлечения организаторов к ответственности, в том числе уголовной[202]. Таким образом, если организаторы пирамиды видят вероятность квалификации их схемы в рамках федеральных законов о ценных бумагах, они могут опасаться применять ее [12, p. 124]. Кроме того, если схема все же запущена, повышается вероятность возмещения убытков жертвам, поскольку Комиссия по ценным бумагам и биржам может запросить изъятия доходов у организаторов[203].

Вместе с тем, как показало обсуждение в гл. II настоящей работы, несмотря на либерализацию третьей части критерия Хауи («действия других лиц»), среди федеральных судов продолжает наблюдаться непоследовательность в категоризации и анализе действий участников и дистрибьюторов в пирамидных схемах[204]. Соответственно, вопрос применения федеральных законов о ценных бумагах к пирамидным схемам остается неурегулированным. Более того, несколько пирамидных схем избежали ответственности по федеральному законодательству о ценных бумагах из-за третьей части критерия Хауи, хотя обладали всеми экономическими характеристиками ценных бумаг[205]. В результате образование пирамидных схем недостаточно эффективно сдерживается федеральными законами о ценных бумагах.

В разд. III.*A* показано, что пирамидные схемы обладают фундаментальными экономическими характеристиками ценных бумаг и являются разновидностью именно тех мошеннических инвестиционных схем, против которых направлено законодательство о ценных бумагах. Раздел III.*B* доказывает, что применение

---

[192] 421 U.S. 837 (1975).

[193] Там же. P. 857.

[194] См. там же.

[195] Там же. P. 857, No. 24.

[196] Там же.

[197] 532 F.2d 1252 (9th Cir. 1976).

[198] Там же, p. 1257, No. 2 (сначала цитируется дело SEC v. United Benefit Life Ins. Co., 387 U.S. 202, 211 (1967) (суд постановил, что принятие *некоторой* части риска страховой компанией не приводит само по себе к появлению аннуитетного контракта в рамках освобождения от обязательного страхования); затем цитируется дело SEC v. Variable Annuity Life Ins. Co. of Am., 359 U.S. 65, 71–73 (1959) (суд постановил, что в данном случае, поскольку инструмент инвестиций возлагал все риски на инвестора, аннуитет считался ценной бумагой с обязательной регистрацией в SEC)).

[199] См. выше разд. I.*B*, II.

[200] См. выше разд. I.*B*.

[201] См. выше разд. I.*C*.3.*B*. Однако см. также [13, pp. 102–103] (показано, что правоохранительная деятельность *SEC* затруднена из-за недостатка ресурсов, а также что отказ от штрафных компенсаций в делах с ценными бумагами делает частные иски менее желательными).

[202] См. [60, p. 429]; выше гл. I.

[203] См. выше разд. I.*C*.3; см., например, SEC v. DFRF Enters. LLC, 384 F. Supp. 3d 129, 131 (D. Mass. 2019).

[204] См. выше разд. II.*A*.

[205] См., например, Ranieri v. AdvoCare Int'l, L.P., 336 F. Supp. 3d 701, 713–715 (N.D. Tex. 2018); SEC v. Int'l Heritage, Inc., 4 F. Supp. 2d 1378, 1383 (N.D. Ga. 1998); United States v. Holtzclaw, 950 F. Supp. 1306, 1313, 1317 (S.D.W. Va. 1997).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

третьей части критерия Хауи приводит к непоследовательным и недобросовестным результатам в контексте пирамидных схем и не является значимым аналитическим инструментом. В разд. III.*C* автор призывает федеральные суды при подозрении на пирамидное мошенничество заменить третью часть критерия Хауи («действия других лиц») на последнюю часть критерия *Hawaii Market Center*. И наконец, в разд. III.*D* показано, почему такой комбинированный критерий Хауи – *Hawaii Market Center* дает более обоснованные результаты, соответствующие принципам, целям и задачам федерального законодательства в области ценных бумаг.

A. Почему защита в рамках законов о ценных бумагах должна быть применена к пирамидным схемам

Законы о ценных бумагах были приняты Конгрессом в целях защиты инвесторов от ложных, неполных заявлений и других видов мошенничества [12, p. 124]. История принятия этих законов показывает, что они направлены в основном на противодействие манипулированию и виктимизации инвесторов [64]. С самого начала целью было требование раскрытия существенной информации, так чтобы и инвесторы, и другие участники рынка обладали достаточной информацией для принятия разумных решений относительно инвестирования[206].

Федеральное законодательство в области ценных бумаг не является универсальным инструментом для борьбы со всеми видами мошенничества; однако пирамидные схемы обладают всеми признаками мошенничества с использованием ложной информации, против которого и создавались эти законы. Принципиально пирамиды являются схемами по передаче денежных средств [19, p. 196]. Таким образом, они не создают реальной экономической ценности, так как не дают прибыли от продажи товаров или услуг [23, p. 82; 7]. Вместо этого они почти всегда используют мошеннические заявления и приводят к финансовым потерям огромного большинства участников[207]. Кроме того, из-за усложненных и запутанных структур таких схем потенциальным участникам крайне сложно оценить степень риска или законность предприятия [13, p. 86–88; 12, pp. 123–128; 14, p. 1261]. В итоге пирамиды объединяют в себе все аспекты, от которых призваны защищать федеральные законы о ценных бумагах: мошенничество, ложная информация, обман при инвестировании, неадекватная степень раскрытия информации[208].

B. Соотношение усилий и контроля со стороны инвестора

История принятия и все содержание федеральных законов о ценных бумагах отражают основной принцип: государство гарантирует защиту инвесторов в том случае, если они участвуют в деятельности предприятия, а следовательно, обладают информацией [66; 62, p. 396]. Значительный акцент на раскрытии информации, заложенный в этих законах, основан на том, что инвесторов можно защитить лишь тогда, когда им полностью доступны все необходимые данные об их вложениях[209]. Такое раскрытие информации дает инвесторам средства для самостоятельной оценки выгоды от инвестирования[210]. Отсюда следует, что риск столкнуться с мошенничеством значительно снижается, если инвестор вкладывает деньги в предприятие, над которым он обладает существенным контролем, поскольку такой инвестор неизбежно будет обладать и существенной информацией о своих вложениях [62, p. 396].

Таким образом, условие «действия других лиц» само по себе не позволяет отделить пассивных инвесторов от активных [62, p. 396; 66, pp. 154–155, 170–172; 12, p. 135]. Это всего лишь средство выявить тех инвесторов, которые не имеют непосредственного контроля над решениями, влияющими на состояние их денег, и в этом случае закон обязывает раскрывать существенную информацию о предприятии [12,

[206] Там же; см. также там же. P. 539 («Конгресс принял законы о ценных бумагах с целью защиты социально ориентированных ценностей, таких как справедливость, равенство, защита инвесторов, борьба с мошенничеством, пропаганда этических норм»).

[207] См. выше разд. I.*A*.2, I.*B*.

[208] См. [65] (обсуждается, каким образом внимание Конгресса к защите прав инвесторов-неспециалистов, делающих вложения в невыгодные и мошеннические схемы, привело к созданию федерального законодательства о ценных бумагах).

[209] См. Hazen, выше сноска 62, §§ 1.16–1.18.

[210] Там же.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

p. 135; 63, pp. 154–155, 170–172]. Если же инвестор обладает реальным контролем в процессе своего участия в предприятии, то необходимость в защите со стороны государства снижается[211], как и необходимость принуждать к раскрытию информации с целью дать возможность инвестору принимать осознанные решения относительно этого предприятия[212].

Этот подход и отражен в отказе от термина «исключительно» в третьей части критерия Хауи [57, p. 2137]. Как было отмечено Верховным Судом, Конгресс намеренно сформулировал определение «ценной бумаги» в самых общих терминах [64, pp. 535–536]. Также Конгресс признал, что на рынке капитала могут возникнуть самые разные схемы [64, pp. 535–536]. Поэтому законы о ценных бумагах содержат такие описательные формулировки, как «инвестиционный контракт», достаточно широкие и гибкие, чтобы закон мог исполнять свои восстановительные функции и в полной мере защищать инвесторов [64, pp. 535–536]. Именно поэтому буквальное толкование термина «исключительно» не соответствует основному принципу, а именно гибко определять в схеме наличие ценных бумаг, ориентируясь на экономические реалии[213]. С другой стороны, риск понести убытки при отсутствии контроля является одной из неотъемлемых характеристик экономических реалий ценных бумаг [62, pp. 375, 381]. Этот подход прослеживается, начиная с дела *SEC v. C.M. Joiner Leasing Corp.*[214], когда Верховный Суд признал, что необходимость защиты покупателя в рамках федеральных законов о ценных бумагах непосредственно определяется степенью влияния вложенных средств покупателя на успешность всего предприятия [62, p. 381].

Экономическая реальность пирамидных схем состоит в том, что участники делают инвестиции, и зачастую очень значительные, однако доход зависит от непрерывного привлечения новых участников в геометрической прогрессии, которая математически невозможна[215]. Поскольку участники не обладают контролем над программой в целом, доход в значительной степени зависит от решений и действий других лиц[216]. Соответственно, объем, природа и качество действий самого участника часто не имеют никакого влияния на успешность его вложений[217].

Именно поэтому третья часть критерия Хауи, которую суды часто используют для выяснения количественных и качественных показателей действий участников, не несет большого смысла в контексте пирамидных схем[218]. В незаконных пирамидах участник может полностью посвятить себя продажам фальшивого товара, развитию клиентской базы или управлению бизнесом[219]. Но его доход будет по-прежнему зависеть только от насыщенности рынка и от набора

---

[211] См. SEC v. Galaxy Foods, Inc., 417 F. Supp. 1225, 1239 (E.D.N.Y. 1976) (отмечено, что гибкий критерий на присутствие ценных бумаг «эффективно способствует выполнению задачи законодательства о ценных бумагах по «защите пассивных инвесторов – неспециалистов» (цитируется по Mr. Steak, Inc. v. River City Steak, Inc., 324 F. Supp. 640, 644 (D. Colo. 1970), aff'd, 460 F.2d 666 (10th Cir. 1972)).

[212] См. [66, p. 171] (отмечается также, что ценные бумаги являются уникальным средством вложения, поскольку инвесторы теряют контроль над своими вложениями, и что это послужило одной из главных причин появления законодательства о ценных бумагах); см. United States v. Leonard, 529 F.3d 83, 91 (2d Cir. 2008) (сделан вывод, что основным аспектом при определении ценных бумаг является возможность для инвестора управлять своими вложениями); Glenn Turner I, 348 F. Supp. 766, 775 (D. Or. 1972) (отмечается, что в судебных делах, где рассматривалось значение «инвестиционного контракта», всегда обращалось внимание на то, могли ли инвесторы влиять на успех предприятия), aff'd, 474 F.2d 476 (9th Cir. 1973).

[213] См. SEC v. Arcturus Corp., 912 F.3d 786, 793 (5th Cir. 2019); Bailey v. J.W.K. Props., Inc., 904 F.2d 918, 920 n.3 (4th Cir. 1990); Glenn Turner II, 474 F.2d 476, 482 (9th Cir. 1973).

[214] 320 U.S. 344 (1943).

[215] См. Villeneuve v. Advanced Bus. Concepts Corp., 698 F.2d 1121, 1126 (11th Cir. 1983) (Kravitch, J., возражение); [22, p. 528; 7; 25].

[216] См. Villeneuve,698 F.2d at 1126 (Kravitch, J., dissenting); SEC v. Koscot Interplanetary, Inc., 497 F.2d 473, 485 (5th Cir. 1974); см., например, Smith v. LifeVantage Corp., No. 2:18-CV-00621, 2019 WL 6616308, at *2–3 (D. Utah Dec. 5, 2019); Shuxin Li v. EFT Holdings, Inc., No. CV-13-8832, 2015 WL 12747812, at *2 (C.D. Cal. July 21, 2015).

[217] См. [22, pp. 528–530] (показано, «насколько потенциальный доход участника зависит от времени его вступления в программу»); [26, p. 694] (отмечается, что как только пирамидная схема достигает неизбежной точки насыщения, «действия инвестора становятся попросту бессмысленными, даже если он проводит все свое время в тщетных усилиях продать непродаваемое» (цитируется по Glenn Turner I,348 F. Supp. 766, 776 (D. Or. 1972))).

[218] См. выше разд. II.*A*; см. также [62, p. 395] (утверждается, что если фактор риска инвестиций не определен должным образом, то «некоторые сделки, при которых инвесторы действительно рискуют первоначальным капиталом, могут не попасть в классификацию сделок с ценными бумагами»).

[219] См. выше разд. II.*A*.

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

новых нижестоящих участников[220]. Поэтому в пирамидной схеме инвестор вполне может прикладывать значительные управленческие усилия, но они не защитят его ни от убытков, которые заложены в программу, ни от недостаточности информации относительно истинной сущности программы[221]. Независимо от объема действий, требуемых от участников пирамидной схемы, эти действия почти никогда не определяют их доход; основной фактор, определяющий получение денег участником пирамидной схемы, – это время его вступления в программу [26, p. 694].

C. Сочетание критериев Хауи и Hawaii Market Center: объединение аспектов практического и реального контроля

В контексте пирамидных схем критерий Хауи возможно привести в соответствие с целями федеральных законов о ценных бумагах и повысить эффективность защиты инвесторов с помощью введения четвертой части критерия *Hawaii Market Center*, который говорит о контроле инвестора.

Последняя часть критерия *Hawaii Market Center* требует, чтобы «адресат оферты не получал права осуществлять практический и реальный контроль над управленческими решениями в рамках данного предприятия»[222]. В практике применения этот критерий отделяет практический и реальный *контроль* над управленческими решениями от управленческих *усилий*[223]. Например, в деле *Wieboldt v. Metz*[224] окружной суд выяснял вопрос применения критерия рискового капитала к договору франшизы[225]. Суд отметил, что при обычном договоре франшизы пользователь получает право на принятие решений, влияющих на экономическую жизнеспособность предприятия[226]. И наоборот, согласно критерию рискового капитала, если франшизополучатель не обладает существенным контролем над предприятием, то имеет место инвестиционный контракт[227]. Аналогично в деле *Securities Administrator v. College Assistance Plan (Guam), Inc.*[228] суд применил критерий *Hawaii Market Center*, обосновав это тем, что данный критерий в большей степени направлен на практический и реальный контроль, и тем самым признав, что важно выяснить не только степень, но и результат участия инвестора[229].

Если при оценке предполагаемой пирамидной схемы суд сосредотачивается на том, сохраняет ли инвестор контроль над успешностью предприятия, то это может помочь избежать риска произвольного исключения некоторых схем из сферы федерального законодательства о ценных бумагах[230]. Во многих инвестиционных программах, таких как в деле Хауи, действия или бездействие инвестора напрямую связаны с уровнем контроля и знаниями этого инвестора[231]. Однако в пирамидах инвесторы могут сохранять формальный контроль и прилагать значительные усилия, но эти усилия не будут влиять на успешность всего предприятия[232]. Следовательно, когда речь идет о предполагаемой пирамидной схеме, важнее выяснить не насколько значительные усилия были приложены инвесторами, а повлияли ли их действия на их доход.

Таким образом, с помощью комбинированного критерия Хауи – *Hawaii Market Center* будет более эффективно реализован подход, лежащий в основе критерия Хауи, а именно акцент на экономическую реальность, гибкость, защиту инвесторов от мошеннических,

---

[220] См. Loan Network II, 968 F.2d 1304, 1308-09 (D.C. Cir. 1992).

[221] См., например, Mitzner v. Cardet Int'l, Inc., 358 F. Supp. 1262, 1267–1268 (N.D. Ill. 1973).

[222] State v. Haw. Mkt. Ctr., Inc., 485 P. 2d 105, 109 (Haw. 1971).

[223] См. [14, p. 1286] (утверждается, что критерий *Hawaii Market Center* преодолел некоторые ограничения критерия Хауи за счет рассмотрения аспекта контроля инвесторов над производством прибыли вместо аспекта действий инвесторов).

[224] 355F. Supp. 255 (S.D.N.Y. 1973).

[225] Там же. Pp. 259–260.

[226] Там же. P. 260.

[227] Там же.

[228] 533F. Supp. 118 (D. Guam 1981).

[229] Там же. P. 123. Некоторые суды прокомментировали, что значимой разницы между третьей частью критерия Хауи и заключительной частью критерия *Hawaii Market Center* больше не существует, поскольку критерий Хауи стал более гибким после дел *Koscot* и *Glenn Turner*. Однако различия между действиями с одной стороны и работой и управлением с другой «становятся очень важными, когда речь идет о новых схемах, целенаправленно разработанных для обхода критерия Хауи» [66, p. 176].

[230] См. [66, p. 145] (отмечается, что после дела Хауи суды почти всегда трактовали термин «действия» как «любые действия инвестора», независимо от их влияния на процессы управления предприятием); [14, p. 1293] (отмечено, что «законодательство о ценных бумагах выиграло бы от существенной разработки анализа управленческих действий»).

[231] SEC v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293, 299–300 (1946).

[232] См. выше разд. III.*B*; см. также [12, pp. 123–125].

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

сложно выявляемых схем[233]. Поскольку пирамиды отличаются бо́льшим разнообразием, чем другие виды инвестиционных контрактов, и их нелегко классифицировать, судам было бы целесообразно использовать такой критерий, который лучше отражает ущерб, подлежащий предотвращению или возмещению[234].

Такой подход уже сейчас широко применяется в судах низших инстанций, когда они сталкиваются с такими механизмами инвестирования, которые сложно анализировать или которые подвержены влиянию множества переменных[235]. Есть примеры того, что суды уже смещают фокус своего анализа в области третьей части критерия Хауи, концентрируясь в большей степени на аспектах контроля, чем действий, когда этого требуют конкретные факты[236]. Например, рассматривая схему продажи с одновременной обратной арендой в деле *Albanese v. Florida National Bank of Orlando*[237], суд на Одиннадцатой выездной сессии обнаружил, что эта схема (инвесторы покупали льдогенераторы, а затем сдавали их в аренду продавцам) является схемой с ценными бумагами[238]. Обвиняемые продавцы отметили, что инвесторы сохраняли право отказаться от выбранного местоположения, право регулярно получать отчеты о собранных и потраченных средствах, право разорвать контракт на указанных условиях[239]. Обвиняемые утверждали, что третья часть критерия Хауи не выполняется, поскольку инвесторы обладали правами и обязанностями[240]. Однако суд признал, что, несмотря на наличие формальных обязанностей по условиям договора, контроль инвесторов был лишь иллюзорным[241]. Природа предприятия была такова, что инвесторы не могли не передать свои средства в распоряжение компании[242].

Наконец, комбинированный критерий соответствует принципам, лежащим в основе первоначального критерия Хауи[243]. Критерий Хауи исключал, по крайней мере частично, активных инвесторов из сферы действия законов о ценных бумагах в отношении требования раскрытия информации и защиты от мошенничества, поскольку инвестор не нуждается в такой защите, если он осуществляет управленческий контроль, а значит, имеет доступ к информации об эмитенте[244]. В случае же пирамид факт участия инвестора в предприятии не дает ему доступа к важной информации о предприятии [13, pp. 86–88; 12, pp. 123–128; 14, p. 1261]. Следовательно, исключение такого инвестора из сферы действия федеральных законов о ценных бумагах неоправданно [62, p. 396].

D. Ясность и последовательность: применение комбинированного критерия

Предложенный критерий является более четким, конкретным и последовательным, чем существующий. Он лучше отражает различия между законными МЛМ-компаниями и незаконными пирамидами, а также позволяет провести более взвешенный анализ. Такая последовательность и предсказуемость правовых норм благотворно сказываются на деятельности законных предприятий и лучше защищают граждан от незаконных мошеннических схем.

Во-первых, самое существенное различие между законными МЛМ-компаниями и незаконными пи-

---

[233] См. [67] («Использование критерия рискового капитала наряду с критерием Хауи дает судебным органам дополнительную гибкость и расширяет правоприменительные возможности в отношении некоторых типов мошеннических схем»); [61, p. 392] (утверждается, что критерий рискового капитала позволяет судам обнаружить инвестиционный контракт там, где присутствует экономическая реальность ценных бумаг, даже если буквальные требования критерия Хауи не выполняются).

[234] См. Bell v. Health-Mor, Inc., 549 F.2d 342 (5th Cir. 1977) (пример множества возможных вариаций классической модели пирамиды); Miller v. Cent. Chinchilla Grp., Inc., 494 F.2d 414 (8th Cir. 1974) (same).

[235] См., например, SEC v. Arcturus Corp., 928 F.3d 400, 409–411 (5th Cir. 2019); SEC v. Shields, 744 F.3d 633, 643–647 (10th Cir. 2014); Hocking v. Dubois, 885 F.2d 1449, 1460–1461 (9th Cir. 1989); Williamson v. Tucker, 645 F.2d 404, 421–424 (5th Cir. 1981).

[236] См. выше сноску 234.

[237] 823F.2d 408 (11th Cir. 1987).

[238] Там же. P. 412.

[239] Там же. Pp. 410–412.

[240] Там же.

[241] Там же. P. 412.

[242] Там же.

[243] См. [68] (цитируется по Glenn Turner I, 348 F. Supp. 766, 776 (D. Or. 1972)). Например, в деле Хауи Верховный Суд придал термину «инвестиционный контракт» то значение, которое он имел по законодательству штатов в период принятия Закона о ценных бумагах. [66, pp. 141–142]. Определение взято из дела State v. Gopher Tire &Rubber Co., 177 N.W. 937 (Minn. 1920). Там же. В деле *Gopher Tire* важно то, что от инвесторов фактически требовалось вложить значительные усилия в деятельность компании, однако суд все же признал наличие инвестиционного контракта. Gopher Tire, 177 N.W., pp. 937–938.

[244] Hirsch v. DuPont, 396 F. Supp. 1214, 1222 (S.D.N.Y. 1975), aff'd, 553 F.2d 750 (2d Cir. 1977).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

рамидами состоит в том, основано ли получение дохода на постоянном рекрутинге новых членов[245]. Непрерывный набор новых участников – это фактор, практически неподконтрольный каждому отдельному участнику[246]. С другой стороны, если есть возможность получить доход от продажи востребованного на рынке товара, то участник обладает значительным контролем над успешностью своей деятельности и в меньшей степени подвергает свой капитал обычным рискам[247]. Таким образом, использование ключевого условия критерия *Hawaii Market Center* более эффективно вводит указанное различие между законными МЛМ-компаниями и незаконными пирамидами в правовое поле и придает ему практическую применимость.

Во-вторых, эффективность предлагаемого критерия можно показать, повторно рассмотрев два дела, описанные в гл. II, по которым были вынесены противоположные решения, а именно *Kerrigan v. ViSalus, Inc.* и *Mitzner v. Cardet International, Inc.*[248] Если оценить материалы обоих дел с помощью комбинированного критерия, то результаты и обоснования сразу придут в соответствие. В деле *Kerrigan* исследуемая схема удовлетворяет последней части предлагаемого комбинированного критерия, так как, хотя от дистрибьюторов требовалось активно привлекать новых участников, обвиняемые контролировали все важнейшие аспекты программы и структуры[249]. Истцы не получили никаких прав на осуществление практического или реального контроля, поскольку были связаны структурой и принципами продаж и рекрутинга[250]. Как показывают материалы дела, продавая товар, дистрибьютор мог получить только символический доход, тогда как некоторые дистрибьюторы получали по нескольку сотен долларов за каждого нового участника[251]. Таким образом, дистрибьютор практически мог получить доход только от вознаграждений за рекрутинг[252]. Это привело к быстрому насыщению рынка и лишило большинство участников возможности получить такие вознаграждения, независимо от того, насколько значительными были их усилия или действия[253]. Это не позволило получить доход от вложений, как бы активно каждый отдельный дистрибьютор ни привлекал новых участников[254]. Следовательно, инвесторы компании *ViSalus* не обладали правом на осуществление практического или реального контроля согласно критерию *Hawaii Market Center*, что соответствует последней части комбинированного критерия.

Подобным же образом в деле *Mitzner* схема удовлетворяет последней части комбинированного критерия не потому, что действия участников носили исполнительский характер, а потому, что они не имели прав на сколько-нибудь значительный контроль над управленческими решениями[255]. Иными словами, участники не имели полномочий «принимать какие-либо значимые или самостоятельные решения в сфере бизнеса», которые могли бы повлиять на успешность их вложений[256]. Не различия между управленческими и исполнительскими видами деятельности, а вопрос наличия или отсутствия контроля над успешностью своих вложений является тем инструментом анализа, который четко и последовательно показывает различия между данными схемами[257].

Заключение

Острота проблемы пирамидного мошенничества не снижается. Несмотря на значительные усилия государства, мошенники продолжают регулярно организовывать все новые пирамидные схемы. Именно от таких обманных схем и должны защи-

[245] См. Koscot Interplanetary, Inc., 86 F.T.C. 1106, 1181 (1975); [6, p. 582].

[246] См. выше сноску 216 и соответствующий текст.

[247] См. Koscot Interplanetary, 86 F.T.C., p. 1112 (отмечается, что из-за высокой насыщенности рынка и низкого спроса на продукцию участники практически не имели шансов вернуть свои первоначальные вложения и должны были потерять деньги); [26, p. 694]; выше сноску 20 и соответствующий текст.

[248] В обоих случаях суды постановили, что рассматриваемые программы удовлетворяли первой и второй частям критерия Хауи. Kerrigan v. ViSalus, Inc., 112 F. Supp. 3d 580, 596–598 (E.D. Mich. 2015); Mitzner v. Cardet Int'l, Inc., 358 F. Supp. 1262, 1268 (N.D. Ill. 1973). Поскольку решения различались только в отношении третьей части критерия, обсуждение в настоящей работе ограничено аспектами третьей части предлагаемого комбинированного критерия.

[249] Kerrigan, 112 F. Supp. 3d, p. 588.

[250] Там же.

[251] Там же. P. 593.

[252] Там же.

[253] Там же. P. 588.

[254] Там же.

[255] Mitzner v. Cardet Int'l, Inc., 358 F. Supp. 1262, 1268 (N.D. Ill. 1973).

[256] Там же.

[257] См. там же. Pp. 1264, 1267–1268.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

щать федеральные законы о ценных бумагах. Однако, непоследовательно применяя критерий Хауи, суды продолжают создавать ничем не обоснованные прецеденты, выводя пирамидные схемы из сферы действия федерального законодательства о ценных бумагах под предлогом невыполнения условия о личных усилиях инвесторов. В данной работе показано, что федеральные суды должны обращать внимание не на роли дистрибьюторов в пирамидных схемах, а на степень контроля, которую инвесторы получают в результате своего участия в схеме. Взяв на вооружение формулировку последней части критерия *Hawaii Market Center*, суды могли бы яснее определить экономическую сущность предполагаемой пирамидной схемы. Тем самым они могли бы эффективнее достигать главной цели – защищать инвесторов, если присутствуют основные характеристики модели ценных бумаг.

Список литературы / References

1. Neuffer E. 'Airplane': High-Stakes Chain Letter, *N.Y. Times,* 1987, Apr. 7, available at: https://www.nytimes.com/1987/04/07/nyregion/airplane-high-stakes-chain-letter.html [https://perma.cc/XTW6-6HG2]

2. Kilman L. Newest Illegal Pyramid Scheme Going Up and Up, but Not Away, *AP News*, 1987, Mar. 23, available at: https://apnews.com/7894d03521da555b7ea45e6f78323fbb [https://perma.cc/73PM-4WA2].

3. Enscoe D. Pyramid Scheme Takes Off, Thousands Invest in "Plane Game", *Sun Sentinel,* 1987, Mar. 26, available at: https://www.sun-sentinel.com/news/fl-xpm-1987-03-26-8701190859-story.html [https://perma.cc/N4V4-RYH9].

4. Ceresney A., Dir., Div. of Enft, Sec. &Exch. Comm'n, Address at *UIC-SEC Joint Symposium to Raise Public Awareness: Combating Pyramid Schemes and Affinity Frauds Opening Remarks*, 2016, Mar. 2, available at: https://www.sec.gov/news/speech/ceresney-remarks-joint-symposium-raise-public-awareness-03022016.html [https://perma.cc/VU6Q-3H6Y].

5. Babener J. A. Network Marketing and the Law, *Or. St. B. Bull.*, 1997, May, pp. 23, 24.

6. Walsh J., Note "Tis the Time's Plague When Madmen Lead the Blind": How the IRS Can Prevent Pyramid-Scheme Formation (and Why It Should), *Case W. Res. L. Rev.*, 2016, No. 67, pp. 577, 585.

7. Valentine D. A. Former Gen. Counsel, Fed. Trade Comm'n, Address at the *International Monetary Funds Seminar on Current Legal Issues Affecting Central Banks*, 1998, May 13, available at: https://www.ftc.gov/public-statements/1998/05/pyramid-schemes [https://perma.cc/53DK-34VQ].

8. Birdwell Z. S. The Key Elements for Developing a Securities Market to Drive Economic Growth: A Roadmap for Emerging Markets, *Ga. J. Int'l&Comp. L.*, 2011, No. 39, pp. 535, 561.

9. Epstein A. Multi-level Marketing and Its Brethren: The Legal and Regulatory Environment in the Down Economy, *Atlantic L. J.*, 2010, No. 12, pp. 91, 104.

10. Investor Protection Guide: Pyramid Scheme, *Legal Info. Inst.*, available at: https://www.law.cornell.edu/wex/investor_protection_guide_pyramid_scheme [https://perma.cc/A4DX-7EXU] (access date: 17.03.2020).

11. Clinton D. Howie, Is It a Pyramid Scheme?: Multilevel Marketing and Louisiana's "New" Anti-pyramid Statute, *La. B. J.*, 2002, No. 49, pp. 288, 289.

12. Bundy Rh., Note. Federal Securities Regulations: Do They Adequately Serve Their Prescribed Purpose of Protecting Investors from Pyramid Schemes?, *Mem. St. U. L. Rev.*, 1990, No. 21, pp. 123, 125.

13. Pareja S. Sales Gone Wild: Will the FTC's Business Opportunity Rule Put an End to Pyramid Marketing Schemes?, *McGeorge L. Rev.*, 2008, No. 39, pp. 83, 85–87.

14. Note. Pyramid Schemes: Dare to Be Regulated, *Geo. L. J.*, 1973, No. 61, pp. 1257.

15. Liu H. The Behavioral Economics of Multilevel Marketing, *Hastings Bus. L. J.*, 2018, No. 14, pp. 109, 117–118.

16. Wesley K. Dagestaad, Note, Day's Pyramid Ignores Sturdy Severability Foundation, Builds off Granite Rock, *J. Disp. Resol.*, 2014, No. 2, p. 349.

17. What Is Direct Selling?, *Direct Selling Ass'n*, available at: https://dsa.org/about/direct-selling [https://perma.cc/M7MG-5RL6] (access date: 17.03.2020).

18. Peter J. Vander Nat &William W. Keep, *Marketing Fraud: An Approach for Differentiating Multilevel Marketing from Pyramid Schemes*, 21 J. Pub. Pol'y&Marketing 139, 140 (2002).

19. Keep W. W., Vander Nat P. J. Multilevel Marketing and Pyramid Schemes in the United States: An Historical Analysis, *J. Hist. Res. Marketing*, 2014, No. 6, pp. 188, 195.

20. Vincent G. Ella, Comment, Multi-level or Pyramid Sales Systems: Fraud or Free Enterprise, *S.D. L. Rev.*, 1973, No. 8, pp. 358, 361.

21. Ramirez E., Chairwoman, Fed. Trade Comm'n, Keynote Remarks of FTC Chairwoman Ramirez: *DSA Business &Policy Conference 5–6* (Oct. 25, 2016), available at: https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/993473/ramirez_-_dsa_speech_10-25-16.pdf [https://perma.cc/U752-AQNT].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

22. Gastwirth J. L., Bhattacharya P. K. Two Probability Models of Pyramid or Chain Letter Schemes Demonstrating That Their Promotional Claims Are Unreliable, *Operations Res.*, 1984, No. 32, pp. 527, 530.

23. Bosley S., Knorr M. Pyramids, Ponzis and Fraud Prevention: Lessons from a Case Study, *J. Fin. Crime*, 2018, No. 25, pp. 81, 82.

24. Business Guidance Concerning Multi-level Marketing, *Fed. Trade Comm'n*, available at: https://ftc.gov/tips-advice/business-center/guidance/business-guidance-concerning-multi- level-marketing [https://perma.cc/U9VD-CUUU] (access date: 17.03.2020).

25. Fast Answers: Pyramid Schemes, *Sec.&Exchange Commission*, 2013, Oct. 9, available at: https://sec.gov/fast-answers/answerspyramidhtm.html [https://perma.cc/7V72-CDH2].

26. Whitford J. P., Note, Pyramid Scheme Regulation: The Evolution of Investment Contracts as a Security Under the Federal Securities Laws, *Syracuse L. Rev.*, 1974, No. 25, pp. 690, 694.

27. Bell L. Pyramid Dream, *Balt. Mag.*, 2018, June, available at: https://www.baltimoremagazine.com/2018/6/12/multi-level-marketing-companies-evolve-with-21st-century [https://perma.cc/MNQ5-X2BE].

28. Bosley S. A. et al. Decision-Making and Vulnerability in a Pyramid Scheme Fraud, J. *Behav.&Experimental Econ.*, 2019, No. 1, p. 5.

29. Bosley S., McKeage K. K. Multilevel Marketing Diffusion and the Risk of Pyramid Scheme Activity: The Case of Fortune Hi-tech Marketing in Montana, *J. Pub. Pol'y&Marketing*, 2015, No. 34, pp. 84, 93.

30. Stone R. E., Steiner J. M. The Federal Trade Commission and Pyramid Sales Schemes, *Pac. L. J.*, 1983, No. 15, pp. 879, 892.

31. Peiss K. "Vital Industry" and Women's Ventures: Conceptualizing Gender in Twentieth Century Business History, *Bus. Hist. Rev.*, 1998, No. 218, pp. 235–236.

32. Fairfax L. M. The Thin Line Between Love and Hate: Why Affinity-Based Securities and Investment Fraud Constitutes a Hate Crime, *U.C. Davis L. Rev.*, 2003, No. 36, pp. 1073, 1082.

33. Fairfax L. M. "With Friends Like These…": Toward a More Efficacious Response to Affinity-Based Securities and Investment Fraud, *Ga. L. Rev.*, 2001, No. 36, pp. 63, 72.

34. Tait A. "They Have You in a Cultish Grip": The Women Losing Thousands to Online Beauty Schemes, *Guardian*, 2019, June 1, available at: https://theguardian.com/fashion/2019/jun/01/online-beauty-schemes-selling-social-media-younique-arbonne [https://perma.cc/EV3H-P2R7].

35. Affinity Fraud: How to Avoid Investment Scams That Target Groups, *SEC.&Exchange Commission*, 2013, Oct. 9, available at: https://www.sec.gov/investor/pubs/affinity.htm [https://perma.cc/TDR6-MEDC].

36. Investor Alert: Affinity Fraud, *Sec.&Exchange Commission*, 2014, June 18, available at: https://www.sec.gov/oiea/investor-alerts-bulletins/ia_affinityfraud.html [https://perma.cc/4JBM-HSYP].

37. Austin D. E. Comment. "In God We Trust": The Cultural and Social Impact of Affinity Fraud in the African American Church, *U. MD. L.J. Race Religion Gender&Class*, 2004, No. 4, pp. 365.

38. McSweeney T. Congress Should Crack Down on Predatory 'Pyramid Schemes,' Not Look Away, *Hill*, 2017, Aug. 3, available at: https://thehill.com/blogs/pundits- blog/finance/345073-congress-should-crack-down-on-predatory-pyramid-schemes-not-look [https://perma.cc/WJL7-68NA].

39. *Consumer Fraud in the United States,2011: The Third FTC Survey*, Fed. Trade Comm'n., 2013, pp. 18–19, available at: https://www.ftc.gov/sites/default/files/documents/reports/consumer-fraud-united-states-2011-third-ftc-survey/130419fraudsurvey_0.pdf [https://perma.cc/22AR-BE3S].

40. Cohn S. Want to Work at Home?: Take a Lesson from This $3 Billion Pyramid Scheme, *CNBC*, 2018, June 22, available at: https://www.cnbc.com/2018/06/21/want-to-work-at-home-take-a-lesson-from-this-3-billion-pyramid-scam.html [https://perma.cc/A9JV-LTTT].

41. Direct Selling in the United States: 2018 Industry Overview, *Direct Selling Ass'n*, available at: https://www.dsa.org/docs/default-source/action-alerts/2018industryoverview- 06032019.pdf [https://perma.cc/TEC7-Q7QW] (access date: 17.03.2020).

42. Nessel D. Consumer Alert: Multi-level Marketing or Illegal Pyramid Scheme?, *Mich. Att'y Gen.*, available at: https://www.michigan.gov/ag/0,4534, 7-164-177337_20942-208400--,00.html [https://perma.cc/PZ34-BFDX] (access date: 17.03.2020).

43. Selling a Work-at-Home or Other Business Opportunity?: Revised Rule May Apply to You, *Fed. Trade Commission*, 2011, Nov., available at: https://www.ftc.gov/tips-advice/business-center/guidance/selling-work-home-or-other-business-opportunity-revised-rule [https://perma.cc/BZP7-GV7K].

44. Reyes S. Learning from the States: Feds Should Adopt Anti-pyramid Scheme Law, *Hill*, 2017, Nov. 19, available at: https://thehill.com/blogs/congress-blog/judicial/362235-learning-from-the-states-feds-should-adopt-anti-pyramid-scheme [https://perma.cc/SB97-GJ9Y].

45. Gana A. J., Villacres M. Blue Skies for America in the Securities Industry. . . Except for New York: New York's Martin Act and the Private Right of Action, *Fordham J. Corp.&Fin. L.*, 2014, No. 19, pp. 587, 596.

46. Witiw E. Selling the Right to Sell the Same Right to Sell: Applying the Consumer Fraud Act, the Uniform Securities Law and the Criminal Code to Pyramid Schemes, *SETON HALL L. Rev.*, 1996, No. 26, pp. 1635, 1643–1644.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

47. Carter C. L. *Consumer Protection in the States: A 50-State Report on Unfair and Deceptive Acts and Practices Statutes*. 02. 2009, available at: https://www.nclc.org/images/pdf/udap/report_50_states.pdf [https://perma.cc/R75W-7MC8].

48. Hull F. M. Comment. Pyramid Marketing Plans and Consumer Protection: State and Federal Regulation, *J. Pub. L.*, 1972, No. 21, pp. 445, 454.

49. Rutherford B., Campbell Jr. The Role of Blue Sky Laws After NSMIA and the JOBS Act, *Duke L. J.*, 2016, No. 66, pp. 605, 613–614.

50. Sweeb J. Health Multi-level Marketing: Robbing People of Their Money and Their Health, Annals Health L. *Advance Directive*, 2018, No. 27, pp. 223, 228.

51. FTC Action Leads Court to Halt Alleged Pyramid Scheme, *Fed. Trade Commission*, 2013, Jan. 28, available at: https://www.ftc.gov/news-events/press-releases/2013/01/ftc-action-leads-court-halt-alleged-pyramid-scheme [https://perma.cc/XLE8-2576].

52. Stroud M. An Insider Explains Why the FTC Can't Put an End to Pyramid Schemes, *Bloomberg*, 2015, Feb. 27, available at: http://bloomberg.com/news/articles/2015-02-27/an-insider-explains-why-the-ftc-can-t-put-an-end-to-pyramid-schemes [https://perma.cc/YKS8-LXY8].

53. Farha R. C. Comment, SEC v. Edwards: An Opportunity to Knock on the Viability of the Howey Test as the Gatekeeper of Federal Securities Laws, *Okla. City U. L. Rev.*, 2006, No. 31, pp. 161, 165.

54. Pease G. J., Note. Bluer Skies in Tennessee – the Recent Broadening of the Definition of Investment Contract as a Security and an Argument for a Unified Federal-State Definition of Investment Contract, *U. Mem. L. Rev.*, 2004, No. 35, pp. 109, 111–112.

55. Brown D. K., Barton V. D. Securities Regulation, *Mercer L. Rev.*, 2005, No. 56, pp. 1341, 1352.

56. Reese S. M. Securities Law & MLM – What's the Deal?, *Reese Poyfair Richards PLLC*, 2018, Sept. 24, available at: https://www.mlmlaw.com/law-library/securities-law-and-mlm-whats-the-deal [https://perma.cc/SG28-X8AE].

57. Monaghan M. K., Note. An Uncommon State of Confusion: The Common Enterprise Element of Investment Contract Analysis, *Fordham L. Rev.*, 1995, No. 63, p. 2135.

58. Globerman K. M., Casenote. The Elusive and Changing Definition of a Security: One Test Fits All, *Fla. L. Rev.*, 1999, No. 51, pp. 271, 290.

59. Branson D. M., Okamoto K. Sh. The Supreme Court's Literalism and the Definition of "Security" in the State Courts, *Wash. & Lee L. Rev.*, 1993, No. 50, pp. 1043, 1050.

60. Hillard S. C., Ricciardelli P. A. Investment Contracts Under the Colorado and Uniform Securities Acts, *U. Colo. L. Rev.*, 1978, No. 49, pp. 391, 406.

61. Jones N. K., Note. Defining an "Investment Contract" for Purposes of Alaska Blue Sky Law: Have the Alaska Courts Stretched Their Test Beyond Meaningful Application?, *Alaska L. Rev.*, 1985, No. 2, pp. 371, 391.

62. Coffey R. J. The Economic Realities of a "Security": Is There a More Meaningful Formula?, *Case W. Res. L. Rev.*, 1967, No. 18, pp. 367, 412.

63. Fried D. M., Note. General Partnership Interests as Securities Under the Federal Securities Laws: Substance over Form, *Fordham L. Rev.*, 1985, No. 54, p. 303.

64. Welle E. A. Freedom of Contract and the Securities Laws: Opting out of Securities Regulation by Private Agreement, *Wash. & Lee L. Rev.*, 1999, No. 56, pp. 519, 534.

65. Hardy R. S., Comment. The New Gold Rush: The Last Frontier of the Securities Laws?, *Santa Clara L. Rev.*, 1989, No. 29, pp. 359, 364–365.

66. Long J. C. An Attempt to Return "Investment Contracts "to the Mainstream of Securities Regulation, *Okla. L. Rev.*, 1971, No. 24, pp. 135, 171.

67. Klein W. The Idaho Securities Act: An Analysis of Idaho Courts' Securities Opinions, *Idaho L. Rev.*, 1992, No. 29, p. 108.

68. Long J. C. State Securities Regulation – an Overview, *Okla. L. Rev.*, 1972, No. 32, pp. 541, 571, 573.

69. Matthews C. Using a Hybrid Securities Test to Tackle the Problem of Pyramid Fraud, *Fordham L. Rev.*, 2020, Vol. 88, No. 52, p. 2045.

Дата поступления / Received 11.01.2021
Дата принятия в печать / Accepted 20.02.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Мэтьюз К., 2021. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru) 25.03.2021
© Matthews C., 2021

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

УДК 34:336.7:004:338.24 **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.135-173**

Научная статья

К. Л. РЕЙЕС[1]

[1] *Школа права Университета штата Мичиган, г. Ист-Лансинг, США*

(НЕ)КОРПОРАТИВНОЕ КРИПТОУПРАВЛЕНИЕ

Карла Л. Рейес, ассистент преподавателя права, директор Центра права, технологий и инноваций, Школа права Университета штата Мичиган

Цель: создание структуры корпоративного управления и механизма правового регулирования блокчейн-протоколов.
Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой и социологический.
Результаты: технология блокчейна возникла из идеи шифропанков о возможности регулирования без вмешательства в частную жизнь. Основываясь на этой идее, многие члены экосистемы блокчейн-технологии призывают рассматривать код как единственный закон, применимый к блокчейн-протоколам, проводимым с его помощью транзакциям и объектам доступа к данным. В настоящее время код некоторых протоколов, таких как Bitcoin и Ethereum, воплощает первоначальную культуру шифропанков, а именно отдает приоритет неприкосновенности частной жизни и сохраняющим ее механизмам управления. Однако этот код может измениться. Фактически принятые и насаждаемые правительствами законы могут служить стимулами для таких изменений. На самом деле такие стимулы уже действуют во благо или во вред, когда программисты прекращают свою работу из страха преследования по закону. Принятие контрактной системы управления, в которой четко определены правила и ожидания, даст возможность сообществам блокчейн-протоколов максимально сохранить свою культуру и принципы. Это также заставит указанные сообщества вступить в открытый, активный и вдумчивый диалог относительно своей коллективной культуры и принципов. Кроме того, формирование структур управления блокчейном на основе контрактов, которые сходны со структурами корпоративного управления, позволит блокчейн-сообществам воспользоваться богатейшим опытом исследований и экспериментов в функционально эквивалентной области управления.
Научная новизна: в работе обосновано, что самое сильное влияние (не)корпоративное криптоуправление может оказать на культуру традиционных корпораций. Важное положение модели корпоративного управления для механизма управления «вне блокчейна» состоит в признании того, что «код как закон» – это подсистема правовых норм внутри правовой системы. Системный анализ показывает, что необходимо признать обоюдное влияние взаимосвязанных функций кода и права в процессе ограничения поведения в экосистемах блокчейна. Иными словами, код определяет правовые нормы и их приложение к экосистеме блокчейна, а право, в свою очередь, определяет действия, предпринимаемые через код. В результате такое взаимопересечение кода и права оказывает влияние и на наше понимание возможностей применения права к более традиционным сценариям.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с (не)корпоративным криптоуправлением.

Ключевые слова: блокчейн-технологии; блокчейн-протоколы; криптовалюта; криптоуправление; экосистема; код; Bitcoin; Ethereum; биткоин; эфириум

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале Fordham Law Review. По вопросам коммерческого использования обратитесь по адресу: tmelnick@law.fordham.edu

Цитирование оригинала статьи на английском: Carla L. Reyes. (Un)Corporate Crypto-Governance, Fordham Law Review, 2020, Vol. 88, No. 5, pp. 1875–1922.

URL публикации: https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol88/iss5/13/

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Благодарность: автор выражает благодарность Vlad Zamfir, Henning Diedrich, Rick Dudley, другим участникам семинара COALA-MIT Blockchain, held in Bermuda on July 26-28, 2017, а также участникам конференций 2018 Blockchain Works-in-Progress Conference, 2018 Internet Law Works-in-Progress Conference, University of Kentucky School of Law Scholarship Series, Arizona State University Governance of Emerging Technologies Conference, National Business Law Scholars Conference, Southeastern Association of Law Schools Annual Meeting, Chicagoland Junior Scholars Works-in-Progress Conference, Michigan State University College of Law Faculty Workshop Series и Tulane Law School Murphy Institute Workshop Series за отклики на предыдущую версию данной работы. Автор также благодарит Alexis Turner-Garris, Victoria Nelson и Arba J. Rupert за неоценимую помощь в работе.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Рейес К. Л. (Не)корпоративное криптоуправление // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 135–173. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.135-173

The scientific article

C. L. REYES[1]

[1] *Michigan State University College of Law, East Lansing, USA*

(UN)CORPORATE CRYPTO-GOVERNANCE

Carla L. Reyes, Assistant Professor of Law and Director of the Center for Law, Technology & Innovation, Michigan State University College of Law; Affiliated Faculty, Indiana University Bloomington Ostrom Workshop Program on Cybersecurity and Internet Governance

Objective: creating the corporate governance structure and legal regulation mechanism of blockchain protocols.
Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical, comparative-legal, and sociological.
Results: Blockchain technology was born out of a Cypherpunk vision for regulation without sacrificing privacy. This vision feeds a call by some in the blockchain technology ecosystem to view computer code as the only law applicable to blockchain protocols, transactions conducted on the protocols, and DAOs. The code of certain protocols, such as the Bitcoin blockchain and Ethereum, currently embody their Cypherpunk cultural origins, placing a premium on privacy and governance mechanisms that preserve privacy. But that code can change. In fact, laws enacted and enforced by governments may act as the stimuli for such change. Indeed, such stimuli, for better or worse, are already in play, with coders ceasing work for fear of legal repercussions. Adopting a contract-based governance system in which the rules and expectations are clearly defined empowers blockchain protocol communities to preserve as much of their cultures and visions as possible. Adopting these contracts also requires blockchain communities to engage in open, active, and thoughtful conversation about their collective culture and vision. Further, basing blockchain governance structures in contracts that loosely resemble corporate governance structures allows such communities to tap into centuries of scholarship and experimentation in a functionally equivalent governance arena.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For original publication: Carla L. Reyes. (Un)Corporate Crypto-Governance, Fordham Law Review, 2020, Vol. 88, No. 5, pp. 1875–1922.
Publication URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol88/iss5/13/

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Scientific novelty: the work proves that the biggest cultural impact of (un)corporate crypto-governance may be on the culture of traditional corporations. Indeed, one significant lesson of a corporate governance model for off-chain governance may be a sharpened recognition that "code as law" is a subsystem of regulatory norms within the greater legal system. Viewed through systems analysis, the result is a two-way recognition of the interconnected roles of code and law in limiting behavior within the blockchain ecosystem. In other words, the code informs the law and its application to a blockchain ecosystem. Meanwhile, law informs behavior and activities undertaken through the code. The result is that the intersection of code and law can impact our understanding of how to apply the law in more traditional scenarios as well.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to (un)corporate crypto-governance.

Keywords: Blockchain technology; Blockchain protocols; Cryptocurrency; crypto-governance; Ecosystem; Code; Bitcoin; Ethereum

Acknowledgements: I would like to thank Vlad Zamfir, Henning Diedrich, Rick Dudley, the other attendees of the COALAMIT Blockchain Workshop, held in Bermuda on July 26–28, 2017, and the attendees of the 2018 Blockchain Works-in-Progress Conference, 2018 Internet Law Works-in-Progress Conference, University of Kentucky School of Law Scholarship Series, Arizona State University Governance of Emerging Technologies Conference, National Business Law Scholars Conference, Southeastern Association of Law Schools Annual Meeting, Chicagoland Junior Scholars Works-in-Progress Conference, Michigan State University College of Law Faculty Workshop Series, and Tulane Law School Murphy Institute Workshop Series for their feedback on earlier versions of this Article. I would also like to thank Alexis Turner-Garris, Victoria Nelson, and Arba J. Rupert for excellent research assistance.

This Article is brought to you for free and open access by FLASH: The Fordham Law Archive of Scholarship and History. It has been accepted for inclusion in Fordham Law Review by an authorized editor of FLASH: The Fordham Law Archive of Scholarship and History. For more information, please contact tmelnick@law.fordham.edu.

For citation of Russian version: Carla L. Reyes. (Un)Corporate Crypto-Governance*, Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 135–173. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.135-173

Открытые блокчейн-протоколы испытывают серьезный кризис управления. До сих пор управление блокчейн-протоколами шло по тому же пути, что и управление Интернетом в целом на ранних этапах его развития. Если разработчики не предпримут никаких мер, они могут столкнуться с теми же проблемами: усилением контроля со стороны государства, усилением централизации и снижением конфиденциальности. В настоящее время разработчики начинают обращаться к усовершенствованным структурам управления; одновременно появилось правовое движение за применение фидуциарного подхода к разработчикам программного обеспечения с открытым кодом. Если это движение победит, последствия для разработки открытого программного обеспечения будут катастрофическими. Необоснованное применение этого подхода, без учета различий между группами разработчиков блокчейна и условий, в которых они функционируют, может положить конец развитию данной технологии еще до ее становления. Более того, сторонники такого подхода не ограничивают наложение фидуциарных обязанностей областью блокчейна, а стремятся распространить его и на другие проекты с открытым исходным кодом. До сих пор такие проекты не использовали модель фидуциарной ответственности, однако многие десятилетия являлись важнейшим двигателем развития как в производственной деятельности, так и в общественной жизни. В данной работе автор показывает, что разработчики блокчейна должны использовать контракты на управление, основанные на моделях корпоративного управления. Такая модель не уничтожает понятие фидуциарной ответственности в управлении блокчейном, а скорее перераспределяет эту ответственность в свете реальной механики этой технологии. Также эта модель задействует схему, которая при определенных условиях повышает ответственность большего числа игроков в данной экосистеме. Кроме того, договорные системы управления позволяют блокчейн-протоколам использовать правила управ-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ления, которые отражают специфичные для таких сообществ цели и культуру, и в то же время отвечают потребности законодателей в наличии четко формулируемой иерархии ответственности. Корпоративная правовая модель потребует культурных сдвигов в области управления блокчейн-протоколами, однако, как показано в работе, такие сдвиги могут не только быть продуктивными, но и способствовать развитию новых структур корпоративного управления традиционными предприятиями.

Введение

За последние четыре десятилетия[1] сообщества разработчиков программного обеспечения с открытым кодом[2] во всем мире создали множество технологических решений в области программирования, которыми сегодня пользуется человечество[3]. Многие из таких сообществ создавали программное обеспечение, обладая еще меньшей иерархией, чем нынешние системы управления Интернетом [4, p. 187]. Хотя многие коммерческие предприятия, включая *Facebook*, получают выгоду от деятельности разработчиков открытого программного обеспечения, сами разработчики зачастую ее не получают[4]. Многие разработчики участвуют в проектах по иным, менее материальным мотивам, среди которых карьерный рост, любовь к работе, удовольствие от разгадывания загадки или просто желание решить проблему, чтобы пользователю было удобнее[5]. Каковы бы ни были мотивы разработчиков программ с открытым исходным кодом, без их усилий у нас не было бы таких ключевых продуктов, как *HTML*[6], *Apache*[7], *Linux*[8] и др.

Относительно новый проект программного обеспечения с открытым кодом – блокчейн биткоина – в очередной раз демонстрирует мощь инноваций в этой области[9]. Блокчейн биткоина[10], обеспечивающий передачу платежей от человека к человеку, как и другие открытые блокчейны[11], – это проекты по

[1] [1, pp. 359, 361] (движение по созданию программного обеспечения с открытым кодом прослеживается начиная от работ *Richard Stallman* в 1970-е гг.). См. также [2, p. 3] (движение по созданию программного обеспечения с открытым кодом прослеживается начиная от работы *Richard Stallman* над системой *GNU* в 1970-е гг.).

[2] Хотя термины «программное обеспечение с открытым кодом» и «свободное программное обеспечение» часто используются как синонимы, они отражают совершенно разные понятия. Термин «программное обеспечение с открытым кодом» в целом относится к программам, доступным без оплаты, тогда как «свободное программное обеспечение» отражает некие идеалы своих создателей. См. [3, p. 371; 1, p. 359 n. 1]. Хотя многие открытые блокчейн-протоколы отражают либертарианские ценности, нельзя сказать, что это относится ко всем блокчейн-протоколам. Поэтому в данной статье автор использует термин «программное обеспечение с открытым кодом» по отношению к любому блокчейн-протоколу, доступному по лицензии на открытое ПО, вне зависимости от политических взглядов соответствующего сообщества.

[3] [1, p. 362] (самыми известными проектами в области разработки открытого программного обеспечения являются *Linux* и *GNU*, однако протоколы и программы, лежащие в основе электронной почты, Всемирной паутины, *IRC* и почти всего остального, что существует в Интернете, возникли в результате работы проектных групп внутри сообщества, зачастую спонтанных и любительских).

[4] См., например, [3, pp. 372–373] («В целом программисты участвуют в проекте по разработке открытого кода не потому, что им велел начальник, хотя и так бывает. Обычно они также участвуют не потому, что за это платят, хотя некоторые занимаются долгосрочной оплачиваемой деятельностью, связанной с проектом, например, консультированием или обслуживанием. Однако подавляющее большинство участников делают это не по команде, не за деньги и даже не в надежде на будущие доходы; особенно это касается тех важнейших решений на микроуровне, которые определяют, какой именно проект выберет участник»).

[5] См. в целом [5, 6] (обсуждается, как оценка сообщества помогает улучшить навыки программирования); [7] (обсуждается проблема оповещений на рынке труда); [8–10] (обсуждаются потребности пользователей).

[6] См. в целом [11] (помимо прочего, представлены подробности разработки открытого кода *HTML* под руководством *Tim Berners-Lee*).

[7] См. в целом Apache Software Found. URL: https://apache.org/index.html (дата обращения: 17.03.2020).

[8] См. в целом [2, p. 3] (описывается история создания открытого кода *Linux*).

[9] Get Started with Bitcoin, Bitcoin Project. URL: https://bitcoin.org/en/ (дата обращения: 17.03.2020) («Биткоин имеет открытый исходный код; его структура открыта, никто не владеет и не управляет им, любой может участвовать»).

[10] В целом, говоря о программном обеспечении, протоколе и сети, слово «Биткоин» пишут с прописной буквы, тогда как слово «биткоин» со строчной буквы означает отдельную единицу криптовалюты [12].

[11] В общем виде блокчейн – это «связанный список, построенный с помощью хештегов вместо обычных указателей» [13]. «Таким образом, каждый блок не только показывает стоимость предыдущего блока, но также содержит описание этой стоимости, что позволяет удостовериться, что эта стоимость не изменилась. Мы сохраняем заголовок этого списка, который представляет собой обычный хештег, указывающий на последний по времени блок данных». Там же. Термин «блокчейн биткоина» указывает

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

разработке ПО, основанные на культуре и принципах управления в сфере разработки открытого исходного кода[12]. В сообществах разработчиков протоколы блокчейна часто называют «*либертарианской мечтой*, нацеленной на сокращение контроля государства над экономикой» [18, pp. 1, 3]. Этот подход берет начало в истории шифропанков – группы криптографов, совместно работавших над созданием технологических инноваций, способных обеспечить регулирование без вмешательства в частную жизнь [17, p. 254]. Согласно манифесту шифропанков, они придерживались следующих принципов: «В электронную эпоху открытому обществу необходима конфиденциальность... Нельзя ожидать, что правительства, корпорации или другие огромные и безликие организации обеспечат нам конфиденциальность... Если мы хотим иметь право на частную жизнь, мы должны защищать его»[13]. Шифропанки считали, что для защиты конфиденциальности частные лица должны иметь возможность посылать зашифрованные сообщения и проводить анонимные финансовые транзакции [17, p. 259]. Блокчейн биткоина возник в результате попыток создать систему анонимных транзакций, и отголоски культуры гражданского неповиновения и либертарианства, характерной для шифропанков, продолжают звучать во многих экосистемах, связанных с блокчейном[14]. Сохраняя традиции более ранних проектов по разработке открытого ПО, блокчейн-технология нацелена на создание значительных выгод для экономики и общества в целом. К 2018 г. ведущие открытые блокчейны[15] принесли экономике около 20 млрд долларов, или около 0,025 % мирового ВВП[16].

Несмотря на свой вклад в экономику и создание технологических инноваций, в настоящее время движение за разработку ПО с открытым кодом подвергается нападкам. Появляется все больше исследований в области права, в которых утверждается, что разработчики открытого ПО должны подчиняться нормам фидуциарного права в результате самого факта написания кода для открытого проекта[17]. В рамках судебных исков утверждается, что разработчики открытого ПО должны возместить финансовые убытки пользователям, после того как не внесли в программу изменения по требованию определенной группы пользователей[18]. Как минимум один из основных разработчиков блокчейна эфириума прекратил свою деятельность в этом проекте, опасаясь репрессалий в рамках законодательства своей страны [22]. Хотя в настоящее время такие нападки сосредоточены на разработке блокчейнов, их влияние может распространиться на более широкую область разработки открытого ПО, что не находит отражения в литературе. Иными словами, идет подготовка к созданию правового движения за то, чтобы частные разработчики блокчейна несли наказание за самые различные действия, независимо от выгод, широкого контекста и особенностей культуры открытого ПО. Предложение по регулированию этой деятельности уже вызвало ряд негативных последствий, угрожающих самому существованию проектов по разработке открытого ПО, например, некоторые

конкретно на протокол оригинальной криптовалюты «биткоин». В том же значении часто используют слова «Блокчейн» или «блокчейн». В иных случаях корректнее говорить о блокчейн-технологии или блокчейн-протоколе, так как существует множество технологий и протоколов. В свою очередь, термин «протокол» означает «набор инструкций для компиляции и взаимодействия объектов» [14]. Блокчейн – это форма сетевого протокола. В целом «сетевой протокол» просто задает правила, по которым компьютеры (узлы) в сети могут устанавливать связь друг с другом [15]. Например, протокол Интернета – это сетевой протокол, который определяет форматы цифровых сообщений и правила связи между компьютерами в сети. Internet Protocol (IP), Techopedia, Aug. 30, 2019. URL: https://www.techopedia.com/definition/5366/internet-protocol-ip . Электронная почта также основана на протоколе, который позволяет пользователям связываться друг с другом; «это просто способ, с помощью которого два компьютера могут поговорить друг с другом» [16].

[12] [17] (поясняется, что блокчейн биткоина и другие открытые блокчейны берут начало в традициях «шифропанков»).

[13] [17, p. 255] (цитируется [18]).

[14] [17, p. 259–260] (описываются такие разработки, как *Zcash* и *Ethereum*, представляющие собой развитие идей шифропанков в области технологии распределенного реестра (*distributed ledger technology*, *DLT*).

[15] А именно блокчейн биткоина и протокол эфириума.

[16] World Econ. Forum, *Deep Shift: Technology Tipping Points and Societal Impact*, 2015, p. 24. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC15_Technological_Tipping_Points_report_2015.pdf (дата обращения: 17.03.2020). По прогнозу Всемирного экономического форума, к 2027 г. 10 % мирового ВВП будет храниться посредством блокчейн-технологий.

[17] См., например, [20, 21].

[18] Brola v. Nano, No. 1:18-cv-02049 (*E.D.N.Y. Apr.* 6, 2018). Истцы требовали компенсационных выплат, включая возврат средств, потерянных на криптовалютной бирже *BitGrail*; при этом особо подчеркивалась неспособность основной команды разработчиков *Nano* «предотвратить ветвление» протокола *Nano*.

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

разработчики прекратили свою работу [22]. Это говорит о том, что данное управленческое решение далеко от оптимального[19].

С другой стороны, эксперты сходятся во мнении, что многие открытые блокчейны испытывают кризис управления[20]. Если этот кризис невозможно разрешить с помощью открытого протокола блокчейна, то неуправляемые блокчейн-структуры могут привести в сфере криптовалют к ситуации по подобию скандала с конфиденциальностью *Facebook-Cambridge Analytica*[21]. Двадцать лет назад профессор Лоуренс Лессиг (*Lawrence Lessig*) предсказывал такое развитие событий, если не уделить больше внимания процессам управления в структуре Интернета. А именно он писал:

«Что, если возникнет структура, позволяющая вести непрерывное наблюдение; структура, поддерживающая постоянное отслеживание поведения и перемещений? Что, если появится структура, способная без затрат собирать информацию о частных лицах, их поведении и стремлениях? И что, если такая структура сможет делать все это, оставаясь невидимой, не вмешиваясь в повседневную жизнь отдельного человека [*sic*]?» [25].

Возможно, неспособность общества создать более совершенные механизмы контроля над Интернетом и его приложениями уже привела к исполнению самых мрачных предсказаний Лессига[22].

Чтобы проекты по разработке блокчейна с открытым исходным кодом могли по-прежнему пользоваться механизмами управления, внутренне присущими их культуре и целям, а также чтобы шире использовать возможности защиты групп разработчиков, автор выступает за применение корпоративного права в качестве моделей управления в сообществах разработчиков блокчейна. Такие модели должны находиться в рамках закона, но при этом оставаться гибкими. А именно участники систем открытого блокчейна[23] должны в контракте очертить (описать/обозначить/установить) механизмы управления, основанные на использовании элементов корпоративного управления. Автор также показывает, что использование корпоративного управления в качестве модели управления блокчейном предоставляет важные возможности для корпоративного права[24]. Сторонники технологии

[19] Об этом же писал *Yochai Benkler* относительно имущественного права и конкурентного производства, объясняя, что «законодатели, продвигающие инновации, могли бы более эффективно направить свои усилия на обеспечение институциональных инструментов, призванных помочь тысячам людей сотрудничать без присвоения их совместного продукта, бесплатно распространять производимую ими информацию, а не тратить силы на расширение и усложнение механизмов присвоения этих общественных благ, как это происходит сейчас» [3, p. 446].

[20] Как будет показано ниже, блокчейнам присущи два типа управления: управление в блокчейне и вне блокчейна. См. ниже сноски 76–83 и соответствующий текст. Управление в блокчейне означает попытку внедрить правила управления в код программы, а именно в механизм согласия, который подтверждает транзакции, проводимые через протокол; управление вне блокчейна – это процесс, происходящий за пределами кода, с помощью которого разработчики ПО и программы проверки правильности кода блокчейна предлагают, создают и применяют обновления, доработки и другие изменения в программе [23, pp. 1, 2].

[21] [24]. Таким образом, протокол блокчейна – это сетевой протокол, определяющий правила, которые позволяют компьютерам в Сети обмениваться меновой стоимостью на основе принципа передачи информации между самостоятельными узлами сети (*peer-to-peer basis*).

[22] См. в целом [26–29] (описывается понятие «наблюдение за данными» [*dataveillance*: *data* – «данные» и *surveillance* – «наблюдение». – Прим. переводчика] как «систематическое использование систем персональных данных изучения и наблюдения за действиями и связями одного или более людей»); [30] (описывается использование широко распространенных данных из сети Интернет с целью проведения политики расовой дискриминации на основе технологий).

[23] Выбор термина «система» не случаен. Автором неоднократно подчеркивалась необходимость применять сравнительный и системный аналитический метод при изучении вопросов на стыке права, технологии распределенного реестра и технологии блокчейна [31, p. 390]. См. также [32, p. 391].

[24] Как сравнительное правоведение, так и системный анализ дают внутренний импульс для всестороннего рассмотрения каждой проблемы с точки зрения ее сущности, структуры и культуры. Сама цель сравнительного правоведения состоит в выявлении противоположностей. «Настоящая цель сравнительного правоведения – вооружить нас подходами и средствами для критической оценки самих себя и нашей правовой культуры» [33, pp. 471–472]. В свою очередь, системный анализ рассматривает систему как объект, состоящий из согласованных и взаимосвязанных элементов, которые «действуют как единое целое при выполнении заданной функции или задачи». [34, p. 599]. Системный анализ признает взаимовлияние этих элементов, даже если они выполняют одну и ту же деятельность. Там же. Кроме того, согласно теории систем, каждая система может быть частью другой, более крупной системы. Там же. Учитывая все это, каждое пересечение права и блокчейн-технологий дает возможность для двустороннего обмена влияниями, когда право влияет на блокчейн и его исходный код, а блокчейн-технология, ее код и все возможности, которые она предоставляет, также могут оказать влияние на право.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

блокчейна[25] часто прославляют ее как инструмент для разрушения корпоративной сферы и последующей демократизации общества; однако между блокчейном и корпорациями больше функционального сходства, чем принято считать. В самом деле, сторонники компаний в XIX в. призывали признать эту инновацию двигателем прогресса [36]. Компании можно рассматривать как технологию, так как они используют единственный эффективный метод обеспечения продуктивного сотрудничества с целью получения прибыли для всех [36]. Технология блокчейна делает то же самое с помощью программного кода.

Протоколы блокчейна и их разработчики воплощают эту реальность, даже не осознавая этого. Например, в протоколах управляющих узлов, создающих структуру управления для эффективного принятия решений, интуитивно повторена структура партнерства[26]. Многие разработчики блокчейн-протоколов объясняли принципы своих программ, проводя аналогии с корпорациями[27]. Фактически некоторые протоколы, интерактивные контракты и «децентрализованные автономные организации» (*decentralized autonomous organizations, DAO*) можно представить в виде деловых трастов, которые реализуют корпоративную модель, не образуя реальную корпорацию[28]. Другие разработчики исследовали возможности превращения своих проектов в формальные корпорации[29]. Независимо от того, было ли такое противопоставление в большей степени теоретическим или разработчики протоколов действительно намеревались организовать конкретный протокол как юридически признанное предприятие, такой широкий спектр сценариев указывает на значительный потенциал модели корпоративного управления для выстраивания управления протоколом блокчейна. Действительно, многие проекты по разработке открытого ПО, включая некоторые блокчейн-экосистемы [43], основаны на различных формальных и неформальных механизмах управления, которые включают как формальное инкорпорирование, так и контрактное управление[30].

В настоящей работе показан потенциал (не) корпоративного криптоуправления – управления блокчейном, построенного в соответствии с парадигмами корпоративного управления, но применяемого через контракты[31]. В гл. I рассматривается кризис

В контексте данной статьи из вышесказанного следует вывод, что если механизмы корпоративного управления могут способствовать развитию управления блокчейном, то и протоколы блокчейна могут способствовать развитию корпоративного права.

[25] «В целом термин “технология распределенного реестра” относится к любым инициативам и проектам, в которых создаются системы, осуществляющие совместное управление развитием данных без участия центра; отдельные такие системы называются распределенным реестром. Термин “блокчейн” описывает систему, использующую данные, рассеянные по всему миру, и/или структуру данных, представляющую собой цепочку блоков» [35]. В целом в работах автора рассматриваются вопросы права на стыке любых вариантов *DLT* и технологии блокчейна. Поэтому автор использует термин *DLT* со всеми стандартными оговорками. Однако настоящая статья посвящена конкретно управлению открытыми блокчейн-протоколами, поэтому в ней говорится о «протоколах блокчейна». При этом автор стремится охватить все виды таких протоколов, независимо от типа механизма согласия (например, доказательство выполнения работы, доказательство доли владения и пр.).

[26] См., например, [37] (описаны мастерноды [серверы в децентрализованной сети. – Прим. переводчика], поддерживающие криптовалюту в обмен на право голосовать при принятии решений относительно протокола).

[27] См., например [38] («Биткоин состоит из 21 миллиона частей, принадлежащих лицам, которых можно считать акционерами Биткоина»); [39] («Криптовалюту следует воспринимать как акции Децентрализованной автономной корпорации (*Decentralized Autonomous Corporation, DAC*), в которой устав заменяется исходным кодом»).

[28] См. в целом [31] (показано, что протоколы блокчейна, некоторые интерактивные контракты и децентрализованные автономные организации могут строиться как деловые трасты с целью добиться признания предприятия по закону и обеспечить ограниченную ответственность). Предлагаемая в данной работе контрактная структура управления, построенная по модели корпоративных механизмов управления, может быть объединена с трастовыми инструментами для создания делового траста. Разумеется, она может также быть частью предприятия на основе алгоритмов, представляющего собой корпорацию или компанию с ограниченной ответственностью (см. в целом [40]). Но это не обязательно. Она может представлять собой просто контракт, используемый как инструмент управления внутри сообщества.

[29] См., например, [41] (описано введение в штате Вермонт закона, позволяющего создавать «компании с ограниченной ответственностью на основе блокчейна» и создание нескольких компаний по этому закону); [42] (отмечено, что траст криптовалюты *Dash* выбрал Новую Зеландию «за ее прочную репутацию и сильное трастовое законодательство»).

[30] См. в целом [44, p. 163; 45].

[31] В данной работе к блокчейн-технологиям применяется принцип анализа «криптоправа», который ставит вопрос, какие аспекты корпоративного управления можно использовать для управления открытым протоколом блокчейна. Для полного объяснения принцип анализа криптоправа для *DLT* см. в целом [32].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

управления в области блокчейн-протоколов в целом и открытых блокчейн-протоколов в частности. Здесь же показаны сходные проблемы в области управления Интернетом, который все больше страдает от фрагментации и давления со стороны отдельных государств. В гл. II изучены параллели между управлением Интернетом и протоколом блокчейна и показано, что корпоративное право дает некие ориентиры[32] для разрешения кризиса управления блокчейном. При этом в гл. II показано также, что, чтобы соответствовать этическим принципам сообщества, его внутренним приоритетам, а также принципам законности, такие ориентиры должны быть адаптированы и закреплены контрактом. В гл. III изучаются те области управления блокчейном, которые могут больше всего почерпнуть из корпоративного управления, включая расширение возможностей для принятия решений и защитной функции отдельных влиятельных групп, лиц и институтов в данном секторе. В заключение в статье анализируются вопросы культуры блокчейн-протоколов, на которые может оказать влияние (не)корпоративное криптоуправление, и утверждается, что эти непростые вопросы могут не только быть успешно решены, но и способствовать развитию новых структур корпоративного управления традиционными предприятиями.

I. ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ ВНЕ БЛОКЧЕЙНА

В настоящее время открытый протокол управления блокчейном переживает момент (или эпоху) кризиса [18, p. 2]. Разработчики открытых блокчейн-протоколов, отвергая само понятие формального управления и утверждая, что децентрализация исключает всякую необходимость в нем, зачастую создают структуры управления, не рассматривая их как таковые[33]. В результате широкий круг технических специалистов в области блокчейна только начинает серьезно изучать теории управления блокчейном[34]. В настоящее время управление протоколом блокчейна в основном повторяет путь развития управления Интернетом: главную роль играют отдельные влиятельные лица, затем создаются квазиуправленческие организации с различной степенью законности, нечетко определенными задачами и высокой степенью политизации[35].

Однако в настоящее время управление блокчейн-протоколом остается все еще в зачаточном состоянии, пока не испытывая рецентрализации и вмешательства национальных правительств в той же мере, что управление Интернетом. Другими словами, у нас, возможно, есть еще время разработать такие принципы управления, которые смогут нивелировать конфликты интересов, скрытые в существующих открытых блок-

Обзорную версию см. в целом [46]. Указанный вопрос является обратным по отношению к вопросу, рассмотренному в первой работе данной серии. См. в целом [31].

[32] Точнее говоря, в данной статье не утверждается, что протоколы блокчейна должны подчиняться корпоративному праву, если только участники конкретного блокчейн-проекта не объединились в формальную корпорацию. По причинам, которые будут показаны ниже, в этой статье автор целенаправленно выступает за управление блокчейном через частные контракты и рекомендует разработчикам таких контрактов обратиться к модели корпоративных структур управления, так как ряд концепций и структур, используемых при корпоративном управлении, могут быть полезны для управления блокчейном. См. ниже разд. II.*B*. Этим данная работа принципиально отличается от единственного другого исследования в области возможного применения корпоративного права для управления блокчейном, автор которого выступает за использование централизованного органа управления по типу *Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN)* для надзора за применением единого корпоративного кода во всех протоколах блокчейна. См. в целом [47, p. 140]. Как будет более подробно показано ниже, в данной статье автор выступает за использование принципа частного заказа, развивая аргументацию и логику, заявленные в предыдущей статье «Если бы Рокфеллер был программистом» (*"If Rockefeller Were a Coder"*). Причина этого в том, что принцип частного заказа способствует прозрачности, предсказуемости и внутренней обоснованности ролей, зон ответственности и подотчетности в экосистеме управления. См. ниже сноску 107. Автор выступает за договорную систему управления, так как из всех форм предприятий на основе блокчейна отдает предпочтение деловому тресту. Деловой траст «объединяет схему разделения активов, присущую традиционной корпорации (сильная защита предприятия и полная ограниченная ответственность), с более гибкой внутренней структурой, чем может предложить корпорация» [48, pp. 13–14].

[33] [49] («Блокчейн обычно возникает в результате децентрализованного процесса, направленного на определение того, какие транзакции следует включить в реестр; поэтому у многих возникает идеологическое неприятие централизованной, иерархической схемы управления, которая определяет протокол, порождающий этот процесс»).

[34] [50, 51]. Академические исследования также начинают формально группироваться вокруг проблемы управления блокчейном. См., например, [52]. См. также *Cryptoeconomic Systems*. URL: https://cryptoeconomicsystems.pubpub.org/ (дата обращения: 17.03.2020).

[35] См. обсуждение ниже, раздел I.*B*.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

чейн-протоколах[36]. В данной главе обсуждаются некоторые неудачные схемы управления, повлиявшие на известные открытые блокчейны. Затем раскрываются параллели между существующим опытом управления блокчейном и опытом управления Интернетом; тем самым показаны риски, ожидающие управление блокчейном, если его развитие будет продолжаться так же бессистемно, как это происходит в настоящий момент, а также необходимость формализации возможных схем управления блокчейном.

A. Опыт управления открытыми блокчейн-протоколами

В ответ на несанкционированное перемещение токенов в размере 55 млн долларов из децентрализованного инвестиционного венчурного фонда *DAO* [54], в 2016 г.[37] протокол валюты эфириум подвергся жесткому ветвлению (хардфорк)[38], в результате чего исходный код разделился на эфириум Классик и эфириум[39]. Этот хардфорк разделил сообщество эфириум на два лагеря[40], поставив под сомнение законность протокола, по мнению многих, как внутри, так и вне круга технических специалистов[41]. 1 августа 2017 г. блокчейн биткоина также пережил ветвление[42], в результате которого образовались биткоин и биткоин Кэш[43]. До сих пор не утихают дебаты о том, как масштабировать блокчейн биткоина, чтобы справиться с огромным объемом транзакций[44], а в это время задержка с решением привела к высокой стоимости транзакций и невероятно медленным темпам обработки информации [59], а именно эти два свойства определяют качество блокчейна как системы для обмена ценностями [60]. Предложения изменить исходный код биткоина приводят к неопределенности на рынке [61]. В результате взлома криптовалютного кошелька[45] были заморожены и выведены из употребления около 280 млн долларов в валюте эфир, и способ справить эту ситуацию до сих пор не найден [63]. В литературе описывается высокий уровень противоречивости и невозможность прийти к консенсусу относительно ключевых аспектов дизайна инфраструктуры, угроз безопасности и общепринятой политики; это свиде-

[36] Такой конфликт интересов привел, в частности, к успешной атаке 51 % на валюту эфириум Классик. См. [53] (показано, что члены сообщества эфириум Классик были убеждены, что «атака была, вероятнее всего, вызвана эгоистичным майнингом», и утверждали, что «не заметили двойного расходования средств в процессе атаки»).

[37] [55, p. 163] (утверждается, что технология раздельного заверения (*SegWit*) была коллизионной). См. также [17, p. 7].

[38] «Жесткое ветвление» (*hard fork)* возникает, когда обновление программного обеспечения приводит к «явному разрыву непрерывности в предыдущей системе» [18, p. 11, n. 13]. В результате «две сети блокчейна получают два различных, несовместимых друг с другом протокола» [18, p. 8]. См. также [12, p. 73] (Жесткое ветвление – это изменение протокола, которое «вводит новые свойства, ранее считавшиеся несуществующими», когда некоторые узлы не обновляются, продолжая работать с той ветвью блокчейна, которая исключает блоки с новым свойством… изменения такого типа называются жестким ветвлением, потому что цепь блоков разделяется»); [56, p. 281] («Технически хардфорк возникает, когда некоторые пользователи принимают новое программное обеспечение, несовместимое с предыдущим»). Заметим, что хардфорки возникают постоянно, например, когда разработчик берет открытый исходный код, такой как протокол блокчейна, и создает на его основе совершенно новый проект [13, pp. 171, 243]. Среди самых известных примеров – *Namecoin* и *Litecoin*, которые являются хардфорками блокчейна биткоина [13, pp. 247–249]. Такие хардфорки не приводят к каким-либо противоречиям или к кризису управления. Они являются вполне ожидаемым и ценным элементом разработки открытого ПО. В данной статье при обсуждении хардфорков имеются в виду в первую очередь так называемые коллизионные хардфорки, когда ветвление активного блокчейн-протокола вызывает противоречивость и неопределенность среди сообщества протокола и рядовых пользователей [13, pp. 75, 172–173].

[39] [17, pp. 293–299; 54, p. 7] («Первоначальный блокчейн-протокол эфириум называется теперь эфириум Классик, а соответствующая валюта торгуется по значительно сниженной цене»).

[40] [17, p. 289] («Жизнь остановилась. За кулисами кипели религиозные войны, в которых доказывалось, что не следует ничего предпринимать в связи с кражей – ведь эфириум не рухнул, только код *DAO* оказался уязвимым! А разве не об этом громко и четко заявляли разработчики *DAO*: “*Код есть закон*!” Что ж, этот закон не был нарушен»).

[41] [50] (описывается один из побочных эффектов хардфорков – снижение доверия: «После этих кардинальных изменений те, кто раньше опирался на протокол, должны выйти из блокчейна и каким-то образом понять, какую из “новых” версий считать верной и использовать»).

[42] [57]. Название биткоин относится к оригинальному и самому распространенному блокчейн-протоколу биткоина. См. [58].

[43] Биткоин Кэш – протокол, возникший после хардфорка блокчейна биткоина; это «ответвление» биткоина [58].

[44] [18, pp. 11–12] (описываются эти дебаты и возникший уровень противоречивости, которые часто называют «гражданской войной» внутри сообщества биткоин).

[45] Это был второй взлом, последовавший вскоре после первого, когда было украдено валюты эфир приблизительно на 30 млн долларов путем атаки на три широко используемых интерактивных контракта [62].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

тельствует о продолжающемся кризисе управления в сфере открытых блокчейн-протоколов[46].

Проблемы с управлением в сообществах биткоина и эфириума берут начало в конфликтах интересов лиц, участвующих в управлении. В целом участники экосистемы блокчейн-протокола включают основных разработчиков, других разработчиков открытого кода, операторов полных узлов[47], держателей криптовалюты или токенов, основателей протоколов, общественные организации [13, pp. 173–175]. Разработчики открытого кода придумывают, создают и запускают обновления протокола, исправленные версии и модификации для рассмотрения сообществом [13, p. 171]. Многие разработчики блокчейн-протоколов выполняют работу бесплатно[48]. В то же время операторы полных узлов могут не только подтверждать транзакции, но и запускать обновления и варианты, предлагаемые основными разработчиками[49]. В отличие от последних, операторы полных узлов имеют материальную заинтересованность – их доход зависит как от оплаты пользователей за транзакции, так и от количества подтвержденных транзакций[50]. В результате операторы полных узлов могут иметь корыстный интерес в определенном решении по поводу предложения разработчика[51]. Например, один из самых спорных

[46] [18, p. 13] («Одно несомненно: независимо от степени надежности и технической жизнеспособности протокола биткоина, этот кризис управления и невозможность разрешения конфликта выявили хрупкость существующих механизмов принятия решений в проекте биткоина»).

[47] В данной работе термины «полный узел» и «операторы полных узлов» используются по отношению к тем операторам узлов любого блокчейн-протокола, которые имеют полномочия подтверждать блоки транзакций или иным образом подтверждать изменения состояния и принимать обновления протокола, независимо от того, как эти узлы называются внутри сообщества. Например, в системе блокчейна биткоина это подтверждающие узлы, включая майнеров, но не включая *SPV*-клиентов [13, pp. 68–71] («Подтвердить блок сложнее, чем подтвердить транзакции... Подтверждающие узлы должны быть всегда подключены к сети, чтобы отслеживать все транзакции с биткоином... Кроме того, такие узлы должны хранить всю цепочку блоков... [Напротив,] *SPV*-клиенты (*Simplified Payment Verification*)... не хранят всю цепочку блоков... Узлы *SPV* могут подтверждать только те транзакции, которые непосредственно относятся к ним. Поэтому они обращаются к подтверждающим узлам за подтверждением всех остальных транзакций»). В данной работе термин «полный узел» используется в том же значении, т. е. включает подтверждающие узлы, но не включает *SPV*-клиентов. Действительно, последние не могут технически считаться узлами, так как *SPV*-клиенты привязаны к подтверждающим узлам и зависят от их взаимодействия с сетью. StopAndDecrypt. Bitcoin Miners Beware: Invalid Blocks Need Not Apply, *Hacker Noon*, June 1, 2018. URL: https://hackernoon.com/bitcoin-miners-beware-invalid-blocks-need-not-apply-51c293ee278b (дата обращения: 17.03.2020); StopAndDecrypt. Sharding Centralizes Ethereum by Selling You Scaling-In Disguised as Scaling-Out, *Hacker Noon*, May 23, 2018, URL: https://hackernoon.com/sharding-centralizes-ethereum-by-selling-you-scaling-in-disguised-as-scaling-out-266c136fc55d (дата обращения: 17.03.2020) (в *Ethereum* 2.0 термин «полный узел» может относиться только к «узлу стоимостью 16 тысяч долларов»). В протоколе мастерноды термин «полный узел» в значении, принятом в данной статье, будет относиться к мастернодам. См., например, How Masternodes Work, *Dash*, URL: https://www.dash.org/masternodes/ (дата обращения: 17.03.2020) («Мастернода хранит полную копию блокчейна и предоставляет уникальный второй уровень сервиса в сети, обеспечивая такие продвинутые функции, как *InstantSend*, *PrivateSend* и имена пользователей блокчейна... Как члены проекта с большой степенью заинтересованности, операторы мастернод имеют возможность ежемесячно голосовать за направление до 10 % от вознаграждения блока на финансирование проектов сообщества по поддержке экосистемы *Dash*»). В других блокчейн-протоколах могут использоваться другие названия для понятия «подтверждающий узел», а также их обязанности могут немного отличаться. Термины «полный узел» и «операторы полных узлов» имеют достаточно широкие значения; они обозначают децентрализованных субъектов, принимающих решения, независимо от их обозначения, принятого в конкретном сообществе. Если сообщество по какой-то причине захочет выделить (или, напротив, исключить) подмножество полных узлов как ответственную сторону, то оно, безусловно, может сделать это в контракте на управление.

[48] [3, pp. 372–373] («При организации производства проекты по разработке открытого ПО не опираются на рыночную или управленческую иерархию. В целом программисты участвуют в проекте по разработке открытого кода не потому, что им велел начальник, хотя и так бывает. Обычно они также участвуют не потому, что за это платят, хотя некоторые занимаются долгосрочной оплачиваемой деятельностью, связанной с проектом, например, консультированием или обслуживанием. Однако подавляющее большинство участников делают это не по команде, не за деньги и даже не в надежде на будущие доходы; особенно это касается тех важнейших решений на микроуровне, которые определяют, какой именно проект выберет участник»).

[49] [13, pp. 131, 173; 61] («Операторы узлов решают, какое программное обеспечение использовать...»).

[50] [13, pp. 117–119] (описывается бизнес-модель майнинга).

[51] [5, p. 163] («Майнинг – это коммерческая деятельность, в которой прибыль во многом определяется стоимостью компьютерного оборудования для майнинга по отношению к стоимости добываемой криптовалюты. Следовательно, ключевым фактором при принятии решения майнером (о том, какую версию программного обеспечения использовать и какую часть блокчейна разрабатывать) будет влияние конкретного изменения кода на стоимость криптовалюты»).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

аспектов – масштабирование протокола с целью получить ускорение обработки и возможность проводить дополнительные транзакции – часто обсуждается с точки зрения сетевой безопасности, однако эффективное масштабирование может снизить доходы операторов полных узлов за счет снижения стоимости транзакций[52]. Другими словами, единственная группа, которая способна предоставить решение, может заблокировать его из соображений собственной выгоды.

В то же время, поскольку разработчики, а особенно основные разработчики, поддерживающие и развивающие протокол, часто делают это по идеологическим причинам [13, pp. 175–176], их точка зрения на наиболее целесообразную архитектуру протокола может быть далека от реалий, ожиданий и потребностей пользователей протокола, т. е. держателей криптовалют[53]. При этом очень важно, что держатели криптовалют находятся в разном положении [31, pp. 393–394]. Некоторые из них – пассивные потребители, заинтересованные в доходах со своих вложений [31, pp. 393–394], другие имеют приложения или предприятия в этой области, как, например, провайдеры электронных кошельков или бирж[54]. Такие предприниматели[55], владельцы крупных холдингов, могут иметь иную точку зрения на вопросы управления, чем рядовые пользователи [13, p. 174]. Основатель протокола или общественная организация, созданная для продвижения, изучения или лоббирования протокола, могут поддерживать определенную позицию по самым разным причинам[56].

В попытке более осознанно охватить все противоречивые интересы в своем сообществе открытые блокчейн-протоколы обычно следуют одному из двух типов управления: «в блокчейне» и «вне блокчейна»[57]. Управление «в блокчейне» в основном связано с попытками внедрить правила управления кодом в механизм согласия, используемый для подтверждения транзакций в протоколе[58]. В целом механизмы управления «в блокчейне» являются новыми, экспериментальными, они находятся на самых ранних стадиях развития [65; 23, pp. 1–2]. В основном управление ведущими открытыми блокчейн-протоколами происходит вне блокчейна [23, pp. 1–2]. Управление вне блокчейна – это процессы управления, происходящие за пределами программного обеспечения и используемые в основном для принятия решений по поводу обновлений в исходном коде протокола[59]. Механизмы управления «вне блокчейна» все больше подвергаются критике как со стороны технических специалистов, так и со стороны экспертов академического сообщества; утверждается, что эти механизмы развивались так беспорядочно, что не могут быть оптимальными[60]. Однако, даже не вдаваясь в обсуждение того, какой из механизмов управления будет эффективнее в долгосрочной перспективе[61], приходится утверждать, что открытые блокчейн-протоколы не могут ждать, пока

[52] [13, pp. 130–136] (описываются мотивы и стратегии майнинга, включая атаки на протокол с целью получить экономическую выгоду).

[53] [64] (описываются первоочередные цели основных разработчиков – поддержание качества своих репозиториев программного обеспечения, чтобы пользователи отдавали предпочтение их коду). Основные разработчики, как и разработчики открытого кода в целом, заботятся преимущественно о своей репутации [3, pp. 424–425].

[54] [13, p. 174] (описываются услуги по продаже и оплате).

[55] Среди них могут быть также разработчики блоков, бирж и приложений [64].

[56] [13, p. 174–175]. Инцидент с *DAO* выявил некоторые конфликты интересов, связанные с аспектами управления протоколом. Децентрализованный инвестиционный венчурный фонд *DAO* действовал через программное обеспечение, лежащее в основе протокола эфириума [54, pp. 4–6]. Один из сотрудников использовал лазейки в коде *DAO* и присвоил активы на сумму 55 млн долларов; в результате сообществу эфириума пришлось принимать управленческое решение: следует ли исправить исходный протокол эфириума так, чтобы вернуться к состоянию транзакций до создания *DAO*, или участникам *DAO* придется принять последствия ситуации? В итоге было принято решение исправить протокол посредством хардфорка, однако основные разработчики, майнеры и рядовые пользователи были вынуждены долго обсуждать ситуацию, различные подходы и принципы. [19, pp. 60–64].

[57] Pool of Stake. Revisiting the On-Chain Governance vs. Off-Chain Governance Discussion, *Medium*, May 22, 2018. URL: https://medium.com/@poolofstake/revisiting-the-on-chain-governance-vs-off-chain-governance-discussion-f68d8c5c606 (дата обращения: 17.03.2020)

[58] Там же.

[59] Pool of Stake. Revisiting the On-Chain Governance vs. Off-Chain Governance Discussion, *Medium*, May 22, 2018. URL: https://medium.com/@poolofstake/revisiting-the-on-chain-governance-vs-off-chain-governance-discussion-f68d8c5c606 (дата обращения: 17.03.2020).

[60] [65, 50]; On-Chain Governance, *Investopedia*. URL: https://www.investopedia.com/terms/o/onchain-governance.asp (дата обращения: 17.03.2020).

[61] См. [64] (против управления в блокчейне); ср. [50] (за управление в блокчейне).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

механизмы управления «в блокчейне» станут достаточно эффективными. Любой механизм управления «в блокчейне» транзакций[62]. Если сообщества разработчиков открытых блокчейн-протоколов будут ждать появления совершенных систем управления «в блокчейне», они рискуют тем, что им будет законодательно навязан механизм управления «вне блокчейна», противоречащий их этическим принципам, задачам и ценностям[63]. Когда правила поведения в проектах по разработке открытого программного обеспечения навязываются извне, результаты могут быть катастрофическими[64].

Это поворотный момент в технологии блокчейна. Отсутствие консенсуса по поводу дальнейшего развития механизмов управления протоколом снижает их гибкость и способность к адаптации [68]; если эта проблема не разрешится, под угрозой окажутся возможности применения технологии в будущем[65]. Кроме того, использование хардфорков для спасения средств пользователей привело к требованиям обязать основных разработчиков спасать средства или нести ответственность по групповым искам[66]. В результате в настоящее время кризис управления угрожает не только техническому функционированию блокчейн-протоколов, но и всей системе разработки открытого ПО [3, pp. 381–400]. Блокчейн-протоколы – не единственная технология, столкнувшаяся с проблемами управления в глобальных масштабах. Фактически сегодня развитие механизмов управления блокчейном во многом повторяет историю развития управления Интернетом. Если не обратить пристальное внимание на управление блокчейном, ему будут грозить те же опасности, от которых пострадал Интернет.

B. Опыт управления Интернетом и связанные с ним риски

Специалисты часто сравнивают блокчейн-протоколы с протоколом Интернета [70]. Блокчейн-протоколы задают правила, позволяющие компьютерам взаимодействовать друг с другом при обмене ценностью «от человека к человеку», что во многом схоже с принципами, задаваемыми Интернетом при обмене информацией «от человека к человеку»[67]. Кроме того, многие блокчейн-протоколы, как и Интернет, в момент своего запуска являются «продуктивными: они запрограммированы принимать любое сообщение, соответствующее базовым правилам» [28, p. 3]. Поэтому некоторые специалисты рекомендуют принять схему управления Интернетом для управления блокчейном[68]. Однако даже поверхностный взгляд на развитие современных механизмов управления Интернетом выявляет их недостатки, которых управление блокчейном может избежать[69]. В частности, критики современной системы управления Интернетом указывают на рецентрализацию Интернета[70],

[62] См., например, Learn About Tezos,*Tezos*. URL: https://tezos.com/get-started (дата обращения: 17.03.2020); [66].

[63] См. в целом [19] (утверждается, что основные разработчики и операторы узлов должны взять на себя фидуциарные обязанности); [67], см. выше сноску 18, pp. 11–12.

[64] Linux Developers Threaten to Pull "Kill Switch", *LULZ*, Sept. 24, 2018. URL: https://lulz.com/linux-devs-threaten-killswitch-coc-controversy-1252/ (дата обращения: 17.03.2020).

[65] [69] (отмечается, что недостаточное внедрение блокчейна в некоторой степени происходит из-за проблемы масштабирования открытых блокчейнов, которая остается неразрешенной в рамках управления «вне блокчейна»).

[66] См. выше сноску 18, pp. 3–4, 24–25.

[67] Более точное определение термина «протокол» см. [13, pp. 7475].

[68] См. в целом [47] (рекомендуется создать систему *ICANN* для блокчейн-технологий с целью разработки и применения универсального кода корпоративного управления).

[69] Термин «управление Интернетом» может пониматься и применяться по-разному. В результате существуют различные мнения относительно плюсов и минусов отдельных аспектов управления Интернетом. В данной статье представлен обзор одной из широко освещенных в специальной литературе точек зрения на управление Интернетом, его историю и сферы приложения к текущим практикам и будущим возможностям.

[70] [71] («Коротко говоря, мы прошли долгий путь с тех пор, как Интернет провозглашался полностью децентрализованной, самоуправляемой системой, способной легко обойти все попытки ее контролировать. Уровни контроля стали хорошо видны всем, а бурная и захватывающая история развития *ICANN* позволяет проследить, как общество на фоне все возрастающей глобализации пытается уравновесить необходимость открытой коммуникации и требования централизованного контроля»). См. в целом [28, p. 3] (предостережение против возрастающей централизации структуры Интернета); [72, pp. 1, 3–4] (описываются исследования *Jonathan Zittrain*, *Yochai Benkler* и *Tim Wu* о том, «переживает ли Интернет, несмотря на бесчисленные техноутопии на тему своих антиправительственных и демократических возможностей, тот же процесс «феодализации», что и предыдущие информационные технологии, и как закон и государство могут помешать этому»).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

недостаток законности институтов[71], все возрастающую политизацию управления Интернетом[72] и утверждают, что выбранные механизмы управления привели к недопустимому уровню вмешательства со стороны суверенных правительств и фрагментации Сети, которая задумывалась как всемирная и не имеющая границ[73].

Как и определение понятия «управление блокчейном», определение управления Интернетом не является общепринятым[74]. Рабочая группа ООН по проблемам управления Интернетом использует следующее определение: управление Интернетом – это «разработка и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом в рамках исполнения ими своих соответствующих ролей общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, которые формируют условия для развития и использования Интернета»[75]. Существует множество вариаций этого определения[76]. Вероятно, проблема управления Интернетом включает как вопросы инфраструктуры (или архитектуры), так и вопросы модулирования контента [76, p. 2]. При проведении параллелей между управлением блокчейн-протоколом и Интернетом наблюдается значительное сходство в вопросах управления инфраструктурой. В данной главе остановимся на структуре управления инфраструктурой Интернета.

Изначально разработчики Интернета закладывали в него принципы «открытости, минимализма и нейтральности» [26, p. 23]. Эти принципы соответствовали идеологии создателей Интернета[77] – идеологии, которая отрицала централизованный контроль и отражала либертарианские идеалы [26, p. 23]. Эта идеология также повлияла на механизмы управления относительно того, как в системе будут происходить изменения; разработчики решали этот вопрос не столько голосованием, сколько обсуждением до достижения «примерного согласия»[78].

---

[71] См., например, [73, pp. 212–217].

[72] [26, p. 46] (описываются события, приведшие к созданию «Зеленой книги» США по методу корневого управления Интернетом; делается вывод, что «это ознаменовало начало новой эры Интернета, когда влиятельные правительства могут применять угрозы, чтобы обеспечить свои интересы»); [74] («Вокруг Интернета возникает особая глобальная политика. Подобно глобальной политике в области торговли или охраны окружающей среды, проблема управления Интернетом стала предметом международных конфликтов между государствами и мишенью для нападок сторонников транснациональной политики из бизнесменов и гражданских активистов»).

[73] См., например, [75, p. 139] («Многие представители интернет-сообщества, особенно принадлежащие к старой гвардии разработчиков Интернета и те, кто относится к Интернету с более либертарианских позиций, считают изменой самому духу Интернета и его базовым принципам растущий интерес правительств к вопросам управления Интернетом, особенно призывы к применению более иерархичных, направленных на интересы конкретного государства процессов принятия решений»). См. также [26, pp. 181–182] («Интернет должен был стать испытательной площадкой для самоуправляемых систем, которые развивались бы независимо от своего географического и территориального положения. Он должен был стать местом объединения единомышленников в самоуправляемые сообщества, независимые от географии, от вертикальных структур принуждения, свойственных территориальным системам управления, и от обычных недостатков, свойственных территориальному управлению... Всего один взгляд на ситуацию за фасадом самоуправления *eBay* открывает совершенно другую историю – историю жесткой зависимости от силы принуждения со стороны государства»).

[74] [76]. Или, как сказано в одной работе, «нет недостатка в определениях понятия управления Интернетом...» [77].

[75] Working Grp. on Internet Governance. *Report of the Working Group on Internet Governance*, 2005. URL: https://www.wgig.org/docs/WGIGREPORT.pdf (дата обращения: 17.03.2020). Это определение очень близко к рабочему определению, данному в документе «Тунисская программа для информационного общества» (*Tunis Agenda for the Information Society*): «Разработка и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом в рамках исполнения ими своих соответствующих ролей общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, которые формируют условия для развития и использования Интернета». Glob. Comm'n on Internet Governance, *One Internet*, 2016. URL: https://www.cigionline.org/sites/default/files/gcig_final_report_-_with_cover.pdf (дата обращения: 17.03.2020)

[76] См., например, [78] (управление Интернетом определяется как «коллективная деятельность, осуществляемая правительствами и/или частными операторами сетей *TCP/IP*, по установлению правил и процедур, направленных на исполнение государственной политики и разрешение спорных ситуаций с участием нескольких юрисдикций» (выделение снято)); [79] (утверждается, что термин «управление Интернетом» не является необходимым определением, а «обозначает в основном глобальное техническое управление исходными ресурсами Интернета: доменными именами, *IP*-адресами, интернет-протоколами, системой корневых серверов»); см. также [78, pp. 9–10] (обсуждается развитие термина «управление Интернетом»).

[77] [28, p. 28] («Структура Интернета отразила не только финансовые трудности своих создателей, но также и их мотивы»).

[78] Там же. («С самого начала структура Сети была открыта и доступна для всех. Если разработчики не сходились во мнениях о том, как должен работать определенный протокол, они

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Первоначально отдельные личности обладали высокой степенью контроля над принятием решений, касающихся разработки Интернета[79]. Со временем эта роль перешла к формальным организациям [80, pp. 93–103]. Эти организации сосредоточивают свои усилия на создании, поддержании и развитии исходных протоколов для интернет-коммуникаций, придерживаясь принципов, которые считаются ключевыми элементами этих исходных протоколов, и сохраняя этику принятия решений, характерную для ранних этапов развития Интернета – «примерное согласие и исполнимый код» [80, pp. 93–94]. Среди таких организаций – Общество Интернет (*the Internet Society*), организованное в 1992 г. под руководством Винтона Серфа (*Vinton Cerf*) [80, p. 95], Консорциум Всемирной паутины (*the World Wide Web Consortium, W3C*), основанный в 1994 г. Тимом Бернерс-Ли (*Tim Berners-Lee*)[80], и Администрация адресного пространства Интернет (*the Internet Assigned Numbers Authority, IANA*), созданная Джонатаном Постелом (*Jon Postel*) в 1988 г. [80, p. 103]. Возникли и другие организации, включая Совет по архитектуре Интернета (*Internet Architecture Board*), Инженерный совет Интернета (*Internet Engineering Task Force*, *IETF*), Группу по выработке инженерного регламента Интернета (*Internet Engineering Steering Group*), Целевую группу интернет-исследований (*Internet Research Task Force*) и др.[81] Важно отметить, что до конца 1990-х гг. лишь немногие из этих организаций поддерживали тесные связи с какими-либо национальными правительствами[82].

Однако в 1998 г. Корпорация по управлению доменными именами и *IP*-адресами (*Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN*) была зарегистрирована в Калифорнии как некоммерческая благотворительная корпорация [80, p. 103]. Образование *ICANN* до сих пор вызывает критику и противоречивые мнения[83]. Корпорация была создана как инструмент разрешения ситуации, считавшейся кризисной и угрожавшей эффективному управлению Интернетом[84]. С расширением коммерческого ис-

спорили до тех пор, пока кто-то не переубедит большинство заинтересованных сторон. Их девизом было: «Мы отвергаем королей, президентов и голосование. Мы за примерное согласие и исполнимый код».)

[79] [80, pp. 92, 93] («Отсылка к «отдельным личностям» подчеркивает тот факт, что на том первоначальном этапе управление осуществлялось под относительно сильным влиянием отдельных персон. Эти люди могли, поодиночке или вместе, заставить организации принять их точку зрения. Выдающимися примерами таких личностей являются Джон Постел, Винтон Серф и Тим Бернерс-Ли»); см. также [26, p. 22] («В то же самое время, когда Джон Перри Барлоу и Джулиан Диббелл объясняли всему миру правила самоуправления в киберпространстве, ключевая группа неправительственных игроков уже пользовалась беспрецедентными правами в управлении Сетью… И кто как не они, ведь это были те самые легендарные “основатели” Интернета – например, Ларри Робертс, Роберт Кан, Винт Серф, Джон Постел, Дейв Кларк»); там же, pp. 29–46 (Джон Постел описывается как «Бог Интернета»). Более подробно об основателях Интернета и их роли в управлении на первоначальном этапе см. в целом [81].

[80] [80, p. 101]. См. в целом [10].

[81] [80, pp. 96–102]. См. также [79] (поясняется, что Международный совет по телекоммуникациям (*International Telecommunication Union*, *ITU*) отвечает за формулирование технических стандартов для инфокоммуникационных технологий, тогда как задача Всемирного саммита ООН по информационному обществу (*United Nations World Summit on the Information Society*, *WSIS*) состоит в урегулировании конфликта между *ITU* и *ICANN*).

[82] [80, p. 92] («В целом это структура управления, отражающая Интернет как таковой и историю его развития. Соответственно, эта структура управления относительно независима от государственной идеологии. Контроль государства всегда виден, а в данном случае, т. е. при разработке и управлении Интернетом, частный сектор всегда получал разрешение – и даже стимулы – играть ведущую роль»); см. также [82, p. 504] (описывается деятельность *ITU*, *ICANN* и *WSIS*, причем *ICANN*, как будет показано ниже, является среди них единственной организацией, напрямую связанной с конкретной страной).

[83] См., например, [78, p. 42; 83, p. 449] («Недавно образованная организация *ICANN* позиционировала себя как наследницу Постела – всемирного органа управления на основе частных контрактов… Однако авторитет Постела не перешел на *ICANN*. Уполномоченные делегаты по вопросам кодов стран доменов высшего уровня (*ccTLD*), особенно те из них, кто был независим от государственной власти, противились любым соглашениям, которые давали бы *ICANN* (или местному правительству) возможность экспроприировать или регулировать их»).

[84] [84] («В отличие от *IETF* *ICANN* не возник естественным путем снизу. А в отличие от *W3C* его создание не было инициативой одного из основателей Сети. Эта организация было создана в 1998 г., чтобы прекратить спор по поводу способа распределения электронных адресов»); [75, p. 138] («Таким образом, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. возник ряд конфликтных ситуаций между свободными институтами управления Интернетом и правительством США. Эти конфликты касались в основном вопроса полномочий в иерархии системы доменных имен (*DNS*) и подпитывались сдвигом баланса власти в Интернете в сторону коммерческих интересов в ущерб государственным и образовательным»).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

пользования Интернета первоначальный механизм управления доменными именами, который преобладал в тот период, стал все больше подвергаться критике со стороны представителей промышленности, национальных правительств и разработчиков технологий [80, p. 104]. Министерство торговли США выступило с инициативой создания «нового органа, который взял бы на себя основную ответственность за управление именами и адресами в Интернете» [85, p. 51]. Создание *ICANN*[85] разрешило проблему управления системой доменных имен[86] и соответствовало инициативе Министерства торговли [85, p. 51], формализовав контроль над системой доменных имен (*domain name system, DNS*) [80, pp. 103–113]. Однако специалисты все чаще выступают с критикой *ICANN* за обеспечение доминирования США[87], недостаточную степень подотчетности[88] и прозрачности[89]. Критики выдвигают также аргумент более широкого порядка – масштабное вмешательство национальных правительств в будущее развитие Интернета[90]. Используя свои возможности принуждения[91], правительства начинают «навязывать свое мнение о будущем Интернета. Тем самым они побуждают другие страны выбирать модель контроля... В результате начинается технологическая версия холодной войны, в которой каждая сторона пытается навязать свое видение будущего Интернета» [26, p. 184]. Таким образом, история развития управления Интернетом и сопутствующие ему риски позволяют сделать важные выводы о будущем управления протоколом блокчейна.

II. ВОЗМОЖНОСТИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Рассмотрев историю управления «вне блокчейна» в контексте блокчейн-технологии и непростую историю управления Интернетом, в этой главе мы обсудим параллели между ними. Автор приходит к выводу, что при отсутствии целенаправленного вмешательства управление блокчейн-протоколом, вероятно, повторит путь развития управления Интернетом. В данной главе обсуждается функциональное сходство между блокчейн-протоколом и корпорациями. Такое функциональное сходство установлено для всех ключевых областей; показано, что проблема децентрализованного управления является основной зоной конфликта интересов между собственниками и управляющими. В данной главе описываются возможности парадигм

[85] Подробная история создания *ICANN* выходит за рамки тематики данной статьи; см. [86–87].

[86] См. [82, pp. 504–505] («Как частная организация *ICANN* получила полномочия назначать и управлять доменными именами в 1998 г. Кроме того, в задачу *ICANN* входит развитие конкуренции при регистрации доменных имен внутри зон родовых доменов высшего уровня (*gTLD*) (*.com, .org, .net и др.*)»).

[87] [88] (критикуется ситуация, когда США обладает неподобающе высоким уровнем влияния на *ICANN* и на важнейшую инфраструктуру Интернета, которой управляет эта организация); см. также [80, pp. 108, 112] («Одно из важнейших возражений против режима, установленного *ICANN*, состоит в том, что правительство США играло центральную роль в его развитии»); [89, p. 1; 85, pp. 51–52] (описываются истоки доминирующего влияния США на *ICANN*). В частности, в 2014 г., когда чрезмерное влияние США подвергалось особенно активной критике, Соединенные Штаты объявили, что отказываются от контроля над корневыми доменами и передают *ICANN* контроль над «всемирным многосторонним сообществом» [83, p. 465]. Передача прав состоялась 1 октября 2016 г. Там же.

[88] См., например, [75, p. 138] («До сих пор продолжающиеся дебаты об устройстве системы управления Интернетом являются в значительной степени спорами об устройстве Сети как таковой... это споры о правомерности процессов принятия решений и институтов, связанных с Интернетом»). Однако см. в целом [80, p. 111] («*ICANN* можно обвинить в... неспособности адекватно представлять группы гражданского общества при разработке своей политики»); [90] (утверждается, что эта критика, возможно, направлена по неверному адресу).

[89] [80, p. 111] («Другая область критики в отношении *ICANN* – это ее образ действия. *ICANN* обвиняют в непрозрачности, медлительности и произвольности при принятии решений – особенно по вопросу расширения корневых доменов...»); см. [82, p. 507] («Также критикуют недостаточную координированность информационных потоков и слабую институционализацию сотрудничества между ее членами и внешними заинтересованными сторонами»). См. также [78, p. 248] («*ICANN* в ее теперешнем виде – это пародия на институт управления, построенный по принципам достижения консенсуса снизу вверх; единственный элемент подотчетности заключается в крайних мерах альтернативной корневой системы»).

[90] См., например, [25, pp. 179–184; 83, p. 484] («Полная независимость также поставила бы под угрозу совместимость *DNS* в мировом масштабе»).

[91] *Milton Mueller* и *Farzaneh Badiei* так описывают попытки государств заявить о своем суверенитете над процессом распределения кодов стран доменов высшего уровня (*ccTLD*): «Смогли ли страны тем не менее использовать соответствие кодов *ISO*-3166 и политической географии, чтобы получить больше полномочий при распределении кодов стран доменов высшего уровня, чем они имели в начале? Да, и этому в значительной степени помогла доминирующая позиция одного государства – Соединенных Штатов – в режиме, установленном *ICANN*» [83, p. 489].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

корпоративного управления в качестве моделей договорных отношений при разрешении кризиса управления блокчейном.

А. Повторение системы управления Интернетом в технологии блокчейна

Сходство между развитием Интернета и развитием блокчейн-протокола очевидно [70]. Обе технологии – это технологии протокола[92]. Обе были запущены в стадии недостаточной разработки[93]. Обе технологии позволяют обмениваться информацией «от человека к человеку»[94]. Обе основаны на либертарианских ценностях, заложенных на уровне кода[95]. Ни та, ни другая не контролируются из единого центра[96]. На ранних этапах управление обеими технологиями было основано на этическом принципе «примерное согласие и исполнимый код»[97] и доминирующем влиянии известных ключевых личностей[98]. С течением времени эти первоначальные элементы управления[99] сменились на формализованные управленческие организации[100]. Также обе технологии испытали кризис управления, связанный с возможностью принимать важнейшие решения относительно их архитектуры[101].

На такой ранней стадии развития находятся в настоящее время открытые блокчейн-протоколы; однако ни одно из управленческих решений не было применено в полной мере[102]. С другой стороны, Интернет давно прошел эту стадию. На сегодняшний день результаты управления Интернетом неоднозначны; многие критики указывают на риски, связанные с вмешательством национальных правительств, рецентрализацией и ростом политизации, в результате чего структуры управления Интернетом могут потерять первоначально заложенные в них принципы[103]. Как предостерегает профессор *Jonathan Zittrain*, нынешняя система может в итоге привести к тому, что полностью исчезнет то первоначальное хаотичное устройство Интернета, которое способствовало современной информационной революции. Это контрреволюционное движение способствует оттоку ключевых пользователей от *продуктивного* Интернета, стимулирующего появление инноваций и разрушение старого, к Сети на основе *приложений*, которая использует наиболее эффективные аспекты нынешнего Интернета, но значительно ограничивает его способность генерировать инновации, поскольку повышает его регулируемость независимо от того, идет это на пользу или наоборот [28, p. 8].

Блокчейн-сообщества уже высказывают озабоченность, что такая же ситуация случится с блокчейн-

---

[92] [91, p. 84] (как Интернет, так и блокчейн биткоина описываются в терминах «протокола»).

[93] Там же, p. 86 (Интернет описывается как «недоработанная технология»); [70] (выдвигается предположение, что «потребуются десятилетия, пока блокчейн раскроет весь свой потенциал»).

[94] [91, p. 85] («Всемирная паутина дает возможность децентрализованного, не требующего разрешения участия и внедрения инноваций в информационном пространстве; система биткоина делает то же самое в пространстве валют» (цитирование опущено)).

[95] См. [92] (поясняется, что технология блокчейна дает возможность реализовать идею Джона Перри Барлоу о «киберлибертарианском» Интернете).

[96] См. [81, p. 504; 70] («Команда добровольцев в разных уголках мира разрабатывает исходный код [блокчейна биткоина]»).

[97] [28, p. 28; 75, p. 137; 93].

[98] [91, pp. 82–84] (сравнивается роль Тима Бернерс-Ли в развитии *W3C* с ролью *Satoshi Nakamoto* в развитии блокчейна биткоина).

[99] [75, p. 137] («Неформальные структуры управления, созданные при образовании Интернета, поддерживали совершенно иные механизмы обсуждения важных вопросов и принятия решений, чем традиционные формальные структуры, ориентированные на государство»); [93] (управление открытыми блокчейн-протоколами описано как типичное управление открытым программным обеспечением).

[100] [80, pp. 93–103] (описывается, как индивидуальные основатели отдельных частей инфраструктуры Интернета передавали свои функции организациям); см. также [91, p. 86] (описывается развитие органов стандартизации, поддерживающих блокчейн-протокол биткоина).

[101] [94, pp. 48, 59–60] (описывается кризис управления Интернетом, когда управление системой доменных имен, осуществлявшееся одним человеком, Джоном Постелом, перестало соответствовать увеличившимся потребностям, что привело к созданию *ICANN*). См. также [18, pp. 18–19] (описывается кризис управления биткоином, связанный с проблемой масштабирования).

[102] Важно отметить, что некоторые институты управления Интернетом уже сейчас пытаются взять на себя управление блокчейном; среди таких институтов – Форум ООН по управлению Интернетом, *W3C* и др. См., например, Dynamic Coalition on Blockchain Technologies (DC-Blockchain), *Internet Governance F.* URL: https://intgovforum.org/multilingual/content/dynamic-coalition-on-blockchain-technologies-dc-blockchain (дата обращения: 17.03.2020). См. в целом Blockchain Community Group, *W3C Community&Bus. Groups*. URL: https://www.w3.org/community/blockchain/ (дата обращения: 17.03.2020).

[103] См. выше сноски 70–72 и соответствующий текст.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

технологией[104]. *Vlad Zamfir*, исследователь протокола *Ethereum*, в своем блоге опубликовал несколько возможных сценариев развития управления блокчейном, среди которых: независимые блокчейны (полностью управляемые по модели «в блокчейне»); захват управления блокчейном какой-либо корпорацией, правительством, основными разработчиками или картелем участников; управление через публичное международное право; управление через международную кооперацию в частном секторе [51]. *Zamfir* предостерегает, что переход к независимым блокчейнам представляет угрозу для содержащихся в них открытых баз пользователей[105]. *Zamfir* призывает не допустить захват управления блокчейном одним или несколькими игроками, так как в этом случае блокчейны будут обслуживать «узкий круг заинтересованных лиц, получающих выгоду от управления захватническими структурами» [95]. Действительно, поскольку блокчейн-технология основана на протоколе, она в той же степени зависима от иерархий управления и контроля, что и Интернет[106]. Протокол – это «набор инструкций для компиляции и взаимодействия объектов» [14, p. 75]. Тем самым он представляет собой результат тщательно согласованной структуры подчинения одних информационных потоков другим – протокол сам по себе является формой доминирования и главенства [14]. Это доминирование может быть использовано как во благо, так и во вред пользователям Сети, которой управляет протокол. Надлежащее управление – ключ к обеспечению использования протокола на пользу общества, а не во вред ему.

Если управление протоколом блокчейна пойдет по тому же пути, что и управление Интернетом, это может привести к недоразвитию и исчезновению тех свойств блокчейн-технологий, которые способствуют появлению инноваций и разрушению неэффективных элементов[107]. Чтобы предотвратить такой исход, предлагают в одностороннем порядке наложить фидуциарные обязанности на разработчиков открытого программного обеспечения, при этом не проводится очевидного разграничения между разработчиками в контексте блокчейна и движением за открытый исходный код в более широком смысле[108]. Такие предложения[109] несут угрозу важнейшему источнику инноваций в современном обществе – движению за открытый исходный код. Необходимо найти такую модель управления, которая была бы достаточно подверженной «взлому», т. е. изменению и приспособлению под внутренние приоритеты и ценности[110], но при этом оставалась бы достаточно определенной с точки зрения правовых структур, чтобы предотвратить нежелательный захват. Такими возможностями

---

[104] [51, 95]. См. также CleanApp. Blockchain Governance 102: Response to Vlad Zamfir'sBlockchain Governance 101, *Medium*, Oct. 2, 2018. URL: https://medium.com/cryptolawreview/blockchain-governance-102-9912a88da91d (дата обращения: 17.03.2020)

[105] [95] («Я уверен, что независимые блокчейны неизбежно будут превращены в оружие; также я убежден, что мы должны сделать все возможное, чтобы предотвратить нападения на невинных людей с помощью программного обеспечения, используемого как оружие. Это абсолютный минимум, который необходимо обеспечить»).

[106] [14, p. 13] («Протокол можно считать более *демократичным* в том смысле, что он исключает иерархию, однако он все-таки значительно структурирован вокруг управления и контроля, а значит, порождает значительные противодействующие силы»).

[107] По этой причине автор не поддерживает предложенные исследователем *Zamfir* варианты управления через международное право и международного частного управления (управление через *ICANN*, Форум по управлению Интернетом, *W3C* и т. д.). См. [51]. Международное право печально известно своей медлительностью и часто неспособно разрешить споры так, чтобы отдельные правительства не предпринимали дальнейших действий. Поэтому при выборе сценария международного управления остается высоким риск захвата полномочий правительствами стран; то же справедливо и для сценария международного частного управления через международные институты. См., например, [96, pp. 557–559] (описывается неспособность Международного суда ООН обеспечить соблюдение международного права во время Никарагуанского конфликта). Напротив, в данной статье автор выступает за истинное международное частное управление через контракт как более гибкое, чем управление через международное право. Также в данной статье автор призывает сообщества блокчейн-протокола рассмотреть возможность использования некоторых существующих парадигм корпоративного управления, так как они имеют богатую историю, а также подкреплены огромным объемом теоретических и правоведческих исследований.

[108] См. в целом [21].

[109] Отметим, что такие предложения можно рассматривать как форму захвата со стороны правительства, от чего предостерегал *Zamfir*. См. [51, 95].

[110] [97] («На самом деле взлом – это просто попытка создать что-то за короткий срок или проверить границы того, что может быть сделано» (цитируется Facebook, Inc., Registration Statement (Form S-1) 69 (Feb. 1, 2012) (письмо Марка Цукерберга))).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

обладает корпоративная модель управления, при которой управление блокчейном осуществляется частным образом через контракт[111].

B. Корпоративное управление как управление блокчейном

Как обращение к парадигмам корпоративного управления может помочь в выработке модели управления открытыми блокчейнами, учитывая неоднозначный опыт управления блокчейном до настоящего момента и риски, возникшие в результате неудачного управления Интернетом? Этому есть несколько обоснований[112], однако в данной статье мы рассмотрим пять основных причин использования модели корпоративного управления в применении к блокчейнам. Во-первых, мы выступаем не за применение корпоративного права, а за то, чтобы использовать формальные контракты на управление, основанные на структурах корпоративного управления. Идея состоит в том, чтобы использовать существующее контрактное право, известное своей гибкостью и способностью учитывать разумные интересы сторон, при разработке режимов управления, которые распределяют роли, обязанности и права с учетом мнения членов сообщества конкретного блокчейн-протокола. Это даст возможность создать «взламываемую»[113] модель управления блокчейном на основе контракта; такая модель способна преодолеть рамки существующей ситуации, ее можно модифицировать и приспосабливать под нужды, ценности и приоритеты конкретного сообщества[114]. Использование корпоративного управления в качестве основы для таких контрактов – лишь одна из возможных моделей, но именно она имеет корни в истории и дискурсе блокчейн-технологий и шире – разработки открытого программного обеспечения. Вторая причина принятия корпоративной модели управления основана на сходстве между природой и задачами корпораций и тем, как сообщество блокчейна обычно описывает природу и задачи блокчейн-протоколов: действительно, блокчейн-технологии оказываются функциональным эквивалентом[115] корпорации [31, pp. 404–405]. В-третьих, корпоративную модель управления регулярно использовали самые авторитетные проекты по разработке открытого программного обеспечения, включая *Linux* и *Apache*[116]. В-четвертых, некоторые протоколы можно разрабатывать как самостоятельные юридические лица[117]. Организованные в форме партнерства[118], делового траста[119], компании с ограниченной ответственностью с нулевым членом[120] или в иной форме, предусмотренной законодательством [41], такие организации приобретают определенные права и обязанности, а также определенные формы управления[121]. В-пятых, корпорации имеют богатую историю кризисов управления и постоянно развивающуюся парадигму управления этими кризисами, которая зафиксирована в нормах корпоративного управления[122]. Другими словами, протоколы

[111] В сущности, предложение, выдвигаемое в настоящей статье, состоит в использовании международной кооперации в частном секторе; это просто еще один вариант предложения *Zamfir*. См. [51].

[112] См. в целом [47].

[113] «Взлом – это просто попытка создать что-то за короткий срок или проверить границы того, что может быть сделано» [97, p. 6] (цитируется Facebook, Inc., Registration Statement (Form S-1) 69 (Feb. 1, 2012) (письмо Марка Цукерберга)).

[114] Другими словами, в данной статье предлагается такая форма управления блокчейном, которая использует контрактное право для создания персонализированных систем управления для каждого сообщества. Это может дать новые направления для исследования проблем персонализированного права. См. в целом [98, 99].

[115] Согласно методологии сравнительного правоведения, функциональный эквивалент – это другой институт «правового или неправового характера, выполняющий ту же функцию», что и исследуемый институт (в данном случае – корпорация), который используется для изучения той же социальной проблемы с иной точки зрения [32, p. 416].

[116] См. в целом [44, 100, 45].

[117] Обсуждение возможностей организации предприятий на основе блокчейна в форме деловых трастов см. в целом [31]. Обсуждение возможностей использования предприятий на основе блокчейна для создания компаний с ограниченной ответственностью с нулевым членом см. [101, 102].

[118] См. в целом [103] (утверждается, что совместный контроль над распределенными реестрами приводит к возникновению совместной ответственности, как в случае партнерства).

[119] См. в целом [31].

[120] См. в целом [101, 102].

[121] Отметим, что когда протокол блокчейна включается в корпорацию или иным способом образует другое юридическое лицо, то законодательство юрисдикции, где произошло это формирование, может предусматривать определенные контрактные условия невыполнения обязательств в отношении управления. Эта ситуация может оказаться выгодной или невыгодной для сообщества.

[122] [104] (описывается история введения норм корпоративного управления после кризисов корпоративного управления);

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

блокчейна действуют как организации и предлагают «новую технологию институционального управления, основанную на децентрализации» [106].

В сущности, выстраивая эти новые институты, разработчики функционально перенимают эти корпоративные модели и переносят корпоративное право в код[123], так что нормы корпоративного управления становятся естественной частью модели управления «вне блокчейна». Если рассматривать протокол блокчейна (метафорически или иным образом) как организационный процесс в бизнесе, то можно определить, как сообщество протокола может применить концепции корпоративного управления к процессу принятия решений «вне блокчейна» относительно создания и развития исходного кода. При исследовании тех возможностей, которые предоставляют модели корпоративного управления для управления открытым блокчейном, следует начать с изучения базовых правовых характеристик корпораций. По мнению ведущих специалистов, «основную функцию корпоративного права» составляют пять ключевых характеристик корпораций: правосубъектность, ограниченная ответственность, акции с правом переуступки, делегированное управление и собственность инвестора [107]. Рассмотрим эти характеристики. Во-первых, по закону корпорация является независимым юридическим лицом, что дает возможность защитить организацию путем отделения ее активов от активов владельцев, что обеспечивает защиту при ликвидации и определении приоритетности кредиторов[124]. Во-вторых, корпоративное право обеспечивает ограниченную ответственность владельцев бизнеса, акционеров[125], так что кредиторы не могут претендовать на личные активы владельцев, при этом деловые активы также защищены от претензий личных кредиторов владельцев[126]. В-третьих, неограниченное право переуступки акций обеспечивает непрерывное существование организации, независимое от изменения состава собственников с течением времени[127]. В-четвертых, корпоративное управление обычно использует структуру делегирования, когда собственники выбирают директоров, которые обладают основными властными полномочиями и в свою очередь (часто) выбирают отдельных управляющих для решения текущих вопросов[128]. И, наконец, в-пятых, собственники корпорации инвестируют в развитие бизнеса, получая взамен право на (ограниченную) долю контроля над бизнесом и над чистой прибылью пропорционально своему вкладу[129].

За исключением критерия юридического лица, открытые блокчейн-протоколы по своей сути выполняют все эти основные функции корпораций. Во-первых, в отношении лиц, действующих исключительно в блокчейне, код протокола сам по себе действует как «самореализующийся контракт, который достоверно связывает и изолирует активы» [110]. Следовательно, протокол блокчейна «способен решать проблемы распределения активов и ограниченной ответственности исключительно средствами контракта» [110, p. 692]. Во-вторых, криптовалюта обладает неограниченным правом переуступки, что дает возможность такой же диверсификации собственности, что и в корпорациях[130]. Более того, не имеет значения, сохраняет ли конкретный владелец свою криптовалюту или избавляется от нее; протокол продолжает функционировать независимо от вступления в него или выхода отдельных собственников [31]. В-третьих, управление протоколом отражает структуру делегирования полномочий, похожую на структуру

[105] («Корпоративное управление существует с того момента, когда использование корпоративной формы организации создало возможность конфликта между инвесторами и управляющими»).

[123] См. в целом [32].

[124] [107, pp. 5–7]. «Защита от ликвидации ограничивает возможности как владельцев компании, так и их личных кредиторов получить долю владельца в чистых активах компании» [108, pp. 1335, 1338].

[125] Или держателей сертификатов бизнес-траста, членов компании с ограниченной ответственностью, партнеров с ограниченной ответственностью.

[126] [107, pp. 8–9]. «Действительно важный аспект распределения активов состоит, в сущности, в обратной стороне ограниченной ответственности, а именно в защите активов организации от претензий кредиторов владельцев или управляющих» [109, p. 390].

[127] [107, pp. 10–11]. Это положение может выполняться также для бизнес-трастов, но в контексте компании с ограниченной ответственностью или партнерства реализовать его сложнее.

[128] [107, pp. 12–13]. То же происходит в бизнес-трастах.

[129] [107, p. 13]. То же происходит в бизнес-трастах.

[130] См. в целом [31].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

корпораций. Операторы полных узлов[131] сохраняют полномочия для принятия основных управленческих решений (подобно совету директоров), а решение текущих вопросов относительно предлагаемых изменений кода остается за членами сети разработчиков открытого ПО, включая основных разработчиков (они выступают в роли работодателей) [55, p. 152]. Как отмечалось выше, основные разработчики делают многое, но они действуют не одни [55, pp. 159–162]. Напротив, любой заинтересованный член сообщества может внести предложение по изменению кода путем специально разработанного для этого процесса: в сообществе биткоина это *Bitcoin Improvement Proposal* (*BIP*), в сообществе эфириума – *Ethereum Improvement Proposal* (*EIP*)[132].

Однако некоторые блокчейн-протоколы отличаются от корпораций двумя важнейшими аспектами. Во-первых, некоторые покупают криптовалюту с целью инвестировать в протокол и получить затем прибыль (или убытки) пропорционально вкладу. Но спекулятивные инвестиции – не единственная цель при покупке криптовалюты[133]. Однако такое отделение собственника от управляющего скорее увеличивает конфликт интересов, чем уменьшает его. Во-вторых, в зависимости от того, какой механизм консенсуса используется в протоколе, владельцы криптовалюты не голосуют за то, кто будет занимать позицию оператора полного узла. Вероятно, это усиливает конфликт интересов, уже присутствующий в структуре делегированного управления, так как собственники оказываются еще сильнее удалены от управления, чем в случае традиционной корпорации. Нужно отметить, что это часто не относится к децентрализованным автономным организациям, действующим на вершине блокчейн-протокола, так как они часто сокращают разрыв между собственником и управляющим, передавая управление владельцам[134]. Также возможно, что с помощью различных механизмов консенсуса управление в открытых протоколах будет передано их владельцам. Например, механизм консенсуса «доказательство владения», который использовался в *Dash* и предлагался для использования в эфириуме, предусматривает достижение консенсуса путем голосования владельцев токенов[135]. Все вышесказанное требует дальнейшего изучения и указывает на необходимость сохранения таких механизмов управления блокчейном, которые можно адаптировать к особенностям отдельного протокола.

В целом протоколы блокчейна и корпорации демонстрируют функциональную эквивалентность, которая отражает многие из проблем управления, присущие этим типам организаций. В случае корпораций корпоративное управление предоставляет протокол, согласно которому отдельные участники, составляющие организацию, определяют цели корпорации и средства их достижения [111]. Другими словами, корпоративное управление «складывается из институциональных структур, правовых норм и устоявшейся практики, которые определяют, какой орган внутри корпорации имеет полномочия для принятия конкретного решения, как избираются члены этого органа и каковы нормы, определяющие процесс принятия решения» [111]. Механизмы корпоративного управления основываются на множестве источников, включая законодательство [111]. Правовые нормы, лежащие в основе корпоративного управления, заполняют пробелы, возникающие в результате конфликта между принципалом и агентом, которые неизбежны в условиях размытой собственности акционеров и управлении группой директоров [111, pp. 2–3].

---

[131] Следует отметить, что существуют различные «узлы» («ноды»). Некоторые узлы – это пассивные пользователи, которые просто взаимодействуют с протоколом напрямую, а не через пользовательский интерфейс, предлагаемый третьей стороной. Другие активно участвуют в механизме консенсуса в протоколе [18, p. 10]. В настоящей работе термины «полные узлы» и «операторы полных узлов» используются для обозначения активных участников процесса управления протоколом.

[132] [55, pp. 160, 166]. См. также [13, pp. 73–75].

[133] [31, p. 393].

[134] Дальнейшее рассмотрение таких предприятий см. в целом Carla L. Reyes, Autonomous Business Reality. Jan. 10, 2020 (неопубликованная рукопись) (имеется у автора).

[135] Там же. См. также [18, pp. 9, 12] (отмечается, что биткоин Классик «планирует создать особую структуру управления, обеспечивающую более демократичный процесс принятия решений относительно изменений кода путем голосования, что позволит учесть мнения всего сообщества майнеров, пользователей и разработчиков»).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Подобное разделение собственности и управления присуще и блокчейн-протоколам[136]. Владельцы тех ценностей, которые дают энергию блокчейн-экосистеме, – это владельцы криптовалюты, и большинство из них не имеют полномочий для принятия решений относительно протокола блокчейна [31, p. 425]. Напротив, операторы полных узлов решают, когда принимать изменения в протоколе, даже если отказ в протоколе или ошибки его развития отразятся на стоимости криптовалюты[137]. Как и в случае корпораций, такое разделение собственности и управления является свойством, а не ошибкой блокчейн-протоколов [111, p. 3]. Лишь немногие из владельцев криптовалют стремятся управлять полным узлом; большинство предпочитают быть пассивными участниками экосистемы. Однако, как и в корпорациях, такое разделение собственности и управления может привести к расхождению интересов управленца и собственника [111, p. 3].

В научной литературе продолжается оживленное обсуждение относительно природы и адекватной реакции на конфликты интересов, порожденные корпоративной формой бизнеса[138]. Исчерпывающий обзор этого обсуждения выходит за рамки настоящей статьи[139]. Тем не менее независимо от своей позиции в данном обсуждении специалисты в основном сходятся во мнении, что нормы корпоративного управления способны справиться с проблемой определенной асимметрии материальных стимулов и доступа к информации в рамках корпораций[140]. Иными словами, специалисты различных направлений согласны, что функция корпоративного управления сводится к наделению некоторой группы людей полномочиями для координации экономической деятельности в обмен на прибыль, при этом задача максимального повышения эффективности решается за счет снижения числа и глубины конфликтов интересов среди участников корпорации[141].

Например, приверженцы модели «принципал-агент» указывают на необходимость сокращать агентские издержки путем ограничения деятельности руководства в интересах акционеров[142]. С другой стороны, теория «группового производства» объясняет, что корпоративное право является посредником между не связанными друг с другом лицами, пытающимися скоординировать свои производственные усилия для получения прибыли [116, p. 249]. Согласно этой концепции, корпоративное право усиливает ответственность за групповое производство и препятствует растрате ресурсов на обсуждение вопросов распределения прибыли от групповой работы [116, pp. 249–251]. Третья модель рассматривает

[136] Еще раз отметим, что это необязательно верно для децентрализованных автономных организаций и/или интерактивных контрактов, действующих на вершине блокчейн-протокола, и что степень разделения между собственником и управляющим может различаться в зависимости от механизма консенсуса (так же, как она различается в государственных и частных корпорациях). См. выше сноски 132–133 и соответствующий текст.

[137] [13, pp. 73–75] (описываются технические требования для изменения блокчейна биткоина).

[138] [112] («Знаменитая статья *Ronald Coase The Nature of the Firm* появилась около шестидесяти лет назад, и с тех пор экономисты и правоведы значительно развили теорию организаций. С течением времени их работы составили огромную область науки, частью которой являются исследования по практике и нормам внутренних управленческих институтов компаний» (ссылки опущены)). При подготовке данной статьи автор рассмотрел большой объем источников, включая литературу по корпоративному праву и экономике, как показывает анализ моделей «принципал-агент» и «групповое производство».

[139] Более подробный обзор этого обсуждения в литературе см., например, [34, pp. 586–596].

[140] [113, p. 286] («Интернализация [множества транзакций и процессов при производстве и реализации линейки товаров] сокращает транзакционные и информационные издержки»).

[141] См. [114, p. 1737] («Современное правоведение в целом признает, что акционеры, кредиторы, управляющие и наемные сотрудники кооперируют потому, что рынок и законодательство дают им стимулы для этого. Согласно традиционному экономическому анализу, эти стороны считаются рациональными игроками, стремящимися исключительно к максимизации своей личной выгоды. Таким образом, в качестве важнейших факторов, удерживающих участников корпораций от воровства, перекладывания своих обязанностей и других неблаговидных действий, рассматриваются рыночные стимулы и правовые нормы, включая договорные»).

[142] [115, p. 769] («Агентские издержки возникают из-за разделения собственности контроля, когда управляющие вынуждены делиться прибылью с акционерами. При этом у управляющих возникает стимул тратить меньше усилий и получать больше привилегий, чем если бы они были единственными владельцами. Перекладывая свои обязанности и размывая ценности, управляющие создают агентские издержки, снижающие стоимость компании. Многие исследователи (которых мы называем традиционалистами в области агентских издержек) считают снижение агентских издержек важной функцией корпоративного права и смежных областей, таких как регулирование ценных бумаг» (примечания опущены)).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

компанию как комплекс контрактов[143]. С этой точки зрения компания может сократить транзакционные издержки и разрешить незавершенные контракты, действуя как централизованный контрагент, способный единолично административным путем изменять условия контрактов, составляющих эту компанию [111, pp. 555–556]. Существует и множество других теорий относительно природы и целей организаций в сфере бизнеса[144]. Согласно этим различным теориям, асимметрия может возникнуть: из-за недостатка прозрачности в действиях значительного количества участников, из которых многие неизвестны друг другу[145]; неспособности сторон эффективно договариваться по поводу всех переменных величин, которые возникают на протяжении долгосрочных экономических отношений[146]; рациональной пассивности акционеров, которая заставляет их принимать информационную асимметрию [111, p. 558]; высокой стоимости преодоления этих проблем, возникающих в сфере коллективных действий [121, pp. 68–69].

Управление протоколом блокчейна отражает многие из этих конфликтов интересов по тем же самым причинам. Например, когда необходимо исправить неэффективный договор в контексте долгосрочных отношений, корпоративное и контрактное право обычно опирается на функцию права, состоящую в заполнении пробелов [110, p. 687]. Если рассматривать блокчейн-протоколы в контексте всей экосистемы, обеспечивающей их работу, то можно увидеть, что они также страдают от пробелов, а именно требуется принимать решения относительно поддержания и обновления программного обеспечения для приведения деятельности в соответствие с действиями внешних участников Сети [13, pp. 170–175]. Для заполнения этих пробелов протоколы, как правило, используют процессы управления «вне блокчейна» [18, p. 8]. Корпорации делают то же самое с помощью механизмов управления, встроенных в нормы корпоративного права, предназначенные для заполнения пробелов[147]. Это показывает, что модели корпоративного управления ближе к внутренним структурам блокчейна, чем другие правовые режимы, которые государство может заставить принять в отсутствие какой-либо четко опознаваемой системы. Если разработчики открытых блокчейн-протоколов надеются сохранить децентрализацию своих экосистем и не заменить ее в конечном итоге на совершенно неподходящий, навязанный извне режим управления, то они должны рассмотреть возможность добровольного перехода на механизм договорного управления, основанный на модели корпоративного управления, но адаптированный к ценностям, целям и этическим принципам своего сообщества[148].

Механизм управления блокчейном, предлагаемый в настоящей статье, дает защиту от каждой из четырех форм захвата, которые *Zamfir* выделяет как возможные негативные сценарии для будущего в управлении блокчейном[149]. Вступая в добровольное соглашение о деятельности в блокчейн-протоколе, отдельный участник не оказывается поглощенным единой корпорацией, а сохраняет индивидуальные функции агента в управлении блокчейном. Если контракт будет основан на корпоративной структуре управления, то блокчейн-сообщества смогут бороться с устоявшимся мнением, что блокчейн-протоколы – это «Дикий Запад», требующий регулирования[150]. Разграничение

[143] См., например, [117; 118, pp. 318–328].

[144] Полный обзор всех теорий относительно природы и целей организаций в сфере бизнеса выходит за рамки настоящей статьи. Среди таких теорий – рассмотрение корпорации как делового предприятия, как совокупности физических лиц, как имущества акционеров, как политической системы «франшиза правительства») [119, p. 343].

[145] [120, p. 103] («Формирование компании как организации, так же как и принятие определенной организационной структуры, объясняется попытками решить проблему совместного производства, состоящую в перекладывании контроля»).

[146] [114, p. 259] («Еще одна интересная организационная проблема возникает, когда стороны вступают в долгосрочные производственные отношения. При этом очень сложно, а зачастую и невозможно создать „полный“ контракт, описывающий все непредвиденные обстоятельства»).

[147] [122, p. 191]. См. в целом [110].

[148] С политической точки зрения также важно, чтобы сообщества блокчейн-протокола добровольно приняли такие механизмы управления. Усилия внешних сторон по навязыванию механизмов управления для достижения предсказуемых результатов будут иметь непредсказуемые последствия, поскольку участники организации (в данном случае экосистемы блокчейн-протокола) «не являются пассивными регулирующими агентами» [122, p. 174].

[149] См. в целом [64].

[150] Следует отметить, что деятельность, осуществляемая через блокчейн, так же как и деятельность, осуществляемая через Интернет, уже подвергается сильному регулированию. См. [123, pp. 202–211] (описывается сложная схема регулиро-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ролей основных разработчиков через контракт позволит блокчейн-сообществам установить пределы этих ролей и предложить прозрачный и конкретный источник правовых норм в управлении блокчейном. Наконец, корпоративное управление само по себе стремится ограничить картель участников от захвата предприятия, который противоречит интересам акционеров[151]. Контрактный механизм управления, построенный по модели корпоративного управления, также может защитить от картельного захвата в контексте блокчейна. Однако в случае реального корпоративного управления обязательные нормы, являющиеся частью процесса инкорпорирования, мешают фактору гибкости [48, pp. 8–9]. Поэтому наше предложение, которое можно назвать «(не)корпоративное криптоуправление», скорее отвечает делаверскому подходу к созданию бизнес-трастов. Суть нашего предложения состоит в сочетании элементов управления, используемых в различных видах корпораций (в широком смысле) [48, pp. 8–9], с теми элементами, которые ближе всего к функциям управления блокчейном, служащим для снижения конфликтов интересов, поддержания законности сообщества и обеспечения альтернативы неподходящим для блокчейна нормам, которые могут быть навязаны государством в одностороннем порядке.

III. (НЕ)КОРПОРАТИВНОЕ КРИПТОУПРАВЛЕНИЕ

Согласно широко распространенному, хотя и не всеми принятому[152] определению, «корпоративное управление – это структура прав и обязанностей акционеров и их последствий для процесса, с помощью которого осуществляется деятельность предприятия и контроль над ним» [125, p. 23]. Одна из ключевых проблем корпоративного управления – обеспечить «соблюдение прав и интересов акционеров компании со стороны руководства компании, а также гарантировать ответственные действия акционеров в отношении производства, защиты и распределения средств, вложенных в компанию» [125, p. 23]. В свете конфликтов интересов, которые затрудняют управление блокчейном с похожими типами активов, нормы корпоративного управления дают большие возможности для управления блокчейном, так как снижают остроту той же проблемы отношений между принципалом и владельцем[153]. Основные типы ролей в структуре корпоративного управления, признанные в законах штатов и федеральном законодательстве[154],

вания, которая используется в отношении деятельности, осуществляемой через блокчейн-технологию). Настоящая работа не предполагает, что такое регулирование будет заменено на контрактное управление блокчейн-протоколами. Без сомнения, все действующие законодательные нормы будут по-прежнему применимы к деятельности, осуществляемой через блокчейн-технологию. Наше предложение относится исключительно к сфере управления протоколом со стороны сообщества при снижении конфликтов интересов.

[151] См., например, [12, p. 1769].

[152] Некоторые исследователи отмечают, что «корпоративное управление – спорная концепция, и не существует общепринятого определения этого термина» [124, pp. 135, 142].

[153] В течение долгого времени корпоративное управление фокусировалось на расхождении интересов между принципалами и агентами, что известно как «проблема принципала-агента» [125, p. 25]. «Основная идея состоит в том, что в отсутствие постоянного контроля менеджеры начинают преследовать цели, не соответствующие интересам акционеров, – от получения личной прибыли (растрата, хищение) до создания сложной многоступенчатой организации (чванливость)» [125, p. 25].

[154] Многие из действующих в США федеральных законов в сфере корпоративного управления возникли в результате широкомасштабных скандалов с управлением в корпорациях [111, p. 1] («Экономические кризисы прошлого десятилетия привели к созданию двух важнейших федеральных законов в сфере корпоративного управления. В ответ на скандалы, связанные с “пузырем доткомов” Конгресс принял Закон о реформе отчетности публичных компаний и защите инвесторов 2002 г. В конце десятилетия, когда экономика испытала еще более серьезный спад после “пузыря” на рынке недвижимости и кризиса субстандартного ипотечного кредитования, Конгресс под влиянием общественного мнения принял Закон о реформе Уолл-стрит и защите потребителей 2010 г. (Закон Додда – Фрэнка)». Эти законы в целом относятся к публичным компаниям. Там же. Поскольку в открытых блокчейн-протоколах используется свободно обращаемая криптовалюта, в данной работе мы исследуем, целесообразно ли использовать нормы, применимые к публичным компаниям, для управления открытыми блокчейн-протоколами, в дополнение к законодательству штатов, которое традиционно применяется к корпоративному управлению. Отметим, что традиционно законодательство штатов является источником норм корпоративного управления. Там же, p. 2. Законодательство штатов применимо как к частным, так и к публичным компаниям, даже после принятия дополнительных федеральных законов. Там же, p. 21.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

включают фидуциариев[155] и привратников[156]. Кроме того, корпоративное управление в значительной мере зависит от механизмов раскрытия информации, которые призваны сократить информационную асимметрию между управляющими и собственниками. В данной главе автор очерчивает основные парадигмы управления применительно к различным участникам блокчейн-экосистем. Тем самым мы продолжаем исследовать возможности парадигм управления по смягчению ряда основных конфликтов интересов, которые в настоящее время встречаются в парадигмах управления «вне блокчейна».

A. Операторы полных узлов как основные фидуциарии блокчейн-протокола

В августе 2016 г. своей статьей в газете American Banker профессор Анджела Уолч (*Angela Walch*) начала захватывающую дискуссию о необходимости рассмотрения разработчиков открытого ПО и открытых блокчейн-протоколов в качестве фидуциариев[157]. В целом законодательство налагает обязанности фидуциария, «когда лицо обязуется эффективно исполнять обязанности, принимает имущество или полномочия исключительно с этой целью»[158]. Налагаемые обязанности включают «как обязательство по соблюдению интересов – действовать осмотрительно и не проявлять небрежности, так и обязательство по соблюдению лояльности – исполнять свою работу в интересах доверителей и не иметь конфликта интересов» [127, p. 1210]. Последователи Уолч пытались определить действующий источник права, который налагал бы фидуциарные обязательства на разработчиков ПО или майнеров [130]. В дальнейшем, исследуя этот вопрос, профессор Уолч признала, что, хотя она по-прежнему считает, что программисты и майнеры, возможно, обладают некоторыми основными характеристиками фидуциариев, она не может определить основание для утверждения, что они исполняют фидуциарные обязательства по закону, а также не может утверждать, в отношении кого существуют эти обязательства, каковы эти обязательства, как определить нарушение этих обязательств, какими будут последствия такого нарушения [19, pp. 71–76].

В конечном итоге профессор Уолч приходит к выводу, что правильный подход требует «сосредоточиться на действиях разработчиков программного обеспечения в контексте открытого блокчейна» [19, p. 77]. Другими словами, чтобы определить, можно ли считать конкретных игроков блокчейн-экосистемы фидуциариями, требуется применить функциональный подход. Как было показано выше, блокчейн-протоколы во многих отношениях действуют как функциональные эквиваленты корпораций. Рассмотрение блокчейн-протоколов в качестве функциональных эквивалентов корпораций позволяет очертить границы, в которых игроки блокчейн-экосистемы могут исполнять фидуциарные обязанности, и определить, на кого могут быть наложены эти обязанности. В частности, хотя до сих пор дискуссия о возможности считать разработчиков открытого ПО фидуциариями фокусировалась исключительно на основных разработчиках блокчейна, нет никаких принципиальных причин ограничивать фидуциарную ответственность программистов контекстом блокчейна (или даже ограничивать ее основными разработчиками в отличие от любых разработчиков открытого программного обеспечения)[159]. Таким образом, доведенный до своего логического завершения, аргумент «программисты как фидуциарии» будет относиться ко всем разработчикам открытого ПО, которые участвовали в разработке интернет-протокола, *Linux*, *Apache* или любого другого открытого ПО. Такое положение явилось бы беспрецедентным изменением правового

[155] Там же, p. 43 («Согласно Всеобщему закону штата Делавэр о корпорациях, основной принцип корпоративного управления состоит в том, что деловая активность корпорации осуществляется под управлением или под руководством совета директоров» (цитируется Del. Code Ann. tit. 8, § 141(a))).

[156] [126, p. 136] («В общепринятом понимании, привратники – это частные субъекты, которые могут предотвратить неподобающие действия компании на конкретном рынке»).

[157] [21].

[158] [127, p. 1223]. «Фидуциарное право вводится в действие простым согласием фидуциария предоставлять услугу, подкрепленным актом вверения». Там же, p. 1224. См. также [128] («Фидуциарные отношения – это такие отношения, в которых одна сторона (фидуциарий) обладает дискреционными полномочиями в отношении значимых практических интересов другой стороны (бенефициария)» (цитируется [129, p. 262] (выделение опущено))).

[159] Например, в своей работе Уолч не предлагает никаких принципиальных ограничений, которые могли бы помешать применить ее идею «программист как фидуциарий» к другим проектам по разработке открытого ПО, помимо блокчейна. См. в целом [19].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

подхода к управлению этими сообществами. Кроме того, при этом игнорируются реалии систем управления многими проектами по разработке открытого ПО[160].

Несмотря на общее определение фидуциарных отношений как существующих всегда, когда доверитель передает другому лицу полномочия по управлению активами[161], в рамках юридического принципа *lex specialis*, когда «фидуциарные отношения возникают в связи с другими правовыми отношениями, соглашение относительно этих функций и передаваемых полномочий изначально регулируется в соответствии с нормами, регулирующими эти правовые отношения» [127, p. 1233]. Например, Примерный закон «О коммерческой корпорации» и Закон штата Делавэр о корпорациях очерчивают границы фидуциарной ответственности участников корпорации и обстоятельства, при которых они несут эту ответственность[162]. Лица, выполняющие функции директора или мажоритарного акционера (при определенных обстоятельствах), несут фидуциарную ответственность по отношению к корпорации и ее акционерам[163]. Более того, корпорации вправе, до определенных пределов, устанавливать масштаб ответственности за нарушения фидуциарных обязанностей через соглашение, зафиксированное в уставных документах компании[164]. Относительные объемы фидуциарной ответственности в структуре управления конкретной корпорации отражают определенные ценности, относящиеся к природе и целям корпорации [110, pp. 10–12]. Чем сильнее приверженность к мнению, что корпорация является совокупностью контрактов, тем слабее надежда на фидуциарные обязанности [134, p. 302]. Аналогично, если владельцы компании хотят иметь сильную группу управляющих, они будут готовы отказаться от более высокой степени защиты и выбрать более слабые фидуциарные обязанности [134, p. 302]. Обычно правительства штатов принимают такого рода политические решения и закрепляют их в законодательных актах. Даже эта базовая парадигма управления содержит важные уроки для управления блокчейн-протоколом [110, pp. 10–16]. А именно в ней заложен компромисс между защитой пользователей через наложение фидуциарных обязанностей на операторов узлов, с одной стороны, и поддержанием уровня независимости при принятии решений операторами узлов – с другой[165]. Попытка создания договора в области корпоративного криптоуправления между участниками экосистемы блокчейна приведет к открытому обсуждению такого компромисса. Даже само по себе такое обсуждение является аргументом в пользу принятия модели (не) корпоративного криптоуправления.

Важно отметить, что многие проекты по разработке открытого ПО признают дисбаланс власти в своих экосистемах и создают договорные кодексы поведения и организационные уставы, очень похожие на докумен-

---

[160] Более подробное обсуждение вопроса, почему реалии разработки открытого ПО не вполне согласуются с теорией «программист как фидуциарий», см. в целом [55].

[161] См. выше сноски 156–157 и соответствующий текст.

[162] См., например, Del. Code Ann. tit. 8, § 102(b) (7), 141 (2020); Model Bus. Corp. Act §§ 2.02(b) (4), 8.30, 8.31(Am. Bar Ass'n2016). См. также [131, pp. 795–796] («В деловой сфере фидуциарные обязанности партнеров, директоров корпораций, служащих начались с момента образования партнерств и корпораций, тогда как мажоритарные акционеры не исполняли фидуциарные обязанности вплоть до начала нашего века»). Согласно законодательству о деловых трестах, доверенные лица исполняют фидуциарные обязанности по отношению к держателям сертификатов треста таким же образом, как директора корпорации по отношению к ее акционерам. См. [132, p. 182] (отмечается, что в деловом тресте «автоматически запускается особый защитный режим, предусмотренный фидуциарным трастовым законодательством для защиты интересов инвесторов и других бенефициариев»).

[163] [133, p. 1] («Доверенные лица являются фидуциариями по отношению к бенефициариям траста. Лица, наделенные полномочиями управляющих в бизнес-организации, – партнеры, служащие, директора и т. д. – являются фидуциариями по отношению к владельцам этой бизнес-организации»); [134, pp. 285, 287] («В системе Делавэр фидуциарные обязательства по соблюдению лояльности и интересов исполняются директорами, служащими и контролирующими акционерами по отношению к корпорации и ее акционерам» (цитируется Guth v. Loft, Inc., 5 A.2^{d} 503, 510 (Del. 1939))).

[164] См. [134, pp. 288–289] («Сами по себе эти обязанности определены лишь в общих чертах, однако [Всеобщий закон штата Делавэр о корпорациях] и прецедентное право дают значительные возможности для снижения рисков монетарных обязательств фидуциариев за нарушение обязанности соблюдения интересов; этот подход отражает прагматическое желание поощрить предприимчивость и способность идти на риск… Аналогично [Примерный закон «О коммерческой корпорации»] схож с законом штата Делавэр в том, что обеспечивает значительную самостоятельность для снижения или полного исключения монетарных обязательств за нарушение обязанности соблюдения интересов»).

[165] [135, p. 164] («Принцип компромисса… в целом в большей степени относится к ситуации, когда мы пытаемся максимизировать набор ценностей хотя бы в течение некоторого времени»).

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

тацию, используемую в корпоративном управлении[166]. Фактически некоторые блокчейн-экосистемы уже формируют структуры управления по моделям корпоративного управления и опыту своих предшественников[167]. Как будет подробнее показано ниже, если соотнести участников блокчейна с участниками корпоративного управления, то становится ясно, что для открытых блокчейн-протоколов было бы целесообразно через контракт передать операторам полных узлов, участвующим в механизме консенсуса блокчейн-протоколов (например, майнерам в блокчейне биткоина или операторам мастер-нод в протоколе *Dash*)[168], обязанности фидуциариев основного протокола, исполняемые по отношению к держателям криптовалют. И наоборот, такая модель ограничит передачу фидуциарных обязательств разработчикам открытого исходного кода блокчейн-протокола, включая основных разработчиков, кроме определенных исключительных обстоятельств[169].

В контексте корпораций директора занимают позицию основных фидуциариев[170]. Поскольку в процессе управления они обладают полномочиями действовать

[166] См. в целом [44, 100, 45].

[167] См., например, [43].

[168] Объяснение, как в данной работе используется термин «операторы полных узлов» и почему, см. выше сноску 47.

[169] В работе «If Rockefeller Were a Coder» автор показывает, что децентрализованные бизнес-организации, включая блокчейн-протоколы, было бы целесообразно выстраивать как бизнес-трасты, чтобы избежать *default penalty* (личной ответственности), налагаемой на партнерства. См. в целом [28]. Обсуждаемая здесь ситуация в сфере корпоративного управления также укладывается в модель бизнес-траста. В этом случае попечители траста – держатели токенов – исполняют фидуциарные обязанности по отношению к владельцам токен-сертификатов. Законодательство о деловых трастах основывается на том же фидуциарном трастовом праве, что применяется в контексте дарственных трастов [136, p. 335] («Если корпорация управляет средствами других людей и оказывает трастовые услуги, то она регулируется как траст, а ее обязательства по отношению к бенефициариям являются попечительскими обязательствами»); [132, p. 182] («Еще одна особенность траста, чрезвычайно важная для планирования сделок, состоит в том, что траст автоматически запускает определенный защитный режим, предусмотренный фидуциарным трастовым правом, для защиты интересов инвесторов или других бенефициариев»). См. в целом In re Dean's Tr., 394 P. 2d 432 (Haw. 1964); Flynn v. La Salle Nat'l Bank, 137 N.E.2d 71 (Ill. 1956); Wallace v. Malooly, 122 N.E.2d 275 (Ill. 1954). Также отметим, что как минимум один суд постановил, что держатели сертификатов на собственность бенефициария в трастах не имеют фидуциарных обязательств друг перед другом. Krensky v. De Swarte, 82 N.E.2d 168 (Ill. App. Ct. 1948). В результате фидуциарный режим, применимый к бизнес-трастам, напоминает ситуацию в корпорациях, при этом попечители соответствуют директорам, а держатели сертификатов – акционерам [132, p. 182] (обязательства выступают под названиями «лояльность и осмотрительность»). Обязательство соблюдать лояльность подразумевает, что попечители управляют трастом «исключительно в интересах бенефициариев». Там же. (цитируется Restatement (Second) of Trs. § 170(1)(Am. Law Inst.1957)). Как и в контексте корпораций, это означает, что попечители должны воздерживаться от сделок, в которых присутствует личный интерес или конфликт интересов. Там же. Попечители также несут обязательство по соблюдению интересов по отношению к держателям сертификатов траста, т. е. попечитель несет «обязательство перед бенефициарием по управлению трастом с приложением таких усилий и умений, как осмотрительный человек при управлении своим собственным имуществом». Там же. (цитируется Restatement (Second) of Trs. § 174 (Am. Law Inst. 1957)). Фидуциарные обязательства в рамках траста являются предустановленными нормами, которые стороны могут изменить в договоре, хотя некоторые законы штатов предусматривают определенные минимальные требования. См. там же, pp. 183–185. Также автором было показано, что интерактивные контракты могут представлять собой бизнес-трасты. Модель (не) корпоративного криптоуправления по большей части также применима к распределенному бизнес-предприятию (*distributed business entity*, *DBE*) на уровне интерактивного контракта. В модели *DBE* интерактивные контракты, которые играют роль трастов, несут фидуциарные обязанности по отношению к держателям токенов этих контрактов. Фидуциарии в целом и попечители в частности имеют две характеристики: заместительная роль фидуциария и делегирование полномочий фидуциарию [131, pp. 808–809]. Фидуциарий выступает заместителем доверителя, при этом доверитель делегирует фидуциарию полномочия, необходимые для его эффективной деятельности в качестве заместителя. Там же. В контексте интерактивных контрактов в модели *DBE* доверители делегируют интерактивным контрактам полномочия для управления определенными активами и ожидают, что интерактивный контракт будет действовать как заместитель доверителя при использовании этих активов для создания прибыли. Из трех уровней *DBE* именно интерактивный контракт ставит уникальные вопросы в сфере фидуциарных обязательств. Эти вопросы выходят за рамки данного исследования; здесь мы лишь хотим показать, что модель (не)корпоративного криптоуправления, описанная в настоящей статье, предоставляет большие возможности бизнес-предприятиям, созданным на любом уровне блокчейн-технологий. Однако применение этой модели для бизнес-предприятий, созданных на других уровнях блокчейн-технологий, требует дальнейшего изучения. Эта модель особенно перспективна потому, что, как было показано выше, она дает возможность вернуть управление в руки собственников предприятия, чего многие известные блокчейн-протоколы не смогли сделать через механизм управления «вне блокчейна». См. в целом Carla L. Reyes, Autonomous Business Reality (Jan. 10, 2020) (неопубликованная рукопись) (имеется у автора).

[170] [133, p. 7] («Директора управляют делами корпорации. Эта управляющая роль неизбежно подразумевает свободу в принятии решений, которая общепризнана в качестве необходимого аспекта фидуциарных отношений»).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

по своему усмотрению, они исполняют обязательства соблюдения интересов и лояльности по отношению к владельцам компании – акционерам[171]. Соотнеся эти функции директоров с участниками открытого блокчейн-протокола, можно увидеть, что директорам соответствуют не основные разработчики протокола или разработчики открытого ПО, а операторы полных узлов. В результате корпоративная модель управления не позволяет налагать фидуциарные обязательства на разработчиков открытого программного обеспечения, которое составляет протокол блокчейна[172]. Разработчики открытого ПО лишь тогда выполняют ту же роль, что директора в корпорации, когда они иным образом участвуют в функционировании протокола – являются оператором узла или владеют значительным объемом криптовалюты данного протокола. Этот вывод отражает основные задачи фидуциарного права, главная цель которого – «снизить риски доверителей от возможного присвоения передоверенной ими собственности или интересов, а также сократить издержки на контроль фидуциариев» [127, p. 1223]. Владельцы криптовалюты ни в какой момент не передают свои активы разработчикам открытого ПО. Напротив, владельцы криптовалюты передают свои активы операторам полных узлов данного блокчейна[173].

Хотя в литературе показано, что некоторые разработчики открытого ПО пользуются значительным влиянием на экосистему блокчейна [17, p. 18], они не имеют полномочий распоряжаться, присваивать или иным образом влиять на использование активов доверителей. Например, команда основных разработчиков блокчейна биткоина обладает значительным влиянием на траекторию кода протокола[174]. А именно, хотя технические изменения исходного ПО биткоина осуществляются путем «запроса на включение» и могут быть предложены кем угодно[175], более существенные изменения осуществляются через процедуру *BIP* (*Bitcoin Improvement Proposals* – предложения по усовершенствованию биткоина)[176]. Хотя каждый может вносить предложения, причем внесенные предложения должны быть доступны для рассмотрения широким сообществом разработчиков [18, p. 19], окончательное решение о внесении предложенного изменения в протокол принимается основными разработчиками [18, p. 19]. При этом любая попытка внести *BIP* в протокол в качестве обновления программного обеспечения должна быть одобрена большинством операторов узлов и может быть отклонена при несогласии большинства членов сообщества[177].

---

[171] [134, p. 7]. См. также [134, p. 287].

[172] В ответ на распространенный аргумент в пользу признания разработчиков открытого ПО фидуциариями важно отметить, что фидуциарное право не нужно для того, чтобы программисты несли ответственность за ошибки, приводящие к сбоям в протоколе. Любой человек несет ответственность за совершенные им правонарушения. Restatement (Third) of Agency § 7.01(Am. Law Inst. 2005). Если деликтное право неспособно регулировать такие ситуации, то это должно решаться в существующем правовом поле; эта проблема широко исследуется в научной литературе. См., например, [137, 138].

[173] [13, pp. 104–105] (перечисляются задачи майнеров биткоина, а именно: выявление транзакций, поддержание блокчейна и выявление новых блоков, сборка перспективного блока, нахождение контрольного слова для обеспечения валидности блока, ожидание принятия блока, получение прибыли).

[174] [18, p. 18] («Любой человек имеет право предложить изменения в программное обеспечение (например, для исправления ошибок, постепенного улучшения и т. д.), однако лишь немногие (основные разработчики) имеют полномочия решать, какие изменения будут встроены в главную ветвь ПО»). Однако см. [13, p. 171] («Насколько влиятельны эти люди? С одной стороны, они очень влиятельны, так как любые сделанные ими изменения будут внесены в исходный код биткоина и в дальнейшем использоваться по умолчанию… С другой стороны, они не имеют никакого влияния. Поскольку это открытое программное обеспечение, любой человек может копировать и модифицировать его (т. е. может в любой момент осуществить ветвление – форк); так что, если сообществу не понравятся действия ведущих разработчиков, оно может пойти в другом направлении»).

[175] [13, p. 170] («Каждый может предложить технические усовершенствования исходного кода биткоина через „запрос на включение", это известная процедура в мире открытого ПО. Для более существенных изменений, особенно модификаций протокола, используют процедуру под названием *Bitcoin Improvement Proposals (BIP)* (предложения по усовершенствованию биткоина)»).

[176] «*BIP* – это документ, предоставляющий информацию о разработке сообществу биткоина или описывающий новое свойство биткоина, его процессов или среды. *BIP* должен содержать точное техническое описание этого свойства и основание для его включения» [18, p. 19, n. 30].

[177] [18, p. 19–20] («И все же в конечном счете независимость всего проекта основана на людях – т. е. пользователях и майнерах биткоина. Если основные разработчики внесут модификацию, с которой сообщество не согласно (в частности, майнеры), то сообщество может просто отказаться использовать новый код»). См. также [13, p. 171] («Поскольку это открытое программное обеспечение, любой человек может копировать и модифицировать его (т. е. может в любой момент осуществить

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Поскольку только операторы полных узлов обладают полномочиями принимать обновления в программное обеспечение протокола, только они имеют возможность управлять основным активом предприятия – блокчейн-протоколом[178]. Только операторы полных узлов имеют полномочия вносить обновления в протокол блокчейна, которому пользователи доверили свои средства. В конечном счете стоимость криптовалюты, принадлежащей пользователям, зависит от решений операторов узлов, а не от рекомендаций основных разработчиков [14, pp. 73–74]. В результате операторы полных узлов максимально приближаются к роли директоров корпораций[179], а значит, являются лучшими кандидатами для передачи фидуциарных обязанностей в открытых блокчейн-протоколах.

В качестве фидуциариев в рамках модели контрактного корпоративного управления операторы полных узлов должны будут взять на себя обязательства по соблюдению интересов и по соблюдению лояльности в отношении держателей криптовалюты, используемой в протоколе[180]. Члены сообщества должны будут через контракт установить уровень ответственности, который они считают целесообразным, при этом общими задачами будут являться сдерживание голосования в личных интересах по вопросам *BIP*, *EIP*[181] и других обновлений протокола[182]; введение усиленных мер против запуска атаки «51 %» и других атак на узлы[183]; обеспечение защиты против нежелательного влияния со стороны членов сообщества основных разработчиков. В частности, обязанность по соблюдению интересов потребует от операторов полных узлов принятия таких решений относительно консенсуса и изменений в протоколе, которые должны быть обдуманными и отвечать интересам протокола[184]. Если это требование будет перенесено из корпоративного права на сферу деятельности операторов полных узлов, то они должны будут совершить следующие действия: узнать достаточно о предлагаемых изменениях до принятия решения[185]; изучить предложение и его возможные последствия для протокола[186]; самостоятельно протестировать предлагаемую программу[187]; исключить использование права голоса с недобросовестными целями[188]. Исполнение этих обязанностей потребует от операторов полных узлов довольно значительных усилий, прежде чем они смогут принять обновление

ветвление – форк); так что, если сообществу не понравятся действия ведущих разработчиков, то оно может пойти в другом направлении»).

[178] Например, в блокчейне биткоина майнеры решают, «какие транзакции включать, какие блоки майнить, как выбрать между блоками на одном уровне, когда объявлять о появлении новых блоков» [13, p. 131]. Причем все эти решения требуются просто для подтверждения новых транзакций, возникающих в Сети. Там же. Кроме того, в блокчейне биткоина майнеры решают, когда принимать изменения протокола. См. там же, pp. 73–74 (описываются процессы внесения изменений в протокол через софтфорки и хардфорки).

[179] Или попечители в бизнес-трасте. См. [31].

[180] См. [134, p. 287]. В литературе ведется дискуссия относительно того, является ли на самом деле обязанность по соблюдению интересов фидуциарной обязанностью. См., например, [139, pp. 1033–1036]. Однако в юриспруденции США как обязанность по соблюдению лояльности, так и обязанность по соблюдению интересов рассматриваются в качестве фидуциарных обязанностей. Там же, pp. 1039–1051.

[181] EIPs, *Ethereum Improvement Proposals*. URL: https://eips.ethereum.org/ (дата обращения: 17.03.2020) («Предложения по усовершенствованию эфириума (*Ethereum Improvement Proposals*, *EIPs*) описывают стандарты для платформы *Ethereum*, включая спецификации основного протокола, *API* клиентов, стандарт соглашений»).

[182] В других протоколах эти предложения носят другие названия и используются другие процедуры для их рассмотрения. См., например, Dash Improvement Proposals (DIPs), *GitHub*. URL: https:// github.com/dashpay/dips (дата обращения: 17.03.2020); NEP Repo #7, *GitHub*. URL: https://github.com/namecoin/meta/issues/7 (дата обращения: 17.03.2020). Фактически сходный процесс используется и в интернет-протоколе [13, p. 174] («Процесс *BIP* напоминает процесс «запрос комментариев» (*Request for Comments*, *RFC*), который является разновидностью документа, устанавливающего стандарты для Интернета»).

[183] Внимание прессы в наибольшей степени привлекает атака «51 %», однако возможны самые разнообразные атаки на узлы. См., например, [13, pp. 130–136] (описываются различные атаки, которые могут осуществить майнеры); там же, pp. 204–205 (описываются атаки, направленные на сброс блока); там же, p. 210 (описываются атаки, направленные на ветвление).

[184] См. [140]. См. также Francis v. United Jersey Bank, 432 A.2d 814, 820 (N. J. 1981) (установлено, что директор должен «исполнять свои обязанности добросовестно и с той степенью усердия, внимания и умения, которые обычно использует разумный человек на подобной должности при подобных обстоятельствах»).

[185] См., например, Smith v. Van Gorkom, 488 A.2d 858, 872 (Del. 1985).

[186] См. в целом In re The Walt Disney Co. Derivative Litig., 825 A.2d 275 (Del. Ch. 2003).

[187] См. в целом Van Gorkom, 488 A.2d 858.

[188] См. в целом Cede &Co. v. Technicolor, Inc., 634 A.2d 345 (Del. 1994); McPadden v. Sidhu, 964 A.2d 1262 (Del. Ch. 2008).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

программного обеспечения. Например, в судебной практике под требованием информированности подразумевается, что лицо, принимающее решения, собирает информацию, консультируется со специалистами, при необходимости изучает необходимые тестовые данные[189].

Далее, в контексте корпораций обязанность по соблюдению лояльности требует от директоров «неукоснительно… защищать интересы корпорации, находящиеся в сфере ее деятельности, и воздерживаться от любых действий, способных нанести вред корпорации, либо лишить ее прибыли или преимущества, которые могли бы принадлежать ей исходя из ее возможностей»[190]. Эта обязанность в основном сводится к требованию, чтобы директора воздерживались от непрозрачных и несанкционированных сделок, совершаемых в личных интересах[191], и от использования возможностей корпорации в личных целях[192]. В контексте блокчейн-протокола обязанность по соблюдению лояльности будет выглядеть несколько иначе, чем в контексте корпораций, однако она по-прежнему служит полезным ограничителем для несовпадающих интересов держателей криптовалют и операторов полных узлов. Например, если соотнести корпоративный запрет на использование возможностей корпорации в личных целях, с одной стороны, и обязанности операторов полных узлов – с другой, то мы получим запрет на запуск атаки на узел, или запрет на двойные расходы, или запрет на нечестные действия[193]. Если подать в суд на нарушение фидуциарного обязательства о соблюдении лояльности со стороны операторов узлов, которые получили финансовую выгоду от участия в атаке «51 %» или других атаках, то от них можно потребовать изъятия этой прибыли[194]. Требование к операторам полных узлов воздерживаться от непрозрачных и несанкционированных сделок, совершаемых в личных интересах, приведет к тому, что одобрение *BIP* или других обновлений протокола будет зависеть от технических преимуществ, которые они дают, и к тому, что сразу обнаружится конфликт интересов, если это одобрение связано с личной экономической выгодой оператора узла[195]. Такие последствия могут оказать влияние на основную мотивацию для получения статуса оператора узла и изменить некоторые элементы культуры экосистемы блокчейна[196].

По утверждениям некоторых операторов узлов, соотнесение фидуциарных обязанностей с их деятельностью бессмысленно, поскольку многие из них не участвуют в принятии решений относительно консен-

[189] Francis, 432 A.2d at 823 («Иногда от директора может потребоваться обратиться за советом… Обязанность обратиться за помощью может быть расширена на другие сферы, помимо толкования корпоративных инструментов. В современной корпоративной практике общепризнано, что в определенных случаях директор обязан обратиться за советом к внешним источникам»).

[190] Guth v. Loft, Inc., 5 A.2d 503, 510 (Del. 1939).

[191] [141, pp. 117, 135] («Суды постоянно, хотя и непоследовательно, выносят обвинительные приговоры за использование фидуциарием своего положения в личных целях, когда фидуциарий не может показать выгоду, принесенную его действиями бенефициару»); [142, pp. 608, 609] (появление этой нормы объясняется необходимостью предотвратить самообогащение за счет бенефициара).

[192] Guth, 5A.2d. at 511 («Если служащему или директору корпорации представится деловая возможность, которую могла бы использовать корпорация, которая находится в сфере деятельности корпорации и несет в себе практическую выгоду для корпорации, в которой корпорация заинтересована и может ожидать успеха, то, воспользовавшись этой возможностью, данный служащий или директор вступает в конфликт интересов с корпорацией, и законодательство не позволяет ему воспользоваться этой возможностью лично»).

[193] Угроза атаки «51 %» вновь стала реальной, когда ей, как считают, подвергся блокчейн эфириум Классик, потеряв при этом более сотни блоков [143].

[194] [133, p. 6] («Фидуциарное право имеет в своем распоряжении определенные средства воздействия, в частности, способы возмещения убытков за счет виновной стороны. Эти средства редко применяются в условиях контракта, но часто – в ответ на проявления нелояльности фидуциариев»).

[195] В качестве примера обновления протокола, который повлек за собой финансовую выгоду операторов узлов, см. апгрейд *Ethereum Constantinople*. См. [144]. Блокчейн эфириума в настоящее время переходит от механизма консенсуса типа «доказательство выполнения работы» к механизму консенсуса типа «доказательство владения»: «В сообществе распространено мнение, что майнеры не готовы переходить на [«доказательство владения»]. Данный протокол, гораздо более экономичный, чем [«доказательство выполнения работы»], не требует, чтобы майнеры направляли большой объем вычислительных данных для поддержания работы и безопасности Сети. Вместо этого майнеры должны подтверждать транзакции на основе количества валюты [эфир], которой они владеют… Также в результате апгрейда *Constantinople* вознаграждение за майнинг снизится с 3 *ETH* до 2 *ETH*, когда на рынке и так наблюдаются сложности» [145].

[196] Действительно, побочные эффекты всегда неизбежны при перенесении законодательства в код или кода в законодательство. См. [32, p. 428].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

суса в протоколе[197]. Многие операторы узлов просто управляют клиентскими настройками по умолчанию [13, p. 136]. Однако, если обновления протокола ведут к неким противоречиям, операторы узлов часто активно агитируют за свою точку зрения[198]. В таких случаях операторы узлов участвуют в открытых и закрытых голосованиях по дискутируемому вопросу [55, pp. 162–163]. Кроме того, как показали недавние события, при определенных обстоятельствах операторы узлов могут в достаточной мере сплотиться, чтобы предпринять атаки на Сеть, которые ранее считались возможными лишь теоретически [143]. При этом важно отметить, что такое описание узлов и их функционирования не отражает всего разнообразия типов операторов узлов. В действительности операторы узлов представляют собой разнородную группу. Любое сообщество, устанавливающее контрактом фидуциарные обязанности для операторов узлов, должно учитывать эти различия при определении масштабов ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей[199]. Кроме того, такой контракт должен учитывать непостоянный характер многих узлов. В системе протокола узлы появляются и исчезают постоянно. Сообщество должно решить, имеет ли это значение для управления и если имеет, то что делать с этими переходами[200]. Такие сложные реалии еще раз подчеркивают важность самостоятельного определения механизма управления блокчейн-сообществами и невозможность навязывания единой схемы сверху. Системы управления на основе контракта, использующие элементы парадигм корпоративного управления, дают решение этой проблемы.

B. Мажоритарные акционеры как фидуциарии в ключевые моменты

В контексте корпораций контролирующие акционеры при определенных обстоятельствах несут фидуциарные обязанности[201]. В частности, когда в сделке с каждой стороны участвует контролирующий акционер, сделка должна пройти проверку по стандарту «полной добросовестности»[202]. Как правило, по закону акционер считается контролирующим, если он владеет 51 или более процентами голосующих акций[203], либо если миноритарный акционер пользуется влиянием на корпорацию путем реального контроля над действиями корпорации[204], либо если независимые акционеры создают путем заключения контракта группу, дающую им контролирующее количество голосов[205]. Если в сделке с обеих сторон участвуют кон-

---

[197] [18, p. 10] (отмечается пассивность некоторых узлов).

[198] [55, pp. 163, 170] (описываются софт-форки и «дни флага» [срок внесения в систему изменений, исключающих возможность использования ранее эксплуатировавшихся программ. – Прим. переводчика], инициированные пользователями, и обсуждается голосование через *carbonvote.com* относительно хардфорка после инцидента *DAO* как пример обсуждения и принятия решений в сообществах протокола). См. также [146] (описываются действия группировок майнеров, и поясняется, что только «через несколько месяцев обсуждения и подготовки со стороны группировок майнеров в середине ноября наконец состоялся хардфорк *Bitcoin Cash*»).

[199] В настоящей работе не рассматриваются вопросы правоприменения или разрешения споров в случае несостоятельности управления в рамках модели (не)корпоративного криптоуправления. Эта тема будет исследована в последующих работах.

[200] Важно отметить, что в нескольких проектах по разработке открытого ПО это уже делается, включая несколько проектов в области блокчейна. См., например, Code of Conduct, *Apache Software Found*. URL: https://www.apache.org/foundation/policies/conduct.html (дата обращения: 17.03.2020); Contributor Covenant Code of Conduct, *Linux Kernel*, URL: https://www.kernel.org/doc/html/latest/process/code-of-conduct.html (дата обращения: 17.03.2020); [43, 147].

[201] См., например, Kahn v. Lynch Commc'n Sys., Inc., 638 A.2^{d} 1110, 1113 (Del. 1994); Ivanhoe Partners v. Newmont Mining Corp., 535 A.2d 1334, 1344 (Del. 1987) (установлено, что контролирующие акционеры являются фидуциариями компании); Weinberger v. UOP, Inc., 457 A.2^{d} 701, 705 (Del. 1983) (установлено, что контролирующий акционер имеет фидуциарные обязанности по отношению к миноритарным акционерам в ситуации слияния с обналичиванием).

[202] См. в целом Kahn v. M &F Worldwide Corp., 88 A.3^{d} 635 (Del. 2014). См. также [148, p. 309].

[203] Weinstein Enters., Inc. v. Orloff, 870 A.2^{d} 499, 507 (Del. 2005) («В корпоративном законодательстве штата Делавэр общепринято положение, что контроль осуществляется тогда, когда акционер владеет, прямо или косвенно, более чем половиной голосов в корпорации»).

[204] In re W. Nat'l Corp. S'holdersLitig., C.A. No. 15927-CC, 2000 WL 710192, at *20 (Del. Ch. May 22, 2000) (установлено, что «значимый акционер, который не осуществляет в общем случае реального контроля над деятельностью объекта инвестирования или над советом директоров объекта инвестирования, однако фактически осуществляет реальный контроль над советом директоров во время совершения конкретной сделки, может принимать на себя фидуциарные обязанности для целей этой сделки»).

[205] eBay Domestic Holdings, Inc. v. Newmark, 16 A.3^{d} 1, 25-27 (Del. Ch. 2010) (установлено, что участники голосующего траста являлись контролирующими фидуциариями, поскольку обладали достаточным количеством голосов для выборов совета директоров).

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

тролирующие акционеры, как определено выше, то необходимо показать, что сделка является полностью добросовестной; для этого используются специально разработанные системы, исключающие присутствие личной заинтересованности[206]. Если перенести эти нормы, касающиеся мажоритарных акционеров, в контекст блокчейн-протокола, то окажется, что они в ключевые моменты налагают определенные обязанности на крупных держателей криптовалют, особенно если последние обладают также значительным влиянием на сообщество блокчейн-протокола.

В частности, если контролирующий владелец криптовалюты (т. е. тот, кто владеет 51 % или более либо владеет значительным объемом криптовалюты и при этом обладает особым влиянием в сообществе – например, является основателем или имеет высокую репутацию) рекомендует осуществить апгрейд протокола, который может привести к его личной экономической выгоде, то такое предложение должно пройти более тщательную проверку по стандартам «полной добросовестности» для сделок с контролирующими владельцами в корпорациях. В контракте участников правления протоколом процесс ратификации на полную добросовестность может описываться несколькими способами. Например, может быть сформирована постоянная комиссия независимых экспертов при соответствующей организации[207], которая будет оценивать добросовестность и выгоды таких предложений. Либо предложение может быть поставлено на голосование миноритарными владельцами криптовалюты в данной экосистеме. Если большинство таких владельцев, имея необходимую информацию, одобрят сделку, значит, стандарт полной добросовестности (в грубом приближении) соблюден. Кроме того, сообщество может установить свои собственные стандарты для определения полной добросовестности в таких ситуациях. В любом случае цель состоит в информировании всего сообщества о потенциальном конфликте интересов и в возможности определения ценности предложения независимо от наличия конфликта. Такая крайняя открытость отражает представления и этику многих сообществ блокчейн-протокола, а также служит защитой для репутации протокола, в случае если сообщество одобряет и осуществляет транзакцию[208].

C. Основные разработчики, основатели протокола и общественные организации как привратники

В общем виде термин «привратник» обозначает «частного субъекта, который может предотвратить неподобающие действия компании на конкретном рынке» [126, p. 136]. В литературе по корпоративному управлению роль «привратников» определяется как сокращение информационной асимметрии, которая неизбежно возникает на рынке корпоративных ценных бумаг, однако с определенной нацеленностью на информацию о неподобающих действиях[209]. Корпорации – это единственный источник информации относительно предположительной ценности их активов [150]. Покупатели акций корпорации должны иметь способ помешать корпорациям намеренно или по небрежности давать неверную информацию участникам рынка [150]. С этой целью, «как способ повысить надежность раскрываемой информации, компания может привлечь внешних специалистов, например, внешнего аудитора, страховщиков, юридического консультанта, которые действуют как репутационные посредники» [111, p. 179]. Идея состоит в том, что, поскольку жизнеспособность их бизнеса зависит от их репутации, эти репутационные посредники могут гарантировать, что их клиенты не совершат мошеннических действий намеренно или по небрежности [111, p. 179]. Такие репутационные посредники называются «привратниками», потому что они действуют как фактор сдерживания мошенничества на рынках капитала и считаются необходимым элементом корпоративного управления[210].

---

[206] [149] (поясняется, что «не существует единого рецепта для полностью добросовестной сделки с контролирующими акционерами», и предлагается ряд принципов из прецедентного права для достижения полной добросовестности).

[207] Например, *Bitcoin Foundation* или *Ethereum Foundation*.

[208] Например, такая открытость была бы полезна для поддержания законности механизмов управления при обсуждении хардфорка *DAO* [144, p. 325] (обсуждаются споры в сообществе относительно хардфорка после кражи *DAO* и влияние этих споров на выход многих участников из оригинального протокола эфириума).

[209] См. в целом [150].

[210] [151] (привратник определяется как «репутационный посредник, предоставляющий услуги верификации или сертификации инвесторам»); [152, p. 1405] (привратники характеризуются в контексте рынка капитала как репутационные посредники); [153, p. 618].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

В сфере открытых блокчейн-протоколов нет укоренившейся традиции использования аудита ни в отношении финансов, ни кода[211]. В некоторых блокчейн-организациях работают юристы, однако после предупреждений от различных представителей Комиссии по ценным бумагам немногие юристы согласятся дать свое заключение по любому аспекту блокчейн-компании[212]. При этом репутация блокчейн-протокола часто коррелирует с репутациями членов команды его основных разработчиков, его основателей, иногда с репутацией организации, стоящей за этим протоколом[213]. Такие лица и организации действуют в роли привратников в сфере открытых блокчейн-протоколов, так как у них есть доступ к информации, которой нет у обычных участников рынка, и они являются репутационными посредниками. Например, члены команды основных разработчиков часто создают код, не надеясь на конкретное вознаграждение [3, pp. 423–436]. Вместо этого репутация, заработанная в качестве основного разработчика, открывает новые возможности для получения прибыли[214]. Кроме того, чтобы войти в команду основных разработчиков, необходимо иметь в сообществе репутацию эксперта в данном протоколе[215]. Другими словами, основные разработчики существуют в замкнутой системе репутационных посредников – они действуют как репутационные посредники для данного протокола, но в то же время их личная репутация зависит от целостности протокола. Таким образом, если основному разработчику становится известно о нежелательных действиях на уровне протокола, то ему выгодно сообщить об этом, чтобы сохранить свою репутацию и будущие экономические возможности. Эта ситуация немного напоминает роль репутационных посредников, которую выполняют юристы и аудиторы в пространстве корпоративного управления.

Как и в случае основных разработчиков, репутация основателя протокола будет зависеть от успешности созданного им открытого блокчейн-протокола. Хотя основатель обычно занимает особое положение в сообществе блокчейна, за это приходится платить повышенным репутационным ущербом в случае недобросовестного использования своего влияния. Таким образом, у основателя остается стимул сообщать о недобросовестных действиях и бороться с ними, так же как у основных разработчиков. Фактически рассмотрение проблемы управления блокчейном через призму корпоративного управления помогает объяснить, почему сообщество эфириум выбрало хардфорк протокола после атаки на *DAO*[216]. Взлом *DAO* негативно отразился на репутации протокола эфириума и его широко разрекламированного проекта – *DAO* [157]. Чтобы защитить репутацию протокола, его основатель Виталик Бутерин и команда основных разработчиков вернули первоначальным владельцам все средства, затронутые этим инцидентом [157]. Дебаты вокруг этого хардфорка и продолжающееся обсуждение от-

[211] Фактически, даже когда код предположительно подвергался аудиту, это оказывалось бесполезным. Например, в случае *DAO* его создатель *Christoph Jentzsch* писал: «Мы считаем, что проведение большего количества проверок безопасности или тестов ничего бы не изменило. Основная проблема в том, что проверяющие не знали, что искать» [154].

[212] [155] («Наши законы о ценных бумагах, а также более 80 лет практики предполагают, что юристы по ценным бумагам, бухгалтеры, страховщики и дилеры действуют ответственно… Это показывают юридические консультации (или в данном случае их отсутствие) в сфере *ICO* [*initial coin offering* – первичное размещение криптовалюты. – Прим. переводчика]… Во-первых, и это беспокоит меня больше всего, существуют *ICO*, в которых, с одной стороны, юристы помогают структурировать размещение продукта, который имеет много общего с ценными бумагами, но называется *ICO*, что очень похоже на *IPO* (первичное размещение акций). С другой стороны, те же юристы заявляют, что данные продукты не являются ценными бумагами, поэтому их распространяют без соблюдения законов о ценных бумагах, что лишает инвесторов защиты по существу и по процедуре в рамках этих законов»).

[213] Это верно для любой системы с открытым исходным кодом. См. [3, pp. 387–388] (обсуждается значение качества в этике Википедии).

[214] Там же, pp. 424–425 («Для тех, кто занимается разработкой бесплатного программного обеспечения, существуют разнообразные механизмы косвенного возмещения оплаты. Они варьируются от расплывчатой категории репутационных выгод до гораздо более осязаемых преимуществ, таких как контракты на консультирование, услуги по кастомизации, или увеличение человеческого капитала, оплачиваемое работодателем, который использует в собственных проектах навыки, полученные при участии в разработке бесплатного ПО»).

[215] См., например, Python Developer's Guide, *Python*. URL: https://devguide.python.org/coredev/ (дата обращения: 17.03.2020) («Разработчик, неоднократно предлагающий патчи, отвечающие стандартам качества и не требующие значительных изменений перед использованием, может претендовать на получение привилегий и стать одним из основных разработчиков *Python*»).

[216] См. в целом [156].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

носительной стоимости валют эфириум и эфириум Классик[217] отражают различные оценочные суждения о том, какие элементы наиболее важны для репутации протокола эфириума: равенство и справедливость или устойчивость[218].

Эффективность организации протокола в роли репутационного посредника представляется немного более опосредованной. Однако в ряде источников по привратникам корпораций показано, что любая организация, имеющая доступ к информации, может вмешаться в случае недобросовестных действий корпорации, т. е. стать привратником[219]. В этом смысле организацию протокола, например *Ethereum Foundation*, *Bitcoin Foundation* или *Chamber of Digital Commerce*, можно считать привратником. В этом контексте стремление скрыть недобросовестные действия (а также фактическая неспособность сделать это, как показали последние несколько десятилетий) привело к появлению обширной литературы, где обсуждается, должны ли привратники нести какую-либо ответственность, и если да, то в каких пределах и каким образом[220]. Если блокчейн-сообщества примут модель управления через контракты, как предлагается в настоящей статье, то подобная дискуссия должна развернуться вокруг вопроса об ответственности участников управления блокчейном за ошибки в управлении. Однако этот вопрос выходит за рамки данной статьи, и мы оставляем его для будущих исследований.

Заключение

Технология блокчейна возникла из идеи шифропанков о возможности регулирования без вмешательства в частную жизнь. Основываясь на этой идее, многие члены экосистемы блокчейн-технологии призывают рассматривать код как единственный закон, применимый к блокчейн-протоколам, проводимым с его помощью транзакциям и объектам доступа к данным[221]. В концепции «код есть закон», разработанной профессором Лоуренсом Лессигом, код рассматривается не как закон, который принимают правительства и насаждают силой своей власти, а как так называемое мягкое право[222]. В киберпространстве код «задает условия, на которых протекает жизнь» [163]. Этот код, предостерегал профессор Лессиг, изменчив, а вместе с его изменениями «изменяется и характер киберпространства» [161]. То же можно сказать и о протоколах блокчейна. В настоящее время код некоторых протоколов, таких как биткоин и эфириум, воплощает первоначальную культуру шифропанков, а именно отдает приоритет неприкосновенности частной жизни и сохраняющим ее механизмам управления. Однако этот код может измениться. Фактически принятые и насаждаемые правительствами законы могут служить стимулами для таких изменений[223]. На самом деле такие стимулы уже действуют, во благо или во вред, когда программисты прекращают свою работу из страха преследования по закону [22]. Принятие контрактной системы управления, в которой четко определены правила и ожидания, даст возможность

[217] См. Ali Raza. ETC vs. ETH: Story of Ethereum and Ethereum Classic, *Global Coin Rep.*, Oct. 10, 2018. URL: https://globalcoinreport.com/etc-vs-eth-ethereum-ethereum-classic/ (дата обращения: 17.03.2020).

[218] См. там же.

[219] Kraakman, см. выше сноску 156, p. 54. См. также [126, p. 136] («Определение привратника довольно расплывчато, поскольку научная литература в этой области развивалась в двух направлениях. Первое из них связано с *Reinier Kraakman*; привратник определяется как любая сторона, от которой компания желает получить товар или услугу и которая может предотвратить нежелательные действия компании, отказавшись предоставить ей эти товар или услугу»).

[220] См., например, [158, pp. 119–120] («Модель [репутационного посредника] имеет свои преимущества, однако она не позволяет разграничивать различные виды привратников, которые по-разному реагируют на стимулы. Кроме того, она не учитывает различный характер отношений привратника к основным злоумышленникам и не позволяет рассмотреть влияние этих различий на действия привратника»); [159, pp. 62–63] (предлагается трехчастный механизм ответственности привратников); [160, p. 492] (предлагается режим строгой ответственности привратников за мошенничество с ценными бумагами).

[221] Эта идея также обсуждалась в ходе дискуссии о природе киберпространства и применимых в нем правовых нормах. См. в целом [161]. Ту же аргументацию относительно блокчейн-протоколов см. в целом [162].

[222] [163]. См. также [164, p. 549] («Правовые ценности определяются не только правом, и право само по себе не может их гарантировать. Если мы хотим жить в мире, созданном этими ценностями, то следует обратиться также и к другим регуляторам – программным, нормативным и рыночным»).

[223] Например, с помощью *BIP 75* предполагалось привести блокчейн биткоина в соответствие с законодательством против отмывания денежных средств, предусмотренным Сетью по борьбе с финансовыми преступлениями [орган Министерства финансов США. – Прим. переводчика] [165].

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

сообществам блокчейн-протоколов максимально сохранить свою культуру и принципы. Это также заставит указанные сообщества вступить в открытый, активный и вдумчивый диалог относительно своей коллективной культуры и принципов. Кроме того, формирование структур управления блокчейном на основе контрактов, которые сходны со структурами корпоративного управления, позволит блокчейн-сообществам воспользоваться богатейшим опытом исследований и экспериментов в функционально эквивалентной области управления.

Таким образом, как ни удивительно, самое сильное влияние (не)корпоративное криптоуправление может оказать на культуру традиционных корпораций. Действительно, важный урок модели корпоративного управления для механизма управления «вне блокчейна» состоит в признании того, что «код как закон» – это подсистема правовых норм внутри правовой системы. Системный анализ показывает, что необходимо признать обоюдное влияние взаимосвязанных функций кода и права в процессе ограничения поведения в экосистемах блокчейна. Иными словами, код определяет правовые нормы и их приложение к экосистеме блокчейна, а право, в свою очередь, определяет действия, предпринимаемые через код. В результате такое взаимопересечение кода и права оказывает влияние и на наше понимание возможностей применения права к более традиционным сценариям. Например, открытое обсуждение должного уровня и природы фидуциарных обязанностей в контексте управления блокчейном показывает те компромиссы, которые присущи корпоративным фидуциарным обязанностям: отдать предпочтение модели корпорации, ориентированной на руководство или на акционеров. Это обсуждение может привести к более глубокому рассмотрению таких компромиссов и их баланса в сочетании с другими элементами корпоративного управления или корпоративной правовой доктрины. В этом случае возможно, что механизм «код как закон» не только осуществляет «мягкое» регулирование действий пользователей в киберпространстве, но также оказывает влияние на регулирование функционально эквивалентных традиционных структур вне киберпространства.

Список литературы / References

1. Vaidhyanathan S. Open Source as Culture-Culture as Open Source, in *Open Source Jahrbuch* 2005: Zwischen Softwareentwicklung und Gesellschaftsmodell, Bernd Lutterbeck et al. eds., 2005, pp. 359–366.

2. Bretthauer D. Open Source Software: A History, *Info. Tech.&Libr.*, Mar. 2002.

3. Yochai Benkler, Coase's Penguin, or, Linux and "The Nature of the Firm", *The Yale Law Journal*, 2002, Vol. 112, No. 3, pp. 369–446.

4. Dafermos G. Governance Structures of Free/Open Source Software Development, *Next Generation Infrastructures Foundation, Delft*, 2012, 305 p.

5. Himanen P. *The Hacker Ethic and the Spirit of the Information Age*, New York, Random House, 2001, 232 p.

6. Moody G. *Rebel Code: Linux And The Inside Story of Linux and the Open Source Revolution,* 2001, 344 p.

7. Holmstrom B., Managerial Incentive Problems: A Dynamic Perspective, *The Review of Economic Studies*, 1999, Vol. 66, pp. 169–182.

8. Johnson J. P. Open Source Software: Private Provision of a Public Good, *Journal of Economics & Management Strategy*, 2002, Vol. 11, Iss. 4, pp. 637–662. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1430-9134.2002.00637.x

9. Lerner J., Tirole J. Some Simple Economics of Open Source, *Journal of Industrial Economics*, 2002, Vol. 50, pp. 197–234.

10. Eric von Hippel, Innovation by User Communities: Learning from Open Source Software, *MIT Sloan Management Review*, 2001, Vol. 42, p. 82.

11. Berners-Lee T. *Weaving the Web: The Original Design and Ultimate Destiny of the World Wide Web by Its Inventor*, Harper, 1999, 226 p.

12. Walch A. The Bitcoin Blockchain as Financial Market Infrastructure: A Consideration of Operational Risk, *NYU Journal of Legislation and Public Policy*, 2015, Vol. 18, No. 837, 58 p.

13. Narayanan et al. *Bitcoin and Cryptocurrency Technologies: A Comprehensive Introduction*, 2016, 336 p.

14. Galloway A. R. *Protocol: How Control Exists After Decentralization*, 2004, 286 p.

15. Warren W. The Difference Between App Coins and Protocol Tokens, *MEDIUM*: *0X BLOG*, Feb. 2, 2017, available at: https://blog.0xproject.com/the-difference- between-app-coins-and-protocol-tokens-7281a428348c

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

16. Shea R. When to Use Protocol Tokens, *MEDIUM*, Nov. 13, 2017, available at: https://medium.com/@ryanshea/protocol-tokens-1ed44fa89453

17. Diedrich H. *Ethereum: Blockchains, Digital Assets, Smart Contracts, Decentralised Autonomous Organisations*, Wildfire Publishing, 2016, 346 p.

18. Hughes E. A Cypherpunk Manifesto, ACTIVISM.NET, Mar. 9, 1993, available at: https://activism.net/cypherpunk/manifesto.html

19. De Filippi P., Loveluck B. The Invisible Politics of Bitcoin: Governance Crisis of a Decentralized Infrastructure, Internet Policy Review, 2016, Vol. 5, Iss. 4, 32 p.

20. Walch A. In Code(rs) We Trust: Software Developers as Fiduciaries in Public Blockchains, in *Regulating Blockchain: Techno-social and Legal Challenges*, Ph. Hacker et al. eds., 2019, 27 p.

21. Walch A. Call Blockchain Developers What They Are: Fiduciaries, *American Banker*, Aug. 9, 2016, available at: https://www.americanbanker.com/opinion/call-blockchain-developers-what-they-are-fiduciaries

22. O'Leary R. R. Ethereum Developer Resigns as Code Editor Citing Legal Concerns, *CoinDesk*, Feb. 15, 2018, available at: https://www.coindesk.com/ethereum-developer-resigns-as-code-editor-citing-legal-concerns/

23. Reijers W. et al. Now the Code Runs Itself: On-Chain and Off-Chain Governance of Blockchain Technologies, *TOPOI*, Dec. 17, 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3340056

24. Tracy Ph. The Fallout from Facebook's Cambridge Analytica Data Crisis, *Daily Dot*, Mar. 27, 2018, available at: https://www.dailydot.com/debug/facebook-cambridge-analytica-timeline/

25. Lessig L. *The Laws of Cyberspace*, Apr. 3, 1998 (неопубликованная рукопись), available at: https://cyber.harvard.edu/works/lessig/laws_cyberspace.pdf

26. Goldsmith J., Wu T. *Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World*, Oxford University Press, Inc., 2006, 238 p.

27. Lyon D. *Surveillance Studies: An Overview*, Polity, 2007, 243.

28. Zittrain J. *The Future of the Internet and How to Stop It*, Penguin UK, 2009, 352 p.

29. Clarke R. A. Information Technology and Dataveillance, *Comm. ACM*, 1988, Vol. 31, Iss. 5, p. 498. DOI: https://doi.org/10.1145/42411.42413

30. Hu M. Algorithmic Jim Crow, *Fordham L. Rev.*, 2017, Vol. 86, p. 633.

31. Reyes C. L. If Rockefeller Were a Coder, *Geo. Wash. L. Rev.*, 2019, Vol. 87, p. 373.

32. Reyes C. L. Conceptualizing Cryptolaw, *Neb. L. Rev.*, 2017, Vol. 96, p. 384.

33. Eberle E. J. The Method and Role of Comparative Law, *Wash. U. Global Stud. L. Rev.*, 2009, Vol. 8, p. 451.

34. Belinfanti T., Stout L. Contested Visions: The Value of Systems Theory for Corporate Law, *U. Pa. L. Rev.*, 2018, Vol. 166, p. 579.

35. Hileman G., Rauchs M. *Global Blockchain Benchmarking Study*, 2017, available at: https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-blockchain-benchmarking-study-2017/$FILE/ey-global-blockchain- benchmarking-study-2017.pdf

36. Micklethwait J., Wooldridge A. *The Company: A Short History of a Revolutionary Idea*, New York, The Modern Library, 2003, 227 p.

37. Rutnik M. What Is Dash? – a Short Guide, *Android Authority*, Feb. 18, 2018, available at: https://www.androidauthority.com/what-is-dash-820943/

38. Buterin V. Bootstrapping a Decentralized Autonomous Corporation: Part I, *Bitcoin Mag.*, available at: https://bitcoinmagazine.com/articles/bootstrapping-a-decentralized-autonomous-corporation-part-i-1379644274/ (дата обращения: 17.03.2020).

39. Larimer D. Overpaying for Security: The Hidden Costs of Bitcoin, *Let's Talk Bitcoin Network*, Sept. 7, 2013, available at: https://letstalkbitcoin.com/is-bitcoin-overpaying-for-false-security

40. LoPucki L. M. Algorithmic Entities, *Wash. U. L. Rev.*, 2018, Vol. 95, p. 887.

41. Landen X. Vermont Bullish on Blockchain as New Law Takes Effect, *VTDigger,* Aug. 28, 2018, available at: https://vtdigger.org/2018/08/28/vermont-bullish-blockchain-new-law-takes-effect/

42. Taylor R. Dash Core Group Legal Structure Details, *Dash F.,* Aug. 1, 2018, available at: https://www.dash.org/forum/threads/dash-core-group-legal-structure-details.39848/

43. Governance Guidelines, *Corda Network Found.*, available at: https://corda.network/governance/governance-guidelines (дата обращения: 17.03.2020).

44. Topelson D., Ritvo et al., *Organization&Structure of Open Source Software Development Initiatives*, Mar, 2017, available at: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/30805146/2017-03-24_governance.pdf

45. Fish A. et al. Birds of the Internet, *J. Cultural Econ.*, 2011, Vol. 4, p. 157.

46. Reyes C. L. Cryptolaw for Distributed Ledger Technologies: A Jurisprudential Framework, *Jurimetrics*, 2018, Vol. 58, p. 283.

47. Hacker Ph. et al. Corporate Governance for Complex Cryptocurrencies? A Framework for Stability and Decision Making in Blockchain-Based Organizations, *Regulating Blockchain: Techno-social and Legal Challenges*, 2017, 37 p.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

48. Hansmann H. et al. The New Business Entities in Evolutionary Perspective, *U. Ill. L. Rev.*, 2005, Vol. 5, 37 p.

49. Abramowicz M. The Very Brief History of Decentralized Blockchain Governance, *Vand. J. Ent.&Tech. L.*, 2020, Vol. 22 (рукопись, p. 3).

50. Ehrsam F. Blockchain Governance: Programming Our Future, *Medium: Cryptocurrency*, Dec. 1, 2017, available at: https://medium.com/@FEhrsam/blockchain-governance-programming-our-future-c3bfe30f2d74

51. Zamfir V. Against On-Chain Governance, *Medium*, Dec. 1, 2017, available at: https://medium.com/@Vlad_Zamfir/against-on-chain-governance-a4ceacd040ca

52. Wharton Cyrptogovernance Workshop, *U. Pa.*, available at: https://zicklincenter.wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2019/05/Wharton-Cryptogovernance-Workshop-7-19.pdf (дата обращения: 17.03.2020).

53. Jenkinson G. Ethereum Classic 51% Attack – the Reality of Proof-of-Work, *Cointelegraph,* Jan. 10, 2019, available at: https://cointelegraph.com/news/ethereum-classic-51-attack-the-reality-of-proof-of-work

54. Reyes C. L. et al. Distributed Governance, *Wm.&Mary L. Rev. Online*, 2017, Vol. 59, p. 1.

55. Haque R. S. et al. Blockchain Development and Fiduciary Duty, *Stan. J. Blockchain L. &Pol'y*, 2019, Vol. 2, p. 139.

56. Chason E. D. Cryptocurrency Hard Forks and Revenue Ruling 2019-24, *Va. Tax Rev.*, 2019, Vol. 39, p. 277.

57. van Wirdum A. The Birth of BCH: The First Crazy Days of "Bitcoin Cash", *Bitcoin Mag.*, Aug. 2, 2017, available at: https://bitcoinmagazine.com/articles/birth-bch-first-crazy-days-bitcoin-cash/

58. Bogart S. Bitcoin vs. Bitcoin Cash: A Story of Prioritization &Healthy Competition in Money, *Forbes*, Nov. 13, 2017, available at: https://www.forbes.com/sites/spencerbogart/2017/11/13/bitcoin-vs-bitcoin-cash-a-story-of-prioritization-a-healthy-competition-in-money/

59. Fyookball J. Why Does Bitcoin Have Ridiculously High Fees and Slow Confirmations?, *Medium*, Aug. 30, 2017, available at: https://medium.com/@jonaldfyookball/why-does-bitcoin-have-ridiculously-high-fees-and-slow-confirmations-e3fd58258a6d

60. Mourdoukoutas P. Could Bitcoin Replace Credit Cards?, *Forbes*, Aug. 26, 2018, available at: https://www.forbes.com/sites/panosmourdoukoutas/2018/08/26/bitcoin-could-replace -credit-cards/

61. Hertig A. Why Are Miners Involved in Bitcoin Code Changes Anyway?, *CoinDesk*, July 28, 2017, available at: https://www.coindesk.com/miners-involved-bitcoin-code- changes-anyway/

62. Palladino S. The Parity Wallet Hack Explained, *OpenZeppelin*, July 19, 2017, available at: https://blog.zeppelin.solutions/on-the-parity-wallet-multisig-hack-405a8c12e8f7

63. Peterson B. Someone Deleted Some Code in a Popular Cryptocurrency Wallet — and as Much as $280 Million in Ether Is Locked Up, *Bus. Insider*, Nov. 7, 2017, available at: https://www.businessinsider.com/ethereum-parity-wallet-hack-freeze-missing-code-2017-11

64. Zamfir V. Blockchain Governance 101, *Medium: Good Audience*, Sept. 29, 2018, available at: https://blog.goodaudience.com/blockchain-governance-101-eea5201d7992

65. Curran B. What Is Blockchain Governance?: Complete Beginner's Guide, *Blockonomi*, Sept. 21, 2018, available at: https://blockonomi.com/blockchain-governance/

66. Stanley A. EOS: Unpacking the Big Promises Behind a Possible Blockchain Contender, *CoinDesk*, June 25, 2017, available at: https://www.coindesk.com/eos-unpacking-the-big-promises-behind-a-possible-blockchain-contender

67. Zhao W. CFTC Official Warns Smart Contract Designers over Predictive Code, *CoinDesk*, Oct. 17, 2018, available at: https://www.coindesk.com/cftc-official-warns-smart-contract-designers-over-predictive-code

68. Tomaino N. The Governance of Blockchains, *Medium*, Feb. 28, 2017, available at: https://thecontrol.co/the-governance-of-blockchains-5ba17a4f5da6

69. Chandler S. Why Blockchain Adoption Is Slow, and Why That's Nothing to Worry About, *CryptoNews*, Apr. 15, 2018, available at: https://cryptonews.com/exclusives/why-blockchain-adoption-is-slow-and-why-that-s-nothing-to-wo-1577.htm

70. Iansiti M., Lakhani K. R. The Truth About Blockchain, *Harv. Bus. Rev.*, Jan. – Feb. 2017, available at: https://hbr.org/2017/01/the-truth-about-blockchain

71. Mueller M. Commentary: ICANN and Internet Regulation, *Comm. ACM*, 1999, Vol. 42, No. 6, pp. 41–43.

72. Treguer F. Gaps and Bumps in the Political History of the Internet, *Internet Policy Review*, 2017, Vol. 6, No. 4. DOI: 10.14763/2017.4.714

73. Weinberg J. ICANN and the Problem of Legitimacy, *Duke Law Journal*, 2000, Vol. 50, pp. 187–260.

74. Mueller M. L. *Networks and States: The Global Politics of Internet Governance*, MIT Press, 2010, 320 p.

75. Epstein D. The Making of Institutions of Information Governance: The Case of the Internet Governance Forum, *J. Info. Tech.*, 2013, Vol. 28, p. 137.

76. Bygrave L. A. Introduction, in *Internet Governance: Infrastructure and Institutions*, L. A. Bygrave, J. Bing eds., 2009. 262 p.

77. van der Spuy A. *What If We All Governed the Internet?: Advancing Multistakeholder Participation in Internet Governance*, 2017, available at: https://en.unesco.org/sites/default/files/what_if_we_all_governed_internet_en.pdf

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

78. M. Mueller et al. *Making Sense of "Internet Governance": Defining Principles and Norms in a Policy Context*, 2004.

79. Kalinauskas M., Barcys M. Interaction Between National Governments and ICANN While Administering the Internet, *Social Technologies*, 2013, Vol. 3, No. 2, pp. 432. DOI: https://doi.org/10.13165/ST-13-3-2-13

80. Bygrave L. A., Michaelsen T. Governors of Internet, in *Internet Governance: Infrastructure and Institutions*, L. A. Bygrave, J. Bing eds., 2009.

81. Hafner K., Lyon M. *Where Wizards Stay up Late: The Origins of the Internet*, N.Y., Simon & Schuster, 1996, 304 p.

82. Take I. Regulating the Internet Infrastructure: A Comparative Appraisal of the Legitimacy of ICANN, ITU, and the WSIS, *Regul and Governance*, 2012, Vol. 6, pp. 499–523.

83. Mueller M. L., Badiei F. Governing Internet Territory: ICANN, Sovereignty Claims, Property Rights and Country Code Top-Level Domains, *Columia Science and Techology Law Review*, 2017, Vol. 18, pp. 435–515.

84. Cairncross F. The Death of Distance: How the Communications Revolution Is Changing Our Lives, *Harvard Business School Press*, 2001, 317 p.

85. Weitzenboeck E. M. Hybrid Net: The Regulatory Framework of ICANN and the DNS, *International Journal of Law and Information Technology*, 2014, Vol. 22, No. 1, pp. 49–73.

86. Lindsay D. *International Domain Name Law: ICANN and the UDRP*, Bloomsbury Publishing, 2007, 512 p.

87. Mueller M. L. *Ruling the Root: Internet Governance and the Taming of Cyberspace*, MA, MIT Press, 2002, 328 p.

88. DelBianco S., Cox B. ICANN Internet Governance: Is It Working?, *Pac. McGeorge Global Bus.&Dev. L.J.*, 2008, Vol. 21.

89. Komaitis K. ICANN: Guilty as Charged?, *The Journal of Information, Law and Technology*, July 4, 2003.

90. de Vey Mestdagh C. N. J., Rijgersberg R. W. Rethinking Accountability in Cyberspace: A New Perspective on ICANN, *International Review of Law, Computers & Technology*, 2008, Vol. 21, pp. 27–38.

91. Folkinshteyn D. et al. A Tale of Twin Tech: Bitcoin and the WWW, *Journal of Strategic and International Studies*, 2015, Vol. 10, No. (2), pp. 82–90.

92. Filiba J. Blockchain Is the Internet's Legacy Through the Internet of Value, *Coinsquare*, Dec. 14, 2017, available at: https://news.coinsquare.com/blockchain/blockchain-internet-of-value/

93. Pearson T. The Downside of Democracy (and What It Means for Blockchain Governance), *CoinDesk*, June 22, 2018, available at: https://www.coindesk.com/downside-democracy-means-blockchain-governance/

94. Solum L. B. Models of Internet Governance, in *Internet Governance: Infrastructure and Institutions*, L. A. Bygrave, J. Bing eds., 2009.

95. Zamfir V. My Intentions for Blockchain Governance, *Medium*, Oct. 5, 2018, available at: https://medium.com/@Vlad_Zamfir/my-intentions-for-blockchain-governance-801d19d378e5

96. Carla L. Reyes, Comment, International Governance of Domestic National Security Measures: The Forgotten Role of the World Trade Organization, *UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs*, 2009, Vol. 14, p. 531.

97. Pollman E. The Rise of Regulatory Affairs in Innovative Startups, *Loyola Law School, Los Angeles Legal Studies Research Paper*, 2017, No. 2016-43, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2880818

98. Devins C. et al. The Law and Big Data, *Cornell Journal of Law and Public Policy*, 2017, Vol. 27, p. 357.

99. Hacker Ph. Personalizing EU Private Law: From Disclosures to Nudges and Mandates, *European Review of Private Law*, 2017, Vol. 3, pp. 651–678.

100. Dafermos G. Authority in Peer Production: The Emergence of Governance in the FreeBSD Project, in *The Book of Peer Production*, J. Soderberg, Maxigas eds., 2014.

101. Bayern Sh. Of Bitcoins, Independently Wealthy Software, and the Zero-Member LLC, *Northwestern University Law Review*, 2014, Vol. 108, p. 257.

102. Bayern Sh. The Implications of Modern Business-Entity Law for the Regulation of Autonomous Systems, *Stanford Technology Law Review*, 2015, Vol. 19, No. 1, pp. 93–112.

103. Zetzsche D. A., Buckley R. P., Arner D. W. The Distributed Liability of Distributed Ledgers: Legal Risks of Blockchain, *University of Illinois Law Review*, 2018, p. 1361.

104. Fisher W. O. *Corporate Governance: Overview, Case Studies, and Reforms*, West Academic, 2017.

105. Cheffins B. R. The History of Corporate Governance, in *The Oxford Handbook of Corporate Governance*, Mike Wright et al. eds., Oxford University Press, 2013, p. 46.

106. Hsieh Y.-Y., Vergne J.-Ph., Wang Sh. The Internal and External Governance of Blockchain-Based Organizations: Evidence from Cryptocurrencies, in *Bitcoin and Beyond: Blockchains and Global Governance*, Malcolm Campbell-Verduyn ed., RIPE/Routledge Series in Global Political Economy, 2018.

107. Armour J. et al. What Is Corporate Law?, in *The Anatomy of Corporate Law*, 2017, pp. 1–28. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198739630.003.0001

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

108. Hansmann H., Kraakman R., Squire R. Law and the Rise of the Firm, *Harvard Law Review*, 2006, Vol. 119, No. 5, pp. 1333–1403.

109. Hansmann H., Kraakman R. The Essential Role of Organizational Law, *The Yale Law Journal*, 2000, Vol. 110, No. 3, p. 387, 390.

110. Rodrigues U. R. Law and the Blockchain, *Iowa Law Review*, 2019, Vol. 104, p. 679.

111. Bainbridge S. M. *Corporate Governance After the Financial Crisis*, Oxford University Press, 2012.

112. Bainbridge S. M. Director Primacy: The Means and Ends of Corporate Governance, *Northwestern University Law Review*, 2003, Vol. 97, No. 2, p. 547.

113. Chandler Jr. A. D. *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1977, Pp. xvi + 608.

114. Blair M. M., Stout L. A. Trust, Trustworthiness, and the Behavioral Foundations of Corporate Law, *University of Pennsylvania Law Review*, 2001, Vol. 149, p. 1735.

115. Zohar Goshen &Richard Squire, Principal Costs: A New Theory for Corporate Law and Governance, *Columbia Law Review*, 2017, Vol. 117, pp. 767–829.

116. Blair M. M., Lynn A. Stout, A Team Production Theory of Corporate Law, *Virginia Law Review*, Vol. 85, No. 2, 1999, p. 247.

117. Easterbrook F. H., Fischel D. R. The Corporate Contract, *Columbia Law Review*, 1989, Vol. 89, 1416–1448.

118. Ulen Th. S. The Coasean Firm in Law and Economics, *J. Corporation Law*, 1993, Vol. 18, p. 301, 318–328.

119. Stout L. The Economic Nature of the Corporation, in *The Oxford Handbook of Law and Economics: Private and Commercial Law*, Francesco Parisi ed., 2017, 337.

120. Butler H. N. The Contractual Theory of the Corporation, *George Mason University Law Review*, 1989, Vol. 11, No. 4, pp. 99–123.

121. Arrow K. J. *The Limits of Organization*, New York: W.W. Norton, 1974, 86 p.

122. Williamson O. E. The Theory of the Firm as Governance Structure: From Choice to Contract, Journal of Economic Perspectives, 2002, Vol. 16, pp. 171–195.

123. Reyes C. L. Moving Beyond Bitcoin to an Endogenous Theory of Decentralized Ledger Technology Regulation: An Initial Proposal, *Villanova Law Review*, 2016, Vol. 61, Iss. 1, pp. 191.

124. Pye A. Boards and Governance: 25 Years of Qualitative Research with Directors of FTSE Companies, in *The Oxford Handbook of Corporate Governance*, Mike Wright et al. eds., Oxford University Press, 2013.

125. Aguilera R. V. et al. Regulation and Comparative Corporate Governance, in *The Oxford Handbook of Corporate Governance*, Mike Wright et al. eds. Oxford University Press, 2013.

126. de Fontenay E. Private Equity Firms as Gatekeepers, *Rev. Banking & Fin. L.*, 2013, Vol. 136, p. 115.

127. Frankel T. Fiduciary Duties as Default Rules, *Or. L. Rev.*, 1995, Vol. 74, p. 1209.

128. Velasco J. Delimiting Fiduciary Status, in *Research Handbook on Fiduciary Law*, D. G. Smith, A. S. Gold eds., MA, Edward Elgar Publishing, 2018, pp. xviii + 448.

129. Miller P. B. A Theory of Fiduciary Liability, *McGill Law Journal*, 2011, Vol. 56, No. 2, p. 235.

130. Lee J. A. Blockchain Technology and Legal Implications of 'Crypto 2.0,' *Bloomberg BNA Banking Report*, Mar. 31, 2015, 13 p.

131. Frankel T. Fiduciary Law, *California Law Review*, 1983, No. 71, p. 795.

132. Langbein J. H. The Secret Life of the Trust: The Trust as an Instrument of Commerce, *Yale Law Journal*, 1997, Vol. 107, p. 165.

133. Smith D. G., Gold A. S. Introduction to the *Research Handbook on Fiduciary Law*, MA, Edward Elgar Publishing, 2018, xviii + 448 p.

134. Bruner Ch. M. Opting Out of Fiduciary Duties and Liabilities in U.S. and U.K. Business Entities, in *Research Handbook on Fiduciary Law*, MA, Edward Elgar Publishing, 2018, xviii + 448 p.

135. Rozenshtein A. Z. Surveillance Intermediaries, *Stanford Law Review*, 2018, Vol. 70, p. 99.

136. Frankel T. The Delaware Business Trust Act Failure as the New Corporate Law, *Cardozo L. Rev.*, 2001, Vol. 23, p. 325.

137. Choi B. H. Crashworthy Code, *Washington Law Review*, 2019, Vol. 94, p. 39.

138. Choi B. H. Software as a Profession, *Harvard Journal of Law & Technology*, 2020, Vol. 33, pp. 557–638.

139. Bruner Ch. M. Is the Corporate Director's Duty of Care a 'Fiduciary' Duty?: Does it Matter?, *Wake Forest Law Review*, 2013, Vol. 48, p. 1027.

140. Smith D. G., Williams C. A. *Business Organizations: Cases, Problems, and Case Studies*, 3d ed., Wolters Kluwer, 2012, p. 362.

141. Kim S. H. Fiduciary Law's Anti-corruption Norm, in *Research Handbook on Fiduciary Law*, Edward Elgar Publishing Ltd, 2017.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

142. Smith L. Fiduciary Relationships: Ensuring the Loyal Exercise of Judgement on Behalf of Another, *Law Quarterly Review*, 2014, Vol. 130, pp. 608–634.

143. De N., Kim Ch. Coinbase Suspends Ethereum Classic After Blockchain History Rewrites, *CoinDesk*, Jan. 7, 2019, available at: https://www.coindesk.com/coinbase-suspends-ethereum-classic-after-blockchain-history-rewrites

144. Antonopoulos A. M., Wood G. *Mastering Ethereum: Building Smart Contracts and DApps*, 2019.

145. Babayan D. Only 16% of Ethereum Nodes Upgrade Before Hard Fork, It's a Nonissue, *News BTC*, Jan. 15, 2019, available at: https://www.newsbtc.com/2019/01/15/only-16-of-ethereum-nodes-upgraded-before-hard-fork-its-a-nonissue/

146. Dalton M. Bitcoin Cash Hard Fork: What You Need to Know, *UNHASHED*, Nov. 26, 2018, available at: https://unhashed.com/cryptocurrency-news/bitcoin-cash-hard-fork-what-you-need-to- know/

147. Kuhrt T. Hyperledger Code of Conduct, *Hyperledger*, Jan. 22, 2019, available at: https://wiki.hyperledger.org/community/hyperledger-project-code-of-conduct

148. Sjostrom Jr. W. K. *Business Organizations: A Transactional Approach*, 2d ed., Wolter Kluwer, 2016.

149. Rosenberg J., Lewis-Reisen A. Controlling-Shareholder Related-Party Transactions Under Delaware Law, *Harvard Law School Forum on Corporative Governance*, Aug. 30, 2017, available at: https://corpgov.law.harvard.edu/2017/08/30/controlling-shareholder-related-party-transactions-under-delaware-law/

150. Bainbridge S. M. Corporate Lawyers as Gatekeepers, *UCLA School of Law Journal of Scholarly Perspectives*, 2012, Vol. 5.

151. Coffee Jr. J. C. Gatekeeper Failure and Reform: The Challenge of Fashioning Relevant Reforms, *Boston University Law Review*, 2004, Vol. 84, p. 301.

152. Coffee Jr. J. C. Understanding Enron: "It's About the Gatekeepers, Stupid", *Bus. Law*, 2002, Vol. 57, p. 1403.

153. Gilson R. J., Kraakman R. H. The Mechanisms of Market Efficiency, *Virginia Law Review*, 1984, Vol. 70, p. 549.

154. Jentzsch Ch. The History of the DAO and Lessons Learned, *Medium: slock.it Blog*, Aug. 24, 2016, available at: https://blog.slock.it/the-history-of-the-dao-and-lessons-learned-d06740f8cfa5

155. Chairman C. J. Opening Remarks at the Securities Regulation Institute, *U.S. Sec. &Exch. Comm'n*, in Washington, D.C., Jan. 22, 2018, available at: https://www.sec.gov/news/speech/speech-clayton-012218

156. del Castillo M. The Hard Fork: What's About to Happen to Ethereum and the DAO, *CoinDesk*, July 24, 2016, available at: https://www.coindesk.com/hard-fork-ethereum-dao

157. del Castillo M. Ethereum Executes Blockchain Hard Fork to Return DAO Funds, *CoinDesk*, July 20, 2016, available at: https://www.coindesk.com/ethereum-executes-blockchain-hard-fork-return-dao-investor-funds

158. Laby A. B. Differentiating Gatekeepers, *Brooklyn Journal of Corporate, Financial & Commercial Law*, 2006, Vol. 1, Iss. 1, p. 119.

159. Hamdani A. Gatekeeper Liability, *S. Cal. Law Review*, 2003, Vol. 77, p. 53.

160. Partnoy F. Barbarians at the Gatekeepers?: A Proposal for a Modified Strict Liability Regime, *Washington University Law Quarterly*, 2001, Vol. 79, p. 491.

161. Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation, *Virginia Journal of International Law*, 2003, Vol. 43, p. 605.

162. Wright A., De Filippi P. *Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia*, Mar. 12, 2015 (неопубликованная рукопись), available at: http://ssrn.com/abstract=2580664

163. Lessig L. Code Is Law: On Liberty in Cyberspace, *Harvard Magazine*, Jan. 1, 2000, available at: http://harvardmagazine.com/2000/01/code-is-law-html

164. Lessig L. Commentary, The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach, *Harvard Law Review*, 1999, Vol. 113, p. 501.

165. Torpey K. Does BIP 75 Really Threaten Bitcoin's Fungibility?, *Bitcoin Magazine*, June 30, 2016, available at: https://bitcoinmagazine.com/articles/does-bip-really-threaten-bitcoin-s-fungibility-1467302909

166. Reyes C. L. (Un)Corporate Crypto-Governance, *Fordham Law Review*, 2020, Vol. 88, No. 5, pp. 1875–1922.

Дата поступления / Received 01.02.2021
Дата принятия в печать / Accepted 02.03.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Рейес К. Л., 2021. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru) 25.03.2021
© Reyes C. L., 2021

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ / REVIEWS OF CONFERENCES

УДК 001.2:001.89:004:30:33(048.8) **DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.174-186**

Обзорная статья

Е. Ю. БАЖЕНОВА[1]

[1] *Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

ИНТЕЛЛЕКТ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ЦИФРОВИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ОБЗОР ПЯТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ – 2020»

Баженова Елена Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Адрес: г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 304, тел.: +7 (863) 218-40-49
E-mail: ebazhenova@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-8253-5073
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/S-2087-2016
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3517-0330, AuthorID: 170037

Цель: ознакомление широкого круга читателей журнала с результатами работы конференции «Междисциплинарность-2020» и новыми идеями и результатами исследований, представленными в докладах российских и зарубежных ученых, сфокусированных на проблеме интеллекта в цифровом мире.
Методы: системный подход к познанию социальных явлений определил следующие методы исследования: анализ, синтез, сравнение, структурно-функциональный, контент-анализ.
Результаты: описано содержание основных докладов, прозвучавших на международном научном мероприятии (Г. Б. Клейнера, Д. В. Ушакова, Р. М. Нуреева, Е. В. Балацкого, С. Г. Кирдиной-Чэндлер и других ученых), в которых анализируются различные аспекты функционирования и развития интеллекта в цифровом мире, типы и уровни интеллекта, влияние на социально-экономические процессы. Докладчики представили различные взгляды на процессы цифровой трансформации экономики и общества, в том числе анализировались основные риски реализации цифрового проекта в России с точки зрения его влияния на экономический рост в контексте глобальных мировых политико-экономических трендов. Сформулирован тезис о неизбежности перехода к новому типу экономики – интеллектуальной экономике, в которой знания выступают предметом, а интеллект – средством труда. Докладчики с междисциплинарных позиций выделили ряд актуальных фундаментальных научных проблем, требующих своего решения: создание институтов интеллектуальной экономики; изменение правовой среды, формирование правовой системы, обеспечивающей функционирование интеллектуализированных социотехнических систем. Рассмотрен комплекс проблем и задач в сфере высшего образования по формированию интеллектуальных компетенций для цифрового мира, дана оценка роли и позиции университетов в современном мире.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Научная новизна: междисциплинарность – одна из современных актуальных тенденций развития научного знания о человеке, природе и обществе – нацелена на преодоление фрагментарности дисциплинарного знания для обеспечения эффективности, системности и гармоничности социального управления и проектирования. Новизна обсуждавшихся на конференции проблем задавалась специальным фокусом – «Интеллект в цифровом мире: влияние, управление, развитие». Интеллект рассматривается в роли основного средства достижения общественных целей как на макро-, так и мезо- и микросоциальных уровнях. Представленные в статье доклады ориентированы на всесторонний анализ ключевых факторов социально-экономического и гуманитарного развития, важнейшими из которых сегодня выступают знания и интеллект. Научная новизна обсуждаемых проблем заключается в совокупности объекта, предмета и методов исследований: комплексном анализе интеллекта в современном цифровом мире, расширении смыслового наполнения этого понятия, анализе феноменов переплетения различных видов интеллекта (естественного, искусственного, социального), на базе междисциплинарного подхода, объединении усилий экономистов, социологов, лингвистов, философов, юристов, историков, а также представителей технических отраслей знания.

Практическая значимость: основные положения и выводы обзора могут быть использованы в научной и образовательной деятельности для повышения уровня и качества информационного взаимодействия при реализации междисциплинарных практик академического сообщества, для выявления и распространения лучших практик междисциплинарных исследований, а также для совершенствования управления и планирования инновационной деятельности академических организаций, оценивания и экспертизы научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: междисциплинарность; интеллект; цифровой мир; цифровая экономика; университет; академический мир

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Баженова Е. Ю. Интеллект и интеллектуальные практики в цифровизирующемся мире: обзор Пятой международной научной конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2020» // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 174–186. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.174-186

Review

E. YU. BAZHENOVA[1]

[1] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

INTELLECT AND INTELLECTUAL PRACTICES IN THE DIGITALIZED WORLD: REVIEW OF THE 5TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “INTERDISCIPLINARITY IN THE MODERN SOCIAL-HUMANITARIAN KNOWLEDGE – 2020”

Elena Yu. Bazhenova, PhD (Economics), Associate Professor,
Southern Federal University
Address: 160 Pushkinskaya Str., office 304, Rostov-on-Don, tel.: +7 (863) 218-40-49
E-mail: ebazhenova@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-8253-5073
Web of Science Researcher ID: http://www.researcherid.com/rid/S-2087-2016
eLIBRARY ID: SPIN-code: 3517-0330, AuthorID: 170037

Objective: to familiarize a wide range of the Journal readers with the results of the “Interdisciplinarity-2020” conference and the new ideas and research results presented in the reports of Russian and foreign scientists focused on the problem of intelligence in the digital world.

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

Methods: a systematic approach to the cognition of social phenomena has determined the use of the following research methods: analysis, synthesis, comparison, structural and functional methods, content analysis.
Results: the content of the main reports presented at the international scientific event is described (by G. B. Kleiner, D. V. Ushakov, R. M. Nureyev, E. V. Balatsky, S. G. Kirdina-Chandler and other researchers), which analyze various aspects of the functioning and development of intelligence in the digital world, the types and levels of intelligence, and the impact on socio-economic processes. The speakers presented various views on the processes of digital transformation of the economy and society, including the analysis of the main risks of implementing a digital project in Russia in terms of its impact on economic growth in the context of global political and economic trends. The thesis is formulated about the inevitability of the transition to a new type of economy – the intellectual economy, in which knowledge is the subject, and intelligence is the means of labor. Speakers from interdisciplinary positions hightlighted a number of urgent fundamental scientific problems that need to be solved: the creation of intellectual economy institutions; the change of the legal environment; the formation of a legal system that ensures the functioning of intellectualized sociotechnical systems. The complex of problems and tasks in the field of higher education aimed at the formation of intellectual competencies for the digital world is considered, the role and position of universities in the modern world are assessed.
Scientific novelty: interdisciplinarity as one of the current trends in the development of scientific knowledge about man, nature and society is aimed at overcoming the fragmentation of disciplinary knowledge to ensure the effectiveness, consistency and harmony of social management and design. The novelty of the problems discussed at the conference was due to a special focus – "Intelligence in the digital world: influence, management, development". Intelligence is considered as the main means of achieving social goals at both macro-, meso- and microsocial levels. The reports presented in the article are focused on a comprehensive analysis of the key factors of socio-economic and humanitarian development, the most important of which today are knowledge and intelligence. The scientific novelty of the discussed problems lies in the totality of the object, subject and research methods: a comprehensive analysis of intelligence in the modern digital world; expansion of the semantic content of this concept; the analysis of the phenomena of various types of intelligence interweaving (natural, artificial, social), based on an interdisciplinary approach; and uniting the efforts of economists, sociologists, linguists, philosophers, lawyers, historians, as well as representatives of technical branches of knowledge.
Practical significance: the main provisions and conclusions of the review can be used in scientific and educational activities to improve the level and quality of information interaction when implementing interdisciplinary practices of the academic community, to identify and disseminate the best practices of interdisciplinary research, as well as to improve the management and planning of innovation activities of academic organizations, evaluation and expertise of research activities.

Keywords: Interdisciplinarity; Intelligence; Digital world; Digital economy; University; Academic world

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Bazhenova E. Yu. Intellect and intellectual practices in the digitalized world: review of the 5th International scientific conference "Interdisciplinarity in the modern social-humanitarian knowledge – 2020", *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 1, pp. 174–186 (in Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.174-186

Введение

19–21 ноября 2020 г. в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону) прошла Пятая ежегодная международная научная конференция «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2020» со специальным фокусом года «Интеллект в цифровом мире: влияние, управление, развитие».

Междисциплинарность – одна из современных актуальных тенденций развития научного знания о человеке, природе и обществе [1]. «*Особое внимание к междисциплинарным исследованиям – это уже не только академическая мода, но сложившийся общенаучный (и образовательный) тренд*» [1, с. 6]. Потребность в междисциплинарности признается представителями различных дисциплинарных направлений современной науки [2–4]. Междисциплинарность нацелена на преодоление фрагментарности дисциплинарного знания и должна способствовать целостному восприятию реальности, созданию научного фунда-

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

мента для обеспечения эффективности, системности и гармоничности социального управления и проектирования [5]. Это возможно при условии существования четко определенных границ междисциплинарности, сформулированных и принятых критериев выделения и оценивания междисциплинарных исследований, которые в том числе зависят и от реализуемого в том или ином проекте типа междисциплинарности [6].

Особую роль междисциплинарность приобретает в условиях усложнения экономических отношений и общественной жизни в целом [7]. В этой связи особую роль играют исследования, направленные на всесторонний анализ ключевых факторов социально-экономического и гуманитарного развития [8]. К таковым относятся в первую очередь знания и интеллект [9]. При этом именно интеллект выступает в роли основного средства достижения общественных целей как на макро-, так и мезо- и микросоциальных уровнях [10, 11].

Фокусировка на проблематике, связанной с интеллектом в цифровом мире, естественным образом вытекала из тематики конференции предыдущих лет [12–15], и прежде всего конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2019», поддержанной грантом РФФИ (проект 19-010-20125). Конференция «Междисциплинарность-2019» была сфокусирована на обсуждении с междисциплинарных позиций проблем знания, его роли в общественном развитии в период цифровых трансформаций. Поднятые на конференции проблемы, сделанные доклады позволили сформировать в общем контуре междисциплинарности актуальный фокус года 2020-го – «Интеллект в цифровом мире: влияние, управление, развитие».

Наиболее актуальными направлениями для междисциплинарного обсуждения проблем интеллекта в цифровом мире, по мнению организаторов конференции, явились следующие.

Во-первых, это влияние интеллекта в широком смысле на жизнь общества, включая его (общества), структурную, институциональную и процессную компоненты.

Во-вторых, возможности управления индивидуальным, групповым и общесистемным интеллектом в целях активизации социального и экономического развития, создания благоприятной среды для взаимодействия различных видов интеллекта.

В-третьих, развитие интеллекта во всех его компонентах и локализациях, повышение его уровня и формирование такого его качества, которое адекватно текущему и будущему цифровому обществу.

Именно эти аспекты и заложили основу для формирования базовой проблематики конференции. Однако в дальнейшем участниками конференции это пространство интеллектуального поиска было существенно расширено.

Комплексный анализ интеллекта предполагает существенное расширение смыслового наполнения этого понятия. В современном социуме, в экономике интеллект человека тесно взаимодействует с техническими и социотехническими интеллектуальными системами на бытовом уровне («умный дом»), на микросоциальном уровне («умная организация», «умное предприятие»), на мезоуровне («умный город») и на макроуровне («умное государство»). В итоге естественный интеллект переплетается с искусственным и социальным интеллектами, а его исследование требует междисциплинарного подхода. Как подчеркнул академик Д. В. Ушаков: «*В целом искусственный интеллект вызывает к жизни силы, для обуздания которых и направления на благо человечества необходима мощная социогуманитарная проработка*» [2, с. 377]. Такого рода масштабные междисциплинарные исследования ни в России, ни за рубежом не проводились. Именно поэтому одной из основных задач конференции «Междисциплинарность-2020» явилась задача объединения усилий экономистов, социологов, лингвистов, философов, юристов, историков, а также представителей технических отраслей знания для исследований в данной сфере.

Предлагаемый читателю краткий обзор конференции «Междисциплинарность-2020» не может в полной мере отразить всего разнообразия подходов, высказанных идей, поднятых учеными, экспертами актуальных проблем быстро меняющейся социальной реальности, явлений, которые обнаруживаются в связи с динамичным развитием цифрового общества, с появлением и активным внедрением в нашу жизнь искусственного интеллекта, перспектив, связанных с развитием интеллекта естественного, специфики взаимовлияния искусственного и естественного интеллекта и т. п. Ориентируясь на профессиональные интересы читательской аудитории журнала, мы остановимся главным образом на тех пленарных до-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

кладах и результатах тех мероприятий конференции, которые так или иначе затрагивают с междисциплинарных позиций экономические и правовые аспекты интеллекта в новой цифровой реальности. При этом мы никоим образом не умаляем те доклады, которым на страницах данного обзора не будет уделено должного внимания, а их авторам заочно приносим свои извинения. Интересующийся читатель всегда может обратиться к первоисточнику – все материалы в текстовом формате, в форме презентаций, а также видеозаписи всех выступлений пленарных докладчиков, включая заключительное подведение итогов размещены на сайте конференции: http://msgi.sfedu.ru/2020/conference2020_ru.

Тематика пленарных сессий и поднимавшиеся в докладах проблемы: экономический аспект

Пленарная часть конференции традиционно делится на несколько тематических сессий продолжительностью до полутора часов, в рамках каждой из которых обсуждению подлежат не более трех докладов, формирующих тематическое дискуссионное пространство. Как правило, сессии имеют междисциплинарный характер, сформированы из представителей разных дисциплин социогуманитарного знания. Определяющим при формировании состава сессии является очерченный круг обсуждаемых актуальных тем. На конференции «Междисциплинарность-2020» за полтора дня работы было проведено шесть тематических сессий и обсуждено в их рамках пятнадцать пленарных докладов представителей Российской академии наук и ведущих университетов. Попытаемся кратко представить основные обсужденные проблемы и высказанные в ходе пленарных выступлений идеи.

Сессия 1. «Интеллект: системный взгляд». В докладе «*Интеллектуальные системы и системный интеллект в цифровизированном мире*» чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнер (ЦЭМИ РАН, г. Москва, Россия) предложил концепцию роли интеллекта в социально-экономических процессах в период цифровизации. Докладчик подчеркнул, что развитие цифровизации подводит общество к стадии интеллектуальной экономики, т. е. экономики, в которой главным ресурсом становится интеллект [10]. Последний рассматривается как способность человека, группы, общества, технической системы и т. п. к выявлению, постановке, анализу и решению социально-экономических проблем при системном учете соответствующих экстерналий в экономическом пространстве-времени. Автор предложил сформулировать понятие системного интеллекта, основная задача которого, по мнению докладчика, – преодоление сингулярности во времени и пространстве. Важной частью интеллектуальной экономики, которая ранее не являлась объектом активного изучения, является «экономика незнания» [16]. Ситуация незнания, будучи осознанной, играет роль триггера, толчка к развитию. Осознание незнания позволяет инициировать процесс поиска решения и дальнейшего продвижения к успеху. При этом интеллект системы осуществляет: а) осознание и идентификацию незнания; б) переход от незнания к знанию. Докладчик предложил авторскую типологию интеллекта, выделил особенности интеллектов участников деятельности предприятия, включил интеллект в число ведущих стратегических факторов и результатов деятельности социально-экономической системы и обозначил дальнейшие задачи исследований в этой области: стратегическое планирование производства и воспроизводства интеллектуального ресурса системы; оптимизация распределения интеллекта по уровням управления системой; типология интеллекта в зависимости от характера задач.

Доклад академика РАН, директора Института психологии РАН Д. В. Ушакова (г. Москва, Россия) «*Интеллект: от психологии к экономике*» был посвящен особенностям проявления интеллекта в экономической сфере. Рассмотрев различные модели понимания и оценивания интеллекта, существующие в психологии, докладчик сконцентрировался на моделях выявления корреляции между интеллектом и результатами экономической деятельности для различных объектов: от индивидов до регионов и стран. В докладе были представлены авторские расчеты и модели, объясняющие выявленную разными исследователями сильную корреляционную связь между интеллектом, средним в стране, и среднедушевым ВВП. С одной стороны, экономика основывается на постановке и решении задач. Люди, в частности бизнесмены, которые более успешны в решении этих задач, достигают больших экономических результатов [17]. Индивидуальная связь значений интеллекта с экономическими достижениями объясняется логически и подтверждается авторской расчетной моделью довольно просто [18]. Докладчик подчеркнул, что существует очень важная

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

сторона вопроса – понятие коллективного интеллекта, когда успешность решения задач не очень хорошо предсказывается ни суммой интеллектов, ни средним, ни максимальным, ни минимальным, а тем, как именно люди взаимодействуют между собой. В сфере экономических взаимодействий коллективный интеллект дополняется проблемой социальных институтов. В заключение спикер предложил использовать понятие «интеллектуальные институты», т. е. такие институты, которые обеспечивают высокоинтеллектуальное функционирование групп людей.

Сессия 2. «Интеллект искусственный и естественный в цифровизированном мире». В рамках данной сессии выступили профессор В. Е. Лепский (Институт философии РАН, г. Москва, Россия) с докладом «*Принцип двойного субъекта в организации взаимодействия и интеграции естественного и искусственного интеллекта*», профессор А. М. Старостин (РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия) с докладом «*Концепция множественного интеллекта и ее репрезентация в цифровом мире*» и профессор В. С. Вахштайн (РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия) с докладом «К социологии искусственного интеллекта: делегирование и авторизация», в котором выявил возможные последствия активного применения искусственного интеллекта в различных сферах социальной жизни.

Сессия 3. «Интеллект, образование, университеты». Были представлены три доклада. Профессор Р. М. Нуреев (Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия) в своем докладе подробно остановился на анализе плюсов и минусов осуществлявшейся неолиберальной политики в отношении российского высшего образования. Доклад явился продолжением темы, начатой в 2017 г. и развиваемой профессором Р. М. Нуреевым на протяжении последующих четырех лет: «Исторические этапы развития университетов» (2017), «Университеты третьего поколения» (2018), «Ведущие университеты США и Европы» (2019). Говоря в 2017 г. о трех этапах развития университетов, Р. М. Нуреев остановился на базовых отличиях трех типов университетов: средневековых, университетов нового времени («гумбольдтовский» университет) и современных [19]. Эти три типа университетов, по мнению докладчика, отличаются по ряду параметров, одним из ключевых из которых является цель деятельности университета. Так, средневековые университеты возникли как универсальные образовательные структуры, целью которых было дать универсальное образование; университеты второго поколения («гумбольдтовский» университет) имели целью, помимо предоставления образования, формирования фундаментальных знаний, обязательно и развитие научных исследований, в этот период возникают факультеты, а на смену универсальному знанию и образованию приходит монодисциплинарная подготовка. Сегодня мы живем в период становления и развития университетов третьего поколения, когда наряду с финансированием фундаментальных исследований со стороны государства все большее значение приобретают прикладные исследования, университеты обрастают стартапами, а извлечение экономической выгоды из своей деятельности становится третьей целью университетов, на смену монодисциплинарности приходит трансдисциплинарность, а элитарность образования сочетается с его массовостью. При этом для университетов третьего поколения характерно отсутствие прямого государственного финансирования и вмешательства государства в управление университетами. Именно понимание существа модели университетов третьего поколения может дать ключ к пониманию тех процессов, которые идут сегодня в системе высшего образования России, и оценке их результатов.

В России неолиберальная политика начала проводиться в 1980-х гг. и была, прежде всего, связана с импортом институтов и механизмов регулирования высшего образования, таких как предпринимательский университет, управление, основанное на показателях эффективности (*KPI*); коммерциализация научных результатов, ЕГЭ, уровневая и модульная система образования и оптимизация штатов профессорско-преподавательского состава. Большую роль в распространении новых идей сыграли интеллектуальные элиты, транслирующие теоретические концепции социальных наук. В период российских реформ 1990-х гг. они охватили не только политическую, но и научную и культурную сферы. Спикер подчеркнул, что перестройка системы советского высшего образования происходила довольно болезненно, при этом речь не только о перестройке основных ступеней высшего образования, но и всей системы организации российского образования. Р. М. Нуреев подчеркнул, что под предлогом повышения эффективности в ходе

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

неолиберальных реформ были закрыты или присоединены десятки вузов и научных организаций, что привело к абсолютному и относительному сокращению обеспеченности образованием российских граждан. Свою точку зрения выступавший подкреплял статистическими данными: если в 2010–2011 гг. на каждые 100 тыс. человек приходилось 1 009 бакалавров, магистров и специалистов, то в 2016–2017 гг. – только 660. Для сравнения в США за аналогичный период количество бакалавров и магистров выросло с 785 до 848 человек на каждые 100 тыс. человек. Автор убедительно показал, что стремление повысить производительность труда преподавателей и научных работников привело к широкому распространению контрактов в социальной сфере. Однако на практике реализация неолиберального проекта в образовании привела к усилению административного гнета и широкому развитию процессов бюрократизации в российских вузах.

В докладе профессора Е. В. Балацкого (Финансовый университет при Правительстве РФ, ЦЭМИ РАН, г. Москва, Россия) и вед. науч. сотр. Н. А. Екимовой (Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия) были представлены результаты исследования «*“Перемещение” университетов мирового класса в зеркале международных рейтингов*». Стоит отметить, что выступления профессора Е. В. Балацкого, как и предыдущего спикера, стали традиционными на площадке конференции по междисциплинарности и сформировали ее своеобразную традиционную рубрику, исследовательскую панель, посвященную университетам как базовым институциям современного междициплинарного знания. Доклад профессора Е. В. Балацкого – это продолжение совместных с Н. А. Екимовой исследований международных сравнений университетов, их динамики на основе разработанной авторами методики рейтингования [20–22].

В докладе были рассмотрены сдвиги в географическом распределении университетов мирового класса за XXI в. Основой для расчетов выступили многочисленные глобальные рейтинги университетов, что позволило получить более объективную картину. Анализ показал, что университеты США на протяжении последних 20 лет теряли свои позиции в топ-листах рейтингов. Тем самым мировые интеллектуальные ресурсы, сосредоточенные в передовых университетах, дрейфовали в сторону Европы и Азии. Сделан прогноз на последующие 10 лет в отношении географической структуры рынка университетов мирового класса. В докладе были представлены результаты двух волн идентификации университетов мирового класса за 2017 и 2019 гг., которые позволили авторам дать геополитическую «фотографию» рынка передовых университетов мира. Идентификация университетов мирового класса осуществлена на основе авторского алгоритма, который предполагает учет места вуза в глобальных рейтингах университетов и в предметных рейтингах. Докладчик показал, что объединенная Европа вырывается в лидеры, тогда как Азия и США ухудшили свои позиции. В основе успеха разных государств по построению глобальных университетов, как подчеркнул спикер, лежат экономические и культурные предпосылки. В качестве экономической предпосылки автор называет факт наличия в стране глобальных высокотехнологичных компаний, число и сила которых определяют число и силу создаваемых университетов мирового класса. В качестве культурной предпосылки докладчиком рассматривается широкое распространение «философии сотрудничества», которая предполагает интенсивный обмен опытом между университетами как внутри страны, так и между странами посредством создания многочисленных форм коллаборации – международных лиг и союзов, региональных консорциумов и групп, профессиональных ассоциаций и альянсов.

Наконец, третьим докладом, представленным в данной сессии, был доклад профессора А. Г. Бермуса (ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия) «*Проектирование открытого научно-образовательного сообщества как фактор развития педагогического образования*», который был посвящен актуальной проблеме переосмысления основных подходов к развитию важнейшей подсистемы высшего образования – педагогическому образованию.

Сессия 4. «Интеллект и междисциплинарные практики». Профессор Й. Скала (независимый исследователь, г. Прага, Чешская Республика) в докладе *«О междисциплинарном сотрудничестве в науке, об экономических интересах и политической власти»* обосновывал тезис о том, что продуктивное междисциплинарное сотрудничество обусловлено, прежде всего, участием всех соответствующих научно-исследовательских отраслей, а также равными правами

Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1
Actual Problems of Economics and Law, 2021, Vol. 15, No. 1
ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

при рассмотрении каждой серьезной парадигмы и аналитического подхода. От соблюдения второй из этих предпосылок также зависит адекватное включение в исследования всех дисциплин, без которых познание остается неполным или деформированным, а также адекватное определение роли и задач каждой из дисциплин. Решение этого вопроса всегда обусловлено текущей конфигурацией различных интересов и, прежде всего, характером политической и экономической власти, считает автор. Обращаясь к практике управления научными исследованиями, имевшей место в последнее время в Чехии и других странах Евросоюза, докладчик подчеркнул, что фактическим запретам и ограничениям подвергаются не только общественные и гуманитарные дисциплины, но и большинство точных наук. «Дисциплинизация» науки также подкреплена детально разработанной системой «шантажа» при финансировании науки. Автор подчеркнул, что в большей степени это происходит по инициативе и путем прямого вмешательства брюссельской «еврократии» и других транснациональных центров. Это толкает науку, как сказал спикер, к недостойной «измене образованных». В докладе автор показал, как это конкретно проявляется и насколько еще больше это сможет сказаться на таких странах, как Чешская Республика.

Доклад профессора С. Г. Кордонского (НИУ «ВШЭ», г. Москва, Россия) «*Межпредметность исследований и взаимодополнительность научных онтологий*» носил выраженный методологический характер. Докладчик продемонстрировал матрицу формирования непредметных взаимоотношений разных научных дисциплин и возникновения в науке на разных уровнях этих взаимоотношений междисциплинарных связей и появления междисциплинарных полей и новых направлений научного знания, закрепляемого новыми научными дисциплинами.

Сессия 5. «Интеллект и социальная организация». Включала два доклада. Доклад *«Интеллект и знания»* известного энциклопедиста, участника интеллектуальных шоу, журналиста и публициста А. А. Вассермана (г. Москва, Россия) был посвящен выявлению взаимовлияний и определению границ интеллекта и знаний.

Профессор М. М. Соколов (Европейский университет, г. Санкт-Петербург, Россия) выступил с докладом «*Интеллект высших порядков и практическое чтение мыслей: как люди думают, что люди думают и какие следствия для социальной организации это имеет?*». Социальное взаимодействие, по определению, доставшемуся социологам от Вебера, представляет собой взаимодействие, ориентированное на смыслы, которые вкладывают в определенные акты другие люди. Однако практически то, как люди справляются с подобными задачами, изучалось почти исключительно за пределами социологии (в возрастной и эволюционной психологии, в рамках поведенческой теории игр и т. д.). В докладе были представлены некоторые из результатов, полученные в обозначенных областях, с иллюстрациями из поставленных самим автором экспериментов.

Сессия 6. «Цифровой проект трансформации общества». В докладе «*Цифровой проект в России и мире как фактор экономического роста: анализ основных рисков*» профессор С. Г. Кирдина-Чэндлер (Институт экономики РАН, г. Москва, Россия) обратилась к внешним и внутренним аспектам, определяющим факторы и риски цифровизации государственного управления в России. Внешние аспекты, по мнению автора, связаны с реализацией цифровизации как глобального лоббистского проекта, а внутренние – со спецификой институциональной структуры России, где доминируют институты *X*-матрицы. Спикер рассмотрела три аспекта: цифровизация как глобальный проект для подталкивания экономического роста; цифровой проект в России и цифровизация государственного управления; *COVID*-19 и «цифровой форсаж». Основные идеи доклада можно выразить в виде следующих тезисов. Глобальный цифровой проект начат не Россией, она находится в ситуации «догоняющего развития» с вытекающими отсюда рисками. Основные внешние риски связаны с сохранением экономической независимости в ситуации монопольного контроля над первичным (КНР) и вторичным (США) уровнями цифровой инфраструктуры. Основные внутренние риски связаны с потенциальными конфликтами частных и государственных интересов основных экономических игроков. Национальный проект «Цифровая экономика» (2018) направлен на снижение этих рисков, что поддерживается «цифровым форсажем» во время пандемии *COVID*-19.

Профессор А. Ю. Мамычев (МГИМО, г. Москва, Россия) в докладе «*Междисциплинарные и постдисциплинарные стратегии исследования цифровой*

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

трансформации общества» сконцентрировался на правовых аспектах цифровизации общества и экономики. Профессор В. В. Сорокожердьев (г. Краснодар, Россия) в докладе «*Вирусный кризис: как изменит(ся) Россия и мир*» рассмотрел различные сценарии трансформации современного российского общества вследствие ограничений, введенных в связи с распространением *COVID*-19, выявил социальные и экономические последствия масочного режима, социального дистанцирования и активного внедрения цифровых технологий в систему образования и социально-трудовых отношений.

Мероприятия, партнеры, результаты

В рамках конференции работали разнообразные дискуссионные площадки (пять круглых столов), проводились тематические секционные заседания, работал Интеллектуальный клуб, были организованы мастер-классы.

На наш взгляд, наибольший интерес для читательской аудитории журнала «Актуальные проблемы экономики и права» представляют следующие работавшие круглые столы: «Право, цифра, интеллект: горизонт изменений», «Цифровая теневая экономика как новая реальность современного мира», «Тренды “зеленой” экономики в междисциплинарном разрезе». Так, в рамках круглого стола «Цифровая теневая экономика» участники дискуссии, не оспаривая актуальности этого нового феномена цифрового мира, искали ответ на вопрос о границах и идентификаторах этого сегмента цифровой экономики. Была сформулирована гипотеза наличия у данного феномена не только деструктивного, но и инновационного потенциала, а соответственно выдвинута проблема адекватной оценки данного феномена с точки зрения соотношения в нем деструкции и инновации [23, с. 140–152]. Были рассмотрены бизнес-экосистемы в цифровой экономике [24, с. 162–170], которые представляют общность компаний, их товаров и услуг, объединенных единой философией и брендом, а также высказана идея, что сама сложноорганизованная конструкция экосистемы в цифровом мире заключает в себе риск недобросовестных действий со стороны ее участников, образующих в некотором смысле теневую зону этой экосистемы. Одним из возможных способов минимизации такого рода рисков автор видит развитие процессов саморегулирования бизнес-экосистем.

На дискуссионной площадке, посвященной проблемам становления и развития «зеленой экономики», ее участники остановились на анализе трендов экологической политики РФ в экономическом и социальном аспектах (выступление Н. Г. Кузнецова, С. Г. Тяглова и Н. Д. Родионовой), на обсуждении способов и инструментов «зеленого» финансирования при внедрении экологических проектов в РФ (С. М. Никаноров), был представлен опыт экологизации развития зон с особым статусом (Л. Л. Божко) и др. [25, с. 190–216].

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает новая форма проведения дискуссии, успешно апробированная на конференции в 2020 г., – Интеллектуальный клуб «*Развитие интеллекта через разнообразие повседневных практик*». Одним из специально приглашенных гостей в рамках клуба выступил основатель и вице-президент группы компаний *Simple*, ведущий авторских курсов в НИУ «ВШЭ» и университете *Sant Anna* в г. Пиза (Италия) А. А. Корнеев. В своем выступлении он осветил многогранность и многоаспектность винодельческой отрасли хозяйства, а также показал ее влияние на развитие сопряженных производств интеллектуальных продуктов, в частности кинематографа. Особое внимание спикер уделил потенциалу российского виноделия и перспективам повышения его конкурентоспособности на мировых рынках.

В связи с введением Правительством РФ и властями российских регионов, а также зарубежными странами ограничительных мер с целью предотвращения угрозы распространения новой коронавирусной инфекции *COVID*-19 мероприятия конференции проводились в смешанном очно-дистанционном формате с соблюдением всех необходимых мер санитарной безопасности. Смешанная форма позволила принять участие в работе конференции большему числу желающих, в том числе молодым ученым, студентам и аспирантам. Однако дистанционный формат не может заменить живого непосредственного общения участников конференции, следствием чего является появление новых идей, формирование сообществ единомышленников – всего того, что присуще очному формату проведения научных мероприятий, всего того, что и создает неуловимую ценность этих событий научной жизни.

В полной мере обобщить все многообразие научных проблем и явлений социальной жизни цифрови-

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

зирующегося мира, выявленных и обсужденных на разнообразных площадках конференции в течение трех дней ее работы, – задача, полностью не решаемая. Тем не менее с определенной долей условности можно утверждать, что на конференции были рассмотрены следующие актуальные фундаментальные научные проблемы:

– проблемы и перспективы создания институтов интеллектуальной экономики как такого типа экономической системы, где знания выступают предметом, а интеллект – средством труда, включая физический, умственный и управленческий его виды;

– изменение правовой среды, формирование такой правовой системы, которая будет адекватна новой интеллектуальной экономике и цифровому обществу. При этом речь шла не только об интеллектуальной собственности как собственности на продукт интеллектуального труда, но и о правовом поле функционирования интеллектуализированных социотехнических систем;

– сложные проблемы, возникающие в сфере психологии взаимоотношения индивидов в цифровом мире, социальных групп, коллективов в ходе трансляции интеллектуальных благ и ценностей;

– целый комплекс проблем и задач в сфере образования, касающийся формирования интеллектуальных компетенций для успешной социализации и жизни в цифровом мире, в интеллектуальной экономической сфере, воспитания уважения к интеллекту, интеллектуальному труду, а также его носителям.

Интересно, что при обсуждении проблем образовательных и исследовательских практик, проблем влияния, развития и управления интеллектом и интеллекта в новой реальности и других явлений социальной жизни, подавляющее большинство выступлений так или иначе касались вопросов соотношения индивидуалистического и коллективистского начал в социальных практиках, включая научно-исследовательские и образовательные практики. При этом участники дискуссий склонялись к необходимости ухода от индивидуалистического подхода, многие докладчики акцентировали внимание на коллективных действиях, необходимости развивать и совершенствовать коллективные взаимодействия, рассматривая индивидуализацию, атомизацию общества как угрозу его существования в условиях становления цифрового мира.

Конференция проводилась в партнерстве с Отделением общественных наук РАН, Центральным экономико-математическим институтом РАН, Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, Российским психологическим обществом, Российским философским обществом, Российской академией образования. Официальными информационными партнерами конференции выступили ведущие научные журналы РФ: *Terra Economicus*, «Гуманитарий Юга России», «Журнал институциональных исследований», «Крымский научный вестник» «Российский психологический журнал», «Экономическая наука современной России», а также еженедельник науки и образования Юга России «Академия».

Результаты работы конференции могут быть использованы для повышения уровня и качества информационного взаимодействия при реализации междисциплинарных практик академического сообщества на национальном и международном уровне в эпоху становления цифрового общества, для выявления и распространения лучших практик междисциплинарных исследований и технологий повышения исследовательской продуктивности и эффективности, а также селекции и привлечения молодежи в науку. Результаты работы конференции обеспечили приращение научного знания о различных аспектах функционирования и развития интеллекта в цифровом мире, о перспективах перехода к новому типу экономики – интеллектуальной экономике.

Результаты работы Пятой международной научной конференции «Междисциплинарность-2020» представлены в форме изданного сборника научных трудов конференции в 3 томах (Т. 1. Пленарные доклады; Т. 2. Секционные доклады; Т. 3. Материалы дискуссий) с размещением в наукометрических базах данных [11]. Еще раз отметим, что полный комплект материалов конференции, включая электронные версии сборников, видеозаписи выступлений, презентации, интервью и прочие, размещен в свободном доступе с соблюдением авторских прав на официальном сайте Конференции-2020 по адресу: http://msgi.sfedu.ru/2020/conference2020_ru.

Заключение

Конференция «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании», ежегодно

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

проводимая в Южном федеральном университете при финансовой поддержке РФФИ, стала влиятельной площадкой обсуждения проблем междисциплинарности в социально-гуманитарном знании, а также значимым событием научной жизни центральной и южной России, прежде всего благодаря авторитетнейшим и признанным российским и иностранным ученым – спикерам конференции.

Список литературы

1. Кирдина-Чэндлер С. Г. Социология и междисциплинарные исследования: по следам одной рубрики // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 3–15. DOI: https://doi.org/10.31857/S013216250010672-2

2. Ушаков Д. В. Выступление члена-корреспондента РАН Д. В. Ушакова // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 4. С. 376–378. DOI: https://doi.org/10.31857/S0869-5873894376-378

3. Кирдина С. Г. Междисциплинарные исследования в экономике и социологии: проблемы методологии // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 60–75.

4. Кирдина С. Г., Клейнер Г. Б. Социальное прогнозирование как междисциплинарный проект // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 44–51.

5. Клейнер Г. Б. Междисциплинарность, системность, гармония – ориентиры развития социально-экономических исследований // Перспективы развития междисциплинарных социально-экономических и гуманитарных исследований: доклады и выступления участников круглого стола (24 июня 2015, Ростов-на-Дону), Южный федеральный университет / ред. Г. Б. Клейнер. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2015. С. 12–32.

6. Livet P. Promoting and Experimenting with Interdisciplinarity // Methods and Interdisciplinarity / ed. R. Waldeck. London, Hoboken: Wiley-ISTE, 2019. Pp. 1–23.

7. Перспективы развития междисциплинарных социально-экономических и гуманитарных исследований: доклады и выступления участников круглого стола (24 июня 2015, Ростов-на-Дону), Южный федеральный университет / ред. Г. Б. Клейнер. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2015.

8. Ушаков Д. В. Взаимодействие социогуманитарных наук и современное общество // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук Всероссийских научных конференций с международным участием / ред. А. Н. Савенков. Изд-во: Институт государства и права РАН, 2019. С. 237–259.

9. Клейнер Г. Б. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний // Экономическое возрождение России. 2020. № 1. С. 35–42.

10. Клейнер Г. Б. Интеллектуальная экономика цифрового века // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56, № 1. С. 18–33. DOI: https://doi.org/10.31857/S042473880008562-7

11. Клейнер Г. Б. Интеллектуальная теория фирмы // Вопросы экономики. 2021. № 1. DOI: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-73-97

12. Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 22–23 июня 2016 г.). Южный федеральный университет / ред. Е. Ю. Баженова. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016.

13. Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2017 (Академический мир в междисциплинарных практиках): материалы Второй ежегодной Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 22–24 июня 2017 г.): в 3 т. Южный федеральный университет / ред. Е. Ю. Баженова. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2017.

14. Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2018 (Академический мир и проблемы становления цифрового общества): материалы Третьей международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 20–22 сентября 2018 г.): в 3 т. Южный федеральный университет / ред. Е. Ю. Баженова. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2018.

15. Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2019 (Знания как цель, средство и катализатор общественного развития в цифровом мире): материалы Четвертой международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 20–22 июня 2019 г.): в 3 т. Южный федеральный университет / ред. Е. Ю. Баженова. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2019.

16. Клейнер Г. Б. Экономика незнания // Стратегическое планирование и развитие предприятия: материалы XXI Всероссийского симпозиума (г. Москва, 10–11 ноября 2020 г.). Секция 1 / ред. Г. Б. Клейнер. М.: ЦЭМИ РАН, 2020. С. 70–73.

17. Психологические факторы экономического поведения: системный взгляд / Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук, Д. В. Ушаков // Terra Economicus. 2018. Т. 16, № 1. С. 20–36. DOI: https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-1-20-36

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

18. Ушаков Д. В., Лобанов А. Г. Цена интеллекта: от психологических категорий к экономическим // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 15–30.

19. Нуреев Р. М. Российские университеты: вчера, сегодня и завтра // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2017 (Академический мир в междисциплинарных практиках): материалы Второй ежегодной Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 22–24 июня 2017 г.): в 3 т. Т. 1. Пленарные доклады, Южный федеральный университет / ред. Е. Ю. Баженова. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2017. С. 145–158.

20. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Конкуренция социально-экономических университетов России // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 10. С. 897–907. DOI: https://doi.org/10.31857/S086958730002146-8

21. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Опыт идентификации университетов мирового класса // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 1. С. 104–113. DOI: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-104-113

22. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Глобальная конкуренция университетов в зеркале международных рейтингов // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 8. С. 726–738. DOI: https://doi.org/10.31857/S0869587320080022

23. Теневая цифровая экономика / Г. Р. Бортэ, С. А. Охрименко, Н. В. Журавлев, Е. Ю. Баженова, С. В. Баженов // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2020 (Интеллект в цифровом мире: влияние, управление, развитие): материалы Пятой международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 19–21 ноября 2020 г.): в 3 т. Т. 3: Материалы дискуссий. Южный федеральный университет / ред. Е. Ю. Баженова. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. С. 140–152.

24. Кобылко А. А. Бизнес-экосистемы в цифровой экономике: этапы развития и саморегулирование // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2020 (Интеллект в цифровом мире: влияние, управление, развитие): материалы Пятой международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 19–21 ноября 2020 г.): в 3 т. Т. 3: Материалы дискуссий. Южный федеральный университет / ред. Е. Ю. Баженова. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. С. 162–170.

25. Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2020 (Интеллект в цифровом мире: влияние, управление, развитие): материалы Пятой международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 19–21 ноября 2020 г.): в 3 т. Южный федеральный университет. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

References

1. Kirdina-Chendler S. G. Sociology and Interdisciplinary Research: Skipping Pages of a Journal Section, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, No. 11, pp. 3–15 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.31857/S013216250010672-2

2. Ushakov D. V. Speech of corresponding member of RAS D. V. Ushakov, *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2019, Vol. 89, No. 4, pp. 376–378 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.31857/S0869-5873894376-378

3. Kirdina S. G. Interdisciplinary research in economics and sociology: methodological issues, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2014, No. 5, pp. 60–75 (in Russ.).

4. Kirdina-Chandler S.G., Kleiner G.B. Social forecasting as an interdisciplinary project, *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2016, No. 12, pp. 44–51 (in Russ.).

5. Kleiner G. B. Interdisciplinarity, systemacy, harmony – landmarks for social-economic research development, *Prospects of development of interdisciplinary social-economic and humanitarian research*, reports of the Round Table participants (June 24, 2015, Rostov-on-Don), Southern Federal University, ed. G. B. Kleiner, Rostov-on-Don, Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2015, pp. 12–32 (in Russ.).

6. Livet P. Promoting and Experimenting with Interdisciplinarity, *Methods and Interdisciplinarity*, ed. R. Waldeck, London, Hoboken, Wiley-ISTE, 2019, pp. 1–23.

7. *Prospects of development of interdisciplinary social-economic and humanitarian research*, reports of the Round Table participants (June 24, 2015, Rostov-on-Don), Southern Federal University, ed. G. B. Kleiner, Rostov-on-Don, Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2015 (in Russ.).

8. Ushakov D. V. Interaction of socio-humanitarian disciplines and the modern society. *Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of the humanity*, reports of the members of the Russian Academy of Sciences at All-Russia scientific conferences with international participation, ed. A. N. Savenkov, Institut gosudarstva i prava RAN, 2019, pp. 237–259 (in Russ.).

9. Kleiner G. B. Intellectual economy of the new age: post-knowledge economy, *The Economic Revival of Russia*, 2020, No. 1, pp. 35–42 (in Russ.).

10. Kleiner G. B. Intellectual economy of the digital age, *Economics and mathematical methods*, 2020, Vol. 56, No. 1, pp. 18–33 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.31857/S042473880008562-7

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

11. Kleiner G. B. Intelligence-based theory of the firm, *Voprosy ekonomiki*, 2021, No. 1. DOI: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-73-97

12. *Interdisciplinarity in the modern social-humanitarian knowledge*, works of the All-Russia scientific conference (Rostov-on-Don, June 22–23, 2016). Southern Federal University, ed. E. Yu. Bazhenova, Rostov-on-Don, Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2016 (in Russ.).

13. *Interdisciplinarity in the modern social-humanitarian knowledge – 2017 (Academic world in interdisciplinary practices)*, works of the 2nd annual All-Russia scientific conference (Rostov-on-Don, June 22–24, 2017): in 3 vol. Southern Federal University, ed. E. Yu. Bazhenova, Rostov-on-Don; Taganrog, Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2017 (in Russ.).

14. *Interdisciplinarity in the modern social-humanitarian knowledge – 2018 (Academic world and the issues of the digital society development)*, works of the 3rd International scientific conference (Rostov-on-Don, September 20–22, 2018): in 3 vol. Southern Federal University, ed. E. Yu. Bazhenova, Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2018 (in Russ.).

15. *Interdisciplinarity in the modern social-humanitarian knowledge – 2019 (Knowledge as the objective, means and catalyst of social development in the digital world)*, works of the 4th International scientific conference (Rostov-on-Don, June 20–22, 2019): in 3 vol. Southern Federal University, ed. E. Yu. Bazhenova, Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2019 (in Russ.).

16. Kleiner G. B. Economy of non-knowledge, *Strategic planning and development of an enterprise*, works of the 21st All-Russia symposium (Moscow, November 10–11, 2020). Section 1, ed. G. B. Kleiner, Moscow, TsEMI RAN, 2020, pp. 70–73 (in Russ.).

17. Kleiner G. B., Rybachuk M. A., Ushakov D. V. Psychological factors of economic behavior: a systemic view, *Terra Economicus*, 2018, Vol. 16, No. 1, pp. 20–36 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-1-20-36

18. Ushakov D. V., Lobanov A. G. Price of intellect: from psychological to economic categories, *Psychological Science and Education*, 2009, No. 4, pp. 15–30 (in Russ.).

19. Nureev R. M. Russian universities: yesterday, today, and tomorrow, *Interdisciplinarity in the modern social-humanitarian knowledge – 2017 (Academic world in interdisciplinary practices)*, works of the 2nd annual All-Russia scientific conference (Rostov-on-Don, June 22–24, 2017): in 3 vol. Vol. 1: Plenary reports, Southern Federal University, ed. E. Yu. Bazhenova, Rostov-on-Don; Taganrog, Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2017, pp. 145–158 (in Russ.).

20. Balatskii E. V., Ekimova N. A. Competition of the socio-economic universities in Russia, *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2018, Vol. 88, No. 10, pp. 897–907 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.31857/S086958730002146-8

21. Balatskii E. V., Ekimova N. A. World Class Universities: Experience of Identification, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, Vol. 62, No. 1, pp. 104–113 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-104-113

22. Balatskii E. V., Ekimova N. A. Global competition of universities in the mirror of international rankings, *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2020, Vol. 90, No. 8, pp. 726–738 (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.31857/S0869587320080022

23. Borte G. R., Okhrimenko S. A., Zhuravlev N. V., Bazhenova E. Yu., Bazhenov S. V. Shadow digital economy, *Interdisciplinarity in the modern social-humanitarian knowledge – 2020 (Intellect in the digital world: influence, management, development)*, works of the 5th International scientific conference (Rostov-on-Don, November 19–21, 2020): in 3 vol. Vol. 3. Materials of discussions. Southern Federal University, ed. E. Yu. Bazhenova, Rostov-on-Don; Taganrog, Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2020, pp. 140–152 (in Russ.).

24. Kobylko A. A. Business ecosystems in the digital economy: stages of development and self-regulation. *Interdisciplinarity in the modern social-humanitarian knowledge – 2020 (Intellect in the digital world: influence, management, development)*, works of the 5th International scientific conference (Rostov-on-Don, November 19–21, 2020): in 3 vol. Vol. 3. Materials of discussions. Southern Federal University, ed. E. Yu. Bazhenova, Rostov-on-Don; Taganrog, Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2020, pp. 162–170 (in Russ.).

25. *Interdisciplinarity in the modern social-humanitarian knowledge – 2020 (Intellect in the digital world: influence, management, development)*, works of the 5th International scientific conference (Rostov-on-Don, November 19–21, 2020): in 3 vol., Southern Federal University, Rostov-on-Don; Taganrog, Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta (in Russ.).

Дата поступления / Received 25.12.2020
Дата принятия в печать / Accepted 02.02.2021
Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2021

© Баженова Е. Ю., 2021
© Bazhenova E. Yu., 2021

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ / INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Нижегородская академия МВД России, Саратовская государственная юридическая академия, Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», издательство «Проспект» **22–25 сентября 2021 года** проводят
XXIII Международный научно-практический форум «Юртехнетика»
в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба на тему

«ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ (ДОКТРИНА, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА)»

На обсуждение выносятся следующие вопросы:

– понятие правотворческой экспертологиии: спорные проблемы ее дефинирования;

– правотворческая экспертиза и экспертиза в правотворчестве: доктринальные и технико-юридические линии соотношения;

– цель и задачи правотворческой экспертизы;

– функции правотворческой экспертизы;

– принципы правотворческого экспертирования;

– процесс правотворческой экспертизы: общее и частное;

– правовая экспертология как направление научных исследований и средство поиска истины;

– соотношение правотворческой экспертологии и гуманитарной экспертизы;

– теоретико-методологическая основа научного осмысления правовой экспертизы нормативных правовых актов;

– правовая природа экспертизы нормативных правовых актов;

– общая теория экспертизы правотворческой деятельности;

– частные методики экспертизы правотворческой деятельности;

– аксиологические аспекты правовой экспертизы нормативных правовых актов;

– место правотворческой экспертологии в совершенствовании политической системы России;

– правовая экспертиза нормативных правовых актов как научная категория;

– правовая экспертиза нормативных правовых актов как правовая доктрина;

– правовая экспертиза нормативных правовых актов как инструмент повышения эффективности правотворчества;

– правовая экспертиза нормативных правовых актов как стадия правотворческого процесса;

– техника и технология проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов;

– усовершенствование правовой экспертизы нормативных правовых актов с учетом зарубежного опыта;

ISSN 1993-047X (Print) / ISSN 2410-0390 (Online)

– правовая экспертиза нормативного правового акта как превентивная процедура решения юридической коллизии;

– технологии координации экспертной деятельности участников законотворческого процесса;

– формы и технико-юридические средства специальной подготовки экспертов в сфере правотворческой деятельности;

– разработка квалиметрических критериев качества правотворческого акта как базы компетентного юридического экспертирования;

– законодательное регулирование экспертной деятельности современной России: состояние и перспективы совершенствования;

– проблемы обеспечения независимой экспертизы актов правотворчества;

– эстетическая экспертиза содержания и формы правотворческого акта;

– коллизионная правотворческая экспертиза;

– правотворческая экспертиза, связанная с рисковой юридически значимой деятельностью;

– система экспертных государственных органов и общественных объединений: пути совершенствования;

– экспертная функция РАН (правовые аспекты);

– дефекты нормативной правовой базы, регламентирующей экспертную деятельность РАН

и другие.

Кроме традиционных пленарной сессии, круглых столов, предполагается организация других дискуссионных площадок.

Форум состоится в загородном отеле «Дубки».

Заявки направлять: baranov_prof@bk.ru

Материалы форума будут опубликованы в шестнадцатом выпуске ежегодника «Юридическая техника», индексированы в РИНЦ и освещены в обзоре журнала «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России» (включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, на соискание ученой степени доктора юридических наук) либо в обзоре журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии (включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, на соискание ученой степени доктора юридических наук).

Программа форума будет размещена **20 сентября 2021 года** на сайтах:

– Нижегородской академии МВД России (https://на.мвд.рф/);

– Саратовской государственной юридической академии (http://www.сгюа.рф);

– Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (www.jurtech.org).

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем журнала является частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова». Издатель – ООО «Татарский центр образования «Таглимат».

Тематика журнала представлена в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двойное слепое) всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим специальностям:

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ: 08.00.01 Экономическая теория; 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; менеджмент).

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Для публикации научной статьи автор (авторы), согласно приведенным ниже требованиям, должен оформить необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней.

Рукопись оформляется строго в соответствии с правилами оформления материалов, а аннотация – в соответствии с приведенным на сайте apel.ieml.ru образцом.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Объем статьи должен быть не менее 0,5 авторского листа (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами) и не более 1 авторского листа (40 000 печатных знаков).

Сопроводительные документы к рукописи статьи должны включать в себя:

- авторские справки на каждого автора;
- статус аспиранта должен быть подтвержден справкой об учебе в аспирантуре, заверенной подписью руководителя организации и печатью;
- заявление;
- согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных.

Вышеперечисленные материалы предоставляются в электронном виде через форму на сайте. Если не удается отправить файлы через эту форму, материалы можно присылать на e-mail: aimurzaeva@ieml.ru

Автор, направляющий статью в журнал «Актуальные проблемы экономики и права», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: http://www.elibrary.ru), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Если у авторов при написании статьи упоминаются запрещенные в Российской Федерации организации (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), то после первого упоминания такой организации в статье обязательно должна быть ссылка на то, что «деятельность данной организации запрещена на территории РФ».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф. А4 с одной стороны. Шрифт PT Astra Serif, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст …

2. Текст …

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – 150 слов и более. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Подробнеее см. на сайте журнала: apel.ieml.ru

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения издания в редакции достаточно передать туда письмо-заявку о желании получать журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглимат» 400 руб. за один экземпляр с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40702810762000000536, К/счет 30101810600000000603. Отделение «Банк Татарстан» № 8610 (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию издания.

Журналы будут высылаться по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

GENERAL INFORMATION

about the Journal "Actual Problems of Economics and Law"

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. The founder of the Journal is the private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov". The publisher is "Tatar Center for Education "Taglimat" Ltd..

Titles and contents of sections correspond to branches of science and groups of specialties of scientists according to Nomenclature of specialties for scientists.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

The journal accepts articles in the following specialties for publication:

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES: 08.00.01 Theory of economics; 08.00.05 Economics and management of national economy (economy, organization and management of enterprises, sectors, complexes; management of innovations; regional economy; management).

12.00.00 LEGAL SCIENCES: 12.00.01 Theory and history of law and state; history of doctrines of law and state; 12.00.03 Civil law; entrepreneurship law; family law; international private law; 12.00.08 Criminal law and criminology; criminal-execution law.

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office for 5 years.

Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

The Journal adheres to editorial ethics standards in compliance with the international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Ethics of scientific publications, Association of scientific editors and publishers (RASEP).

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal "Actual Problems of Economics and Law"

The article is submitted to the Executive secretary of the Journal «Actual Problems of Economics and Law» (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The manuscript should be prepared in strict conformance with the rules listed in rules of registration of the materials, and the summary in accordance with the example given in the web-site apel.ieml.ru (summary example).

The Editorial Board reserves the right not to review the articles prepared with violations of the Rules.

The article should be no less than 0.5 author's sheets (20 000 characters, including spaces) and no more than 1 author's sheet (40 000 characters).

Accompanying documents include the following:

- author's profile for each author. It should contain the address and telephone number at the working (studying) place, as well as contact telephone number and e-mail;
- the status of a post-graduate student should be confirmed by a certificate of the post-graduate course, signed by the head of the organization and stamped.
- application.
- letter of consent of the personal data subject for processing the personal data.

The listed documents are submitted electronically at web-page. If the materials cannot be loaded to the web-page, they can be submitted to aimurzaeva@ieml.ru.

Thus the author submitting an article to the Journal «Actual Problems of Economics and Law» expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: http://www.elibrary.ru), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

If in the text of the article the author mentions any organizations prohibited in the Russian Federation (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), then after the first mention of such organization in the article there must be a note that «The functioning of this organization is prohibited on the territory of the Russian Federation».

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has-obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY

(according to ГОСТ 7.5-98 "Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials")

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format and printed on standard A4 sheets, on one side. Type PT Astra Serif, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indention – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indention with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text …

2. Text …

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. The pictures can be placed in the text only with the help of editors reliably compatible with Word editor. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The summary volume is not more than 10 lines. It is published at the beginning of the article under the heading. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION

to the Journal "Actual problems of Economics and Law"

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue «Press of Russia». The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of «Tatar Educational Centre «Taglimat»» Ltd, with a mark «The Journal «Actual Problems of Economics and Law»».

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40702810762000000536, Corr Acc 30101810600000000603. Otdeleniye «Bank Tatarstan» #8610 (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent «collect on delivery».

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer's address or to any other address per procurationem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru